

**Вестник Южно-Российского
государственного технического
университета (НПИ).**

**Серия:
Социально-экономические
науки**

**Bulletin
of the South Russian
State Technical
University (NPI).
Series:
Socio-Economic Sciences**

Научный журнал

**2022 год Том 15 Выпуск 3
DOI: 10.17213/2075-2067-2022-3**

Учредитель и издатель

Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова,
г. Новочеркасск, Россия

Главный редактор

Воденко Константин Викторович,
доктор философских наук, профессор
vodenkok@mail.ru

Издание зарегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ №ФС 77-37943

Издается с 2008 года
Выходит 6 раз в год

В номере:

Социология
Экономика
Философия

Журнал включён ВАК при Минобрнауки
РФ в Перечень российских рецензируемых
научных журналов, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук

Издание включено в систему Российского
индекса научного цитирования (РИНЦ)

Подписной индекс в каталоге агентства
«Пресса России» — 10228

ISSN 2075-2067

Ответственный секретарь

И. И. Сальникова

Верстка и редакция

В. Г. Рыжкова, Е. Н. Азарова

Адрес редакции и издателя

346428, Россия, Ростовская обл.,
г. Новочеркасск, ул. Просвещения, д. 132
vestnik-npi@yandex.ru

Выход в свет 28.06.2022 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Воденко Константин Викторович, доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия (главный редактор);

Абакумова Ирина Владимировна, академик РАО, Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Архипова Марина Юрьевна, доктор экономических наук, профессор, Высшая школа экономики, Москва, Россия;

Ван Лэй, PhD, Чаньчуньский инженерно-технологический институт, Чанчунь, Китай;

Волков Юрий Григорьевич, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Голенко-Гинзбург Дмитрий Исаакович, доктор технических наук, профессор, Университет имени Бен-Гуриона провинции Негев, Беер-Шева, Израиль;

Дергачева Елена Александровна, доктор философских наук, доцент, профессор РАН, Брянский государственный технический университет, Брянск, Россия;

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Иванченко Ольга Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия (зам. главного редактора);

Ивушкина Елена Борисовна, Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Ковалев Виталий Владимирович, доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Комиссарова Мария Анатольевна, доктор экономических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Мемпель-Снежик Анна, PhD, Вроцлавский экономический университет, Вроцлав, Польша;

Нижегородцев Роберт Михайлович, доктор экономических наук, доцент, Института проблем управления РАН, Москва, Россия;

Осмонова Нургул Исраиловна, доктор философских наук, профессор, Российско-Киргизский славянский университет, Бишкек, Киргизия;

Попкова Елена Геннадьевна, доктор экономических наук, профессор, Институт научных коммуникаций, Волгоград, Россия; Российский экономический университет имени В. Г. Плеханова, Москва, Россия;

Почтовюк Андрей Борисович, доктор экономических наук, профессор, Кременчугский национальный университет имени Михаила Остроградского, Кременчуг, Украина;

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Московский государственный социальный университет, Москва, Россия;

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия;

Силантьева Маргарита Вениаминовна, доктор философских наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия;

Скорик Александр Павлович, доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Сорвилов Борис Владимирович, д. э. н., профессор, Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель, Белоруссия;

Степан Каван, PhD, Университет Южной Богемии в Ческе-Будеевице, Ческе-Будеевице, Чехия;

Сухарев Олег Сергеевич, доктор экономических наук, профессор, Институт экономики РАН, Москва, Россия;

Тихоновскова Светлана Александровна, кандидат экономических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Череповицын Алексей Евгеньевич, доктор экономических наук, профессор, Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербург, Россия;

Черных Сергей Сергеевич, доктор философских наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Щербакова Лидия Ильинична, доктор социологических наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Юлиус Раманаускас, Dr. hab., Университет имени А. Стуглинскаса, Каунас, Литва;

Сальникова Инна Ивановна, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия (ответственный секретарь).

**ВЕСТНИК ЮЖНО-РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА (НПИ)
СЕРИЯ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ**

vestnik-npi@yandex.ru

2022 год Том 15 Выпуск 3

Содержание

Contents

Теоретическая и прикладная социология	Theoretical and Applied Sociology
Исакова О. В. Фактор риска в стратегиях самоорганизации российской молодежи.....7	Isakova O. V. Risk Factor in the Strategies of Russian Youth Self-organization.....7
Каменева Т. Н., Селюков М. В., Шалыгина Н. П. Социальные риски экономического поведения семьи в условиях пандемии.....16	Kameneva T. N., Selyukov M. V., Shalygina N. P. Social Risks of Economic Behavior of a Family in a Pandemic.....16
Левшин В. С. Социальная справедливость в современном мире: теоретико- методологические аспекты.....27	Levshin V. S. Social Justice in the Modern World: Theoretical and Methodological Aspects.....27
Некрасова И. Н., Крольман М.Л. Проблема демократичности российской избирательной системы.....34	Nekrasova I. N., Krolman M. L. The Problem of Democraticity of the Russian Electoral System.....34
Рожабова К. Э. Туристские практики в молодежной среде на Юге России: особенности, типы, приоритеты.....45	Rozhabova K. E. Tourism Practices among Young People in the South of Russia: Features, Types, Priorities.....45
Узунов В. В. Социальная консолидация как предмет социологической рефлексии.....53	Uzunov V. V. Social Consolidation as a Subject of Sociological Reflection.....53

Шарков И. Г., Томила Л. Б. Палестинские чтения на Дону в конце XIX — начале XX веков: история, динамика и социокультурное значение для региона.....63	<i>Sharkov I. G., Tomilina L. B.</i> Palestinian Readings on the Don in the Late XIX — Early XX Centuries: History, Dynamics and Socio-Cultural Significance for the Region.....63
---	--

Щербакова Л. И. Подготовка молодых технологических предпринимателей в стратегии развития университета: институциональные и социокультурные аспекты.....81	<i>Shcherbakova L. I.</i> Training Young Technological Entrepreneurs in the University Development Strategy: Institutional and Socio-Cultural Aspects.....81
---	--

Экономика и управление

Economics and Management

Андреанова Ю. О. Государственное регулирование и пути повышения социально-экономической эффективности системы образования современной России.....91	<i>Andrianova Yu. O.</i> State Regulation and Ways to Improve the Socio-Economic Efficiency of the Education System of Modern Russia.....91
---	---

Бондаренко В. А., Гузенко Н. В., Романишина Т. С. Вопросы формирования ключевых трендов развития регионов России по направлению социальной сферы.....100	<i>Bondarenko V. A., Guzenko N. V., Romanishina T. S.</i> Issues of Formation of Key Trends in the Development of Russian Regions in the Direction of the Social Sphere.....100
--	---

Боровая Л. В. Воспроизводство научных кадров в эпоху трансформации: роль высшей школы.....125	<i>Borovaia L. V.</i> Training of Scientific Personnel in the Era of Transformation: the Role of Higher Education.....125
---	---

Голощанова Л. В., Зацаринная Е. И. Приемка и экспертиза результатов исполнения контракта государственных закупок: обзор изменений и практика их применения.....136	<i>Goloshchapova L. V., Zatsarinnaya E. I.</i> Acceptance and Examination of the Results of the Execution of the Public Procurement Contract: Overview of Changes and Practice of Their Application.....136
--	---

Долматова Л. Г., Мамадиев А. Х. Основные аспекты развития земельно-ипотечного кредитования в аграрном секторе экономики.....153	<i>Dolmatova L. G., Mamadiev A. Kh.</i> Main Aspects of the Development of Land and Mortgage Lending in the Agricultural Sector of the Economy.....153
---	--

Евлоева А. Х. Институциональные ловушки при реализации инвестиционной стратегии домашних хозяйств.....161	<i>Evloeva A. Kh.</i> Institutional Pitfalls in the Implementation of Household Investment Strategy.....161
---	---

Закондырин А. Е. Основы организационно-экономического	<i>Zakondyrin A. E.</i> Fundamentals of the Organizational and
---	--

механизма экологизации минерально-сырьевого комплекса.....169	Economic Mechanism of Greening of the Mineral Resource Complex.....169
Клеева Л. П. Формирование потребительского спроса как элемент целеполагания при создании региональной стратегии социально-экономического развития.....179	Kleeva L. P. Features of Goal-Setting in the Formation of a Regional Strategy for Socio-Economic Development.....179
Сафронкина Е. И., Долматова Л. Г. Социально-экономические аспекты развития малых форм хозяйствования в аграрной сфере общественного производства.....188	Safronkina E. I., Dolmatova L. G. Socio-Economic Aspects of the Development of Small Forms of Business in the Agrarian Sphere of Public Production.....188
Сухарев О. С. Социальная политика интенсификации экономического роста.....197	Sukharev O. S. Social Policy of Intensification Economic Growth.....197
Яцечко С. С. Особенности и перспективы развития института государственно-частного партнерства в цифровую эпоху.....213	Yatsechko S. S. Features and Prospects of Development of the Institute of Public-Private Partnership in the Digital Age.....213

Философская инноватика

Philosophical innovation

Гурба В. Н. Денацификация Украины: политико-философский контекст.....223	Gurba V. N. Denazification of Ukraine: Political and Philosophical Context.....223
Дидык М. А., Мурадян О. А. Образовательная модель университета: вызовы современного мира.....233	Didyk M. A., Muradyan O. A. Educational Model of the University: Challenges of the Modern World.....233
Левандина И. А., Чеботурова И. А. Личность Петра Первого в формировании культурного кода Донского региона.....242	Levandina I. A., Cheboturova I. A. The Personality of Peter the Great in the Formation of the Cultural Code of the Don Region.....242
Поликарпова Е. В., Поликарпов В. С., Крылова И. В. Фрактальный характер искусства и сознание молодёжи.....249	Polikarpova E. V., Polikarpov V. S., Krylova I. V. Fractal Nature of Art and the Consciousness of Young People.....249
Поломошнов А. Ф., Панычик А. В. Социокультурная идентичность российской семьи.....265	Polomoshnov A. F., Panychik A. V. Socio-Cultural Identity of the Russian Family.....265

Поломошнов П. А., Кравцова А. М. Социокультурные трансформации современной российской семьи.....274	Polomoshnov P. A., Kravtsova A. M. Socio-Cultural Transformations of the Modern Russian Family.....274
Тихоновская М. П. Тренды современного социокультурного развития как угрозы духовной безопасности личности и общества.....284	Tikhonovskova M. P. Trends of Modern Socio-Cultural Development as a Threat to the Spiritual Security of the Individual and Society.....284
Шевченко Л. В. Гражданская культура как ресурс инновационного развития российского общества.....294	Shevchenko L. V. Civil Culture as a Resource of Innovative Development of Russian Society.....294

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ СОЦИОЛОГИЯ THEORETICAL AND APPLIED SOCIOLOGY

Научная статья

УДК 316.346.32-053.6

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-3-7-15

ФАКТОР РИСКА В СТРАТЕГИЯХ САМООРГАНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Ольга Владимировна Исакова

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия
olga_srstu@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2468-3689, AuthorID РИНЦ: 753068*

Аннотация. *Целью исследования* является обоснование влияния фактора риска на выбор поведенческих и ментальных установок принятия самоорганизации российской молодежью.

Методологическую базу исследования представляет теория риска, возникшая в зарубежной социологической мысли в 60–70-е годы XX века, а также положения концепции риска российских исследователей В. И. Чупрова, Ю. А. Зубок, К. А. Смакотиной, О. Э. Яницкого.

Результаты исследования. Автор статьи исходит из того, что в современных условиях, как показывают результаты социологических исследований, молодые россияне ориентируются на риск как неопределенность в принятии организационно-нормативных и идеолого-ценностных параметров самоорганизации. В данном контексте делается вывод о том, что фактор риска не только является внешним (фоновым) показателем, но и интегрирован в структуры самоорганизации молодежи как доминанта социального действия, что имеет последствием фрагментированность пространства самоорганизации молодежи и вносит осложнения в диалог молодежи и властных и общественных институтов, ориентированных на формальные регуляторы деятельности.

Перспективы исследования. Работа открывает перспективы для дальнейшего исследования процессов самоорганизации российской молодежи.

Ключевые слова: российская молодежь, структуры самоорганизации, фактор риска, неформальные нормы и правила, формальные регуляторы

Для цитирования: Исакова О. В. Фактор риска в стратегиях самоорганизации российской молодежи // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 3. С. 7–15. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-7-15>.

Original article

RISK FACTOR IN THE STRATEGIES OF RUSSIAN YOUTH SELF-ORGANIZATION

Olga V. Isakova

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
olga_srstu@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2468-3689, AuthorID RSCI: 753068*

Abstract. *The purpose of the study is to substantiate the risk factor influence on the choice of behavioral and mental attitudes of self-organization acceptance by Russian youth.*

The methodological basis of the study *is the theory of risk, which arose in foreign sociological thought in the 60–70s of the twentieth century, as well as the risk concept provisions of Russian researchers V.I. Chuprova, Yu. A. Zubok, K. A. Smakotina, O. E. Yanitsky.*

Research results. *The author of the article proceeds from the fact that in modern conditions, as the results of sociological studies show, young Russians focus on the risk, as uncertainty in the adoption of organizational-normative and ideological-value parameters of self-organization. In this context, it is concluded that the risk factor is not only an external (background) indicator, but is also integrated into the structures of youth self-organization as a dominant social action, which results in fragmentation of the youth self-organization space and introduces complications into the dialogue between youth and government and public institutions, focused on formal regulators of activity.*

Research prospects. *The work opens up prospects for further research into the processes of self-organization of Russian youth.*

Keywords: *Russian youth, self-organization structures, risk factor, informal norms and rules, formal regulators*

For citation: *Isakova O. V. Risk factor in the strategies of Russian youth self-organization // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(3): 7–15. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-7-15>.*

Введение. Российская молодежь составляет 34,8%¹ населения страны и является, по определению В.И. Чупрова и Ю.А. Зубок, группой социального воспроизводства. На молодежь возлагается миссия закрепления и становления сложившихся социальных и социально-трудовых отношений и приумножение ресурсной базы социального развития. Вместе с тем, подчеркивая социально-демографические диспропорции, связанные с вступлением во взрослую жизнь малочисленных постсоветских поколений, можно констатировать, что молодежь как группа социального воспроизводства характеризуется противоречивыми, асимметричными параметрами. Наблюдается не только отклонение

от «предписанной» социально-воспроизводительной функции, но и влияние фактора риска на активность молодежи, на выстраивание ее поведенческих стратегий, на перспективы интеграции в общество.

Под фактором риска понимается влияние на поведение и настроение молодежи совокупности условий, которые содержат негативные, непредсказуемые для общественной жизни и позиции молодежи в обществе последствия. Подчеркивая, что в молодежной среде существуют реальные проблемы наркомании, алкоголизации, суицида, нельзя останавливаться только на девиантном поведении отдельных групп молодежи. Важное значение имеет и встраивание фактора риска в процесс

¹ Источник: Данные Федеральной службы государственной статистики.

самоорганизации молодежи, в то, что неформальные нормы и правила, актуализируемые в молодежной среде и обеспечивающие самостоятельность молодежи в поиске жизненных приоритетов и целей, принимают рискогенный характер, сопровождаются не только частичными эксцессами отклоняющегося поведения, но и выстраиваются в систему альтернатив испытанным обществом схем интеграции и взаимодействия молодежи.

В первую очередь это касается молодежного экстремизма, принимающего новый облик и не связанного с традиционными идеологическими течениями. Об этом свидетельствует тот факт, что в самоорганизации молодежи проявляется уход от видимых организационных и идеологических ориентиров, что риск порождается в молодежных течениях, казалось бы, далеких от общественно-политического дискурса (фанаты, представители альтернативных субкультур). Таким образом, актуальность осмысления фактора риска как совокупности условий, порождающих неопределенность, непрогнозируемость и негативные ожидания в самоорганизации молодежи, имеет основание в том, что осложняется процесс диалога между формальными и неформальными регуляторами поведения молодежи. Это проецируется на эффективность молодежной политики и изменяет отношение общества к молодежи и молодежи к обществу.

Фактор риска способствует созданию новых организационных реальностей молодежи. Нельзя при этом уповать на то, что экстремистские течения охватывают незначительное количество молодежи, так как имеют способность к инвазии, завоеванию умов молодежи, получению поддержки и порождают чувство апатии, разочарования, недоверия к действующим социальным и властным институтам [1].

Методология исследования. В изучении представленного феномена особое значение имеет теория риска, возникшая в зарубежной социологической мысли в 60–70-е годы XX века. М. Дуглас, У. Бек, А. Турен, Э. Гидденс определяли теоретическую реконструкцию риска как включение фактора неопределенности в систему рационализма, где привычные калькулируемость, ожидаемость,

соизмеримость определяются через ценностно-рациональный контур [4]. Для определения качественных и количественных рисков по сравнению с самоорганизацией молодежи в российском обществе аналитическим и объяснительным потенциалом выступают положения концепции риска российских исследователей В. И. Чупрова, Ю. А. Зубок, К. А. Смакотиной, О. Э. Яницкого [4]. Вводится понятие самоорганизации молодежи как совокупности поведенческих стратегий, направленных на использование неформальных правил и регуляторов в конструировании и функционировании молодежных структур. Под риском самоорганизации молодежи понимается влияние непредсказуемости, неопределенности рационального определения и контроля поведенческих стратегий молодежи в контексте ее самоорганизации.

Важными исследовательскими моментами выступают, во-первых, исследование поведенческих стратегий молодежи как системы социальных диспозиций, направленных на актуализацию целей и ценностей самоорганизации молодежи на основе риска как формулы «опасности — прибыли». В этом смысле исследуется структура норм и ожиданий, касающихся риска в системе самоорганизации, уровень групповой идентификации, осознания принадлежности к группе на основе принятия риска и рискогенности, механизмов саморегулирования и контроля рисков.

Фактор риска в неформальных регуляторах самоорганизации молодежи. Подчеркивая, что постсоветский период характеризуется возникновением неформальных (находящихся вне влияния официальных государственных структур) организаций и движений молодежи, в то же время следует отметить, что «золотой век» самоорганизации молодежи миновал, так как постепенно ослабели факторы выбора самоорганизации в качестве альтернативы сложившимся организационным формальным нормам.

Это связано, во-первых, с тем, что волна самоорганизации молодежи приходилась на позднесоветский и ранний постсоветский периоды, а это имело причиной крушение авторитета молодежных организационных структур советского периода и ухода молодежных проблем из-под контроля государс-

тва. Во-вторых, с интересом к переносу зарубежных моделей самоорганизации молодежи на российскую почву. В-третьих, с повышенным ожиданием по поводу реализации интересов и потребностей молодежи через структуры самоорганизации. В этом контексте последующий опыт показал, что самоорганизация российской молодежи характеризуется асимметричностью формальных и неформальных регуляторов, что воспроизводится традиционный способ организации молодежи «сверху» в условиях конфликтности, раздробленности и неавторитетности возникающих структур самоорганизации. Обнаружилось, что имплементация зарубежного опыта самоорганизации слабо прививается на российской почве, поскольку предполагает принятие ценностей и приоритетов, расходящихся с господствующими в массовых настроениях социальными и нравственно-ценностными установками.

На траектории самоорганизации молодежи повлияла неэффективность самоорганизационных норм, апробируемых как включение механизмов гражданской активности молодежи. Самоорганизация молодежи вступила в период бифуркации, которая характеризуется, с одной стороны, постепенной интеграцией с существующими формальными структурами (об этом говорит опыт движений начала 2000 годов «Идущие вместе», «Наши», которые формировались за счет привлечения активистов из неформальных объединений, и интегрирующего элемента — неформальной заинтересованности молодежи в проведении демонстративных молодежных акций). С другой стороны — действующие независимые ассоциации молодежи остались на локализованном уровне, реализуя стратегию малых изолированных групп.

На самоорганизацию российской молодежи мощное влияние стало оказывать включение в интернет-структуры. Согласно социологическим опросам, интернет-пользователями являются более 75% россиян. Виртуализация социального пространства молодежи привела к тому, что возникла тенденция ситуативной самоорганизации молодежи, создание и распад групп интересов, принадлежности к интернет-форумам и сайтам. В молодежной среде приоритетом стали критерии презентационности, что привело к сме-

щению неформальных регуляторов в сторону драйва, акционизма, участию в единичной акции. Таким образом, неформальные регуляторы, понимаемые как конвенциональные установки молодежи на основе согласования интересов, доступа к ресурсам и выстраивания системы отношений авторитета и равенства, изменились.

В нынешней ситуации для самоорганизации молодежи неформальные нормы и правила связаны с отличием от формальных организационных норм, включающих нерегулярное добровольное участие, возможность перемены организационной идентификации и свободы выбора. Есть и второе существенное обстоятельство, связанное с тем, что наблюдается экспансия неформальных норм, сопровождаемая влиянием неопределенности. В неформальных нормах и регуляторах риск проявляется в том, что отсутствуют центры авторитета, иерархии неформальных норм, притяжения молодежи. Следствием является дробление, сжимание в пределах микрогрупп, процесс добровольной и вынужденной индивидуализации.

В контексте вышесказанного можно говорить о том, что неформальные нормы и регуляторы становятся фактором рискогенного воздействия на молодежь, усиливают нестабильность поведения и настроений, способствуют снижению уровня внутригрупповой солидарности и ответственности. Между этими состояниями находится широкое поле неопределенности. Обращаясь к материалам социологических исследований, можно говорить о том, что неформальные нормы и регуляторы утрачивают состояние рефлексивности, подвергнуты ситуативному рационализму, принятию реактивных установок. Речь идет, таким образом, о переходе от состояния определенности в построении неформальных норм и регуляторов, связанных с социальной рефлексивностью, к спонтанности, принятию формулы «действия без осмысления».

В соответствии с формулой активизма, противостояния адаптации как смирения перед обстоятельствами, самоорганизация становится переопределением неформальных правил и установок, а неопределенность воспринимается в качестве имманентного фактора самоорганизации. В восприятии молодежи самоорганизация ассоциируется

с возможностями ухода от жестких правил и обязанностей, с отказом от стабильной идентичности и невозможности контроля над личностными и групповыми ресурсами в условиях неопределенности.

Таким образом, с риском связывается чувство защищенности на локализованном уровне на основании критерия соотнесения опасности и выгоды. Необходимо отметить, что согласно социологическим исследованиям, институционализированные формы гражданского участия не вызывают доверия у молодежи: более 60% молодых россиян считают деятельность общественных организаций не приносящей реальной пользы, либо вовсе ничего не знают об их существовании². Такие низкие показатели определяются тем, что молодые россияне склонны в условиях неопределенности, возмущающих факторов понимать выбор как свободу от обязательств и ограничений и рассматривать самоорганизацию как минимально затратный и безопасный путь удовлетворения интересов и амбиций.

Можно говорить о том, что в нынешней ситуации самоорганизация молодежи характеризуется отходом от выработки солидаристских и имеющих контролирующей, социально-правовой и социокультурный потенциал норм. В этом можно убедиться, когда речь заходит о субкультурных группах молодежи, занимающих позицию демонстративного неприятия и не столько ухода от формальных норм, сколько попыток через акционизм продемонстрировать позицию независимости. Риск заключается в том, что формы социального контроля оказываются неэффективными, так же, как и к участникам движений трудно применить критерий нравственной ответственности в условиях, когда неформальные нормы становятся релевантными, относительными, не обязывают к определению гражданских позиций.

Характеризуя этот аспект, можно говорить о том, что риск как совокупность установок изменяет диспозиции молодежи в системе самоорганизации. Неформальные лидеры перестают рассматриваться как ресурс обновления молодежного движения

и от самоорганизации молодежи перестают исходить низовые инициативы, способствующие изменению молодежной политики. Характерно, что действующий в России институт социального волонтерства молодежи ориентируется на принятие установок гражданского участия, имеющих определенные организационные параметры и нацеленность на возможность диалога с государственными структурами. В то же время в движении волонтерства обнаруживаются ограничения регулярности, отсутствие координации, конкурентной среды для возникновения лидерства.

Другими словами, принятие неопределенности в качестве исходной позиции влияет на осознание молодежью перспектив волонтерства, отношение к участию в волонтерстве как социальному ресурсу личности. Риск проявляется в том, что волонтерство может ограничиваться участием в экстремальных акциях, а не быть направленным на социально-альтруистическую деятельность. В условиях дефицита взаимодействия конструктивного сотрудничества с властными и социальными институтами структуры самоорганизации не демонстрируют понимания того, что преодоление рисков как неопределенности в самоорганизации связано с запросом на кредит доверия общества, способность объяснить обществу, какие процессы происходят в структуре самоорганизации, сформулировать ясную цель, определить направление дальнейшего развития в процессе интеграции молодежи в общество.

Можно предположить, что фактор риска оказывает двойственное влияние на перспективы самоорганизации молодежи. С одной стороны, расширяется возможность для принятия самостоятельных решений, формулирования новых интересов и ожиданий со снятием ограничений полей деятельности, с другой — очевидно, что, действуя с позиции ситуативной логики, формула «абсолютной свободы», принятия риска как стимулятора действия, приводит к удлинению социальной дистанции молодежи, нацеленной на самоорганизацию, от реальных проблем молодежи в обществе и перспектив эффективной мо-

² Страна неравнодушных [Электронный ресурс] // Общество. Аналитический обзор. ВЦИОМ новости. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/strana-neravnodushnykh>.

лодежной политики. Барьер недоверия между молодежью и действующими социальными и правовыми институтами возрастает, и следствием является формирование ситуации взаимного недоверия и непонимания, при которой властные институты настраиваются на политику оптимального контроля над деятельностью молодежных структур и отказа видеть в структурах самоорганизации ресурс для интеграции молодежи в общество.

Нынешняя ситуация в молодежной среде коренным образом отличается от 90-х годов XX века, поскольку государственная политика, основанная на нейтралитете, невмешательстве государства в дела молодежи и молодежи в дела государства, остается в прошлом [2]. Общество минуло период острого порядка, и факторы планирования и решения молодежных проблем строятся на вертикально интегрированном эффекте, на иерархии молодежных структур, которые предполагают определенную унификацию, содержание действий, запланированность событий и ограничивают то, что препятствует реализации избранных целей.

Желательным эффектом самоорганизации молодежи является обеспечение ее интересов и прав при гарантии регулятивного значения формальных норм, упорядочивающих флуктуации в молодежном движении. Половина молодых россиян испытывает интерес к деятельности молодежных организаций, но осторожно относится к вовлечению в бессмысленные или вызывающие эффект неправомерного действия акции. Принятие риска в формировании стратегии молодежи имеет краткосрочные позитивные последствия в том, что формируется хотя и малочисленный, но крепкий актив. Вместе с тем ограничиваются перспективы самоорганизации на уровне локализованных малых групп. Движение самоорганизации перестает быть формой перехода на более высокий организационный уровень, ориентированный на решение не только единственной проблемы действий, но и на принятие деятельности структур самоорганизации в качестве позитивного примера для молодежи.

Как показывают результаты социологических исследований, несмотря на то, что в провинциальной России концентрируется неудовлетворенность молодежи жизненными

перспективами, а институциональные условия не стимулируют активность молодежи, локализованность структур самоорганизации на столичном уровне вызывает недоверие и апатию молодежи, не определяет их стремление актуализировать собственный человеческий капитал (35% молодых провинциалов не испытывают доверия к имеющей столичное происхождение системе социальных сетей [3]). Несмотря на то, что система формальных правил не оказывает большого влияния на готовность молодежи к социальной активности, не прослеживается тенденция к росту интереса к структурам самоорганизации. Так, лишь 22% молодых провинциалов видят в структурах самоорганизации возможность роста осознания жизненных перспектив, формирования когнитивных и некогнитивных навыков, определяющих социальное взросление молодежи [3].

Памятуя об известном выражении американского философа XX века Дж. Дьюи, что демократия — это нечто большее, чем форма правления, и в первую очередь — способ ассоциативной жизни, коммуникативно закреплённый общий опыт [6], можно говорить о том, что риск в структуре самоорганизации российской молодежи и сужает возможности ассоциативной жизни, направленной на создание общего пространства самоорганизации, и обесценивает коммуникативно закреплённый опыт, который в позитивном измерении означает расширение возможностей неформальных организаций участвовать в общественно значимых акциях и формировать предпосылки для диалога с властными социальными структурами.

Несомненно, на уровне принятия риска структуры самоорганизации находятся в ситуации нелегкого выбора альтернатив, а стремление к смене форм самоорганизации в реальности означает, что постоянно возникает явление аморфности. Сложно предположить, что структуры самоорганизации, настроенные на перемену приоритетов, меняющие направленность деятельности, могут наращивать ресурс доверия и известности в обществе. Точнее, можно говорить о том, что в такой ситуации трудно ожидать перерастания самоорганизации в организацию, имеющую общественно-политический статус.

Как писала российский исследователь И. А. Халий, в России развитие общественных организаций связано либо с поддержкой со стороны власти и представителей элит, либо с активной моральной поддержкой и развитием указанными акторами [5]. Принятие фактора риска влечет в качестве последствия то, что инициатива внешне отдается «снизу», что любая группа акторов может стать инициатором самоорганизации, но в этом контексте можно ожидать, что самоорганизация так и будет актуализирована только на уровне малой группы, обреченной на капсулирование или исчезновение, прикрытие к более сильной структуре.

Другими словами, фактор риска только внешне способствует самоорганизации молодежи, демонстрируя независимость от акторов «свыше», в реальности пространство самоорганизации дробится, становится конфликтным, но не конкурентным полем молодежных инициатив и может содержать риск радикализации, возникновения экстремистских движений как способа выделиться, показать свою силу, дать информационный повод.

Как показывает опыт социологических исследований, число радикально настроенной российской молодежи остается практически неизменным и является нестабильной базой для радикальных структур. Одни и те же люди могут состоять в нескольких организациях, и практическая рекрутация замыкается на «перевербовке» сторонников у организаций такого же типа. К сожалению, подобный принцип работы с одними и теми же распространяется и на радикальные структуры и организации, если фактор риска как неопределенности, отказа от выбора строгих идеологических и организационных ориентиров становится фактором деятельности.

Речь идет о том, что в нынешних условиях трудно ожидать от структур самоорганизации движения к перерастанию в организации общероссийского масштаба, способных заявить о представительстве интересов молодежи и участии в разработке молодежной политики. В этом смысле фактор риска является устраивающим тех, кто стремится через структуры самоорганизации как якобы оппозиционные формальным властным структу-

рам реализовать собственные амбиции и интересы или подготовить почву для ведения торга с властными структурами относительно перспектив собственной профессиональной карьеры.

Не характеризуя это положение как стратегию шантажа, можно говорить о том, что фактор риска значительно ослабляет нормативные ожидания и требования, что в качестве неформальных регуляторов перестают действовать контрактные отношения, а стремление к выработке активистских моделей поведения не основывается на создании условий для реализации мобилизационного проекта. Адекватная модель гражданской активности требует преодоления чувства растерянности и уверенности в том, что могут быть найдены основания для скачка надежд.

Заключение. Фактор риска можно рассматривать как совокупность условий, стимулирующих неопределенность и нерезлексивность в выборе регуляторов самоорганизации, что имеет следствием протеизм целей и приоритетов деятельности. Социологические исследования показывают, что структуры самоорганизации российской молодежи в условиях риска как внутреннего фактора связаны с рациональным выбором, а это влечет за собой структуру ожиданий, внешне направленных на уход от действительности, но содержащих результатом стремление вписаться в новые социальные реальности, ориентируясь на случайный рискогенный успех. Выступая критиками сложившейся системы молодежных организаций, структуры самоорганизации молодежи в условиях риска не игнорируют реальные границы движения к диалогу с властными институтами и задают реальные приоритеты для совершенствования собственного функционирования как акционизм, действие ради действия. Констатируя, что фактор риска влияет не только на повседневные стратегии молодежи и определяет «вторжение» рискогенного поведения в молодежную среду, можно сделать вывод о том, что в условиях кризисности, создающей эффект социальной неопределенности, риск как форма неприятия общественного контроля актуализирует необходимость новых подходов и оценок самоорганизации российской молодежи.

Список источников

1. Бааль Н.Б. Государственная молодежная политика как инструмент профилактики политического экстремизма в молодежной среде // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2021. №2(56). С. 121–130.

2. Исакова О.В., Загороднюк Е.В. Проблемы и риски развития структур самоорганизации молодежи на локальном уровне // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2013. №6. С. 124–128.

3. Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя / Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. М.: Весь Мир, 2018. 312 с.

4. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. 2-е изд. М.: Наука, 2003. 232 с.

5. Халий И.А. Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде. М.: Институт социологии РАН, 2007. 300 с.

6. Dewey J. Democracy and Education. N.Y.: Courier Corporation, 2004. 457 p.

References

1. Baal' N.B. Gosudarstvennaja molodezhnaja politika kak instrument profilaktiki politicheskogo jekstremizma v molodezhnoj srede [State youth policy as a tool for the prevention of

political extremism in the youth environment]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filosofija* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy]. 2021; 2(56): 121–130. (In Russ.).

2. Isakova O.V., Zagorodnjuk E.V. Problemy i riski razvitija struktur samoorganizacii molodezhi na lokal'nom urovne [Problems and risks of the development of youth self-organization structures at the local level]. *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta (NPI). Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki* [Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic Sciences]. 2013; (6): 124–128. (In Russ.).

3. Stolicy i regiony v sovremennoj Rossii: mify i real'nost' pjatnadcat' let spustja [Capitals and regions in modern Russia: myths and reality fifteen years later]. *Otv. red. M.K. Gorshkov, N.E. Tikhonova* [In M.K. Gorshkov, N.E. Tikhonova (eds.)]. Moscow: Ves' Mir, 2018. 312 p. (In Russ.).

4. Chuprov V.I., Zubok Ju. A., Uil'jams K. Molodezh' v obshhestve riska [Youth in a risk society]. 2-e izd. Moscow: Nauka, 2003. 232 p. (In Russ.).

5. Halij I.A. Sovremennye obshhestvennye dvizenija: innovacionnyj potencial rossijskih preobrazovanij v tradicionalistskoj srede [Modern social movements: the innovative potential of Russian transformations in a traditionalist environment]. Moscow: Institut sociologii RAN, 2007. 300 p. (In Russ.).

6. Dewey J. Democracy and Education. N.Y.: Courier Corporation, 2004. 457 p.

Статья поступила в редакцию 16.05.2022; одобрена после рецензирования 28.05.2022; принята к публикации 18.06.2022.

The article was submitted on 16.05.2022; approved after reviewing on 28.05.2022; accepted for publication on 18.06.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Исакова Ольга Владимировна — кандидат социологических наук, доцент кафедры «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ).

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Olga V. Isakova — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of «Social Sciences and Humanities» chair, South-Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya st., Novochoerkassk, Russia

Научная статья
УДК 316.334.2
DOI: 10.17213/2075-2067-2022-3-16-26

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ СЕМЬИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Татьяна Николаевна Каменева¹✉, Максим Викторович Селюков²,
Наталья Петровна Шалыгина³

¹Государственный университет управления, Москва, Россия

^{2,3}Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Россия

¹kalibri0304@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0002-0250-2421, AuthorID РИНЦ: 644404,
SPIN-код: 9626-9220, WoS Research ID: F-9288-2017

²selyukov@bsu.edu.ru, ORCID: 0000-0002-2597-6187, SPIN-код: 3882-2174,
AuthorID Scopus: 57000487600, WoS Research ID: M-8656-2016

³shalygina@bsu.edu.ru, AuthorID Scopus: 57000487600, WoS Research ID: M-8656-2016

Аннотация. Целью исследования является изучение рисков реализации экономической функции современной семьи в условиях нестабильности общества.

Источники информации и методология исследования. При подготовке данной статьи были использованы результаты всероссийского социологического исследования методом онлайн-опроса «Отношение молодежи к здоровью в условиях новой коронавирусной инфекции» (руководитель — д. соц. н., профессор Ю. А. Зубок), регионального социологического исследования методом онлайн-опроса «Роль семьи в формировании отношения к здоровью» (руководитель — д. соц. н., доцент Т. Н. Каменева), регионального мониторингового исследования методом анкетирования «Трансформация семейно-брачных отношений в условиях социокультурных рисков», осуществленным в период 2014, 2017, 2020 гг. (руководитель — д. соц. н., доцент Т. Н. Каменева).

Для выделения рисков экономического поведения семьи в период пандемии COVID-19 был применен комплексный анализ полученных социологических данных.

Результаты исследования. Складывающаяся ситуация, обусловленная пандемией, поставила семью в новые непростые условия, существенным образом изменив уклад жизнедеятельности ее членов во всех сферах, но прежде всего повлияла на экономическое поведение. Влияние социальных рисков на экономическое поведение семьи в условиях пандемии достаточно противоречиво. Меры государственной поддержки позволили стабилизировать ситуацию с доходами населения. Вынужденная самоизоляция, страх потери работы, а, следовательно, и доходов повлияли на экономическое поведение семей. Результаты исследования позволили выявить новые «специфические» факторы социальных рисков, связанные с вынужденным дистанционным форматом работы и обучения и информационным давлением. Около 1/3 части респондентов высказали мнение, что их доходы снизились, а основные траты связаны с покупкой лекарств, медицинским обслуживанием, приобретением IT-техники, продуктов питания и первой необходимости, коммунальными расходами.

Перспективы исследования. Полученные результаты могут быть использованы в рамках курсов «Социология семьи» и «Финансовая социология».

Ключевые слова: семья, экономическая функция семьи, экономическое поведение, риск
Для цитирования: Каменева Т. Н., Селюков М. В., Шалыгина Н. П. Социальные риски экономического поведения семьи в условиях пандемии // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 3. С. 16–26. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-16-26>.

Original article

SOCIAL RISKS OF ECONOMIC BEHAVIOR OF A FAMILY IN A PANDEMIC

*Tatiana N. Kameneva*¹✉, *Maxim V. Selyukov*², *Natalia P. Shalygina*³

¹*State University of Management, Moscow, Russia*

^{2,3}*Belgorod State University, Belgorod, Russia*

¹*kalibri0304@yandex.ru* ✉, *ORCID: 0000-0002-0250-2421, AuthorID RSCI: 644404, SPIN: 9626-9220, WoS Research ID: F-9288-2017*

²*selyukov@bsu.edu.ru, ORCID: 0000-0002-2597-6187, SPIN: 3882-2174, AuthorID Scopus: 57000487600, WoS Research ID: M-8656-2016*

³*shalygina@bsu.edu.ru, AuthorID Scopus: 57000487600, WoS Research ID: M-8656-2016*

Annotation. *The purpose of the study is to study the risks of implementing the economic function of the modern family in conditions of instability of society.*

Sources of information and research methodology. *In preparing this article, the results of the All-Russian sociological research by the online survey method «The attitude of youth to health in the conditions of a new coronavirus infection» were used (head — Doctor of Social Sciences, Professor Yu. A. Zubok), regional sociological research by the online survey method «The role of the family in the formation of attitudes to health» (head — Doctor of Social Sciences, Associate Professor T. N. Kameneva), a regional monitoring study by the questionnaire method «Transformation of family and marriage relations in conditions of socio-cultural risks» carried out in the period 2014, 2017, 2020 (head — Doctor of Social Sciences, associate professor T. N. Kameneva).*

To identify the risks of economic behavior of the family during the COVID-19 pandemic, a comprehensive analysis of the obtained sociological data was applied.

The results of the study. *The emerging situation caused by the pandemic has put the family in new difficult conditions, significantly changing the way of life of its members in all spheres, but above all it has affected economic behavior. The impact of social risks on the economic behavior of a family in a pandemic is quite contradictory. State support measures have helped to stabilize the situation with the incomes of the population. Forced self-isolation, fear of job loss, and, consequently, income affected the economic behavior of families. The results of the study revealed new «specific» factors of social risks associated with the forced remote format of work and training and information pressure. About 1/3 of the respondents expressed the opinion that their incomes have decreased, and the main expenses are related to the purchase of medicines, medical care, the purchase of IT equipment, food and basic necessities, utility costs.*

Research prospects. *The results obtained can be used in the framework of the Sociology of Family and Financial Sociology courses.*

Keywords: *family, economic function of the family, economic behavior, risk*

For citation: *Kameneva T. N., Selyukov M. V., Shalygina N. P. Social risks of economic behavior of a family in a pandemic // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series:*

Socio-economic Sciences. 2022; 15(3): 16–26. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-16-26>.

Введение. Семья является социальным феноменом, важнейшим социальным институтом. Семья и общество находятся в тесном взаимовлиянии: жизнедеятельность семьи, благополучие ее членов, в том числе и материальное, зависят от того, что происходит в обществе в целом, а стабильность общества, благосостояние определяется благополучием семьи. Периоды нестабильности в первую очередь ощущает на себе семья. Пандемия стала беспрецедентным испытанием, сделавшим вызов человечеству. Неопределенность ситуации, неясность ориентиров будущего, состояние тревоги заставили людей коренным образом изменить свое поведение, привычный уклад жизни и обострили психологические, физиологические и экономические проблемы. Семья как социальный институт и как малая социальная группа оказалась в неоднозначных условиях. Вынужденная самоизоляция, страх потери работы, а, следовательно, и доходов повлияли на экономическое поведение семей.

Материальная составляющая, обеспечивающая поддержку физического здоровья членов общества, несовершеннолетних и нетрудоспособных членов общества, оказалась под угрозой нереализации.

Реакция населения на подобную ситуацию оказалась крайне противоречивой. Предпринимаемые системой управления меры по снижению риска обеднения населения с одной стороны способствовали формированию потенциала доверия в таких сложных условиях, а с другой — не всегда находили отражение в сознании и поведении людей, что, безусловно, отразилось на экономических практиках семей. Результаты проводимых исследований показывают позитивный тренд в оценках экономических преобразований в соответствии с интересами населения, однако большинство российских граждан в этот период находились в состоянии экономических трудностей и оценивали свое материальное положение как тяжелое [9]. Наиболее уязвимыми в сложившихся условиях оказались семьи с невысокими доходами и не имеющие финансовых накоплений.

Таким образом, пандемия способствовала усилению рисков для семьи, значительная часть из которых связана с ожиданием ухудшения материального положения и затрагивает экономическое поведение семьи, которое в значительной степени изменилось и осуществлялось крайне настороженно, с ориентацией на «затягивание поясов».

Обзор литературы. Экономическое поведение в работах М. Вебера рассматривается как конструкт рационального выбора, типичный для социальных действий, затрагивающих хозяйственную сферу [13].

Анализ экономического поведения В. Парето позволил включить в его структуру как рациональные, так и иррациональные — аффективные — компоненты. Существенную роль в формировании экономического поведения играют различные предрасположения, предрасудки, стереотипы, заложенные в реализуемых идеологемах — «идейных установках, совокупности идей относительно какого-либо явления социальной жизни, призывающих к конкретному действию, образу жизни и мышления, транслируемых индивиду» [4, с. 121].

По мнению В. И. Верховина, экономическое поведение представляет собой «систему социальных действий, связанных с использованием различных по функционалу и назначению экономических ценностей или ресурсов и ориентированных на получение вознаграждения от их обращения» [2, с. 127].

В. В. Негруль экономическое поведение рассматривает с позиций целостного подхода взаимообусловленности общественных преобразований развития и трансформации экономического поведения индивида в изменяющихся условиях социальной реальности, что может быть значимо с позиций методологии исследования рисков экономического поведения современных семей в условиях нестабильности [7].

Специфика экономического поведения работающего населения с различными уровнями дохода во взаимосвязи с их образовательными характеристиками, профессиональной активностью и самореализацией,

финансовыми и потребительскими стратегиями анализируется А.Г. Каримовым. Автор акцентирует внимание на демографических, психологических и социокультурных факторах, влияющих на стратегии экономического поведения, и выделяет трудовое (производительное) поведение, связанное с деятельностью индивида в сфере труда, и финансовое поведение как потребление и сбережение [5].

Своеобразие экономического поведения современных семей рассмотрено С.А. Анисимовым и Б.С. Павловым. Основные тенденции экономического поведения современной российской семьи связываются с социально-экономическим расслоением общества по доходам, ростом маргинальных и неполных, асоциальных семей, национальной консолидацией на уровне семейно-брачных отношений, расслоением семей по уровню обеспеченности жильём и его комфорту, активизацией производственно-экономической функции семьи в результате её включённости в рыночные отношения, изменением видов домашнего труда как следствия увеличения стоимости общественных бытовых услуг, гендерным и структурным перераспределением ролей в семье, противоречиями, обусловленными расширенным вовлечением женщин в производственную сферу, своеобразием межличностных отношений в семье, ориентированностью семьи на повышение образовательного уровня, изменением стратегий воспитания и др. [1].

Взаимосвязь экономического поведения членов семьи и усиления нестабильности мировой экономики исследована Т.Г. Маклаковой. Для формирования рациональной модели экономического поведения семьи необходима адаптация под реальные потребности граждан наиболее эффективных образцов экономического поведения [6].

Роль формального экономического моделирования в понимании закономерностей экономического поведения раскрывается Я.М. Рощиной. Семья как совокупность домохозяйств может представлять собой отдельный сектор экономики, в котором «собираются доходы и производятся расходы и сбережения, платятся налоги, осуществляются инвестиции времени и денег в здоровье и образование, производятся и потребляются блага, принимаются решения о занятос-

ти на рынке труда и в домашнем хозяйстве, о рождении детей, о миграции и т.д.» [4, с. 24], в результате чего осуществляется поиск наиболее подходящего экономического решения. Я.М. Рощина предлагает подходы к моделированию экономического поведения семьи в таких сферах, как брачность и разводимость, деторождение, здоровье и др. [9].

Анализ научной разработанности вопросов, связанных с экономическим поведением в условиях нестабильности, показывает достаточную теоретико-методологическую проработанность тематики, но и свидетельствует о недостаточной проработанности проблематики рисков экономического поведения в условиях новой пандемической реальности.

Методика. Полноценное функционирование семьи обеспечивается четырьмя базовыми подсистемами (брак/супружество, родительство, домохозяйство, родство), выполняющими соответствующий функционал. Экономическое поведение реализуется семье в рамках подсистемы домохозяйства, в общественной и индивидуальной перспективе, удовлетворяя соответствующие потребности. В подсистеме домохозяйства как общности быта и материальных ресурсов осуществляется экономическая поддержка несовершеннолетних и нетрудоспособных членов общества и обеспечение материальными средствами членов семьи. Для домохозяйства характерно разделение сфер деятельности членов семьи. Например, в традиционном образе семьи муж обеспечивает материальное благополучие, а жена заботится о быте. Глава домохозяйства принимает ключевые для семьи решения, в том числе и экономические. В иерархии семьи индивид, «приносящий меньший доход в семью, имеющий более низкий социальный статус во «внешнем мире», может исполнять роль главы домохозяйства» [4, с. 130; 12, с. 1274].

Экономическое поведение семьи зависит от сформированности его культуры, так как именно она выступает ведущим регулятором, с помощью которого осуществляется «трансляция в настоящее выработанных в прошлом образцов поведения, ценностных ориентиров, правил и норм, которые позволяют индивидам, опираясь на опыт предшественников, ориентироваться в выборе модели экономического поведения для обес-

печения выживания и развития» [10, с. 139] как их собственной семьи, так и общества. Экономическое поведение семьи зависит от внутренней среды (семейной) и внешней (окружающей), а также социокультурных факторов и традиционных и сформировавшихся современных образов. В условиях нестабильности и неопределенности, примером которых является пандемия, именно семья выступает в роли интеграционного поля, сохраняющего способности к существованию, ведению деятельности и развитию в нестабильной, неблагоприятной социокультурной и экономической ситуации [7].

Последствием существования в условиях пандемии является существенный психологический ущерб, силу которого можно будет оценить лишь по прошествии некоторого времени. Экономическое поведение находится во взаимосвязи с психологическими факторами, «в состоянии стресса люди могут поступать необдуманно, в том числе и экономически, переоценивая выгоды и недооценивая издержки» [11, с. 1211]. Пандемическая реальность, характеризующая российскую действительность, обусловлена ожиданиями ухудшения различных сфер жизнедеятельности. Следовательно, экономическое поведение реализуется в условиях социальных рисков как ожиданий последствий изменения статусных позиций под воздействием неблагоприятных факторов. Нарастание социальных рисков сопровождается неустойчивым социальным положением в структуре общества и страхом перед возможными масштабными изменениями в привычном укладе жизни. К факторам социальных рисков экономического поведения относятся политическая и экономическая нестабильности, упущение возможности профессиональной самореализации и потери работы, обеднения [4].

Необходимость нормализации жизнедеятельности семьи в кризисных условиях определяет актуальность исследования и его цель — изучение действия социальных рисков на экономическое поведение, специфику реализации хозяйственно-бытовой функции в условиях пандемии.

Качественное эмпирическое изучение влияния социальных рисков на экономическое поведение семьи в условиях пандемии было обеспечено результатами всероссийского социологического исследования методом онлайн-опроса (с использованием Google Форм) «Отношение молодежи к здоровью в условиях новой коронавирусной инфекции», проведенного в мае-июне 2020 г. в 20 регионах Российской Федерации среди молодежи в возрасте от 18 до 30 лет ($N = 3463$), в рамках которого было проведено региональное исследование в Курской области ($N = 245$, руководитель — д. соц. н., профессор Ю. А. Зубок); регионального социологического исследования методом онлайн-опроса (с использованием Google Форм) «Роль семьи в формировании отношения к здоровью», проведенного в феврале-марте 2021 г. на территории Курской области среди населения в возрасте от 18 до 80 лет ($N = 299$, руководитель — д. соц. н., доцент Т. Н. Каменева); регионального мониторингового исследования методом анкетирования «Трансформация семейно-брачных отношений в условиях социокультурных рисков», осуществленного в период 2014, 2017, 2020 гг. на территории Курской области среди населения в возрасте от 16 до 80 лет ($N = 1554$, руководитель — д. соц. н., доцент Т. Н. Каменева).

В работе использованы результаты проведенных ранее социологических исследований экономического поведения населения. Статистическая обработка эмпирических данных осуществлялась программными пакетами Statistica 12.0 и MS Excel 2010, реализующими функции анализа и визуализации данных с привлечением статистических методов.

Результаты и обсуждение. Формирование социальных рисков, влияющих на жизнедеятельность семьи в период пандемии, в первую очередь происходит в экономической сфере. По мнению респондентов¹, они связаны с экономической нестабильностью (86%), снижением доходов (64%), вынужденной дистанционной работой (64%), ин-

¹ Анкетирование «Трансформация семейно-брачных отношений в условиях социокультурных рисков», осуществленное в период 2014, 2017, 2020 гг. на территории Курской области среди населения в возрасте от 16 до 80 лет ($N = 1554$, руководитель — д. соц. н., доцент Т. Н. Каменева).

формационным давлением (59%), возможностью потери работы (56%) и дистанционным обучением (45%), работой (рисунок 1).

В период пандемии респондентами был обозначен риск информационного давления, способный изменить практики экономического поведения членов семьи. Значимость информационного давления отмечали в большей степени респонденты в возрасте от 29 до 34 лет (45%), от 35 до 39 лет (43%), от 40 до 45 лет (42%). Информация, связанная с распространением новой инфекции, ее разнородность и несогласованность влияли на потребительское поведение наиболее активной части населения. В период первой волны наблюдался хаотичный спрос на продукты и товары первой необходимости, лекарства, средства индивидуальной защиты. Новым риском стал вынужденный переход на дистанционный режим работы и учебы. В наибольшей степени угрозу в дистанционной форме работы видели женщины (74%) в возрасте от 39 до 44 лет (63%). Онлайн-режим работы и перенос рабочего места домой усложнили семейный функционал женщин и размыли границу между рабочими и до-

машними делами. Мужчины традиционно менее вовлечены в быт, чем женщины, и им было проще сохранить границы трудового онлайн-дня, помимо этого они обладают более высокими IT-компетенциями [1].

Страх потерять работу респонденты в возрастном диапазоне от 30 до 45 лет связывали с информационным давлением, проявляющимся в нагнетании ситуации СМИ, распространении фэйковой информации. Пандемическая реальность спровоцировала рост опасений, связанных с традиционными факторами рисков семейно-брачных отношений: на экономическую нестабильность в 2014 г. указали 28%, а в 2020 г. — 86% опрошиваемых. Неизменным остался факт того, что наиболее значима экономическая нестабильность для людей, живущих в семьях с детьми, и связана она с боязнью за будущее детей. Значения оценки опрошенными фактора риска, связанного с возможностью потерять работу, возросло с 29% (наиболее высокое значение в 2014 г. в возрастной группе от 35 до 55 лет) до 56%. Рост неуверенности в завтрашнем дне вынуждал респондентов перераспределять доходы, формировать «по-

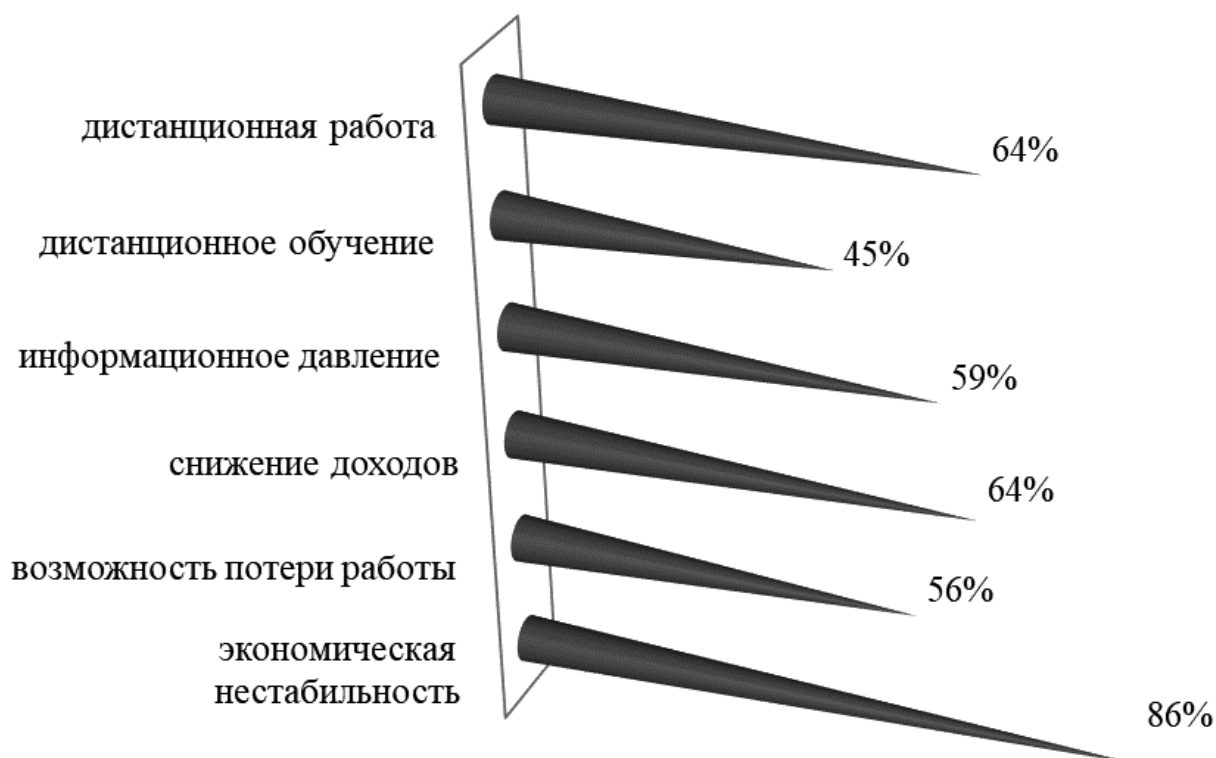

Рис. 1. Факторы рисков экономического поведения семьи в условиях пандемии
Fig. 1. Risk factors of economic behavior of a family in a pandemic

душку безопасности» и соответственно реализовывать экономическое поведение в сжатом формате. Мужчины в большей степени, чем женщины, боялись остаться без работы, объясняя это тем, что обеспечивают основной семейный доход и фактически являются кормильцем семьи. Согласно результатам исследований, отношение к здоровью зависит от материальных ресурсов, такого мнения придерживались 75% респондентов². В период пандемии вопросы, связанные с сохранением и поддержанием здоровья, были самыми главными фактически для каждого человека. Состояние здоровья во многом определяет практики экономического поведения, следовательно, сама пандемия выступала фактором риска для экономического поведения семей. В то же время анализ результатов исследования показал, что в целом экономическая функция реализовывалась в полном

объеме, как в общественной перспективе, так и индивидуальной — семья продолжала осуществлять экономическую поддержку своих членов и удовлетворять хозяйственно-бытовые потребности. Также следует отметить, что риски реализации экономического поведения в период пандемии не повлекли существенных изменений в публичной и приватной сферах семьи — роль кормильца (обеспечение основного дохода семьи) и главы семьи (принятие ответственных решений в семье) не изменились. В то же время социальные риски наметили ряд изменений в экономическом поведении семьи (табл. 1).

Более трети респондентов независимо от пола считали, что их доходы снизились, примерно столько же мужчин высказали мнение, что ничего не изменилось, женщин, не почувствовавших изменений, было несколько меньше — 25%. В структуре расходов

Таблица 1
Table 1

Распределение ответов на вопрос «Как изменилось экономическое поведение вашей семьи в период пандемии?» в зависимости от пола, в %³
Distribution of answers to the question «How has your family's economic behavior changed during the pandemic?» depending on the gender, in %

Расходно-доходные компоненты экономического поведения	Мужчин	Женщин
Выросли траты на лекарства и медицинское обслуживание	42	44
Выросли траты на продукты питания и первой необходимости	37	39
Стали больше сбережений откладывать на «черный день»	24	26
Выросли расходы на приобретение IT-техники	41	29
Возросли коммунальные расходы	36	34
Приобретали товары длительного пользования	37	26
Выросли расходы на путешествия, досуг	12	18
Стараемся экономить на всем, ничего не тратим	17	14
Вложили деньги в бизнес	19	8
Выросли траты на образование	23	18
Выросли расходы, связанные с детьми	28	32
Доходы снизились	31	30
Доходы возросли	17	16
Ничего не изменилось	34	25

2 Региональное социологическое исследование методом онлайн-опроса (с использованием Google Форм) «Роль семьи в формировании отношения к здоровью», проведенное в феврале-марте 2021 г. на территории Курской области среди населения в возрасте от 18 до 80 лет (N = 299, руководитель — д. соц. н., доцент Т.Н. Каменева).

3 Вопрос предполагал множественный ответ

выросли траты на лекарства и медицинское обслуживание (42% мужчин и 44% женщин), расходы на приобретение IT-техники отметили 41% мужчин и несколько меньше женщин (29%), траты на продукты питания и первой необходимости (37% мужчин и немногим более женщин — 39%), коммунальные расходы (примерно равное количество мужчин — 36% и женщин — 34%), товары длительного пользования чаще приобретали мужчины (37%), чем женщины (26%), а на детей больше тратили женщины (32%), чем мужчины (28%). Таким образом, реализация экономического поведения под воздействием социальных рисков в условиях пандемии характеризовалась гендерными различиями.

Заключение. Проведенный анализ специфики реализации экономического поведения семьи в условиях пандемии показал, что оно осуществлялось под воздействием социальных рисков, под которыми понималось ожидание последствий изменения статусных позиций под воздействием неблагоприятных факторов.

Значимыми факторами социальных рисков экономического поведения семьи в условиях пандемии являлись традиционные (экономическая нестабильность, опасения потери работы и снижения доходов) и порожденные пандемией (дистанционный формат работы и обучения и информационное давление).

По мнению респондентов, пандемия не внесла существенных изменений в экономическое поведение семей. Однако, примерно треть участников опроса заявили о снижении их доходов. Основные траты респондентов были связаны со специфическими проблемами пандемии и заключались в увеличении расходов на лекарства и медицинское обслуживание, приобретение IT-техники, продукты питания и первой необходимости во время режима самоизоляции, коммунальные расходы.

Результаты опроса показали гендерные различия расходной части в структуре экономического поведения семьи в пандемию, обусловленные гендерным распределением ролей в семье, которое осталось неизменным, несмотря на неопределенность реальности существования и интенсификацию социальных рисков.

Список источников

1. Анисимов С.А., Павлов Б.С. Экономическое поведение современной российской семьи: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] // Акмеология. 2017. №4(64). С. 34–39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskoe-povedenie-sovremennoy-rossiyskoy-semi-problemy-i-perspektivy> (дата обращения: 19.03.2022).

2. Верховин В.И. Стереотипы социального и экономического поведения в условиях гиперинфляции (по материалам романа Э.М. Ремарка «Черный обелиск») [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. №1. С. 126–146. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stereotipy-sotsialnogo-i-ekonomicheskogo-povedeniya-v-usloviyah-giperinflatsii-po-materialam-romana-e-m-remarka-chernyy-obelisk> (дата обращения: 14.04.2022).

3. Зотов В.В., Каменева Т.Н. От религиозно-философских представлений к массово-культурным идеологемам семьи [Электронный ресурс] // Теория и практика общественного развития. 2011. №5. С. 24–27. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-religiozno-filosofskih-predstavleniy-k-massovo-kulturnym-ideologemam-semi-1> (дата обращения: 19.03.2021).

4. Каменева Т.Н. Семья в обществе риска: социологический анализ. Курск: Курский государственный университет, 2018. 424 с.

5. Каримов А.Г. Концептуальные подходы к исследованию экономического поведения «работающих бедных» как социально-экономического феномена // Фундаментальные исследования. 2013. №11-8. С. 1741–1745.

6. Маклакова Т.Г. Специфика формирования экономического поведения семей в условиях нестабильной государственной экономики [Электронный ресурс] // Общество: политика, экономика, право. 2017. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-formirovaniya-ekonomicheskogo-povedeniya-semey-v-usloviyah-nestabilnoy-gosudarstvennoy-ekonomiki> (дата обращения: 14.05.2022, 19.03.2022).

7. Негруль В.В. Экономическое поведение и целостность общества: параметры взаимной детерминации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2015. №4(18). С. 58–68.

8. Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году / Г.В. Осипов, В.К. Левашов, С.В. Рязанцев и др. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Издательско-торговый Дом «Перспектива», 2020. 532 с.

9. Рощина Я.М. Основы моделирования экономического поведения домохозяйств на базе данных RLMS-HSE. Лекции для социологов / Нац. исследовательский университет «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 351 с.

10. Шабунова А.А., Белехова Г.В. Экономическое поведение населения: теоретические аспекты [Электронный ресурс] // Проблемы развития территории. 2013. №1(63). 136 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/shabunova-a-a-belehova-g-v-ekonomicheskoe-povedenie-naseleniya-teoreticheskie-aspekty> (дата обращения: 14.05.2022).

11. Camerer C., Issacharoff S., Loewenstein G., O'Donoghue T., Rabin M. Regulation for conservatives: Behavioral Economics and the case for «Asymmetric Paternalism» // University of Pennsylvania Law Review. 2003. №3. P. 1211–1254.

12. Selyukov M.V., Zaharov V.M., Gulyaev I.I., Shalygina N.P., Nalbantov A.A., Lisnichaya M.A. Development of labor resources as a factor of sustainable economic growth in the conditions of sanctions. // Journal of Fundamental and Applied Sciences. 2018. №10. P. 1274–1283.

13. Weber M. Economy and Society [Electronic resource] // University of California Pres. 1978. 756 p. URL: <https://archive.org/details/MaxWeberEconomyAndSociety/mode/2up> (date accessed: 19.03.2021).

References

1. Anisimov S.A., Pavlov B.S. Jekonomicheskoe povedenie sovremennoj rossijskoj sem'i: problemy i perspektivy [Economic behavior of the modern Russian family: problems and prospects] [Jelektronnyj resurs]. *Akmeologija* [Acmeology]. 2017; 4(64): 34–39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskoe-povedenie-sovremennoj-rossijskoj-semi-problemy-i-perspektivy> (data obrashhenija: 19.03.2022). (In Russ.).

2. Verhovin V.I. Stereotypy social'nogo i jekonomicheskogo povedenija v uslovijah giperinfljacji (po materialam romana Je. M. Remarka «Chernyj obelisk») [Stereotypes of social and economic behavior in conditions of hyperinflation (based on the materials of E.M. Remarque's novel «The Black Obelisk»)] [Jelektronnyj resurs]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija* [Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science]. 2013; (1): 126–146. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stereotypy-sotsialnogo-i-ekonomicheskogo-povedeniya-v-usloviyah-giperinfljatsii-po-materialam-romana-e-m-remarka-chernyy-obelisk> (data obrashhenija: 14.04.2022). (In Russ.).

3. Zotov V.V., Kameneva T.N. Ot religiozno-filosofskih predstavlenij k massovokul'turnym ideologemam sem'i [From religious and philosophical ideas to mass-cultural ideologems of the family] [Jelektronnyj resurs]. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija* [Theory and practice of social development]. 2011; (5): 24–27. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-religiozno-filosofskih-predstavlenij-k-massovo-kulturnym-ideologemam-semi-1> (data obrashhenija: 19.03.2021). (In Russ.).

4. Kameneva T.N. Sem'ja v obshhestve riska: sociologicheskij analiz [Family in a risk society: a sociological analysis]. Kursk: Kurskij gosudarstvennyj universitet, 2018. 424 p. (In Russ.).

5. Karimov A.G. Konceptual'nye podhody k issledovaniju jekonomicheskogo povedenija «rabortajushhhih bednyh» kak social'no-jekonomicheskogo fenomena [Conceptual approaches to the study of the economic behavior of the «working poor» as a socio-economic phenomenon]. *Fundamental'nye issledovanija* [Fundamental Research]. 2013; (11-8): 1741–1745. (In Russ.).

6. Maklakova T.G. Specifika formirovaniya jekonomicheskogo povedenija semej v uslovijah nestabil'noj gosudarstvennoj jekonomiki [The specifics of the formation of economic behavior of families in an unstable state economy] [Jelektronnyj resurs]. *Obshhestvo: politika, jekonomika, pravo* [Society: politics, economics, law]. 2017; (5). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-formirovaniya-ekonomicheskogo-povedeniya-semej-v-usloviyah-nestabilnoj-gosudarstvennoj-ekonomiki> (data obrashhenija: 14.05.2022, 19.03.2022). (In Russ.).

7. Negrul' V.V. Jekonomicheskoe povedenie i celostnost' obshhestva: parametry vzaimnoj de-

terminacii [Economic behavior and the integrity of society: parameters of mutual determination]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filosofija* [Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philosophy]. 2015; 4(18): 58–68. (In Russ.).

8. Rossijskoe obshhestvo i gosudarstvo v uslovijah pandemii: social'no-politicheskoe polozhenie i demograficheskoe razvitie Rossijskoj Federacii v 2020 godu [Russian society and the state in the conditions of a pandemic: the socio-political situation and demographic development of the Russian Federation in 2020]. G. V. Osipov, V. K. Levashov, S. V. Rjazancev et al. Moscow: Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvenost'ju «Izdatel'sko-torgovyj Dom «Perspektiva», 2020. 532 p. (In Russ.).

9. Roshhina Ja. M. Osnovy modelirovaniya jekonomicheskogo povedeniya domohozjajstv na baze dannyh RLMS-HSE. Lekcii dlja sociologov [Fundamentals of modeling the economic behavior of households on the RLMS-HSE database. Lectures for sociologists]. Nac. issledovatel'skij universitet «Vysshaja shkola jekonomiki» [National Research University «Higher School of Economics»]. Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2015. 351 p. (In Russ.).

10. Shabunova A. A., Belehova G. V. Jekonomicheskoe povedenie naselenija: teoreticheskie aspekty [Economic behavior of the population: theoretical aspects] [Elektronnyj resurs]. *Problemy razvitija territorii* [Problems of territory development]. 2013; 1(63): 136. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/shabunova-a-a-belehova-g-v-ekonomicheskoe-povedenie-naseleniya-teoreticheskie-aspekty> (data obrashhenija: 14.05.2022). (In Russ.).

11. Camerer C., Issacharoff S., Loewenstein G., O'Donoghue T., Rabin M. Regulation for conservatives: Behavioral Economics and the case for «Asymmetric Paternalism» // *University of Pennsylvania Law Review*. 2003. №3. P. 1211–1254.

12. Selyukov M. V., Zaharov V. M., Gulyaev I. I., Shalygina N. P., Nalbantov A. A., Lisnichaya M. A. Development of labor resources as a factor of sustainable economic growth in the conditions of sanctions. // *Journal of Fundamental and Applied Sciences*. 2018. №10. P. 1274–1283.

13. Weber M. Economy and Society [Electronic resource] // *University of California Pres*. 1978. 756 p. URL: <https://archive.org/details/MaxWeberEconomyAndSociety/mode/2up> (date accessed: 19.03.2021).

Статья поступила в редакцию 12.05.2022; одобрена после рецензирования 25.05.2022; принята к публикации 18.06.2022.

The article was submitted on 12.05.2022; approved after reviewing on 25.05.2022; accepted for publication on 18.06.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Каменева Татьяна Николаевна — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры «Социология, психология управления и история», Государственный университет управления. Россия, г. Москва, Рязанский проспект 99, стр. 1

Tatyana N. Kameneva — Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Sociology, Psychology of Management and History, State University of Management.

99 Ryazansky av., bld. 1, Moscow, Russia

Селюков Максим Викторович — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Социальные технологии и государственная служба», Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85

Maxim V. Selyukov — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod State National Research University.

85 Pobedy st., Belgorod, Russia

Шалыгина Наталья Петровна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Мировая экономика», Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85

Natalia P. Shalygina — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of World Economy, Belgorod State National Research University.

85 Pobedy st., Belgorod, Russia

Вклад авторов:

Каменева Т. Н. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Селюков М. В. — обработка социологических данных; доработка текста; итоговые выводы.

Шалыгина М. П. — доработка текста.

Contribution of the authors:

Kameneva T. N. — scientific guidance; research concept; development of methodology; writing of the source text; final conclusions.

Selyukov M. V. — processing of sociological data; revision of the text; final conclusions.

Shalygina M. P. — revision of the text.

Научная статья
УДК 316.33
DOI: 10.17213/2075-2067-2022-3-27-33

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Валерий Степанович Левшин

*Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
vlevshin@sfedu.ru, ORCID: 0000-0002-7370-7862*

Аннотация. *Целью исследования* является выявление взаимосвязи изменений методологических подходов к определению социальной справедливости в зависимости от социально-экономических, культурных и политических условий жизни общества.

Методология исследования. *В рамках исследования* использован неоклассический подход, а также методы теоретического анализа и моделирования концепта «социальная справедливость», дедуктивный метод анализа использован с целью обобщения теоретических представлений о социальной справедливости на различных этапах исторического развития общества.

Результаты исследования: *формируется представление о взаимосвязи понятий «социальная справедливость» и «социальное равенство», выделяются компоненты индивидуальной и коллективной социальной справедливости как формы различных представлений об исследуемом понятии в общественном сознании. Отмечается, что основные научные представления о социальной справедливости строятся на противопоставлении индивидуального и коллективного чувства справедливости, а также базируются на понятиях социального равенства и неравенства. Определяется, что понятие социальной справедливости на современном этапе является полем для проведения междисциплинарных исследований с целью достижения максимально емкого концепта данного социального феномена в российском обществе. Одним из условий развития концепта социальной справедливости на современном этапе выделяется идея существования социального государства.*

Перспективы исследования: *в рамках сформированного в исследовании методологического подхода к определению «социальная справедливость» планируется конкретизация взаимовлияния социальных факторов общественного развития и социальной справедливости, в частности в области образовательной сферы.*

Ключевые слова: *социальная справедливость, социальное равенство, социальное неравенство, индивидуальная социальная справедливость, коллективная социальная справедливость, социальное государство*

Для цитирования: *Левшин В. С. Социальная справедливость в современном мире: теоретико-методологические аспекты // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 3. С. 27–33. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-27-33>.*

Original article

SOCIAL JUSTICE IN THE MODERN WORLD: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS

Valery S. Levshin

*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
vlevshin@sfedu.ru, ORCID: 0000-0002-7370-7862*

Abstract. *The purpose of the study is to identify the relationship of changes in methodological approaches to the definition of social justice depending on the socio-economic, cultural and political conditions of society.*

Research methodology. *Within the framework of the study, the neoclassical approach was used, as well as methods of theoretical analysis and modeling of the concept of «social justice», the deductive method of analysis was used to generalize theoretical ideas about social justice at various stages of the historical development of society.*

The results of the study: *the idea of the relationship between the concepts of «social justice» and «social equality» is formed, the components of individual and collective social justice are distinguished as forms of various ideas about the concept under study in the public consciousness. It is noted that the main scientific ideas about social justice are based on the opposition of individual and collective feelings of justice, and are also based on the concepts of social equality and inequality. It is determined that the concept of social justice at the present stage is a field for interdisciplinary research in order to achieve the most capacious concept of this social phenomenon in Russian society. One of the conditions for the development of the concept of social justice at the present stage is the idea of the existence of a welfare state.*

Research prospects: *within the framework of the methodological approach to the definition of «social justice» formed in the study, it is planned to specify the mutual influence of social factors of social development and social justice, in particular in the field of education.*

Keywords: *social justice, social equality, social inequality, individual social justice, collective social justice, social state*

For citation: *Levshin V. S. Social justice in the modern world: theoretical and methodological aspects // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(3): 27–33. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-27-33>.*

Введение. Социальная справедливость как морально-правовое явление отражается в каждом историческом этапе развития общества. Представления о «хорошем» и «плохом», «добре» и «зле» непосредственно строятся на характеристике конкретных событий в контексте их справедливости, зависящей от существующих на этапе развития общества законодательства, традиций и обычаев, экономических условий, политической ситуации и др. Понятие «социальная справедливость» трансформируется в зависимости от упрощения или усложнения социальных

связей в обществе, уровня неравенств, присущих конкретным историческим эпохам.

Общественный и научный дискурс о социальной справедливости является историческим процессом — на каждом этапе развития обществ различные мыслители и ученые выдвигали множество концепций представления данного понятия. Сократ отмечал важность следования истине и справедливости наравне с соблюдением законов и повелений богов, Аристотель определял справедливость как определенный способ отношения к личности и важнейшее условие стабильности

в государстве. Особое место в античных представлениях о справедливости играла ее связь с понятием государства и законности. Так, Платон понимал под справедливостью все то, что санкционировано государством и направлено на достижение его интересов, определял ее как высшую добродетель, в соответствии с которой должна строиться личность и государство. Именно это определило первое представление о том, что справедливость не только рассматривается в контексте отдельно взятого человека, но и имеет общественную выраженность.

Мыслители Средневековья давали понятие справедливости божественную окраску. В их понимании справедливость — это закон и слово Божье, по которому и должен жить человек, то есть в данном контексте справедливость является одной из высших моральных ценностей. Однако в данных суждениях недостаточно корректно определяется взаимосвязь справедливости и равенства. Социальное неравенство, которое было присуще общественным системам Средневековья, рассматривалось как данность и предопределялось свыше, то есть никак не влияло на понятие справедливости.

Важным вкладом в развитие понятия справедливости стали работы представителей классического либерализма (Т. Гоббс, Дж. Локк, С. Милль и др.). Впервые социальная справедливость начинает рассматриваться как обеспечение естественных прав человека и верховенства закона во всех сферах жизни общества.

Особое внимание взаимосвязи неравенства и справедливости уделил мыслитель эпохи Просвещения, французский правовед и философ Ш. Монтескье. В своем знаменитом трактате по политической философии он отмечает взаимосвязь социального неравенства и социальной справедливости, утверждая, что все люди рождаются равными, однако, попадая в общество, они утрачивают равенство в связи с занятием различных статусных позиций. Решить эту проблему позволяет принцип верховенства закона, который и обеспечивает справедливость в общественных отношениях.

Если в вышеуказанных постулатах прослеживается взаимосвязь того, что социальная справедливость призвана сгладить пос-

ледствия социального неравенства, то в работах утопистов прослеживается другая взаимосвязь — социальное равенство приведет к обеспечению существования социальной справедливости. В их концепциях отражается идея того, что именно социально-экономическое равенство (приравнивание труда рабочего класса и интеллигенции, обеспечение равного распределения доходов и благ) является основой для существования социальной справедливости в обществе.

Говоря об исследованиях феномена социальной справедливости в отечественной литературе, стоит отметить, что официально данное понятие является достаточно новым для нашего общества (в частности, термин «справедливость» появился в Большой советской энциклопедии лишь в 1953 г.). В связи с существовавшей советской идеологией понятие социальной справедливости в большей степени рассматривалось в контексте экономического положения человека в обществе. Работы 70-х гг. XX вв. (А.П. Бутенко, З.А. Бербешкина и др.) определяют социальную справедливость как соответствующее распределение материального вознаграждения в соответствии с уровнем трудового вклада конкретной личности.

Основная часть. В результате развития концепта социальной справедливости в российском обществе появляются первые представления о массовом сознании и роли коллективного восприятия справедливости в государстве (что, по нашему мнению, было вызвано стремлением использовать данный концепт в политических целях). В современной научной повестке актуализируется вопрос о взаимосвязи социальной справедливости и социального неравенства (что является закономерным в связи с произошедшими социальными потрясениями в период 90-х гг. XX в.). Социологическая мысль определяет наличие основного требования в понимании социальной справедливости — обеспечение соответствия между социальным положением индивидов и различных групп в обществе и их значимостью.

Логически последовательным становится тезис о том, что именно проблема равенства порождает возможность существования дискурса о справедливости. Известный рос-

сийский социолог, доктор философских наук, академик РАН М.К. Горшков отмечает, что проблема неравенства всегда будет обеспечивать существование проблемы социальной справедливости по трем причинам:

— во-первых, социальное неравенство — это одна из форм социальной дифференциации, которая построена как на естественных особенностях, внимание которым наиболее всего уделяется в общественных системах традиционного типа (пол, возраст, расовая принадлежность), так и на особенностях личностного развития, роль которых повышается в индустриальном и постиндустриальном обществе (образование, уровень дохода и т.п.). Социальная дифференциация обеспечивает неравный доступ представителей различных социальных страт к материальным и нематериальным благам, что и порождает вопросы о справедливости существующего общественного порядка;

— во-вторых, неравенства обусловлены естественно-историческим измерением. Они существовали на каждом этапе развития общества, более того, неравенство может определяться инстинктивными наклонностями индивида («доминантные» и «подавляемые») личности, существование в обществах традиционного типа концепции «вожаков» и «стада» и т.п.);

— в-третьих, при анализе исторических процессов мы можем заметить, что социальное неравенство не исчезало как глобальное явление, менялись лишь основания для его существования, все более усложняясь и переходя от примитивных (естественные различия) к основаниям более высокого порядка (факторы социально-экономического, культурного и политического развития) [1].

Таким образом, основной проблемой в определении понятия «социальная справедливость» становится сама идея существования подобного идеального детерминанта. Гораздо более актуальными на современном этапе развития общества становятся не вопросы обеспечения всеобщей социальной справедливости, а способы минимизации социальных неравенств с целью установления максимально возможного уровня социальной справедливости в обществе в зависимости от типа его устройства, сложившейся системы социальных отношений, экономических

показателей развития, политической конъюнктуры, культурных особенностей развития и т.д.

Одним из важнейших аспектов для анализа социальной справедливости в обществе является восприятие данного понятия с индивидуальной или коллективной точки зрения. Эти две позиции в различных обществах могут как совпадать, так и быть абсолютно полярными друг другу. В индивидуальном понимании социальной справедливости большую роль играют факторы социального благополучия конкретного индивида — уровень доходов, образования, сравнение равенства объема доступа к престижу и власти по сравнению с другими индивидами, фактор наличия и степени обладания собственностью и т.п. С одной стороны, оценка данных факторов обосновывается существованием социальной дифференциации и является залогом успешного развития общества, где каждый находится изначально в равной позиции и в зависимости от дальнейшей индивидуальной траектории развития перемещается вверх или опускается вниз, минуя социальные страты, предполагающие выполнение определенных ролей в обществе. С другой стороны, в условиях существующих неравенств формируется и неравный доступ к общественным благам, который влияет на стартовые позиции индивидуумов и препятствует существованию идеальной картины, описанной выше. Эти процессы так или иначе порождают представление о существовании социальной справедливости для конкретного человека с его субъективной точки зрения, а охватывая большие социальные слои оказавшихся «за чертой», данное явление становится массовым. Именно поэтому представления об индивидуальной социальной справедливости являются наиболее сложными для изучения, однако непринятие ее влияния на социальные настроения в обществе может повлечь катастрофические последствия.

Безусловно, достижение полного общественного согласия относительно применения концепта социальной справедливости невозможно. Тем не менее важно понимать, что наряду с индивидуальной социальной справедливостью существует и коллективная, присущая конкретным социальным группам (или даже конкретным государствам). В лю-

бом обществе существуют альтернативные представления о понятиях справедливости и равенства, но в них присутствует общий базис, представляющий собой исторические закономерности развития общества, его сфер и типа организации, а также ментальные установки населения в конкретных условиях.

Наиболее ярким примером столкновения понятий индивидуальной и коллективной социальной справедливости становится пример СССР в различные годы его развития. Существовавшее при советском строе представление о социальной справедливости с такими маркерами, как бесклассовое общество, устранение неравенств и равное распределение благ, вызывает, по сути, противоречие в самой своей структуре — равенство всех граждан на основании доступа к средствам производства и социальным благам [2]. Таким образом, знаменитый постулат «от каждого по способностям, каждому — по потребностям», по сути, предполагает индивидуальную социальную несправедливость, основанную на разном объеме вклада личности в общее благо.

Стоит отметить, что коллективная социальная справедливость может стать важнейшим фактором социальных трансформаций в обществе. Существование единых представлений о социальной справедливости и приверженность им большинства членов общества позволяет обеспечивать стабильное и успешное развитие государства во всех направлениях. Однако появление социальных волнений в обществе, основанных на представлении о неравном распределении ресурсов и благ, неравном доступе к общественным услугам (образование, здравоохранение, социальная защита и т.п.), приводит к наращиванию социальной напряженности в обществе, обострению конфликтности и впоследствии возможности революционных изменений в государстве (и здесь мы отмечаем, что в данном контексте коллективная социальная справедливость может стать источником как прогрессивных, так и регрессивных изменений в обществе). Именно поэтому вопрос изучения ментальных установок населения и поиск единого подхода к определению и выявлению у населения восприятия коллективной социальной справедливости является полем научного исследования мно-

гих представителей гуманитарных и социально-экономических наук [3].

Особенно актуальным для обществ со сложной этнической структурой является вопрос об обеспечении справедливого социального порядка в условиях многообразия форм межэтнических взаимодействий и противоречий, возникающих в этноконтактной зоне того или иного государства с характерной для него историей межэтнических отношений и национальной политики. Для современного российского общества и южнороссийского региона в частности данный вопрос остро стоит на повестке дня. Необходимость гармонизации межэтнических отношений в полиэтничных регионах российского государства осознается на уровне и властных структур, и социологов. Последние по-разному подходят к решению данной проблемы, предлагая различные механизмы регуляции межэтнических отношений [4]. Привлекает внимание подход, предложенный группой ростовских ученых в рамках реализации проекта «Социальная справедливость в обеспечении гармонизации межэтнических отношений и укреплении общероссийской идентичности населения на Юге России», в концептуальных границах которого справедливость выступает детерминантой межэтнических отношений, вписанных в систему социокультурных, экономических и политических отношений и ситуаций [5].

Заключение. Таким образом, социальная справедливость является исторически сложным и многосторонним явлением, зависящим от условий социально-экономического, культурного и политического развития конкретного типа общества. От этих же условий зависит формирование научных представлений о социальной справедливости и ее роли в обеспечении благосостояния не только отдельных индивидов, но и целых государств. Стоит подчеркнуть, что данный процесс должен проходить в междисциплинарном исследовательском поле, так как социальная справедливость имеет множество аспектов: философский, экономический, социологический, этический, политический и др.

Одним из способов обеспечения социальной справедливости в современном мире может стать развитие идеи социального го-

сударства, то есть модели такого государства, политика которого направлена на обеспечение перераспределения материальных ресурсов, равного доступа населения к социальным услугам, вовлечение бедных слоев населения в продуктивные социальные и трудовые процессы с целью поддержания достойного уровня жизни каждого гражданина. Более того, особенное внимание в данном контексте необходимо уделять образованию как важнейшему институту вторичной социализации и способу обеспечения равных возможностей для представителей различных социальных слоев. Безусловно, существуют факторы социальной жизни, которые так или иначе определяют существование социального неравенства, именно поэтому мы отмечаем невозможность преодоления данного социального явления в ближайшей исторической перспективе. Однако создание условий для поддержания социальной справедливости в обществе (как индивидуальной, так и коллективной) позволит снизить угрозы увеличения социального неравенства в современной трансформирующейся социальной реальности.

Список источников

1. Проблемы социального равенства и справедливости в России и Китае: монография / М.К. Горшков и др.; Отв. ред. М.К. Горшков, П.М. Козырева, Ли Пэйлинь, М.Ф. Черныш. М.: Новый Хронограф, 2021. 584 с.
2. Данилова Е.Н. Трансформации социальной политики и дискурса социальной справедливости в России // Мир России. Социология. Этнология. 2018. №2. С. 36–61.
3. Григорьева Н.С. Социальная справедливость: эволюция понятия и практики // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2008. №6. С. 112–122.
4. Дробизева Л.М. Деполитизация этничности: между искушением новыми теориями и социальной практикой // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 18 / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2020. С. 202–224.
5. Социальная справедливость в сфере межэтнических отношений и укрепления общероссийской идентичности населения

Юга России: монография / Ю.Г. Волков, А.В. Бедрик, Н.К. Бинева, А.В. Верещагина, В.П. Войтенко, Н.И. Чернобровкина; отв. ред. Ю.Г. Волков. М.: РУСАЙНС, 2021. 180 с.

References

1. Problemy social'nogo ravenstva i spravedlivosti v Rossii i Kitae: monografija [Problems of social equality and justice in Russia and China: monograph]. M.K. Gorshkov i dr.; Otv. red. M.K. Gorshkov, P.M. Kozyreva, Li Pjejlين', M.F. Chernysh [M. K. Gorshkov et al.; In M.K. Gorshkov, P.M. Kozyreva, Li Peilin, M.F. Chernysh (eds.)]. Moscow: Novyj Hronograf, 2021. 584 p. (In Russ.).
2. Danilova E.N. Transformacii social'noj politiki i diskursa social'noj spravedlivosti v Rossii [Transformations of social policy and discourse of social justice in Russia]. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya*. [The world of Russia. Sociology. Ethnology]. 2018; (2): 36–61. (In Russ.).
3. Grigor'eva N.S. Social'naja spravedlivost': jevoljucija ponjatija i praktiki [Social justice: the evolution of concepts and practices]. *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo*. [Contours of global transformations: politics, economics, law]. 2008; (6): 112–122. (In Russ.).
4. Drobizheva L.M. Depolitizacija jethnichnosti: mezhdu iskusheniem novymi teorijami i social'noj praktikoj [Depoliticization of Ethnicity: Between the Temptation of New Theories and Social Practice]. *Rossija reformirujushhajasja: ezhegodnik. Vyp. 18*. Otv. red. M.K. Gorshkov [Reforming Russia: Yearbook. Issue 18. In M. K. Gorshkov (eds.)]. Moscow: Novyj Hronograf, 2020. P. 202–224. (In Russ.).
5. Social'naja spravedlivost' v sfere mezhetnicheskikh otnoshenij i ukreplenija obshherossijskoj identichnosti naselenija Juga Rossii: monografija [Social justice in the sphere of interethnic relations and strengthening the all-Russian identity of the population of the South of Russia: monograph]. Ju. G. Volkov, A. V. Bedrik, N. K. Bineeva, A. V. Vereshhagina, V. P. Vojtenko, N. I. Chernobrovkina. Otv. red. Ju. G. Volkov [In Yu.G. Volkov (eds.)]. Moscow: RUSAJNS, 2021. 180 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 09.06.2022; одобрена после рецензирования 15.06.2022; принята к публикации 22.06.2022.

The article was submitted on 09.06.2022; approved after reviewing on 15.06.2022; accepted for publication on 22.06.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Левшин Валерий Степанович — магистрант 2-го года обучения Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160

Valery S. Levshin — Master's Student of the 2nd year of study at the Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.

160 Pushkinskaya st., Rostov-on-Don, Russia

Научная статья
УДК 342.82
DOI: 10.17213/2075-2067-2022-3-34-44

ПРОБЛЕМА ДЕМОКРАТИЧНОСТИ РОССИЙСКОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Ирина Николаевна Некрасова^{1✉}, Марианна Львовна Крольман²

¹*Донской государственный аграрный университет, Персиановский, Россия*

²*Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Ростов-на-Дону, Россия*

¹*milaja2409@mail.ru✉, ORCID: 0000-0001-6766-4248, AuthorID РИНЦ: 536178*

²*mkrolman@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0913-6196, SPIN-код: 3220-5076*

Аннотация. *Целью исследования* является анализ соответствия российской избирательной системы критериям демократичности и политической эффективности электорального процесса.

Методологическую базу исследования представляют современные концепции демократии: полиархическая концепция и концепция партиципаторной демократии. К используемым научным методам относятся сравнительный анализ, нормативный метод, оценочный метод.

Результаты исследования. Рассматриваются критерии демократичности и политической эффективности российской избирательной системы. Дан анализ и оценка критики российской избирательной системы с точки зрения установленных критериев демократичности и политической эффективности. Установлено принципиальное соответствие российского избирательного законодательства основным критериям демократичности выборов. В то же время намечены направления повышения ее демократичности, в особенности в контексте достижения большего соответствия между электоральным законодательством и практикой выборов. Отмечается, что повышение политической эффективности отечественной избирательной системы требует не только дальнейшего совершенствования электорального законодательства, но и систематической работы над повышением электоральной культуры российского общества в целом, а также политической культуры основных участников электорального процесса: избирателей, избираемых и организаторов выборов. Особое внимание в контексте повышения демократичности отечественной избирательной системы и практики проведения выборов необходимо обратить на предотвращение электоральных нарушений и некорректных попыток участников электорального процесса управлять избирательным процессом и результатами выборов.

Перспективы исследования заключаются в определении общих направлений и конкретных мер, направленных на дальнейшую демократизацию российского электорального процесса и повышение его политической эффективности.

Ключевые слова: демократия, полиархия, избирательная система, электоральный процесс, критерии демократии, политическая эффективность

Для цитирования: Некрасова И. Н., Крольман М. Л. Проблема демократичности российской избирательной системы // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 3. С. 34–44. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-34-44>.

Original article

THE PROBLEM OF DEMOCRATICITY OF THE RUSSIAN ELECTORAL SYSTEM

Irina N. Nekrasova¹✉, Marianna L. Krolman²

¹*Don State Agrarian University, Persianovsky v., Russia*

²*Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia*

¹*milaja2409@mail.ru✉, ORCID: 0000-0001-6766-4248, AuthorID RSCI: 536178*

²*mkrolman@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0913-6196, SPIN: 3220-5076*

Abstract. *The purpose of the study is to analyze the compliance of the Russian electoral system with the criteria of democracy and political effectiveness of the electoral process.*

The methodological basis of the study is represented by modern concepts of democracy: the polyarchic concept and the concept of participatory democracy. The scientific methods used include comparative analysis, normative method, evaluation method.

Research results. *The criteria of democracy and political effectiveness of the Russian electoral system are considered. An analysis and evaluation of the criticism of the Russian electoral system in terms of established criteria for democracy and political effectiveness is given. The fundamental compliance of the Russian electoral legislation with the main criteria for democratic elections has been established. At the same time, directions are outlined for increasing its democracy, especially in the context of achieving greater compliance between electoral legislation and electoral practice. It is noted that increasing the political efficiency of the domestic electoral system requires not only further improvement of the electoral legislation, but also systematic work to improve the electoral culture of the Russian society as a whole, as well as the political culture of the main participants in the electoral process: voters, elected and election organizers. Particular attention in the context of increasing the democracy of the domestic electoral system and the practice of conducting elections should be paid to the prevention of electoral violations and incorrect attempts by participants in the electoral process to manage the electoral process and election results.*

The prospects of the study *are to identify general directions and specific measures aimed at further democratization of the Russian electoral process and increasing its political effectiveness.*

Keywords: *democracy, polyarchy, electoral system, electoral process, criteria of democracy, political efficiency*

For citation: *Nekrasova I. N., Krolman M. L. The Problem of Democraticity of the Russian Electoral System // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(3): 34–44. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-34-44>.*

Введение. Современное общество во всех сферах его жизнедеятельности не может эффективно функционировать без реализации действительной, а не формальной демократии в области политического управления. Одну из ключевых ролей в обеспечении действительной демократической политической власти играет организация электорального процесса. «Выборы являются важнейшим элементом демократии, обеспечивающим не только представительство народных инте-

ресов, но и создающим основу для легитимации политической власти» [9, с. 175].

Практически никто не подвергает сомнению эти общие политические аксиомы. Однако реализация общих демократических норм и принципов в политической практике организации и проведения выборов вызывает неоднозначные оценки со стороны участников электорального процесса. Электоральная практика главных российских выборов привычно демонстрирует целый комплекс про-

блем в контексте их демократичности и политической эффективности. Дискуссионными, или проблематическими, являются сами критерии оценки демократичности и политической эффективности избирательной системы и избирательного процесса. Существуют также активно дискутируемые в научном и гражданском российском сообществе проблемы в области электорального законодательства. Специфическим отражением этих проблем и дискуссий является внесение множества поправок, изменений и дополнений в основной корпус отечественных избирательных законов.

В контексте обозначенных проблем крайне актуальными для отечественного демократического политического процесса являются вопросы оптимизации избирательной системы с точки зрения ее соответствия критериям демократии, интересам российского общества в целом и политическим ожиданиям рядовых граждан.

Методика. Оценка политической эффективности отечественной избирательной системы должна, очевидно, опираться на четкую систему критериев. Целесообразно выделить три группы критериев политической эффективности избирательной системы: 1) институциональный критерий (способность института выборов обеспечить реальное, адекватное, пропорциональное представительство во власти основных социально-политических и экономических групп общества); 2) процессуальный критерий (способность избирательной системы обеспечить действительное, а не формальное равенство политического соревнования кандидатов в процессе избирательной кампании); 3) общедемократический критерий (способность избирательной системы обеспечить представительство во власти и реализацию в деятельности избранных народных представителей действительных интересов избирателей).

Критерии политической эффективности избирательной системы должны быть дополнены конкретизацией критериев демократичности избирательного процесса и избирательной системы.

О.С. Морозова предлагает три критерия демократичности собственно избирательного процесса: «1. полнота законодательного

регулирования избирательного процесса; 2. гарантии свободы в действиях избирательных органов; 3. гарантии баланса интересов и равенства участников избирательного процесса» [9, с. 175]. Д.С. Барсуков, С.М. Барсуков, А.Г. Захаров отмечают такой критерий, как открытая конкуренция селекторальных субъектов. «В демократическом государстве выборы представляют собой открытый конкурентный процесс передачи властных полномочий от одних лиц к другим, т.е. институт непосредственного народовластия» [2, с. 128]. Р. Даль применительно к демократической ассоциации выделяет пять критериев демократического процесса: 1) эффективное участие (равные и действенные возможности для всех членов ассоциации для изложения своих взглядов); 2) равное голосование; 3) понимание, основанное на информированности (каждый член ассоциации должен получить равные и реальные возможности для ознакомления со всеми политическими альтернативами; 4) контроль за повесткой дня; 5) участие совершеннолетних [4].

Адаптируя эти общие принципы демократического процесса к собственно избирательному процессу, можно составить следующий список критериев его демократичности: 1) равные и реальные возможности для всех участников избирательного процесса для реализации активного и пассивного избирательного права; 2) эффективное и полное избирательное законодательство; 3) реальная независимость избирательных комиссий (как от органов власти, так и от селекторальных субъектов); 4) свобода и полнота избирательной информации (достаточное знакомство избирателей не только с организацией избирательного процесса, но и со всеми альтернативными конкурирующими избирательными программами всех кандидатов, доступ к альтернативным источникам информации об избирательном процессе); 5) свободная и равная конкуренция селекторальных субъектов (в особенности отсутствие притеснений и ограничений по отношению к политической оппозиции); 6) эффективный общественный контроль за избирательным процессом; 7) эффективная защита избирательного процесса от нарушений избирательного законодательства и искажений результатов голосования. Опираясь на установленную систему

критериев демократичности и политической эффективности избирательной системы, рассмотрим, соответствует ли российская избирательная система этим критериям с точки зрения законодательных норм и с точки зрения практики российского избирательного процесса.

Результаты. При оценке политической эффективности отечественной избирательной системы с точки зрения институционального критерия часто применяется метод сравнения ее либо с советской избирательной системой, либо с западными избирательными системами.

Очевидно, что старая советская избирательная система по своему формальному демократизму не выдерживает никакого сравнения с современной российской системой. «Безальтернативность кандидатов, чрезвычайно высокая степень идеологизации, монополизм одной политической партии вряд ли можно рекомендовать к применению в демократической стране» [5, с. 2].

Современная российская избирательная система строится на вполне демократичных принципах свободы выбора при всеобщем равном, прямом праве выбора и тайном голосовании. Она основана на альтернативности кандидатов и их свободной политической конкуренции. Тем не менее информативными и поучительными могут быть сравнения этой системы с избирательными системами зарубежных стран. По мнению М. А. Котеговой, «Наиболее представительные парламенты (с учетом расчета индексов представительности) существуют там, где применяется полностью пропорциональная избирательная система с гибкими списками, невысоким заградительным барьером, механизмом “уравнивающих мандатов” и либеральным законодательством о политических партиях» [7, с. 12]. С этих позиций М. А. Котегова оценивает смешанную российскую мажоритарно-пропорциональную систему как недостаточно совершенную с точки зрения политической эффективности, т. е. с позиции обеспечения индивидуальных избирательных прав граждан [7]. При этом акцентируется внимание на следующих проблемах, порождаемых российской пропорциональной системой: «1) невозможность учета всех голосов

избирателей при формировании представительного органа (проблема “порога явки”, голосования “против всех” и “заградительного барьера”); 2) невозможность для избирателя поддержать конкретного кандидата при т. н. “жестких списках”; 3) невозможность самовыдвижения конкретного кандидата; 4) невозможность влияния кандидата на то, какое место он займет в “жестком списке”» [7, с. 12–13].

На другую сторону оценки политической эффективности российской избирательной системы в сравнении с зарубежными обращает внимание Д. А. Киреев. Он рассматривает политическую эффективность с точки зрения пропорционального представительства в органах власти основных политических сил. Сравнив смешанные мажоритарно-пропорциональные избирательные системы ФРГ и России, он приходит к выводу о том, что «... комбинированная избирательная система, применяемая в России, вовсе не отражает идею пропорционального представительства. В отличие от нее, немецкая персонализированная пропорциональная избирательная система является подлинно пропорциональной, так как она обеспечивает соответствие доли мест в парламенте доле голосов, поданных за партийный список» [6, с. 102].

Таким образом, российская избирательная система, по мнению Д. А. Киреева, на практике тяготеет к мажоритарной. «К последствиям применения комбинированной избирательной системы в России относятся искажения пропорциональности, увеличивающие представительство одной партии в 1,4 раза и уменьшающие представительство других партий в 1,2–1,4 раза... Это позволяет сделать вывод о том, что комбинированная избирательная система не сочетает преимущества двух моделей, устраняя их недостатки, а является модификацией мажоритарной системы» [6, с. 104].

Анализируя причины такого различия российской и немецкой избирательных систем, Д. А. Киреев приходит к выводу о принципиальной невозможности гармонично сочетать мажоритарную и пропорциональную избирательные системы. Смешанная система неизбежно тяготеет или к пропорциональной, или к мажоритарной. Тем не менее обоснованной является оценка, согласно которой

отечественная смешанная мажоритарно-пропорциональная система в целом соответствует институциональному критерию политической эффективности.

Анализ политической эффективности отечественной избирательной системы с точки зрения процессуального критерия (способности избирательной системы обеспечить действительное, а не формальное равенство политического соревнования кандидатов в процессе избирательной кампании) в современном дискурсе в качестве обязательного элемента содержит в себе критику ее с позиции демократизма процедуры выборов.

Заслуживает отдельного внимания комплекс аргументов политической неэффективности современной российской избирательной системы, связанный с выяснением противоречий между ее демократическими общими принципами и фактически дезавуирующими эти принципы техническими деталями и процедурами, предусмотренными избирательными законами. «Если анализировать технические процедурные детали, то здесь и обнаружатся основные инструменты контроля власти за результатом выборов. К числу этих инструментов мы отнесем: 1. порядок формирования состава избирательных комиссий, 2. порядок выдвижения и регистрации кандидатов в депутаты, 3. порядок финансирования выборов за счет средств кандидатов, 4. порядок подведения итогов выборов. Контроль над составом избирательных комиссий — один из главных рычагов контроля власти за выборами» [10, с. 52].

Возьмем для примера такую техническую деталь, как выдвижение и регистрация кандидатов на выборные государственные посты. Во-первых, выдвижение кандидатов связано с множеством процедурных условий и по списку представляемых документов, и по списку требований к кандидатам, и по срокам представления документов для регистрации кандидатов в соответствующий

избирком. Во-вторых, в избирательном законодательстве есть статьи об отказе в регистрации кандидатов. Так, в законе о выборах президента перечислено 13 оснований отказа¹ (Ст. 39, ч. 2), а в законе о выборах депутатов Государственной Думы по партийным спискам перечислено 15 оснований отказа в регистрации² (Ст. 50, ч. 3). Наконец в том же законе о выборах депутатов Государственной Думы перечислено 17 оснований для отказа в регистрации кандидатов по одномандатным округам³ (Ст. 51, ч. 7). Действительно, спектр возможностей для регулирования списка кандидатов уже на стадии их регистрации достаточно широк. Оправданием широты этого спектра является стремление избирательного законодательства отсеять не соответствующих основным политическим, «демократическим» критериям претендентов от выборов.

Оценивая в целом весь комплекс критических аргументов, отмечающих низкую процессуальную политическую эффективность отечественной избирательной системы, можно отметить, что все эти критические моменты опираются на потенциальную возможность использования их в некорректных, прагматических целях отдельными субъектами избирательного процесса. Но потенциальная возможность не равна автоматической необходимости. Все дело состоит в корректности применения норм отечественного избирательного законодательства и в эффективности контроля за этой корректностью. Нарушение норм российского избирательного законодательства, их некорректное правоприменение, высокая неформальная зависимость избирательных комиссий от действующей власти способны свести к нулю все преимущества самой демократичной избирательной системы.

Рассмотрим общедемократический критерий политической эффективности отечественной избирательной системы — ее способность

1 О выборах Президента Российской Федерации: Федеральный закон №19-ФЗ (Принят Государственной Думой 14 февраля 2014 года: одобрен Советом Федерации 27 декабря 2002 года) [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: справочно-правовая система: офиц. сайт компании. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40445/ (дата обращения: 15.03.2022).

2 О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Федеральный закон №20-ФЗ (Принят Государственной Думой 24 декабря 2002 года: одобрен Советом Федерации 19 февраля 2014 года) [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: справочно-правовая система: офиц. сайт компании. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_159349/ (дата обращения: 12.03.2022).

3 Там же.

обеспечить представительство во власти и реализацию в деятельности избранных народных представителей действительных интересов избирателей. Многие критики обвиняют российскую избирательную систему в том, что она постоянно изменяется действующей властью в интересах текущей политической конъюнктуры. «Российская избирательная система, законодательство о выборах менялись в зависимости от представлений политической элиты о том, какая партийная система в большей степени отвечает реалиям политической жизни нашего государства» [3, с. 63]. Существуют и прямые заявления о том, что российская избирательная система является инструментом сохранения и легитимизации власти правящей политической элиты. Критики также отмечают сомнительное происхождение современной российской демократии, которая противоречит отечественным политическим традициям и поэтому является лишь внешней «демократической» формой авторитарной по сути власти. «Сочетание внешних “демократических” атрибутов политической системы и внутренних антидемократических особенностей их функционирования обусловлено отсутствием культуры демократического поведения как власти, так и народа, а также культуры демократического взаимодействия власти и народа» [11, с. 179].

Для установления степени демократичности отечественной избирательной системы необходимо прояснить критерии демократичности власти вообще и критерии демократичности избирательной системы в частности. Поскольку основной формой современной политической организации общества является представительная демократия, постольку необходимо установить основные критерии демократической формы политической системы. К таким критериям традиционно относят: 1) выборность органов власти; 2) легитимность власти, приоритет закона; 3) систему разделения законодательной, исполнительной и судебной властей; 4) политический плюрализм; 5) гарантии и равноправие прав и свобод граждан.

Соответствует ли российская политическая система этим критериям демократии? Безусловно, все эти критерии реализованы в Конституции РФ. Однако, этими институциональными параметрами организации

власти не исчерпывается характеристика демократической политической системы. Как это ни покажется парадоксальным, но ключевая роль в осуществлении главного признака представительной демократии — реализации властью интересов избирателей — принадлежит не столько формальным институциональным признакам организации политической системы, сколько специфическому способу организации взаимодействия между властью и народом, а также между различными конкурирующими социальными группами общества и политическими организациями, представляющими их интересы. Именно по этому критерию необходимо конкретизировать основные характеристики демократической формы политической организации общества. В современном дискурсе в связи с этим существует две альтернативных модели демократического режима: модель полиархии (Р. Даль) и модель партиципаторной демократии (Б. Гуттенберг, Д. Нолен, Й. Шумпетер).

Доминирующей моделью является модель полиархии, классическое описание которой дал Р. Даль, определявший ее как политическую систему, основанную на открытой политической конкуренции различных групп в борьбе за поддержку избирателей. Р. Даль выделял шесть основных институтов полиархической модели демократии: 1) выборность должностных лиц; 2) свободные, честные, часто проводимые выборы; 3) свобода выражения (право граждан свободно выражать свои взгляды, критиковать правительство, существующий социально-экономический режим и господствующую идеологию); 4) доступ к альтернативным источникам информации; 5) автономия ассоциаций (право граждан образовывать независимые от власти организации); 6) всеобщие гражданские права [4].

Позднее к этому списку институтов или критериев полиархии были добавлены дополнения. Важным дополнением стал принцип отзывчивости или ответственности правительства перед избирателями, предполагающий, что будет проводиться проводимая избранными на выборах представителями политика, соответствующая интересам и предпочтениям избирателей. Не менее важным дополнением является принцип уважения к правам меньшинства, признание права

меньшинства на защиту и выражение своих интересов, на представительство в избранных органах государственной власти. Дополнительным является также принцип консоциативности [8]. Этот принцип включает в себя такие детали, как коалиционность конкурирующих политических сил при принятии решений, затрагивающих интересы всего общества, пропорциональность представительства во власти политических сил (в том числе и представляющих интересы меньшинства), право вето меньшинств при принятии важных решений [8].

Несмотря на существующую критику отечественной избирательной системы, следует признать, что в отечественном избирательном законодательстве присутствуют все необходимые нормы, в которых реализованы практически все критерии демократичности избирательного процесса. Хотя, конечно, существуют возможности совершенствования этого законодательства с целью более полной реализации в нем этих критериев. И такое совершенствование с учетом опыта прошедших избирательных кампаний постоянно ведется, в отечественные законы о выборах регулярно вносятся изменения, дополнения и уточнения. Этот процесс свидетельствует именно об общей направленности трансформаций отечественного избирательного законодательства в сторону его большей демократизации и повышения эффективности организации избирательного процесса в контексте критериев его политической эффективности и особенно его демократичности. Если оценивать политическую эффективность отечественной избирательной системы по критерию ее общей демократичности с точки зрения практики избирательного процесса, то безусловно, следует признать, что не существует полного совпадения его законодательной модели с реальной практикой отечественных выборов.

Р. Скидельски интерпретирует этот зазор между избирательным законодательством и избирательной практикой вообще не как простое различие, но как базовое, фундаментальное противоречие: «Между нормативным и эмпирическим аспектом демократии изначально существует противоречие» [12]. Очевидно, что такая резкая оценка вряд ли обоснована. Однако, с другой стороны, не-

льзя отрицать, что в реальном отечественном избирательном процессе существуют определенные большие или меньшие проблемы с реализацией критериев его общей демократичности. Эти проблемы связаны с отсутствием достаточно высокой электоральной культуры как электората, так и селектората, а также с попытками некоторых представителей действующей власти управлять избирательным процессом и результатами выборов. Эти проблемы обусловлены также не столько несовершенством отечественного избирательного законодательства, которое достаточно демократично, сколько неполной или недостаточно эффективной реализацией этого законодательства в избирательной практике. Поэтому необходимо добиваться большей легитимизации избирательной практики, т.е. строгого соответствия избирательной практики избирательному законодательству.

Обсуждение. В отечественном дискурсе можно считать общепринятым признание соответствия российской политической системы таким критериям демократии, как выборность должностных лиц, автономия ассоциаций (право граждан образовывать независимые от власти организации), всеобщие гражданские права.

По остальным критериям существуют альтернативные оценки. Критики подвергают сомнению целый набор принципов, связанных с политическими свободами граждан и свободой политической конкуренции основных политических сил и организаций российского общества, а также принцип ответственности представительной власти перед избирателями. Критики подвергают сомнению также свободу и честность отечественных выборов. Критики, наконец, утверждают, что в российской политической системе недостаточно представлены и защищены права меньшинства, в особенности права политической оппозиции. Радикальные критики вообще заявляют, что демократические принципы организации отечественной политической системы являются лишь внешней формой или декорацией, маскирующей ее истинную антидемократическую сущность. Особенно часто подобные аргументы приводят отечественные радикальные либералы

и зарубежные критики. И.К. Пантин, например, утверждает: «Демократия же в России возникла на основе антикоммунизма до формирования частной собственности и капиталистической экономики... В результате на свет появилась не демократическая и плюралистическая политическая система, а система, в которой хозяевами положения в стране являются хорошо организованные и могущественные слои...»⁴.

С другой стороны, существует позиция апологетов и защитников демократичности отечественной политической системы. Такую позицию выражает, например, Н. А. Баранов: «Наша политическая система — результат не простого, но собственного опыта формирующейся российской нации. Она позволила удержать государство от распада и оказалась способной работать в различных режимах. Кроме того, она соответствует российской политической традиции» [1].

Какая же из позиций соответствует действительности? Очевидно, что крайние критические, как и крайние апологетические оценки степени демократичности отечественной политической системы являются гиперболизированными позитивными или негативными акцентуациями ее отдельных практических сторон. Более обоснована оценка, согласно которой в общих законодательных нормах организации отечественной политической системы с достаточной полнотой реализованы все критерии демократии, но между демократическим законодательством и практикой отечественного политического процесса существует определенное расхождение, которое необходимо минимизировать.

Заключение. С точки зрения институционального критерия как способности института выборов обеспечить реальное, адекватное, пропорциональное представительство во власти основных социально-политических и экономических групп общества следует признать обоснованную оценку, согласно которой отечественная смешанная мажоритарно-пропорциональная система в целом соответствует нормам демократии.

С точки зрения процессуального критерия как способности избирательной системы обеспечить действительное, а не формальное равенство политического соревнования кандидатов в процессе избирательной кампании следует признать, что в отечественной избирательной системе в целом существует достаточный потенциал политической эффективности. Проблема состоит только в его наиболее полном и эффективном раскрытии. Говоря об общедемократическом критерии политической эффективности как способности избирательной системы обеспечить представительство во власти и реализацию в деятельности избранных народных представителей действительных интересов избирателей, следует признать, что с позиции избирательного законодательства она вполне демократична, а с точки зрения практики избирательного процесса с реализацией критериев демократичности существуют определенные проблемы.

Список источников

1. Баранов Н.А. Трансформации современной демократии: учебное пособие [Электронный ресурс] // Персональный сайт Николая Баранова. СПб.: Балтийский государственный технический университет, 2006. 215с. URL: http://nicbar.ru/theoria_democracy12.htm (дата обращения: 12.03.2022).
2. Барсуков Д.С. Институт выборов Российской Федерации в представлениях современной российской молодежи // Современные прикладные исследования: материалы Второй национальной научно-практической конференции. Новочеркасск: Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ), 2018. С. 217–223.
3. Бишенова М.М. Влияние типов избирательной системы на формирование партийной системы // Вестник экспертного совета. 2021. №3(26). С. 59–64.
4. Даль Р.А. О демократии. М.: Аспект Пресс, 2000. 204 с.
5. Казаков А.В. Модернизация электро-рального процесса в современной России:

⁴ Пантин И.К. Проблемы и противоречия становления демократии в России [Электронный ресурс] // Яблоко: офиц. сайт. 2010. 29 апреля. URL: http://www.yabloko.ru/mneniya_i_publicatsii/2010/04/29 (дата обращения: 14.03.2022).

опыт институализации: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М.: Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, 2011. 24 с.

6. Киреев Д. А. Искажения пропорциональности в избирательных системах Российской Федерации и Федеративной Республики Германия // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2019. №4. С. 92–105.

7. Котегова М. А. Пропорциональная избирательная система: российский и зарубежный опыт: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.02. М.: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2007. 24 с.

8. Мельвиль А. Ю. Как измерять и сравнивать уровни демократического развития в разных странах? (По материалам исследовательского проекта «Политический атлас современности») // Научно-координационный совет по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России. М.: МГИМО-Университет, 2008. 135 с.

9. Морозова О. С. Влияние типа избирательной системы на функционирование политической системы общества // Теория и практика общественного развития. 2013. №2. С. 175–179.

10. Поломошнов А. Ф. Модернизация российской политической системы на рубеже тысячелетий. п. Персиановский, 2009. 113 с.

11. Поломошнов А. Ф. Специфика современной российской демократии // Kant. 2018. №4(29). С. 177–180.

12. Скидельски Р. Критерии демократии [Электронный ресурс] // Русский журнал: офиц. сайт. 2010. 10 сентября. URL: <http://www.russ.ru/pole/Kriterii-demokratii> (дата обращения 14.03.2022).

References

1. Baranov N.A. Transformacii sovremennoj demokratii: uchebnoe posobie [Transformations of modern democracy: textbook] [Elektronnyj resurs]. Personal'nyj sajt Nikolaja Baranova [Personal website of Nikolay Baranov]. Saint Petersburg: Baltijskij gosudarstvennyj tehničeskij universitet, 2006. 215 p. URL: http://nicbar.ru/theoria_democracy12.htm (data obrashhenija: 12.03.2022). (In Russ.).

2. Barsukov D.S. Institut vyborov Rossijskoj Federacii v predstavlenijah sovremennoj

rossijskoj molodezhi [Institute of Elections of the Russian Federation in the representations of modern Russian youth]. Sovremennye prikladnye issledovanija: materialy Vtoroj nacional'noj nauchno-praktičeskoj konferencii [Modern applied research: materials of the Second National Scientific and Practical Conference]. Novocherkassk: Juzhno-Rossijskij gosudarstvennyj politehničeskij universitet (NPI), 2018. P. 217–223. (In Russ.).

3. Bishenova M.M. Vlijanie tipov izbiratel'noj sistemy na formirovanie partijnoj sistemy [The influence of the types of electoral system on the formation of the party system]. Vestnik jekspertnogo soveta [Bulletin of the Expert Council]. 2021; 3(26): 59–64. (In Russ.).

4. Dal' R. A. O demokratii [On democracy]. Moscow: Aspekt Press, 2000. 204 p. (In Russ.).

5. Kazakov A.V. Modernizacija jelektoral'nogo processa v sovremennoj Rossii: opyt instutualizacii: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk: 23.00.02 [Modernization of the electoral process in modern Russia: the experience of institutionalization: Ph. D. (Policy) Thesis]. Moscow: Moskovskij gosudarstvennyj tehničeskij universitet im. N. Je. Baumana, 2011. 24 p. (In Russ.).

6. Kireev D.A. Iskazhenija proporcional'nosti v izbiratel'nyh sistemah Rossijskoj Federacii i Federativnoj Respubliki Germanija [Distortions of proportionality in the electoral systems of the Russian Federation and the Federal Republic of Germany]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 11: Pravo [Bulletin of the Moscow University. Series 11: Law]. 2019; (4): 92–105. (In Russ.).

7. Kotegova M.A. Proporcional'naja izbiratel'naja sistema: rossijskij i zarubezhnyj opyt: avtoref. dis. ... kand. jur. nauk: 12.00.02 [Proportional electoral system: Russian and foreign experience: Ph. D. (Legal Sciences) Thesis]. Moscow: Moskovskij gosudarstvennyj universitet im. M.V. Lomonosova, 2007. 24 p. (In Russ.).

8. Mel'vil' A. Ju. Kak izmerjat' i sravnivat' urovni demokratičeskogo razvitija v raznyh stranah? (Po materialam issledovatel'skogo proekta «Političeskij atlas sovremennosti») [How to measure and compare the levels of democratic development in different countries? (Based on the materials of the research project «Political Atlas of modernity»)]. Nauchno-kordinacionnyj sovet po mezhdunarodnym issledovanijam MGIMO (U) MID Rossii [Scientific

Coordination Council for International Studies of MGIMO (U) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia]. Moscow: MGIMO-Universitet, 2008. 135 p. (In Russ.).

9. Morozova O. S. Vlijanie tipa izbiratel'noj sistemy na funkcionirovanie politicheskoy sistemy obshhestva [The influence of the type of electoral system on the functioning of the political system of society]. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija* [Theory and practice of social development]. 2013; 2: 175–179. (In Russ.).

10. Polomoshnov A. F. Modernizacija rossijskoj politicheskoy sistemy na rubezhe tysjache-

letij [Modernization of the Russian political system at the turn of the millennium]. Persianovskij, 2009. 113 p. (In Russ.).

11. Polomoshnov A. F. Specifika sovremennoj rossijskoj demokratii [Specificity of modern Russian democracy]. *Kant*. 2018; 4(29): 177–180. (In Russ.).

12. Skidel'ski R. Kriterii demokratii [Criteria of democracy] [Jelektronnyj resurs] // Russkij zhurnal: ofic. sajt. 2010. 10 sentjabrja. URL: <http://www.russ.ru/pole/Kriterii-demokratii> (data obrashhenija 14.03.2022). (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 06.05.2022; одобрена после рецензирования 22.05.2022; принята к публикации 18.06.2022.

The article was submitted on 06.05.2022; approved after reviewing on 22.05.2022; accepted for publication on 18.06.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Некрасова Ирина Николаевна — аспирант кафедры «Экономика, философия и социальные дисциплины», Донской государственной аграрной университет.

Россия, п. Персиановский, ул. Кривошлыкова, 24

Irina N. Nekrasova — Postgraduate Student, Department of Economics, Philosophy and Social Disciplines, Don State Agrarian University.

24 Krivoshlykova st., Persianovsky v., Russia

Крольман Марианна Львовна — кандидат философских наук, доцент кафедры «Гражданское право», Ростовский государственный экономический университет (РИНХ). Специалист в области философии права. Стаж научной работы — 7 лет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, 37

Marianna L. Krolman — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of Civil law, Rostov State University of Economics (RSUE). Specialist in the field of research on Philosophy of Law. 7 years of research experience.

37 Kosmonavtov av., Rostov-on-Don, Russia

Вклад авторов:

Некрасова И. Н. — *написание исходного текста; итоговые выводы.*

Крольман М. Л. — *участие в разработке учебных программ; доработка текста; итоговые выводы.*

Contribution of the authors:

Nekrasova I. N. — *writing the original text; final conclusions.*

Krolman M. L. — *participation in development of curricula and their implementation; follow-on version of the text; final conclusions.*

Научная статья
УДК 338.48
DOI: 10.17213/2075-2067-2022-3-45-52

ТУРИСТСКИЕ ПРАКТИКИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ НА ЮГЕ РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ, ТИПЫ, ПРИОРИТЕТЫ

Камета Эльдархановна Рожабова

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия
rozhabova77@mail.ru, ORCID: 0000-0003-3843-5061*

Аннотация. *Целью исследования* является выявление особенностей развития молодежного туризма на Юге России с учетом масштабной ресурсной базы и потенциала туризма в данном макрорегионе, а также современных реалий, определяющих перспективы и барьеры повышения туристической активности молодых южан.

Методологическую базу исследования составляют принципы дискурсивного и типологического анализа, позволившие выявить наиболее приоритетные типы туристских практик в молодежной среде с точки зрения сложившихся в научном дискурсе позиций и объяснительных схем.

Результаты исследования. В молодежной среде Юга России сформировался высокий запрос на туризм как стиль активной жизни с ярко выраженным спортивным (во многом экстремальным) уклоном. Значительной популярностью в молодежной среде пользуется познавательный туризм, а также развлекательный (гедонистический), часто связанный с пляжным отдыхом. Такой характер туристических предпочтений объясняется самой архитектурой туристского ландшафта Юга России с его горными массивами и морскими пейзажами. Однако высокие туристические запросы южнороссийской молодежи реализуются далеко не в полной мере. Численность реальных практик в сфере туризма значительно уступает сформировавшимся потребностям молодежи.

Перспективу исследования составляет вывод о необходимости закрепления указанного положительного вектора в развитии молодежного туризма, связанного с высоким запросом на туризм как стиль жизни, путем преодоления барьеров развития данного типа туризма, прежде всего, социально-экономического порядка.

Ключевые слова: молодежь, молодежный туризм, туризм, спортивный туризм, Юг России, туристские практики

Для цитирования: Рожабова К. Э. Туристские практики в молодежной среде на Юге России: особенности, типы, приоритеты // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 3. С. 45–52. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-45-52>.

Original article

TOURISM PRACTICES AMONG YOUNG PEOPLE IN THE SOUTH OF RUSSIA: FEATURES, TYPES, PRIORITIES

K. E. Rozhabova

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
rozhabova77@mail.ru, ORCID: 0000-0003-3843-5061*

Abstract. *The purpose of the study is to identify the features of the development of youth tourism in the South of Russia, taking into account the large-scale resource base and tourism potential in this macro-region, as well as modern realities that determine the prospects and barriers to increasing the tourist activity of young Southerners.*

The methodological basis of the research consists of the principles of discursive and typological analysis, which made it possible to identify the most priority types of tourist practices in the youth environment from the point of view of the positions and explanatory schemes that have developed in scientific discourse.

The results of the study. *In the youth environment of the South of Russia, a high demand for tourism has formed as an active lifestyle with a pronounced sports (in many ways extreme) bias. Cognitive tourism, as well as entertainment (hedonistic) tourism, largely associated with beach holidays, enjoys considerable popularity among young people. This nature of tourist preferences is explained by the very architecture of the tourist landscape of the South of Russia with its mountain ranges and seascapes. However, the high tourist demands of the South Russian youth are far from being fully realized. The number of real practices in the field of tourism is significantly inferior to the established needs of young people.*

The perspective of the study is the conclusion that it is necessary to consolidate this positive vector in the development of youth tourism, associated with a high demand for tourism as a lifestyle, by overcoming barriers to the development of this type of tourism, primarily socio-economic order.

Keywords: *youth, youth tourism, tourism, sports tourism, South of Russia, tourist practices*

For citation: *Rozhabova K. E. Tourism Practices among Young People in the South of Russia: Features, Types, Priorities // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(3): 45–52. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-45-52>.*

Введение. Молодежь как субъект туристских практик привлекает все большее внимание исследователей по ряду причин. Во-первых, молодежь активно вовлекается в туристическую деятельность, в том числе связанную с новыми видами туризма, возникающими в условиях цифровизации и актуализации проблем современного человечества (например, экологических). Во-вторых, с туризмом связывается возможность решения проблемы здоровья молодежи, которое снижается в эпоху информационных технологий. В-третьих, туризм во всем своем многообразии является

важным фактором социализации молодежи [1], которая через туристские практики более глубоко знакомится с культурой и историей своего народа, а также других народов и государств, обретает коммуникативные и иные навыки (в зависимости от вида туризма), активно включается в пространство социальных связей и отношений, формируя и проявляя собственную субъектность.

Современный мир динамично развивается и вместе с ним столь же динамично меняется молодежь, изменяются ее ценностные приоритеты, поведенческие модели, потреб-

ности и жизненные планы. Адекватное прогнозирование будущего развития общества предполагает своевременное изучение жизненного мира молодежи, ее увлечений и жизненных приоритетов, в том числе и в сфере туризма, который в определенной мере может выступать индикатором качества жизни и уровня социального здоровья молодого поколения. Последнее выступает залогом здоровья нации, источником воспроизводства ее культурного, трудового и репродуктивного потенциала [2]. Молодежь — это проекция будущего каждого общества, а для его понимания и улучшения необходимо знать и понимать молодежь в настоящем¹.

Ученые констатируют, что у российской молодежи сформировался довольно высокий запрос на различного рода туристические услуги, однако, оценка уровня вовлеченности в туристские практики молодых россиян дается не столь высокая, т.е. туристическая активность молодежи уступает ее туристическим потребностям [3]. Иными словами, потенциал молодежного туризма в российском обществе используется не в полную меру. Вместе с тем его значение трудно переоценить, особенно в условиях поликультурного и полиэтничного характера российского общества, порождающего своеобразный этнокультурных ландшафт российских регионов и системы отношений в их пространстве.

Известно, что для полиэтничных регионов российского государства проблема социальной дезинтеграции носит более острый характер, а это порождает многочисленные исследовательские проекты, направленные на поиски механизмов гармонизации и стабилизации межэтнических отношений, принципов консолидации населения сложносоставных в этноконфессиональном отношении регионов. Таким регионом, привлекающим исследовательское внимание в указанном ключе, является южнороссийский макрорегион [4], развивающийся по собственной идентифика-

ционной траектории, но в логике общероссийского дискурса гражданской идентичности, консолидации и солидарности [5].

Юг России как макрорегион со своей историей, социокультурной спецификой, геоклиматическими условиями обладает достаточно мощным ресурсным потенциалом консолидации, который, как показывают современные исследования, не всегда используется во благо регионального сообщества [6].

Способствовать более эффективному развитию южнороссийского макрорегиона в социально-экономическом и социокультурном отношении, консолидировать народы Юга России и закрепить региональную идентичность может туризм. В процессе туристической деятельности, как известно, формируются коммуникативные связи, накапливается опыт межкультурного и межэтнического взаимодействия, закрепляются элементы, принципы и формы межэтнического общения.

Сегодня интерес к Югу России как региону, привлекающему внимание туристов, значительно возрос, и не только со стороны субъектов туристской деятельности, но и органов власти, активно принявших за обустройство наиболее важных природных и исторически ценных зон данного макрорегиона и прежде всего Северного Кавказа². Стоит ли удивляться этому с учетом богатства природного ландшафта южнороссийского региона, особенно горного массива? Последний сегодня активно осваивается, что находит выражение в развитии горнолыжного туризма, которому довольно долго в России не уделялось должного внимания. Юг России, если отталкиваться от принятых в стране приоритетов в развитии туризма, станет центром горнолыжного туризма. Уже здесь функционирует сеть горнолыжных курортов высокого класса (Архыз, Приэльбрусье, Красная поляна), которая планируется к расширению (за счет открытия курортов в Дагестане, Северной Осетии, Ингушетии и др.) и улучшению с точки зрения мировых стандартов³.

1 Ильинский И. М. Молодежь в процессе развития [Электронный ресурс] URL: <http://www.ilinskiy.ru/publications/stat/molrazv.php>.

2 Хованская Н. 25 крупнейших проектов в сфере туризма и рекреации на Северном Кавказе [Электронный ресурс] // Журнал «Вестник. Северный Кавказ». URL: <https://severnnykavkaz.ru/ratings/25-krupneyshikh-proektov-v-sfere-turizma-i-rekreatsii-na-severnom-kavkaze/>.

3 Кузнецов Г. А., Орлова Д. В. Анализ туристских предпочтений в сегменте горнолыжного туризма (на примере юга России) [Электронный ресурс] // X Международная студенческая научная конференция. Студенческий научный форум — 2018. URL: <https://scienceforum.ru/2018/article/2018002835>.

Уже сейчас Северный Кавказ входит в топ-5 самых популярных туристических направлений, выбираемых российской молодежью. Эти данные получены экспертами Национального туроператора АЛЕАН, отмечающими, что спрос на это направление вырос среди молодежи более чем в 3,5 раза, а в списке наиболее предпочитаемых туристических мест значатся Домбай, Дагестан, Северная Осетия и регион Кавказских Минеральных Вод⁴.

Понятно, что возросший интерес к родным пенатам связан во многом с пандемической ситуацией в мире, значительно ограничившей возможности для реализации международной туристской активности, но сам факт роста туристической привлекательности российских регионов и Юга России в частности, а также рост инвестиций в развитие его туристско-рекреационного сектора не может не быть высоко оценен.

Молодежь, как склонная к наиболее активным видам туризма, естественно, выступает основным потребителем туристских услуг, интенсивно развиваемых на Юге России, а потому возникает научный интерес к молодежному туризму в данном макрорегионе.

Молодежный туризм в спектре научных исследований. Туристские практики в молодежной среде изучаются, прежде всего, в контексте такого общего для данной социально-демографической группы вида туризма, как молодежный туризм. В этом направлении учеными сделано достаточно много, но современная жизнь и условия пандемии внесли свои коррективы, которые требуют осмысления в контексте пересмотра особенностей развития молодежного туризма в современной России и отдельно взятых регионах.

Анализ имеющихся исследований по молодежному туризму позволяет выделить ряд тематических направлений, привлечших внимание ученых разных отраслей социально-гуманитарного знания, среди которых:

— история становления и развития молодежного туризма в России [7];

— проблемы и предпочтения молодежи в сфере туризма [8–10];

— ресурсный потенциал туризма в плане патриотического воспитания молодежи, формирования у нее патриотических ценностей [11–12];

— нетрадиционные виды туризма в молодежной среде [13], в том числе развивающиеся под влиянием цифровизации [14];

— туризм как способ культурной интеграции региональной молодежи [3];

— туристические практики молодежи с точки зрения типологического многообразия туризма [15–18].

В современном мире типов туризма сложилось очень много, но динамика его развития только нарастает с годами. Активно в современном мире, и в российском обществе в том числе, развивается экологический, спортивный, социальный, образовательный, событийный, романтический, приключенческий, культурный, деловой и даже цифровой туризм как следствие цифровизации общества. В молодежной среде получают развитие нетрадиционные виды туристских практик [13]: dark-туризм, ритуальный туризм, индустриальный туризм, кибер-гот-туризм.

Выбор вида туризма и типа туристских практик осуществляется молодежью под влиянием ряда факторов, прежде всего связанных с ее ценностными приоритетами и установками, ресурсными возможностями и жизненными планами, ближайшим окружением, но в любом случае в процессе туристической деятельности реализуются потребности и интересы молодежи в личностном развитии, в познании окружающего мира, социальной реальности в ее прошлом и настоящем, в познании себя.

Приоритеты молодежи Юга России в сфере туризма. Сама специфика Юга России как туристического кластера предопределила в определенной мере типологический характер туристских практик, наиболее распространенных в данном регионе и предпочитаемых молодежью. Результаты исследований, проводимых среди молодежи Юга России, показывают, что молодежь в большей степени ориентирована на активные виды туризма, связанные с путешествиями, экс-

⁴ Стали известны самые популярные молодежные туристические направления в России [Электронный ресурс] // Ассоциация Туроператоров. URL: <https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/55294.html>.

тремальными видами спорта, а туристические мотивы молодежи возглавляют познавательные и коммуникационные мотивы, причем первые рассматриваются и как познание мира, и как познание самого себя, своих сил, возможностей [19].

Горы Центрального Кавказа, представляющие собой «благоприятное сочетание неповторимых ландшафтов, климата, удобных спусков с устойчивым снежным покровом, что создает уникальные условия для развития горнолыжного спорта» [20, с. 105], с каждым годом все больше внимания привлекают не только местную молодежь, но молодежь из других регионов страны и остального мира, особенно среди любителей экстремального туризма. Горные виды туризма, как летние, так и зимние (зимние особенно), становятся модными в молодежной среде, что ориентирует местные власти на дальнейшее развитие молодежных маршрутов с целью популяризации активного (спортивного) туризма.

Немаловажную роль в молодежной среде играют также мотивы гедонистического характера, что выражается в высоком запросе на пляжный туризм среди молодежи Юга России [10], что неудивительно с учетом курортно-рекреационной специфики Краснодарского края. Этот субрегион среди других в составе Юга России характеризуется разнообразием курортно-рекреационных условий, позволяющих развивать самые разнообразные виды туризма — от пляжного до экстремального (горнолыжного).

Присоединение Крыма к РФ в еще большей степени усилило эти направления молодежного туризма как туризма прежде всего активного. Исследователи выделяют в качестве наиболее предпочтительных видов молодежного туризма в Республике Крым спортивный и экстремальный туризм, познавательный (экскурсионный) туризм и оздоровительный туризм [21]. Крым — это уникальный объект туризма, характеризующийся колоссальным объемом ресурсов как природного, так и антропогенного характера. Будучи самым «фестивальным» регионом страны, Крым собирает огромное количество молодежи, участвующей в различного рода фестивальных мероприятиях (творческих, научных, спортивных и т.д.), что придает молодежному туризму в этом регионе особую

миссию, связанную с интеграцией молодежи разных регионов страны, формированием связей и отношений «по интересам», определяющих дух поколения, его видение мира и своего места в нем.

Заключение. Итак, можно сделать общий вывод, согласно которому молодежный туризм как важный сегмент туристической сферы южнороссийского региона имеет позитивную динамику в своем развитии, проявляющуюся в увеличении запроса на туристические услуги среди молодых южан, а также активности в туристской деятельности по самым разным направлениям, среди которых выделяется спортивное, развлекательное и познавательное.

Вместе с тем в качестве серьезной проблемы, которая стоит перед южнороссийской молодежью, как, впрочем, и перед страной в целом, вырисовывается следующая: запросы на туризм среди молодежи Юга России более высокие, чем реально реализуемые практики в сфере туризма [10]. И этот факт позволяет, с одной стороны, говорить о положительном векторе в развитии молодежного туризма с точки зрения ценностных и поведенческих установок молодых южан, а с другой — выявляет барьеры развития молодежного туризма, связанные, прежде всего, с социально-экономической дифференциацией в обществе и в молодежной среде в частности.

Список источников

1. Степановский Е. П., Скляр А. В. Социализация в туристском пространстве // Научный вестник ЮИМ. 2015. №4. С. 48–52.
2. Журавлёва И. В., Лакомова Н. В. Социальная обусловленность здоровья подростков во временном аспекте // Социологическая наука и социальная практика. 2019. №2(26). С. 132–151.
3. Раитина М. Ю., Илхохина Г. И., Покровская Е. М., Сулова Т. И., Ходкевич М. М. Молодежный туризм как способ культурной интеграции: региональный аспект (на примере г. Томска) // Сервис Plus. 2019. Т. 13. №2. С. 3–13.
4. Волков Ю. Г., Лубский А. В. и др. Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России: междисциплинарный анализ и оцен-

ка потенциала использования в укреплении общероссийской идентичности: монография / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2018. 304 с.

5. Волков Ю.Г., Лубский А.В. и др. Патриотизм, гражданственность и солидарность в региональных сообществах на Юге России: коллективная монография / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2018. 412 с.

6. Узунов В.В. Факторы социальной консолидации в региональных сообществах на Юге России // *Caucasian Science Bridge*. 2021. №2. С. 56–70.

7. Васильцов А.В., Коноплева Д.В., Ахатов Д.С. Историогенез молодежного туризма в России [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriogenezmolodezhnogo-turizma-v-rossii>.

8. Булганина С.В., Ананьева К.В., Тюмина Н.С., Шутова Ю.Г. Маркетинговое исследование предпочтений молодёжи в области туризма // Интернет-журнал «Науковедение». 2016. Т. 8. №4. [Электронный ресурс]. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/06EVN416.pdf>.

9. Молодежный туризм в России: ресурсы, тенденции, перспективы: Сборник статей по материалам 4-й международной студенческой научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 26 апреля 2019 г.). СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. 283 с.

10. Сидорова Д.В., Филобок А.А., Пономарёва Н.В., Волкова Т.А. Современные тенденции и проблемы развития молодежного туризма в России на примере Краснодарского края // Юг России: экология, развитие. 2017. Т. 12. №3. С. 98–105.

11. Молчанова Н.В. Туристская деятельность как фактор патриотического воспитания // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2016. Т. 10. №2. С. 27–32.

12. Насибова И.Н. Особенности развития молодежного туризма в России и его влияние на формирование патриотических ценностей молодёжи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. №11. С. 302–307.

13. Баканова А.А. Нетрадиционные виды молодежного туризма // Царскосельские чтения. 2012. №XVI. С. 149–152.

14. Черевичко Т.В., Темякова Т.В. Цифровизация туризма: формы проявления //

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19. Вып. 1. С. 59–64.

15. Иванов В.Д. Образовательный туризм как перспективное направление молодежного туризма // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. 2019. Т. 4. №1. С. 98–102.

16. Поуесов А.В., Веницкая А.В. Экологический туризм в досуге молодежи [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tsutmb.ru/nauka/internet-konferencii/6-visheslovatskiechtenia/pouesov.pdf>.

17. Щербакова Е.А., Гарифуллина Р.С. Приоритетные направления развития детского и молодежного туризма в России // Вестник КазГУКИ. 2013. №2. С. 137–140.

18. Каменец А.В. Молодежный социальный туризм как общественная проблема [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2015. №2-2. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=22022>.

19. Юдина Т.А., Балаян М.Н. Молодежный туризм как фактор развития международного туризма на территории Краснодарского края // Теория и практика общественно-экономического развития. 2015. №5. С. 18–22.

20. Галачиева Л.А., Шагин С.И. Экстремальный туризм: пути и перспективы развития на Центральном Кавказе // Известия ДГПУ. 2015. №2. С. 105–109.

21. Агаева Н.Ю., Пономарева Н.И., Токарева Д.М., Бабенко А.А. Потенциал и основные направления развития молодежного туризма в Республике Крым // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. Т. 8. №1(26). С. 62–66.

References

1. Stepanovskij E.P., Skljarov A.V. Socializacija v turistskom prostranstve [Socialization in the tourist space]. *Nauchnyj vestnik JuIM [Scientific Bulletin of the YUIM]*. 2015; (4): 48–52. (In Russ.).

2. Zhuravljova I.V., Lakomova N.V. Social'naja obuslovlennost' zdorov'ja podrostkov vo vremennom aspekte [Social conditionality of adolescent health in the temporal aspect]. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika [Sociological science and social practice]*. 2019; 2(26): 132–151. (In Russ.).

3. Raitina M. Ju., Iľuhina G. I., Pokrovskaja E. M., Suslova T. I., Hodkevich M. M. Molodezhnyj turizm kak sposob kul'turnoj integracii: regional'nyj aspekt (na primere g. Tomska) [Chodkiewicz Youth tourism as cultural integration: regional aspect (on the example of Tomsk)]. *Servis Plus*. 2019; 13(2): 3–13. (In Russ.).
4. Volkov Ju. G., Lubskij A. V. et al. Institucional'nye praktiki v mezhjetnicheskom i mezhreligioznom vzaimodejstvii na Juge Rossii: mezhdisciplinarnyj analiz i ocenka potenciala ispol'zovaniya v ukreplenii obshherossijskoj identichnosti: monografija [Institutional practices in interethnic and interreligious interaction in the South of Russia: interdisciplinary analysis and assessment of the potential for use in strengthening the All-Russian identity: monograph]. Otv. red. Ju. G. Volkov [In Yu. G. Volkov (eds.)]. Rostov-on-Don: Fond nauki i obrazovaniya, 2018. 304 p. (In Russ.).
5. Volkov Ju. G., Lubskij A. V. et al. Patriotizm, grazhdanstvennost' i solidarnost' v regional'nyh soobshhestvakh na Juge Rossii: kollektivnaja monografija [Patriotism, citizenship and solidarity in regional communities in the South of Russia: a collective monograph]. Otv. red. Ju. G. Volkov [In Yu. G. Volkov (eds.)]. Rostov-on-Don: Fond nauki i obrazovaniya, 2018. 412 p. (In Russ.).
6. Uzunov V. V. Faktory social'noj konsolidacii v regional'nyh soobshhestvakh na Juge Rossii [Factors of social consolidation in regional communities in the South of Russia]. *Caucasian Science Bridge*. 2021; (2): 56–70. (In Russ.).
7. Vasil'cov A. V., Konopleva D. V., Ahatov D. S. Istoriogenez molodezhnogo turizma v Rossii [Historiogenesis of youth tourism in Russia] [Elektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriogenez-molodezhnogo-turizma-v-rossii>. (In Russ.).
8. Bulganina S. V., Anan'eva K. V., Tjulina N. S., Shutova Ju. G. Marketingovoe issledovanie predpochtenij molodjozhi v oblasti turizma [Marketing research of youth preferences in the field of tourism]. *Internet-zhurnal «Naukovedenie»* [Online journal «Science Studies»]. 2016; 8(4). [Elektronnyj resurs]. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/06EVN416.pdf>. (In Russ.).
9. Molodezhnyj turizm v Rossii: resursy, tendencii, perspektivy: Sbornik statej po materialam 4-j mezhdunarodnoj studencheskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Sankt-Peterburg, 26 aprelya 2019 g.) [Youth tourism in Russia: resources, trends, prospects: Collection of articles based on the materials of the 4th International Student Scientific and Practical Conference (St. Petersburg, April 26, 2019)]. Saint Petersburg: Izd-vo RGPU im. A. I. Gercena, 2019. 283 p. (In Russ.).
10. Sidorova D. V., Filobok A. A., Ponomarjova N. V., Volkova T. A. Sovremennye tendencii i problemy razvitija molodezhnogo turizma v Rossii na primere Krasnodarskogo kraja [Modern trends and problems of youth tourism development in Russia on the example of Krasnodar Krai]. *Jug Rossii: jekologija, razvitie* [South of Russia: ecology, development]. 2017; 12(3): 98–105. (In Russ.).
11. Molchanova N. V. Turistskaja dejatel'nost' kak faktor patrioticheskogo vospitanija [Tourist activity as a factor of patriotic education]. *Vestnik asociacii vuzov turizma i servisa* [Bulletin of the Association of Universities of Tourism and Service]. 2016; 10(2): 27–32. (In Russ.).
12. Nasibova I. N. Osobennosti razvitija molodezhnogo turizma v Rossii i ego vlijanie na formirovanie patrioticheskikh cennostej molodezhi [Features of the development of youth tourism in Russia and its impact on the formation of patriotic values of youth]. *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences]. 2015; (11): 302–307. (In Russ.).
13. Bakanova A. A. Netradicionnye vidy molodezhnogo turizma [Non-traditional types of youth tourism]. *Carskosel'skie chtenija* [Tsarskoye Selo readings]. 2012; (XVI): 149–152. (In Russ.).
14. Cherevichko T. V., Temjakova T. V. Cifrovizacija turizma: formy projavlenija [Digitalization of tourism: forms of manifestation]. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija Jekonomika. Upravlenie. Pravo* [News of Saratov University. A new series. Economics series. Management. Right]. 2019; 19(1): 59–64. (In Russ.).
15. Ivanov V. D. Obrazovatel'nyj turizm kak perspektivnoe napravlenie molodjozhnogo turizma [Educational tourism as a promising direction of youth tourism]. *Fizicheskaja kul'tura. Sport. Turizm. Dvigatel'naja rekreacija* [Physical culture. Sport. Tourism. Motor recreation]. 2019; 4 (1): 98–102. (In Russ.).

16. Pouesov A. V., Vinickaja A. V. Jekologicheskiy turizm v dosuge molodezhi [Ecological tourism in youth leisure] [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.tsutmb.ru/nauka/internet-konferencii/6-visheslovatskie-chtenia/pouesov.pdf>. (In Russ.).

17. Shherbakova E. A., Garifullina R. S. Prioritetnye napravlenija razvitija detskogo i molodezhnogo turizma v Rossii [Priority directions of development of children's and youth tourism in Russia]. *Vestnik KazGUKI [Bulletin of KazGU-KI]*. 2013; (2): 137–140. (In Russ.).

18. Kamenec A. V. Molodezhnyj social'nyj turizm kak obshhestvennaja problema [Youth social tourism as a public problem] [Jelektronnyj resurs] // *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija*. 2015; (2-2). URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=22022>. (In Russ.).

19. Judina T. A., Balanjan M. N. Molodezhnyj turizm kak faktor razvitija mezhdunarodnogo turizma na territorii Krasnodarskogo kraja

[Youth tourism as a factor in the development of international tourism in the Krasnodar Territory]. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija [Theory and practice of social development]*. 2015; (5): 18–22. (In Russ.).

20. Galachieva L. A., Shagin S. I. Jekstremal'nyj turizm: puti i perspektivy razvitija na Central'nom Kavkaze [Extreme tourism: ways and prospects of development in the Central Caucasus]. *Izvestija DGPU [News of DGPU]*. 2015; (2): 105–109. (In Russ.).

21. Agaeva N. Ju., Ponomareva N. I., Tokareva D. M., Babenko A. A. Potencial i osnovnye napravlenija razvitija molodezhnogo turizma v Respublike Krym [Potential and main directions of development of youth tourism in the Republic of Crimea]. *Azimut nauchnyh issledovanij: jekonomika i upravlenie [Azimut of scientific research: economics and management]*. 2019; 8(1(26)): 62–66. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 21.11.2021; одобрена после рецензирования 25.11.2021; принята к публикации 28.11.2021.

The article was submitted on 21.11.2021; approved after reviewing on 25.11.2021; accepted for publication on 28.11.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рожабова Камета Эльдархановна — аспирант Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Kameta E. Rozhabova — Graduate Student, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya st., Novochoerkassk, Russia

Научная статья
УДК 316.4
DOI: 10.17213/2075-2067-2022-3-53-62

СОЦИАЛЬНАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Владимир Владимирович Узунов

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
vladimir.uzunov@mail.ru, ORCID: 0000-0002-7070-7867, AuthorID РИНЦ: 863513

Аннотация. *Цель исследования.* В настоящей обзорной статье рассматриваются вопросы содержания одного из сложных и многоплановых понятий ряда гуманитарных наук — понятия «консолидация». Целью исследования является критический анализ классических и современных научных источников, прямо или косвенно затрагивающих данное понятие в предметном поле ряда гуманитарных наук.

Методологические принципы исследования заключаются в использовании совокупности классических и инновационных общетеоретических и специальных методов, характерных для социологических парадигм «среднего уровня». Широко используется математический аппарат, специфические психологические приемы и тесты, что позволяет существенно расширить методологическое поле исследования.

Результаты исследования, изложенные в статье, показывают следующее: анализ источников, проведенный автором, дает основание утверждать, что в рефлексивном поле социологии данное понятие разработано не полностью и недостаточно отражено в научном дискурсе. Автор классифицирует направления рассмотрения социальной консолидации в научных публикациях и предлагает свою трактовку понятия социальной консолидации в контексте современного полиэтнического социума.

Перспективы исследования. Характеризуя перспективы исследования, автор доказывает, что вопрос комплексного системного анализа проблемы социальной консолидации в условиях полиэтнического социума имеет большое значение в аспекте теоретической и прикладной социологии и, бесспорно, требует дальнейшей углубленной разработки. Исследование можно рассматривать как направление в изучении социальной консолидации в динамично меняющемся и развивающемся обществе.

Ключевые слова: социальная консолидация, дискурс, рефлексия, полиэтнический социум
Для цитирования: Узунов В.В. Социальная консолидация как предмет социологической рефлексии // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 3. С. 53–62. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-53-62>.

Original article

SOCIAL CONSOLIDATION AS A SUBJECT OF SOCIOLOGICAL REFLECTION

Vladimir V. Uzunov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

vladimir.uzunov@mail.ru, ORCID: 0000-0002-7070-7867, AuthorID RSCI: 863513

Abstract. *The purpose of the study.* The review article examines the content problems of the notion «consolidation», which is a complex and multidimensional concept belonging to a number of human sciences. The research objective is a critical analysis of classical and modern scientific sources that directly or indirectly affect this concept in the human sciences subject field.

The research methodological principles involve a set of classical and innovative general-theoretical and special methods that are characteristic of the «middle range» sociological paradigms. High use of mathematical apparatus, specific psychological techniques and tests allows to expand the methodological research field significantly.

The research results presented in the article show that the source analysis carried out by the author gives grounds to assert that this concept has not been fully developed in the sociology reflexive field, as well as insufficiently reflected in the scientific discourse. The author classifies the consideration areas of social consolidation in scientific publications and offers his own interpretation of social consolidation concept considering modern multi-ethnic society.

The prospect of the study. Defining the directions for future research, the author proves that the issue of a comprehensive, systematic social consolidation problem analysis in a multi-ethnic society is very important in terms of theoretical and applied sociology and, beyond dispute, requires further profound investigation. The study can be viewed as a research direction of social consolidation in a dynamically changing and developing society.

Keywords: social consolidation, discourse, reflection, multiethnic society

For citation: Uzunov V. V. Social consolidation as a subject of sociological reflection // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(3): 53–62. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-53-62>.

Характеристика проблемы. XXI век, начало которого оказалось своеобразным пробным камнем для проверки на прочность выбора пути развития России, характеризуется кардинальными изменениями во всех сегментах российского полиэтничного общества — экономическом, социальном, политическом и духовном. Оно ищет такую парадигму своего развития, которая объединила бы различные, иногда противоположные интересы людей, принадлежащих к разным социальным слоям, этническим и языковым группам, социально-демографическим, региональным и поселенческим сообществам.

Сегодня, характеризуя состояние нашего общества, невозможно отнести его к оконча-

тельно завершеному типу, какую бы сферу общественной жизни мы ни рассматривали.

В экономике — это неустойчивый конгломерат разнообразных форм собственности и типов организации производства. Необходимо констатировать, что переход от «общественной» собственности на средства производства в ее упрощенной трактовке к другим формам собственности, который часто спонтанно осуществлялся в 90-е годы XX столетия, а иногда просто игнорировал элементарные нормы социальной справедливости, не приобрел окончательно сложившихся форм.

В политике — это поиск политического самоопределения в условиях противостояния

политических сил внутри страны и усложнившейся геополитической ситуации в результате реформирования биполярного мирового пространства.

В социальной сфере — это совокупность разного рода социальных образований, характерной чертой которых является ослабление присущих советскому обществу социальных индикаторов, определявших длительное время его качественные характеристики, и неустойчивый характер формирующихся индикаторов.

В конце концов, в сфере духовной — это отказ от марксистско-ленинской идеологии и культуры, базировавшейся на ее постулатах, и одновременный поиск более или менее определенной концепции духовного развития общества в обозримом будущем.

Казалось бы, такая ситуация сводит на нет возможности социологов в решении фундаментальных научных задач анализа социальной структуры и социальных процессов и тем более — социального прогнозирования.

Впрочем, по мнению автора, такие возможности объективно существуют. Во-первых, социальный организм общества имеет объективно сложившиеся и достаточно устойчивые социально-демографические, социально-профессиональные и социально-территориальные сообщества, анализ состояния и развития которых позволяет не только формулировать оценку современного состояния общества, но и прогнозировать различные аспекты его трансформации. Во-вторых, неизменной первоосновой общества остается человек, который не мыслится вне системы общественных отношений, поэтому социологический анализ проблем человека, личности в условиях социальных реалий является важным элементом социологического анализа и прогнозирования.

Наиболее актуально это выглядит в плоскости так называемых теорий среднего уровня, поскольку современная реальность ставит отечественную социологию перед необходимостью разработки таких направлений анализа отдельных составляющих общества, которые давали бы возможность дифференцированно оценивать роль и место в обществе каждого социального явления и процесса, фиксировать факторы их устойчивости, определять социальные индикаторы, при по-

мощи которых можно тестировать внутренние изменения и влияющие на них внешние факторы.

Таким образом, правомерной представляется попытка поднять вопрос о необходимости разработки таких направлений методологии и методики социологического анализа, которые послужили бы инструментом научно обоснованной оценки состояния современных социальных общностей, социальных институтов и социальных отношений в обществе.

Приступая к характеристике проблемы роли и места социальной консолидации в развитии полиэтничного социума, отметим, что данное понятие крайне разнообразно трактуется в предметных полях научной рефлексии. В экономике, праве, психологии данное понятие характеризуется не совпадающими друг с другом содержательными характеристиками. Даже сугубо филологический анализ содержания данного понятия дает нам до десяти близких, но не совпадающих синонимов, применимых в контексте каждой конкретной науки.

Отсюда формулируются цель и задачи настоящей обзорной статьи, а именно — рассмотрение понятия «социальная консолидация» в качестве предмета социологической рефлексии. Однако достижение этой цели невозможно без детального анализа социологического дискурса, элементы которого излагаются в многочисленной литературе, прямо или косвенно затрагивающей данную проблему.

Напомним, прежде всего, что по классическому определению Н. И. Кондакова, «Дискурсивное знание... — процесс связного, строго последовательного ясного рассуждения, в котором каждая последующая мысль вытекает из предыдущей и обуславливает последующую» [1, с. 154]. Понятие «дискурс», по разным оценкам, проистекает либо от позднелатинского *discursus* — «рассуждение, довод», либо от французского *discours* — «речь, выступление, слова».

Однако дискурс возникает лишь тогда, когда осуществляется определенное научное исследование, ход и результаты которого обсуждаются учеными.

Отметим, что полноценный научный дискурс таких сложных и многоуровневых понятий, как «социальная консолидация», не всег-

да отвечает классическим требованиям к его критериям. Анализ многочисленной научной литературы, в которой осуществляются попытки понятийного анализа проблемы в проблемных полях философии, психологии, политологии, культурологии и, естественно, социологии, показывает, что определенные ограничения здесь преодолены не до конца.

Ведь научный дискурс в обобщенном виде, как правило, включает в себя совокупность специальных дискурсов, содержание которых определяется, во-первых, предметным полем научной специализации, в рамках которой этот дискурс осуществляется, а во-вторых, жанровыми особенностями дискурса, которые определяют не только его вербальные ряды, но и уровень, на котором этот дискурс реализуется.

Последнее замечание сегодня приобретает особую значимость, поскольку научный дискурс все активнее переходит в Интернет, особенности общения в котором часто предполагают упрощение вербальных рядов в силу того, что в дискурсе активно начинают участвовать акторы, не владеющие навыками в поле данной научной специализации. Вследствие этого стратегии дискурса не выдерживаются. Более того, смысл дискурса часто выхолащивается в пользу неоправданного упрощения.

Свой сугубо социологический смысл понятие дискурса получило, в частности, благодаря известной работе Мишеля Фуко «Слова и вещи», где дискурс понимается им «как сложная совокупность языковых практик, участвующих в формировании представлений о том объекте, который они рассматривают» [2]. М. Фуко трактует дискурс как инструмент познания, представляющий нетрадиционный подход к анализу общества и его культуры.

Таким образом, анализ дискурса представляет собой междисциплинарную область знания, которая объективно перерастает границы проработки объекта познания, характерные для каждой отдельной области знаний. Тем более Юрген Хабермас замечал, что в социальном познании неуместно говорить об абсолютной несовместимости двух аспектов самотематизации познающего субъекта [3, с. 310].

Именно в этом ключе мы считаем целесообразным трактовать свое видение научной

проработки понятия консолидации как фактора общественно-политического развития российского общества, и в частности консолидации как условия развития полиэтнического социума, который, по нашему мнению, воспроизводит сущность российского общества. Нельзя забывать, что отношения в обществе строятся на наиндивидуальном уровне, когда индивиды в процессе социализации постепенно включаются в структуру социальной системы, т.е. общества. Собственно, именно общество на стадиях своего роста и развития в обязательном порядке предполагает консолидацию в процессах социального взаимодействия людей, что воспроизводится в историческом процессе. И, наоборот, если общество вступает в стадии социальной стагнации или, что хуже, упадка, траектория на социальную консолидацию сменяется траекторией разобщения и распада.

Однако анализ многочисленной литературы, где употребляется понятие «консолидация», дает основание утверждать, что оно приобретает различный смысл в различных модификациях рефлексивного пространства.

При этом только в пространстве научной литературы по проблеме социальной консолидации можно выделить направления, в которых социальная консолидация рассматривается.

Прежде всего, поскольку социальная консолидация анализируется в контексте различных отраслей социально-гуманитарного знания, мы все чаще встречаемся с тем, что методологические особенности наук гуманитарного цикла часто не совпадают.

Социальная консолидация справедливо рассматривается как условие обеспечения всеобъемлющей безопасности общества [4; 5]. Здесь мы также встречаем разночтения, исходящие из особенностей предметов исследования, хотя объект исследований, как правило, совпадает либо вовсе абсолютно аутентичен.

П.М. Козырева характеризовала социальную консолидацию как «явление, детерминированное рядом факторов, среди которых выделяются социально-экономические, социокультурные и политические факторы; религия; социальная активность и идентичность социальных групп, общества в целом; историческая память; институт лидерства; институт семьи; правовая культура и пра-

вовое сознание; доверие, политическое согласие, политическая и межкультурная коммуникация» [6, с. 62]. Наши исследования 2018–2021 годов на эмпирическом уровне полностью подтвердили эту характеристику и проистекающие из нее требования к ресурсной обеспеченности таких ресурсов социальной консолидации, как гражданская, религиозная и этническая идентичность, традиционная народная культура, человеческий и социальный капитал, субъектность индивидов, социальных групп, о чем в разное время писали Л. М. Дробижева, В. В. Ложко и М. В. Морев [7–9].

В ряде работ отечественных исследователей приводятся определения идеологических, мировоззренческих и идейно-смысловых оснований социальной консолидации, среди которых особое внимание уделяется социальной справедливости, патриотизму, в том числе гражданскому [10–13].

Необходимо выделить также работы М. К. Горшкова, Ю. Г. Волкова [14; 15] и Е. С. Куввы [16], в которых осуществляется обобщающий анализ консолидационных процессов в российском обществе, освещаются вопросы консолидации отдельных социальных и региональных групп, рассматриваются различные модели консолидации, связанные с полиэтническими, духовными, ценностными и иными особенностями России и ее регионов.

Следует отметить, что в научных публикациях наиболее разработаны те направления, в которых научный дискурс выстраивается вокруг анализа факторов и механизмов социальной консолидации, а также ее ресурсной обеспеченности и детерминированности идейно-смысловым и мировоззренческим содержанием консолидационных процессов. При этом обращает на себя внимание тот факт, что в указанных направлениях зачастую пересекаются проблемные поля, когда одни и те же явления в различных исследованиях интерпретируются и как факторы, и как ресурсы, как механизмы, и как консолидационная идея (к примеру, гражданское общество, патриотизм, идентичность и т. д.).

Сама природа процесса социальной консолидации, который, с одной стороны, является детерминантой социокультурной динамики, а с другой — сам этот процесс

детерминирован динамикой иных социокультурных процессов, порождает разнообразие подходов к решению проблемы социальной консолидации в пространстве различных дисциплинарных практик.

Не претендуя на исключительность, автор настоящей статьи отмечает, что социальная консолидация — это явление, которое носит многоуровневый характер, о чем автор писал в одной из своих статей [17].

На микроуровне социологического анализа наши исследования позволяют утверждать, что социальная консолидация на уровне повседневных социальных практик находит выражение в субъективной солидарности индивидов и социальных групп. На макроуровне социальная консолидация реализуется в объективной интеграции разнообразных структур социальной системы.

Учитывая все эти особенности, получившие развернутые характеристики в проанализированных выше и иных работах ученых, специализирующихся в разных областях общественности, следует отметить те, которые позволяют утверждать, что результирующим предметным полем анализа понятия социальной консолидации является предметное поле социологии.

В защиту данного утверждения можно принять следующие аргументы.

Во-первых, социология в качестве объекта исследования рассматривает общество как цельную систему социальных, экономических, политических, социокультурных и иных отношений.

Во-вторых, объектом социологии выступают социальные общности, сформированные на самых различных уровнях — от социального взаимодействия личностей до функционирования социума, понимаемого в самом широком смысле. Здесь мы сталкиваемся с тем, что в социологии, кроме общетеоретической социологии, функционируют так называемые теории среднего уровня, конституируемые не одним поколением отечественных и зарубежных социологов.

В-третьих, в предметном поле социологии взаимодействует и пересекается анализ самых разных социальных процессов, осуществляющихся на различных уровнях и часто действующих в противоположных направлениях.

В-четвертых, социология оперирует исключительно социальными фактами, позволяющими в значительной степени исключать домыслы, не отвечающие реальности предположения, не обоснованные социальной практикой обобщения.

Наконец, в-пятых, методологически социология опирается на совокупность классических и инновационных общетеоретических и специальных методов и принципов. Широко использует математический аппарат, специфические психологические приемы и тесты, что позволяет существенно расширять методологическое поле социологической науки.

Обобщая проведенный анализ по направлениям, получившим освещение и развитие в научно-исследовательской литературе при исследовании социальной консолидации, нельзя не отметить еще одного аспекта рассматриваемой проблемы. Речь идет о понимании консолидации в условиях полиэтнического социума.

Как отмечал В. А. Чигрин, «полиэтнический социум нужно рассматривать как сложный, многомерный феномен, универсальную форму организации социального пространства, в котором реализуется предметное бытие людей, объединенных в определенные этнонациональные и региональные общности, отношения которых следует характеризовать в системе, включающей специфические условия функционирования — ресурсные, исторические, экономические, политические, социокультурные, ментальные и др.» [18, с. 86].

На этом основании целесообразно констатировать, что современный этап общественного развития характеризуется не просто интенсификацией изменений в плоскости этнонациональных и межрегиональных отношений, а достаточно часто радикальными переориентациями, которые приобретают диаметрально противоположные направления под влиянием экономических и политических интересов олигархических групп, отдельных государств и их союзов, под давлением разнонаправленных потоков информации.

Часто эти процессы перерастали в противостояние двух тенденций — консолидации и разобщения. Так, в Югославии этнонациональные и региональные отношения приоб-

ретали вид настоящих войн, которые привели к ее распаду.

Парадоксы теории и практики полиэтнического социума заключаются в том, что этот социум сегодня характеризуется столкновением или борьбой разных сил, возникающих в результате формирования межэтнических и межрегиональных отношений, основным фактором которых является этническая и региональная ситуация в определенной стране или в межгосударственном объединении.

Именно поэтому в полиэтническом социуме особую важность приобретает рассматриваемое нами понятие социальной консолидации, которое определяет перспективы сохранения и развития такого социума и позволяет купировать негативные процессы, сотрясающие подавляющее большинство стран, подпадающих под данную характеристику.

Выводы. Подытоживая краткий обзор литературы, в той или иной степени близкой к осуществленному нами исследованию, отметим следующее.

Во-первых, рост интереса исследователей к изучению места и роли социальной консолидации в обществе, которое подтверждается увеличением количества и расширением проблематики публикаций, еще раз свидетельствует о несомненной актуальности темы исследования.

Во-вторых, исследовательская литература по вопросам социальной консолидации крайне неравномерно охватывает различные ее аспекты. Кроме того, часть опубликованных работ ограничивается констатацией показателей чисто количественного характера, недостаточно глубоко подходит к анализу соотношения общего, особенного и единичного в развитии консолидационных процессов, подчас опирается на социологические данные, которые не могут быть достаточно репрезентативными для обоснования осуществляемых авторами обобщений.

Все это в совокупности свидетельствует, что вопрос комплексного, системного анализа проблемы социальной консолидации в условиях полиэтнического социума имеет большое значение в аспекте теоретической и прикладной социологии и, бесспорно, требует дальнейшей углубленной разработки. Именно поэтому и было осуществлено это

наше исследование, которое можно рассматривать как направление в изучении социальной консолидации в динамично меняющемся и развивающемся обществе.

В-третьих, анализ публикаций, в которых освещаются те или иные характеристики социальной консолидации, дает основания утверждать, что на сегодня не сложилась концепция ее изучения.

В-четвертых, сравнение материала литературных источников 1990–2000-х годов и публикаций, вышедших в последние годы, свидетельствует, что в последние пять лет наметился процесс поиска новых теоретических подходов к изучению роли и места социальной консолидации в формировании нового общества. Вместе с тем изучение и анализ социологической, психологической, политологической литературы по вопросам молодежи свидетельствуют о сближении позиций ученых, которые представляют эти научные дисциплины. Все это побуждает к дальнейшим поискам и разработке методологических принципов изучения данного социального феномена.

Следует отметить, что социологический контекст изучения социальной консолидации включает в себя широкий спектр социальных явлений и процессов, связанных с актуализацией проблем социального доверия, социальной справедливости, межэтнического и межконфессионального согласия. В целом социологическое пространство исследования социальной консолидации характеризуется целым рядом направлений и дискурсивных полей. Среди них особое внимание привлекают те направления, в которых научный дискурс выстраивается вокруг анализа факторов и механизмов социальной консолидации, а также ее ресурсной обеспеченности. Действительность факторов, ресурсов и механизмов социальной консолидации детерминируется идейно-смысловым и мировоззренческим содержанием консолидационных процессов.

Дополняя существующие определения, сложившиеся в ходе научного междисциплинарного дискурса, транслируемого в проблемном поле социологии, следует предложить следующую трактовку понятия «социальная консолидация».

Социальная консолидация — социально-обусловленный процесс сплочения и одно-

временно интеграции субъектов социального действия на основе принятых траекторий развития общества. Социальная консолидация включает в себя ряд экономических, политических, социокультурных и иных факторов, действия которых направлены на достижение общей цели — укрепления и развития общества.

Список источников

1. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975. 721 с.
2. Фуко М. Слова и вещи [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/CULTURE/FUKO/weshi.txt>.
3. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Пер. с нем. М.: Весь мир, 2003. 416 с.
4. Дробижева Л.М. Консолидирующая идентичность в общероссийском, региональном и этническом измерениях // Перспективы. 2018. №3(15). С. 6–21.
5. Каминский Б.Б. Консолидация российского общества как условие преодоления социально-экономического кризиса // Вестник Прикамского социального института. 2015. №1(69). С. 16–22.
6. Козырева П.М. Роль семьи в консолидации российского общества // Социальные факторы консолидации Российского общества: социологическое измерение / Под ред. М.К. Горшкова. М.: Новый хронограф, 2010. С. 62–90.
7. Дробижева Л.М. Гражданская и этнонациональная идентичность как ресурс консолидации общества // Роль и место национально-культурной автономии в гармонизации межэтнических отношений в регионах России: сборник материалов международной конференции. Казань: Отечество, 2017. С. 38–43.
8. Ложко В.В. Человеческий капитал — главный ресурс консолидации российского общества как стратегического субъекта российского развития // Россия: тенденции и перспективы развития. 2016. №11-3. С. 62–67.
9. Морев М.В. Субъективный фактор общественного развития как ключевой ресурс консолидации российского общества // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. №5(35). С. 78–98.
10. Дыльнова Т.В. Социальная справедливость как основа консолидации и развития

современного российского общества: дис. ... д-ра социол. наук. Саратов, 2005. 341 с.

11. Красин Ю.А. Императивы консолидации и плюрализм сознания // Политическая наука перед вызовами современной политики: материалы VII Всероссийского конгресса политологов (Москва, 19–21 ноября 2015 г.) / Под общ. ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. М.: Аспект Пресс, 2015. С. 317–319.

12. Люблинский В.В. Социальная справедливость, рост неравенства и проблема сплоченности общества: международные тенденции // Социальная справедливость в современном мире: сборник статей / Ин-т Справедливый Мир, Рос. ассоц. полит. науки, Ин-т социологии РАН. М.: Ключ-С, 2017. С. 105–115.

13. Никовская Л.И. Особенности консолидации российского общества на уровне общественного сознания // Политическая наука перед вызовами современной политики: материалы VII Всероссийского конгресса политологов (Москва, 19–21 ноября 2015 г.) / Под общ. ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. М.: Аспект Пресс, 2015. С. 1113–1115.

14. Горшков М.К. Социокультурные факторы консолидации российского общества / М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. М.: Институт социологии РАН, 2013. 81 с.

15. Волков Ю.Г. Межпоколенческое взаимодействие в российском обществе: поиск языка согласия и взаимопонимания // Гуманитарий Юга России. 2018. №3. С. 30–42.

16. Куква Е.С. Тенденции идентификационных процессов молодежи Северного Кавказа и перспективы национальной консолидации // Власть. 2014. №4. С. 68–72.

17. Узунов В.В. Социальная консолидация в фокусе научно-исследовательского дискурса // Социально-гуманитарные знания. 2019. №7. С. 118–124.

18. Чигрин В.А. Особенности интеграции этносов Крыма в Российский полиэтнический социум // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 20. №4. С. 84–94.

References

1. Kondakov N.I. Logicheskij slovar'-spravochnik [Logical dictionary-reference]. Moscow: Nauka, 1975. 721 p. (In Russ.).

2. Fuko M. Slova i veshhi [Words and things] [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://lib.ru/CULTURE/FUKO/weshi.txt>. (In Russ.).

3. Habermas Ju. Filosofskij diskurs o modern [Philosophical discourse on modernity]. Per. s nem. Moscow: Ves' mir, 2003. 416 p. (In Russ.).

4. Drobizheva L.M. Konsolidirujushhaja identichnost' v obshherossijskom, regional'nom i jetnicheskom izmerenijah [Consolidating identity in the All-Russian, regional and ethnic dimensions]. *Perspektivy* [The prospects]. 2018; 3(15): 6–21. (In Russ.).

5. Kaminskij B.B. Konsolidacija rossijskogo obshhestva kak uslovie preodolenija social'no-ekonomicheskogo krizisa [Consolidation of Russian Society as a condition for overcoming the socio-economic crisis]. *Vestnik Prikamskogo social'nogo instituta* [Bulletin of the Prikamsky Social Institute]. 2015; 1(69): 16–22. (In Russ.).

6. Kozyreva P.M. Rol' sem'i v konsolidacii rossijskogo obshhestva [The role of the family in the consolidation of Russian society]. Social'nye faktory konsolidacii Rossijskogo obshhestva: sociologicheskoe izmerenie [Social factors of consolidation of Russian Society: a sociological dimension]. Pod red. M.K. Gorshkova [In M.K. Gorshkov (eds.)]. Moscow: Novyj hronograf, 2010. P. 62–90. (In Russ.).

7. Drobizheva L.M. Grazhdanskaja i jetnonacional'naja identichnost' kak resurs konsolidacii obshhestva [Civil and ethno-national identity as a resource for the consolidation of society]. Rol' i mesto nacional'no-kul'turnoj avtonomii v garmonizacii mezhjetnicheskikh odnoshenij v regionah Rossii: sbornik materialov mezhdunarodnoj konferencii [The role and place of national-cultural autonomy in the harmonization of interethnic relations in the regions of Russia: a collection of materials of the international conference]. Kazan': Otechestvo, 2017. P. 38–43. (In Russ.).

8. Lozhko V.V. Chelovecheskij kapital — glavnyj resurs konsolidacii rossijskogo obshhestva kak strategicheskogo sub'ekta rossijskogo razvitija [Human capital is the main resource of consolidation of Russian society as a strategic subject of Russian development]. *Rossija: tendencii i perspektivy razvitija* [Russia: trends and prospects of development]. 2016; (11-3): 62–67. (In Russ.).

9. Morev M.V. Sub'ektivnyj faktor obshhestvennogo razvitija kak kljuchevoj resurs

konsolidacii rossijskogo obshhestva [Subjective factor of social development as a key resource of consolidation of Russian Society]. *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast]. 2014; 5(35): 78–98. (In Russ.).

10. Dyl'nova T.V. Social'naja spravedlivost' kak osnova konsolidacii i razvitija sovremenogo rossijskogo obshhestva: dis. ... d-ra sociol. Nauk [Social justice as a basis for the consolidation and development of modern Russian society: Dr. Sci. (Sociology) diss.]. Saratov, 2005. 341 p. (In Russ.).

11. Krasin Ju. A. Imperativy konsolidacii i pljuralizm soznaniya [Imperatives of consolidation and pluralism of consciousness]. *Politicheskaja nauka pered vyzovami sovremennoj politiki: materialy VII Vserossijskogo kongressa politologov* (Moskva, 19–21 nojabrja 2015 g.) [Political Science facing the Challenges of Modern Politics: Proceedings of the VII All-Russian Congress of Political Scientists (Moscow, November 19–21, 2015)]. Pod obshh. red. O.V. Gaman-Golutvinoj, L.V. Smorgunova, L.N. Timofeevoj [In O.V. Gaman-Golutvina, L.V. Smorgunov, L.N. Timofeeva (eds.)]. Moscow: Aspekt Press, 2015. P. 317–319. (In Russ.).

12. Ljublinskij V.V. Social'naja spravedlivost', rost neravenstva i problema splochnosti obshhestva: mezhdunarodnye tendencii [Social justice, the growth of inequality and the problem of social cohesion: international trends]. *Social'naja spravedlivost' v sovremennom mire: sbornik statej* [Social justice in the modern world: a collection of articles]. In-t Spravedlivyj Mir, Ros. assoc. polit. nauki, In-t sociologii RAN. Moscow: Kljuch-S, 2017. P.105–115. (In Russ.).

13. Nikovskaja L.I. Osobennosti konsolidacii rossijskogo obshhestva na urovne obshhestvennogo soznaniya [Features of consolidation of Russian society at the level of public consciousness]. *Politicheskaja nauka pered*

vyzovami sovremennoj politiki: materialy VII Vserossijskogo kongressa politologov

(Moskva, 19–21 nojabrja 2015 g.) [Political Science facing the Challenges of Modern Politics: Proceedings of the VII All-Russian Congress of Political Scientists (Moscow, November 19–21, 2015)]. Pod obshh. red. O.V. Gaman-Golutvinoj, L.V. Smorgunova, L.N. Timofeevoj [In O.V. Gaman-Golutvina, L.V. Smorgunov, L.N. Timofeeva (eds.)]. Moscow: Aspekt Press, 2015. P. 1113–1115. (In Russ.).

14. Gorshkov M.K. Sociokul'turnye faktory konsolidacii rossijskogo obshhestva [Sociocultural factors of consolidation of Russian society]. M.K. Gorshkov, N.E. Tihonova. Moscow: Institut sociologii RAN, 2013. 81 p. (In Russ.).

15. Volkov Ju. G. Mezhpokolencheskoe vzaimodejstvie v rossijskom obshhestve: poisk jazyka soglasija i vzaimoponimaniya [Intergenerational interaction in Russian society: the search for a language of agreement and mutual understanding]. *Gumanitarij Juga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. 2018; (3): 30–42. (In Russ.).

16. Kukva E.S. Tendencii identifikacionnyh processov molodezhi Severnogo Kavkaza i perspektivy nacional'noj konsolidacii [Trends in the identification processes of young people The North Caucasus and prospects for national consolidation]. *Vlast'* [Power]. 2014; (4): 68–72. (In Russ.).

17. Uzunov V.V. Social'naja konsolidacija v fokuse nauchno-issledovatel'skogo diskursa [Social consolidation in the focus of research discourse]. *Social'no-gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge]. 2019; (7): 118–124. (In Russ.).

18. Chigrin V.A. Osobennosti integracii jetnosov Kryma v Rossijskij polijetniceskij socium [Features of integration of ethnic groups of the Crimea into the Russian polyethnic society]. *Gumanitarij Juga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. 2016; 20(4): 84–94. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 28.03.2022; одобрена после рецензирования 12.04.2022; принята к публикации 18.04.2022.

The article was submitted on 28.03.2022; approved after reviewing on 12.04.2022; accepted for publication on 18.04.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Узунов Владимир Владимирович — доктор политических наук, доцент, докторант, Южный федеральный университет. Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160

Vladimir V. Uzunov — Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Doctoral Student, Southern Federal University. 160 Pushkinskaya st., Rostov-on-Don, Russia

Научная статья
УДК 248.153; 94(47).08
DOI: 10.17213/2075-2067-2022-3-63-80

ПАЛЕСТИНСКИЕ ЧТЕНИЯ НА ДОНУ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ: ИСТОРИЯ, ДИНАМИКА И СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РЕГИОНА

Илья Геннадиевич Шарков^{1✉}, Людмила Борисовна Томилина²

^{1,2}*Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал),
Донской государственный технический университет, Шахты, Россия*
¹*sharkov71@mail.ru* ✉, AuthorID РИНЦ: 620035, SPIN-код: 8109-2203
²*amatera111@yandex.ru, AuthorID РИНЦ: 782445, SPIN-код: 9874-9590*

Аннотация. Целью исследования является рассмотрение и анализ интересного и значимого социокультурного феномена двух предреволюционных десятилетий — народных Палестинских чтений, организуемых и проводимых силами региональных отделов Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО) на примере Области войска Донского и Донского отдела Общества.

Методологическую базу исследования составляют принцип системного подхода и историзма, а также историко-хронологический, историко-генетический и иные методы. Основой источниковой базы исследования стали публикации в Донских епархиальных ведомостях за 1897–1916 гг. годовых отчётов Донского отдела Императорского Православного Палестинского Общества и заметок о деятельности Общества и его регионального отдела.

Результаты исследования. Чтения о Святой Земле на Дону выполняли одновременно три задачи: образовательную, духовно-воспитательную и финансовую. Организаторы Палестинских чтений постоянно расширяли их орбиту, вовлекая множество общественных учреждений региона. По свидетельству церковной и светской местной прессы конца XIX — начала XX вв., чтения на Дону были ожидаемыми и значимыми событиями, интересны населению и проходили при переполненных храмах и аудиториях. Формы проведения чтений о Святой Земле во многом зависели от инициативы, творческих способностей и технических возможностей организаторов и помещения, в котором они планировались. Среди донского духовенства и учительства выделялись активные и высокообразованные священники и педагоги, состоявшие членами ИППО по Донскому отделу, активно занимавшиеся организацией и успешным проведением Палестинских чтений в рассматриваемый период. За два десятилетия деятельности Донского отдела ИППО в регионе была создана основательная сеть духовно-просветительских ячеек, способствовавшая духовному и интеллектуальному росту населения.

Перспективы исследования заключаются в продолжении поиска достоверных сведений за последние полтора года (1916–1917) деятельности Донского отдела ИППО в регионе и их анализ, а также в уточнении рассмотренных видов деятельности отдела и биографических сведений об их организаторах и непосредственных исполнителях. Эти сведения помогут глубже осмыслить социокультурные процессы предреволюционных лет и их значение для последующей истории региона.

Ключевые слова: Область войска Донского, Донская епархия, священник, храм, школа, просветительская деятельность, Донской отдел Императорского Православного Палестинского Общества, Палестинские чтения, Святая Земля

Для цитирования: Шарков И. Г., Томилина Л. Б. Палестинские чтения на Дону в конце XIX — начале XX веков: история, динамика и социокультурное значение для региона // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 3. С. 63–80. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-63-80>.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 21-09-41011\21.

Original article

PALESTINIAN READINGS ON THE DON
IN THE LATE XIX — EARLY XX CENTURIES:
HISTORY, DYNAMICS AND SOCIO-CULTURAL SIGNIFICANCE FOR THE REGION

Ilya G. Sharkov¹✉, Lyudmila B. Tomilina²

^{1,2}*Institute of Service and Entrepreneurship (branch),
Don State Technical University, Shakhty, Russia*

¹*sharkov71@mail.ru* ✉, AuthorID RSCI: 620035, SPIN: 8109-2203

²*amatera111@yandex.ru*, AuthorID RSCI: 782445, SPIN: 9874-9590

Abstract. *The purpose of the study is to consider and analyze an interesting and significant socio-cultural phenomenon of the two pre-revolutionary decades — popular Palestinian readings organized and conducted by the forces of the regional departments of the Imperial Orthodox Palestine Society (IPPO) on the example of the Region of the Don Army and the Don Department of the Society.*

The methodological basis *of the research is the principle of a systematic approach and historicism, as well as historical-chronological, historical-genetic and other methods. The basis of the research source base was the publication in the Don Diocesan Gazette for 1897–1916 of annual reports of the Don Department of the Imperial Orthodox Palestine Society and notes on the activities of the Society and its regional department.*

Research results. *Readings about the Holy Land on the Don fulfilled three tasks simultaneously: educational, spiritual and educational and financial. The organizers of the Palestinian Readings constantly expanded their orbit, involving many public institutions in the region. According to the testimony of the church and secular local press of the late XIX — early XX centuries, readings on the Don were expected and significant events, interesting to the population and took place in crowded churches and auditoriums. The forms of conducting readings about the Holy Land largely depended on the initiative, creative abilities and technical capabilities of the organizers and the premises in which they were planned. Among the Don clergy and teachers, there were active and highly educated priests and teachers who were members of the IPPO in the Don department, who were actively engaged in organizing and successfully conducting Palestinian readings during the period under review. Over two decades of activity of the Don Department of the IPPO, a thorough network of spiritual and educational cells was created in the region, which contributed to the spiritual and intellectual growth of the population.*

The prospects of the study *are to continue the search for reliable information for the last year and a half (1916–1917) of the activities of the Don department of the IPPO in the region and their analysis, as well as to clarify the types of activities of the department and biographical information*

about their organizers and direct performers. This information will help to better understand the socio-cultural processes of the pre-revolutionary years and their significance for the subsequent history of the region.

Keywords: Don Army region, Don Diocese, priest, temple, school, educational activities, Don Department of the Imperial Orthodox Palestinian Society, Palestinian readings, Holy Land

For citation: Sharkov I. G., Tomilina L. B. Palestinian readings on the Don in the late XIX—early XX centuries: history, dynamics and socio-cultural significance for the region // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(3): 63–80. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-63-80>.

Acknowledgments: The research was funded by RFBR, project number 21-09-41011\21.

Введение. Для осмысления социокультурной обстановки в Донском регионе в последнее десятилетие XIX и первых семнадцати лет века XX важно изучение деятельности в регионе разных акторов социальной и духовной жизни. Среди значимых и уважаемых в народе общественных организаций Российской империи конца XIX — начала XX веков было Императорское Православное Палестинское Общество. Всесловная церковно-общественная научно-просветительская и гуманитарная организация имела к 1916 году 52 местных отдела во многих регионах огромной страны. Одним из основных направлений деятельности основанного 24 сентября 1895 года многолюдного Донского отдела ИППО с первых месяцев его существования стала организация народных Палестинских чтений, посвященных Святой Земле и её библейской истории, распространение популярной и понятной для всех сословий духовно-просветительской литературы.

Методика. В исследовании были применены принципы системного подхода, историзма, а также историко-хронологический, историко-генетический и иные. Опубликованные Донским отделом ИППО годовые отчёты содержат подробные сведения о том, где, когда и сколько Палестинских чтений было проведено, иногда уточняют их темы, приводят источники, по которым они готовились, упоминают имена организаторов и докладчиков, приводят данные о количестве слушателей, сообщают о реакции аудитории, указывают, какие издания бесплатно распространялись на них. Некоторые отчёты включали ведомости о проведенных в регионе чтениях с де-

тальной их статистикой. Эти данные позволяют представить достаточно полную картину просветительской деятельности Донского отдела с 1895 по 1915 годы включительно. Именно публикации в Донских епархиальных ведомостях за 1897–1916 годы годовых отчётов Донского отдела ИППО и заметок о деятельности Общества и его регионально-отдела стали основой источниковой базы исследования настоящей статьи. Также для уточнения ряда данных и биографических сведений, анализа социокультурного состояния Донского региона тех лет использовались сведения справочной литературы конца XIX — начала XX веков. Если в научной литературе тема истории и анализа просветительской деятельности ИППО в целом неплохо представлена рядом статей и монографий, в том числе посвящённых ряду сибирских региональных отделов Общества, то южные отделы и Донской в частности являются исключением. Настоящее исследование ставит целью посильное восполнение этой научной лакуны.

Результат. Члены ИППО по Донскому отделу и разделявшие интерес к паломнической традиции лица ставили своими задачами знакомство донцов с библейским прошлым и настоящим святых мест Востока, информирование о нуждах многочисленных паломников в Святую Землю, о бедственном положении православных христиан Палестины, Сирии и Египта, о научных трудах и исследованиях Общества, отражённых в многочисленных интересных изданиях. Руководство ИППО осознавало, что посредством такой просветительской работы можно сформиро-

вать доброжелательное отношение к задачам Общества и собрать посильные материальные средства для реализации его уставных задач.

Для этой цели после создания регионального отдела правящий архиерей архиепископ Донской и Новочеркасский Афанасий (Пархонович), почётный член ИППО, искренне и горячо сочувствующий делу Палестинского Общества, направлял просьбы разным лицам и учреждениям об устройстве на землях Области войска Донского Палестинских чтений. Владыка Афанасий «сам располагал к участию в этом святом деле и подведомое ему духовенство, а также и светских лиц. Кроме того, отпуская на дело пастырского служения новорукоположенных священно-иереев, он приглашал их, по возможности, содействовать святому делу Палестинского Общества чрез разъяснение и распространение среди народа правильных сведений о Святой земле и деятельности в оной Палестинского Общества» [1, с. 171]. Для ведения успешной просветительской деятельности архиерей благословлял выдавать священнослужителям присылаемые из канцелярии ИППО в Донской отдел издания Общества в потребном количестве для бесплатной раздачи. Также для лучшего «ознакомления жителей Донской области с Св. землёй и её достопримечательностями» в городах и станицах Дона проводились «народные чтения, которые порой сопровождалось туманными картинами» [1, с. 172]. В Новочеркаске чтения с показом «туманных картин» проводились в зале Донской духовной семинарии, их комментировал, «как это было обычно и в прежнее время, начиная с 1890 года, ректор семинарии протоиерей Митрофан Симашкевич. В других местах чтения велись по одобренным для этого книгам и брошюрам, то по церквам епархии, то в школах, как церковно-приходских, так и министерских» [1, с. 172]. Примечательно, что для школьной аудитории чтения для лучшего усвоения детьми всегда сопровождалась «световыми картинками».

Тематика Святой Земли и её духовным связям с Россией, традиция отечественного паломничества «к концу XIX века и началу следующего приобретает все признаки расцвета, является широко бытующей и хорошо осознаваемой самими её носителями» [10,

с. 257]. Деятельность Донского отдела уже через два года после его открытия получила высокую оценку Августейшего Председателя ИППО, который в 1897 году писал председателю в отделе архиепископу Афанасию: «С особым удовольствием усмотрел Я из представленных Мне отчётов о деятельности Донского Отдела, состоящего под Моим председательством Императорского Православного Палестинского Общества, и о сборе в Вербную неделю для православных в Иерусалиме и Свят. земле во вверенной попечению Вашему епархии то тёплое участие, которое Ваше Высокопреосвященство изволите принимать в этом близком для Моего сердца деле, а потому в приятный для себя долг поставляю выразить Вашему Высокопреосвященству Мою искреннюю признательность и просить Вас принять на себя труд передать Мою благодарность всем членам Донского Отдела» [1, с. 172–173].

В отчёте Донского отдела за 1898 год упоминались раздаваемые на Палестинских чтениях и издания местного автора — члена-сотрудника ИППО по Донскому отделу, преподавателя и инспектора Донской духовной семинарии, статского советника А. А. Кириллова. Андреем Александровичем Кирилловым были подготовлены брошюры «О задачах и целях Палестинского Общества и его Отделов», «Краткие сведения о судьбе православия в Святой земле» и «Святый град Иерусалим». В 1898 году «всех брошюр и картин (видов св. мест Палестины) разослано и выдано около 1100 экземпляров» [2, с. 252].

Позже, в начале XX века, к числу донских авторов, пишущих на тему святынь Палестины, присоединится автор народных брошюр об истории двенадцатых праздников (с описанием святых библейских мест) — законоучитель из станицы Каменской священник Иоанн Иоаннович Туркин. В 1898 году в Новочеркаске, в духовной семинарии, было проведено пять Палестинских чтений [2, с. 252].

В 1900 году количество чтений значительно возросло, как и расширилась их география. Помимо церквей, церковно-приходских и «министерских» школ, они проводились и «в отдельных помещениях-читальнях, как например, в станице Урюпинской (окружная станица Хопёрского округа). В Новочеркаске преподаватели местной духовной семина-

рии с инспектором оной и отцами законоучителями средних учебных заведений в зиму 1899–1900 года вели религиозно-нравственные чтения, распадавшиеся на две части: собственно чтение и священно-исторический рассказ с подходящими световыми картинками» [3, с. 261]. Количество чтений в столице региона возросло до 19: 15 из них было проведено в здании духовной семинарии и ещё четыре — в помещении народной читальни. Помимо протоиерея Митрофана Симашкевича, рассказы о Святой Земле в Новочеркасске вели священники-законоучителя: мужской гимназии Тихон Алексеевич Донецкий, Мариинского женского института благородных девиц Матфей Сергеевич Архангельский, учительской семинарии и Мариинской женской гимназии Василий Алексеевич Кожин, духовник воспитанников духовной семинарии священник Димитрий Перекопский и священник Георгиевской церкви Александр Иоакимович Попов. Помимо Новочеркасска, чтения велись и в других населённых пунктах, «по одобренным для этого книгам и брошюрам» [3, с. 262].

В отчёте отдела за 1901 год география раздачи брошюр и листов Общества к этому году значительно расширилась. Донской отдел продолжил проведение чтений и собеседований о Святой земле в Новочеркасске — по воскресным и праздничным дням они проводились в церковно-приходской школе при кладбищенской Дмитриевской церкви. Просветительские проекты ИППО распространились и на другие, наиболее многолюдные приходы и учреждения епархии. В числе городов упомянут Александровск-Грушевский Черкасского округа, в числе станиц: Каменская, Урюпинская, Усть-Медведицкая, Нижне-Чирская, Константиновская, Великокняжеская и Аксайская. Также чтения проводились в хуторах Калач-на-Дону, Груцынов, Сулин, Иванков, в слободах Голодаевке Таганрогского округа, Ровенецкой (ныне г. Ровеньки Луганской области), в посёлке Дмитриевском. По свидетельству «Донских епархиальных ведомостей», населением Дона «собеседования и чтения о Палестине повсюду встречались с радостью и охотно выслушивались» [4, с. 522].

Согласно донесению священника хутора Груцынова (станции Калитвенской Донецко-

го округа) Иоанна Орлова, общее количество слушателей на проведённых с 20 января по 7 апреля 1901 года семи чтениях в хуторской церковно-приходской школе достигало 1600 человек. Некоторые из этих чтений собирали до 300 участников, поэтому «довольно обширное здание школы не могло вместить всех слушателей и многим из них приходилось иметь место вне школы — под её окнами» [4, с. 522].

Отношение казаков к чтениям, длившимся по два с половиной часа, было почтительным: «все чтения выслушивались при глубокой и ничем ненарушимой тишине, с одинаково напряжённым вниманием, переходившим нередко в трепетное, благоговейное настроение, которое у многих из слушателей, особенно у престарелых, сопровождалось непритворными слезами умиления» [4, с. 522]. В перерывах чтений пел местный церковный хор, а некоторые общеупотребительные церковные песнопения исполнялись всеми слушателями. Слушатели каждый раз усердно благодарили проводившего собеседования священника и, «не смотря на неурожайный год, вручали ему на нужды Палестинского Общества свои трудовые лепты, коих на всех чтениях собрано 62 руб. 50 коп» [4, с. 523].

Чтения о Святой земле в слободе Голодаевке (Таганрогского округа) проводились в церкви и в хуторской школе и воспринимались казаками с большим вниманием. В церкви каждый раз собиралось до 1000 слушателей, а в школе — до 300 человек, так как школьный зал не мог вместить большего числа участников. Чтения в школе сопровождались показом «туманных картин» и пением духовных песнопений.

В станице Нижне-Чирской (окружная станица Второго Донского округа) с 30 декабря 1900 года по 3 марта 1901 года станичными священниками было проведено 26 Палестинских чтений, из которых десять в Троицкой, десять в Кресто-Воздвиженской и шесть в Петро-Павловской единоверческой церквях. Число слушателей колебалось от 100 до 218 человек на каждом чтении; в общей же сложности на всех чтениях присутствовало 3033 человека. Слушателям было «роздано 725 палестинских листов и 300 видов Св. земли. Чтения, по заявлению лекторов-священников, выслушивались с особенным вниманием

и даже умилением, многие слушатели просили брошюры для прочтения своим домашним» [4, с. 523].

Священниками станицы Великокняжеской Сальского округа Владимиром Проскуряковым и Николаем Поповым с 13 января по 25 марта 1901 года было произведено 12 чтений, из них 11 в приходской церкви, а одно — в здании окружного училища; последнее сопровождалось показом туманных картин. Число слушателей варьировалось от 100 до 400 человек.

В станице Урюпинской чтения велись в аудиториях Вознесенской и Христо-Рождественской церковно-приходских школ, посещались станичниками не только в праздничные, но и в будничные дни. Чтения сопровождались духовными песнопениями в исполнении церковного и школьного хоров. Лекторами являлись священнослужители Урюпинской станицы. Число слушателей варьировалось от 250 до 350 человек в Вознесенской школе и достигало 500 человек (не считая детей) в Христо-Рождественской. «Столь многочисленное постоянное число слушателей из рабочего и среднего класса населения, посещение чтений в непраздничные дни, не смотря ни на какую погоду, образцовый порядок и напряжённое внимание слушателей свидетельствовали о том интересе и впечатлении, которые произвели чтения о Св. земле» [4, с. 524].

В станице Аксайской (Черкасского округа) в 1900/1901 отчётном году было устроено 20 чтений о Святой земле, они проводились в Успенской, Троицкой и Одигитриевской церквях и в здании церковно-приходской школы при Одигитриевской церкви. Чтения, происходившие в школьном здании, сопровождались «туманными картинками» и пением хора. На каждом чтении присутствовало до 300, а иногда и более слушателей. Интерес к чтениям проявляли даже раскольники-старообрядцы. Станичники просили «продолжать чтения о Святой земле и в последующее время» [4, с. 524].

В г. Александровске-Грушевском (Черкасский округ) Палестинские чтения в 1900/1901 году проводились в Петро-Павловской и Александро-Невской церквях, а также два чтения было проведено в городской аудитории (Пушкинской читальне). В аудито-

рии народные чтения совершались особой комиссией, в состав которой входило и местное духовенство — священники Симеон Соколов и Андрей Гудков, иллюстрировались световыми картинками и привлекали массу горожан. «Прекрасные световые картины весьма способствовали успеху чтений в аудитории, и они прослушивались со вниманием и удовольствием. Несмотря на продолжительность некоторых чтений, слушатели, по словам благочинного священника Василия Попова, не утомлялись и готовы были слушать ещё и ещё. Священная история, известная всем со школьной скамьи, при чтении в связи с описанием городов, рек, гор и прочих мест, освящённых земным пребыванием там Спасителя, Его чудесами, страданиями и славой Его, слушается и рассматривается в картинах при чтении, как что-то совершенно новое, неизвестное и в то же время как будто и знакомое, слышанное когда-то в детстве и потому с любовью воспоминаемое. Таково впечатление слушателей по их собственному заявлению» [4, с. 525].

В Воскресенской церкви окружной станицы Усть-Медведицкой (ныне г. Серафимович Волгоградской области) в 1900/1901 году было произведено 18 Палестинских чтений с числом слушателей от 400 до 600 человек на каждом.

Кроме упомянутых мест, в этом отчётном году чтения о Святой земле проводились также в станице Каменской (в зале для народных чтений при Каменской церковно-приходской школе), в хуторе Иванкове (станицы Каменской Донецкого округа), слободе Ровенцкой, посёлке Дмитриевском (Таганрогского округа), в хуторе Вихлянцев (юрт станицы Михайловской Хопёрского округа) и в посёлке Ново-Ивановском (Ростовского округа). «Чтения эти также охотно и с глубоким вниманием выслушивались народом, собиравшимся в большом количестве» [4, с. 525]. Донской отдел ИППО выражал глубокую благодарность всем принимавшим участие в этой просветительской деятельности как личным трудом, так и пожертвованиями. Успешная деятельность Донского отдела была отмечена рескриптом Августейшего Председателя Общества, Великого Князя Сергея Александровича от 24 октября 1901 года за №34 на имя Высокопреосвященного пред-

седателя отдела, архиепископа Афанасия: «Усматривая из представленных Мне отчётов о деятельности Отделов Императорского Православного Палестинского Общества и о поступлении сбора в неделю Ваий текущего года то живое сочувствие, которое Вы принимаете в этом столь близком для Меня деле, Мне особенно приятно выразить Вашему Высокопреосвященству Мою искреннюю признательность и просить Вас передать Мою благодарность ближайшим сотрудникам Вашим по этому делу» [4, с. 526].

В 1902–1903 годах чтения на Дону стали ещё более масштабными, охватившими многие десятки станиц, хуторов и посёлков региона. Так, в Вознесенском кафедральном соборе столицы Области войска Донского было проведено 15 чтений с общим числом слушателей 4550 человек. Чтения в соборе проводились чредными (седмичными) священниками по воскресным дням, «после торжественного вечернего богослужения, в конце которого Преосвященнейшим Иоанном, епископом Аксайским при участии всей соборной братии прочитывался акафист Спасителю, Божией Матери или воспоминаемому в тот день святому, клиром исполнялось “Милосердия двери отверзи” и запев “Пресвятая Богородице, спаси нас”, а затем уже священник приступал к чтению» [5, с. 299]. Также чтения в Новочеркасске в эти годы продолжались в Александро-Невской, Михаило-Архангельской, Троицкой, Георгиевской, Константино-Еленинской церквях и в Кладбищенской церковно-приходской школе при Димитриевской церкви, сопровождалась раздачей Палестинских листков и собирали каждый раз от 200 до 600 человек, в зависимости от прихода. Чтения в школьном помещении сопровождалась показом «туманных картин» и исполнением молитвословий в начале и в конце мероприятия хором певчих из числа учеников и учениц. При этом в Кладбищенской школе «каждое слово о Святой земле выслушивалось не со вниманием только, а с благоговением. С октября и до половины марта посетителей было до 5000 человек» [5, с. 300–301]. В Черкасском округе чтения помимо города Александровска-Грушевского велись приходскими священниками в трёх храмах станицы Старочеркасской (Воскресенском соборе, Петро-Павловской

и Преображенской церквях), в Троицкой церкви Аксайской станицы, в церквях станиц Елисаветинской, Гниловской, Мечётинской, в Покровской и Димитриевской церквях Кагальницкой станицы, в посёлке Глебовском, в хуторах Весёлом и Обуховском.

В Таганрогском округе в эти годы продолжались многолюдные (в школе до 300, а в храме — до 1000 человек) чтения в Голодаевской церкви и местной церковно-приходской школе, где лекторами стали школьный заведующий и педагоги. Эта деятельность велась и в станице Ново-Николаевской, в слободах Ефремовке, Натальевке, Екатериновке, Ровенецкой, Александровке-Грековой, Дарьевке, в приходе Николаевской церкви слободы Амросиевки, в посёлке Димитриевском и в хуторе Кононов.

В Ростовском-на-Дону округе чтения были проведены в хуторах Подкущёвском и Ново-Ивановском. В последнем хуторе чтения проводил священник Евгений Никифорович Авилов (1874 года рождения) «при деятельном участии псаломщика Карташова, учителя церковно-приходской школы Фирсова и помощника учителя Ростовского в обширном здании местной церковно-приходской школы. Чтения были иллюстрированы световыми картинками числом более 200 из Священной истории и видами Св. земли, приготовленными о. Авиловым фотографическим путём по брошюре “100 видов Иерусалима и Св. земли”. Картины демонстрировались при волшебном фонаре с ацетиленовым освещением силою в 250 свечей, величина картины на полотне 3 1/2 аршина» [5, с. 302] (то есть 2,49 м). Проводимые уже в пятый год в х. Ново-Ивановском чтения сопровождалась пением школьного хора при участии всех слушателей. По свидетельству священника Евгения Авилова, «благодаря чтениям, сбор на нужды Палестинского Общества, производимый в неделю Ваий, увеличился в его приходе за последние 3 года в несколько раз» [5, с. 302].

В хуторе Груцынове Донецкого округа для образцовых организации и проведения Палестинских чтений в 1902 и 1903 годах много потрудился местный священник Иоанн Орлов, свидетельствовавший, что «наиболее усердные из прихожан в дни чтений оставались после Литургии до вечера в цер-

ковной сторожке, надеясь первыми занять место на чтениях. Весьма многие из слушателей, никем не побуждаемые, тотчас по окончании чтений жертвовали свои трудовые лепты на нужды Палестинского Общества, каковых пожертвований собрано в 1902 году 62 р. 50 к., а в 1903 году — 50 р. 20 к.» [5, с. 302]. В хуторе Колодезном чтения были проведены при местной второклассной школе трудами заведующего школой священника Иоанна Харитоновича Попова и старшего учителя Воскобойникова.

Также в отчёте за 1902 и 1903 годы упомянуты чтения, проведённые в Успенской церкви станицы Каменской, в Калитвенской станице, в церковно-приходской школе хутора Мешкова, в станичном правлении и приходском женском училище станицы Луганской, в хуторе Иванове, в поселке Иларионово-Деркульском, в слободах Маньково-Березовой и Степановке-Ефремовой (Донецкий округ). Настоятель церкви во имя святого Архидиакона Стефана слободы Степановки-Ефремовой священник Платон Иоаннович Евфимьев¹, много потрудившийся для проведения чтений в своём приходе, отмечал: «впечатление, полученное посетителями от первого чтения и укрепившееся последующими, насколько можно судить, глубокое. Народ, давно жаждавший чтений — этой пищи для души, радостно приветствовал их. Со всех концов школьного помещения по окончании чтения до слуха лекторов доносились простые и сердечные благодарности... Выходя из школы, народ истово осенял себя крестным знаменем и довольно долго ещё толпился около школьного помещения, собираясь группами, поделаясь впечатлениями. Листки и виды различных мест Св. земли, раздаваемые бесплатно, были целым торжеством для тех, кто имел счастье получить их» [5, с. 303]. Описанное им отношение крестьян к чтениям характерно для всего Донского региона: «некоторые на исповеди вменяют себе в грех непосещение их в тот или другой раз. Со времени открытия “чтений” посещающие их проводят время поистине в духе заповеди Божией. Явившись рано утром в церковь, они молятся Богу за Всенощным бдением, раннею и позднею Литургиями, между кото-

рыми слушают чтение акафиста, затем, победав, идут на “чтения”, где проводят от двух до трёх часов времени, потом снова идут в церковь, слушают торжественную Вечерню, чтение акафиста, внебогослужбное собеседование и только вечером возвращаются в свои дома на отдых» [5, с. 303–304]. Число слушателей на «чтениях» колебалось от 200 до 600 человек и больше. Меньшее число собиралось в случаях непогоды и половодья: «река, которая долго была переполнена водою и делала сообщение со школою иногда совсем невозможным» [5, с. 303–304].

В Первом Донском округе наибольшее число чтений (34), собиравшее до 300 слушателей каждое, было проведено в церкви Донской иконы Божией Матери Раздорской-на-Дону станицы. Также Палестинские чтения состоялись во Второй церковно-приходской школе Покровского прихода станицы Константиновской, в Троицкой и Казанской церквях станицы Семикаракорской, в здании церковно-приходской школы при Одигитриевской церкви станицы Заплавской. Многолюдными (от 200 до 1000 человек) в те годы были чтения в Алексиевской церкви станицы Бесергеновской. Во втором Донском округе проведение чтений продолжилось в трёх церквях Нижне-Чирской станицы: Троицкой, Кресто-Воздвиженской и Петро-Павловской единоверческой, и добавились в станицах Есауловской, Иловлинской и Сиротинской, в хуторах Тормосине и Калаче-на-Дону. Число слушателей на каждом чтении в округе варьировалось от 150 до 600 человек.

В Усть-Медведицком округе чтения 1902–1903 годов велись в Воскресенской и Александро-Невской церквях окружной Усть-Медведицкой станицы, а также в слободе Михайловке, хуторах Крутинском и Кувшинове. В Хопёрском округе чтения были проведены в школах Вознесенской и Христо-Рождественской церквей окружной Урюпинской станицы, а также при двухклассной женской церковно-приходской школе Тишанской станицы и в церквях станиц: Зотовской, Филоновской, Берёзовской, Аннинской, Павловской, Алексеевской и Дурновской, в хуторах: Калачёве, Привокзальном, Мартыновском, Долговом, Романовском. Наиболее

¹ Клировые ведомости. Государственный архив Ростовской области. Ф 226. Оп. 3 Д. 10810. Л. 91.

многочисленными стали чтения, проведённые в Знаменской церкви Зотовской станицы, собиравшие от 300 до 800 слушателей.

Продолжились Палестинские чтения и в Великокняжеской станице Сальского округа, собиравшие в 1902–1903 годах от 150 до 500 слушателей. В отчёте за эти два года по всей Донской епархии указана общая сумма добровольных пожертвований в ИППО, собранных на чтениях о Святой земле, 273 рубля 58 копеек [5, с. 306].

В 1905–1907 годах наблюдалось общее снижение церковно-общественной деятельности в Российской империи и на Дону в частности в связи с революционной смутой этих лет. Начиная с 1905 года значительно уменьшился и размер Вербного сбора по Донской епархии. При этом Палестинские чтения продолжились своим чередом, в некоторых округах Области войска Донского даже расширилась их география, а количество участников (организаторов и слушателей) оставалось прежним или же возрастало. Так в Новочеркасске к традиционным местам их проведения ещё с 1904 года добавилась церковь в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» — монастырское подворье Старочеркасского Ефремовского монастыря [6, с. 187].

В г. Александровске-Грушевском, помимо традиционных крупных городских церквей и Пушкинской читальни, чтения в 1904–1906 годах велись в аудитории для чтений и на руднике Сусанны Васильевны Шушпановой, вдовы известного ростовского благотворителя, потомственного почётного гражданина Гавриила Ильича Шушпанова. В аудитории чтения «иллюстрировались световыми картинками и разнообразились пением» священных песнопений местным хором. «Аудитория на таких чтениях всегда была полна, а тишина и порядок были образцовые. Особенное внимание производило чтение, когда оно заканчивалось каким-либо подходящим стихотворением, помещаемым в Палестинских листках, как например “Иерусалим”, “У Гроба Господня”, “Плач Богородицы” и прочие» [6, с. 188].

В Таганрогском округе продолжились и расширились чтения в слободах Голодаевке (до 1000 человек каждое), Орлово-Ровенецкой и Екатериновке, в посёлках Конькове, Ива-

новском и Карпово-Крепинском. В слободе Екатериновке чтения вели священник Михаил Николаевич Кравцов (1859 года рождения), учительница местной церковно-приходской школы и псаломщик. Шесть чтений посетило 2212 слушателей, было роздано 265 Палестинских листков, 600 экземпляров разных видов Святой земли и 130 воззваний [6, с. 188].

По Донецкому округу также наблюдалось увеличение масштабов этой деятельности: чтения о Св. земле «с особенным усердием» были проведены священниками слободы Ефремово-Степановской и хутора Груцынова, в слободе Маньковой Березовой, в хуторе Мешковом, а также в новых местах — в слободе Верхне-Ольховой-Кошарах (Кашарах) и в посёлке Фоминско-Свечникове (Верхне-Свечниковском).

Расширились чтения и в Первом Донском округе за счёт нового места проведения — в слободе Карпово-Обрывской. По Второму Донскому округу в 1904–1906 годах добавились чтения, проводимые священниками в церквях Качалинской станицы и в церквях хуторов: Ярского, Обливского, Больше-Терновского, Кололово-Пристенского и Ильменского. Число слушателей варьировалось от 50 до 750 человек.

В Усть-Медведцком округе добавились чтения, проведённые в церкви хутора Горбатова и в народном училище хутора Секачёва.

В прежнем количестве и со значительным числом слушателей (300–600 человек) проводились Палестинские чтения и в Хопёрском и Сальском округах. Всего за три года, с 1904 по 1906, от слушателей чтений поступило 238 рублей 90 копеек добровольных пожертвований [6, с. 190].

Деятельность Донского отдела была удостоена высокого внимания Августейшей Председательницы ИППО, Великой Княгини Елисаветы Феодоровны. В рескрипте на имя Высокопреосвященного архиепископа Донского и Новочеркасского Афанасия от 19 декабря 1906 года говорилось: «Высокопреосвященнейший Владыко! Внутренняя смуты, охватившая в истекшем году многие местности нашего Отечества и вызванный ими тяжкие потрясения в различных сторонах народной жизни, отразились вообще неблагоприятно на сборе пожертвований в неделю Ваий, идущих главным образом на нужды православ-

ных паломников в Святую землю. И во вверенной Вашему Архипастырскому благопопечению епархии вербный сбор за истекший 1906 год представляет, сравнительно с предшествующими годами, заметное уменьшение. Тем не менее, этот сбор, в общем оказывая Палестинскому обществу существенную поддержку и давая возможность, хотя и с трудом, выполнять возложенные на него уставом благотворительные задачи, доставил Моему сердцу отрадное утешение. Вменяю Себе, поэтому в приятный долг выразить Вашему Высокопреосвященству и всем ближайшим Вашим сотрудникам Мою глубокую благодарность как за своевременно принятые меры по сбору пожертвований в Вербное Воскресенье, так равно и за плодотворную деятельность в истекшем 1905–1906 году состоящего под Вашим преосвященным Архипастырским руководством местного Донского отдела Общества» [6, с. 190].

В 1911–1912 годах продолжилась просветительская деятельность Донского отдела по всем городам, многолюдным станицам и по многим хуторам, слободам и посёлкам. При этом поступление членских 10-рублёвых взносов в эти годы резко упало. Для лучшей организации в регионе чтений о Св. Земле в 1911 году Советом Общества был выслан в Донской отдел ряд просветительских брошюр: «Прошлое и настоящее Св. Земли» инспектора Екатеринославской духовной семинарии и казначея Екатеринославского отдела ИППО с 1897 по 1902 годы Матвея Яковлевича Монастырёва (60 экземпляров), «Физическая география Палестины» преподавателя Екатеринославской духовной семинарии, таганрогского священника Игнатия Васильевича Викторовского (60 экземпляров), «Святая Земля» А. Платонова (120 экземпляров), «Святая Земля для христианства и России» В. С. Ильинского (30 экземпляров), «Державные защитники и покровители Св. Земли и Августейшие паломники у Живоносного Гроба» профессора Алексея Афанасьевича Дмитриевского (30 экземпляров), его же «Пасха в Иерусалиме» (100 экземпляров), «Судьба Иерусалима и русские паломники» протоиерея П. Смирнова (60 экземпляров) и «Вход Господень в Иерусалим» профессора Киевской духовной академии, протоиерея Димитрия Ивановича Богдашевского (впос-

ледствии архиепископ Каневский Василий) (100 экземпляров). В 1912 году были присланы брошюры: «Общее понятие о Св. Земле» протоиерея Николая Александровича Елеонского (100 экземпляров), «Русский богомолец на пути к Живоносному Гробу Господню» протоиерея Петра Алексеевича Миртова (200 экземпляров) и «Любовь ко Св. Земле» протоиерея Иоанна Иоанновича Восторгова (1000 экземпляров). Кроме того, для бесплатной раздачи на чтениях было прислано в отдел различных листовок с видами Св. Земли в 1911 году 22400 экземпляров и в 1912 году — 19200 экземпляров. Все эти брошюры и листки по распоряжению архиепископа Владимира (Сеньковского) в начале отчётных годов были разосланы в приходские церкви г. Новочеркаска и благочинным епархии для проведения чтений о Св. Земле и для бесплатной раздачи народу [7, с. 541–542]. Чтения в 1911–1912 годах продолжались и развивались как в г. Новочеркасске, так и в многолюдных населённых пунктах Дона. Особенно в значительном количестве раздавались Палестинские листки в церквях г. Новочеркаска накануне Вербного Воскресенья, когда производится традиционный сбор на нужды православия в Палестине.

Большинство чтений в Донской епархии устраивалось бесплатно, на некоторых же или производился тарелочный сбор в пользу Палестинского Общества, или слушатели приглашались к пожертвованиям по подписным листам. Всего на чтениях в течение 1911–1912 годов было собрано (за исключением сбора по подписным листам) 100 рублей 56 копеек. Чтения чаще всего проводились приходскими священниками, благочинными, иногда к ним привлекались диаконы, псаломщики, учителя и учительницы церковно-приходских школ. «Донские епархиальные ведомости» сетовали в 1913 году, что «к сожалению, за оба отчётных года из 33 благочинных только 12 представили отчёты о бывших во вверенных им приходах Палестинских чтениях). Но и из них видно, что в Донской епархии на устроенных пастырями 2194 чтениях было около 115080 слушателей. Судя по отчетам, результаты чтений и собеседований о Св. Земле весьма отрадны: они продолжают пользоваться в народ любовью, всегда привлекают достаточное количество слушателей и вызывают в них бла-

говеиные чувства к Святой Земле и сочувствие к деятельности на пользу её Императорского Православного Палестинского Общества. Раздаваемые на чтениях листки с видами Св. Земли разбираются посетителями нарасхват и во многих домах хранятся в божницах» [8, с. 586].

В таблице 1 на основании сведений годового отчёта отдела соответствующего времени представлены статистические данные о проведённых в двенадцати благочиннических округов обширной Донской епархии Палестинских чтениях в 1911 и 1912 годах. Причём в этом перечне присутствуют не все епархиальные благочиния тех лет, но географически охвачена вся Область войска Донского — с севера (Урюпинское и Преображенское) на юг (Аксайское и Ново-Николаевское) и с запада (Митякинское) на восток (Нижне-Чирское и Сальское).

И даже по этим скромным данным, не включавшим столицу региона Новочеркасск, а также город Александровск-Грушевский, центральные благочиния с крупными станицами (Каменскую, Гундоровскую, Маньчскую, Калитвенскую, Константиновскую и другие), охват чтениями о Святой Земле региона внушительен. За два года в этих 12 церковных округах было проведено 2194 чтения с общим числом слушателей 115089 человек. По сравнению с 1897–1903 годами значительно возросло число чтений, проводимых вне храмовых помещений (в зданиях церковно-приходских и «министерских» школ, аудиторий), и значительно чаще они сопровождались показом «туманных картин» при помощи доступного чуда техники того времени — «волшебного фонаря». В первые годы деятельности Донского отдела ИППО Палестинские чтения проводили почти исключительно священники, к 1911 году значительно возросло число лекторов из среды псаломщиков и школьных учителей. Они читали лекции под руководством (при наставничестве) образованных священников, приглашали на чтения побывавших в святых местах паломников. Частым приглашённым участником на чтениях в северных благочиниях Донской епархии был окружной миссионер Берёзовского округа, донской казак, псаломщик Каллиник Авксентьевич Картушин, совершивший паломничество в Палестину, Константинополь и древние церковные

центры Малой Азии в декабре 1893 — январе 1894 годов.

Годы войны с Японией (1904–1905), неспокойные революционно-смутные 1905–1907 годы, неурожайные 1910–1911 годы сказались на общественно-политической ситуации в стране и на Дону, большая часть населения которого — служивое сословие. Благотворительные сборы, в том числе в пользу ИППО, в это время значительно снижались. В 1905–1907 годы в империи наблюдалось снижение просветительской активности, но чтения о Святой Земле на Дону не только не уменьшались, что видно из приведенных конкретных примеров исследования, а напротив, численно возрастали и качественно улучшались. Внимание населения региона к просветительскому проекту ИППО с каждым годом всё возрастало. Чтения стали любимыми народом и ожидаемыми. Только непогода и стихийные катаклизмы сказывались на численности слушателей Палестинских чтений: количество слушателей уменьшалось по причине труднодоступности мест проведения чтений во время разливов рек весной и затяжных дождей. Грязь на станичных и хуторских улицах не способствовала удобному пути казаков и крестьян из соседних населённых пунктов на чтения. Но даже в чрезвычайных для сельской местности начала XX века условиях непогоды Палестинские чтения не отменялись.

В условиях Первой мировой войны (1914–1918 годы) снижение численности слушателей проводимых чтений не только не наблюдалось, но двукратно возросло. Воюющий на фронтах Отечественной войны казачий Дон был всесторонне вовлечён в драму тех лет. Тем не менее и в этих условиях всеобщей мобилизации чтения велись во всех городах и во многих станицах, хуторах и слободах Области войска Донского. В 1915 году чтения о Святой Земле были проведены в 23 благочиниях из 47. Возможно, их число было и большим, но сведения отцами благочинными за 1915 год были предоставлены только по приведённым в таблице 2 церковным округам. Сведения таблицы почерпнуты из отчёта Донского отдела ИППО за 1915 год.

В г. Новочеркасске в 1915 году по-прежнему чтения организовывались в церквях и церковно-приходских школах. Лекторами

Таблица 1
 Table 1

Сведения о проведённых в 12 благочиниях Донской епархии Палестинских чтениях в 1911–1912 годах
 Information about the Palestinian readings held in the 12th deanery of the Don Diocese in 1911–1912

№	Благочиния, в которых проводились чтения	Участвовавшие в проведении чтений				Число пунктов	В церквях	В школах	В иных помещениях	Всего чтений	С хором	С туманными картинами	Число слушателей
		Священники	Дьяконы	Псаломщики	Учителя								
1	Аксайское	10	1	1	2	8	28	4	–	32	–	–	814
2	Амвросиевское	14	2	3	1	18	55	14	5	74	2	–	4520
3	Милютинское	11	–	–	–	11	52	20	–	72	–	–	3500
4	Митякинское	22	–	–	–	26	310	18	–	328	–	–	17600
5	Нижне-Чирское	20	1	–	–	25	72	17	23	112	4	–	4180
6	Ново-Николаевское	27	2	9	4	39	155	92	–	247	38	–	13570
7	Потёмкинское	22	1	1	–	19	78	7	3	88	–	–	4585
8	Преображенское	15	2	–	–	14	22	6	2	30	–	–	1880
9	Сальское	18	–	–	–	14	60	4	–	64	1	–	3180
10	Тарасовское	18	–	1	2	15	79	18	–	97	7	–	3930
11	Урюпинское	19	3	2	2	28	25	26	10	61	18	–	6900
<i>Итого за 1911 год</i>		201	12	18	11	223	973	208	43	1224	70	–	64809
1	Амвросиевское	15	2	3	1	18	42	12	1	55	–	–	4100
2	Глазуновское	19	–	–	–	15	53	20	7	80	18	–	5170
3	Митякинское	22	–	–	–	25	281	23	–	304	–	–	14650
4	Нижне-Чирское	17	1	2	1	20	80	20	8	106	5	–	4050

Окончание таблицы 1
 End of table 1

5	Ново-Николаевское	25	2	10	–	22	121	96	–	217	116	36	9270
6	Потёмкинское	24	1	1	–	20	68	6	3	77	–	–	4350
7	Сальское	20	–	–	–	16	61	10	–	71	23	–	3390
8	Урюпинское	18	3	1	2	17	46	12	–	58	13	7	5300
<i>Итого за 1912 г.</i>		160	9	17	4	148	752	199	19	970	195	66	50280
<i>Итого за 1911 и 1912 годы</i>		361	21	34	15	371	1725	407	62	2194	449	136	115089

Таблица 2
 Table 2

Сведения о проведённых в 23 благочиниях Донской епархии Палестинских чтений в 1915 году
Information about the Palestinian readings held in the 23 deaneries of the Don Diocese in 1915

№	Благочиния, в которых проводились чтения	Участвовавшие в проведении чтений				Число пунктов	В церквях	В школах	В иных помещениях	Всего чтений	С хором	С картинными	Число слушателей
		Священники	Дьяконы	Псаломщики	Учители								
1	Александровско-Грушевское	14	–	1	13	23	34	21	4	59	37	10	1405
2	Амвросиевское	17	–	–	–	18	142	10	–	152	34	8	4125
3	Волошинское	14	2	1	2	12	115	30	–	145	9	4	1630
4	Кагальницкое	28	6	3	8	39	85	53	12	150	12	8	3270
5	Казанское	7	1	1	–	7	9	12	17	38	–	–	5460

Окончание таблицы 2
 End of table 2

6	Каменское	22	-	10	-	19	15	5	3	23	11	3	9700
7	Качалинское	17	-	-	-	19	93	17	5	115	18	6	7890
8	Константиновское	2	-	2	-	2	3	4	-	7	-	1	45
9	Макеевское	17	1	1	-	18	45	18	4	67	12	1	2670
10	Митякинское	15	4	5	-	12	158	-	-	158	-	-	1200
11	Ново-Николаевское	27	2	7	8	37	163	128	-	291	140	19	19556
12	Нижне-Чирское	9	1	-	-	12	25	10	22	57	10	-	3795
13	Обливское	11	1	3	5	19	64	41	8	113	34	16	5977
14	Правоторовское	15	-	-	-	15	27	-	-	27	-	-	4920
15	Преображенское	15	2	-	-	15	33	-	-	33	31	-	2010
16	Раздорское-на-Дону	16	1	-	2	18	43	9	1	53	21	6	6900
17	Сальское	18	-	-	-	13	43	3	-	46	3	-	3300
18	Тарасовское	18	-	5	-	32	248	150	-	398	-	-	5181
19	Урюпинское	11	1	1	-	11	21	10	-	31	5	7	6750
20	Усть-Медведицкое	9	2	1	1	6	26	10	7	43	-	-	1530
21	Филоновское	15	-	-	-	15	15	2	-	17	-	-	2910
22	Цесаревическое	8	1	3	2	12	36	17	1	54	-	2	2194
23	Цимлянское	10	-	2	-	14	21	24	1	46	-	-	3000
<i>Итого</i>		335	22	46	41	388	1464	574	85	2123	377	91	105418

являлись приходские священники и учителя. Чтения начинались и оканчивались общенародным пением молитв «Царю Небесный» и «Достойно есть». Палестинские «чтения посещались людьми всякого возраста, пола и звания. Количество посетителей бывало от 50 до 300 человек» [9, с. 316]. После чтений также всем участникам раздавались Палестинские листки с видами Св. Земли. Подобным же образом чтения проводились и в остальных приходах Донской епархии. Палестинские «чтения были приурочены ко времени Великого поста, когда народ ревностно посещает храм Божий и особенно бывает расположен слушать повествование о той Земле, где родился, жил, учил и пострадал за наши грехи Господь наш Иисус Христос. Кроме дней Великого поста, чтения велись преимущественно в воскресные и праздничные дни» [9, с. 316]. Чтения велись иногда между Утреней и Литургией, чаще же между Литургией и Вечерней, но большинством организаторов-священников в вечернее время. Местом для просветительского мероприятия преимущественно был храм, иногда церковно-приходская школа. Лекторами в основном выступали приходские священники, которым иногда помогали диаконы, псаломщики, «учителя и учительницы школ». Многие из чтений сопровождалось «общенародным пением молитв и священных песнопений». В некоторых местах чтения сопровождалось показом при помощи «волшебного фонаря» соответствующих «туманных картин».

Как свидетельствует статистика второго военного года, число проведённых чтений по сравнению с мирными 1911 и 1912 годами двукратно возросло и достигло 2123. Общее число слушателей также возросло вдвое и достигло 105418 человек.

Заключение. Чтения о Святой Земле на Дону выполняли одновременно три задачи: образовательную, духовно-воспитательную и финансовую (собранные на них средства поступали в ИППО, также они способствовали лучшему осознанию населением нужд православных христиан Востока, которым оказывало поддержку Общество, что выражалось в положительном влиянии на традиционный Вербный сбор в епархии). Организаторы чтений расширяли их орбиту,

вовлекая множество общественных учреждений региона. Помимо церквей, духовных учебных заведений, начальных «министерских» школ, чтения проводились в народных читальнях, городских, заводских и рудничных аудиториях и на самих промышленных предприятиях. По свидетельству церковной и светской местной прессы конца XIX — начала XX веков, чтения на Дону были ожидаемыми и значимыми событиями, интересны населению и проходили при переполненных храмах и аудиториях. Осознавая важность просветительской деятельности ИППО, местная администрация уделяла большое внимание освещению деятельности Донского отдела в периодических изданиях, фактически рекламируя его деятельность, направленную на формирование определённого общественного мнения о проблемах современной тому времени Палестины.

Формы проведения чтений о Святой Земле во многом зависели от инициативы, творческих способностей и технических возможностей организаторов и помещения, в котором они планировались. Порой они представляли собой лекции, озвучиваемые ведущим по готовым печатным текстам брошюр, полученных из ИППО. Иногда священниками или учителями при участии духовенства разрабатывались особые сценарии, привлекались хоры, чтецы стихов, тогда рассказы чередовались с песнопениями и декламацией тематических стихотворений, демонстрацией «туманных картин» при помощи «волшебного фонаря». Туманные картины показывались только при ведении чтений вне храмов (в школах, аудиториях, в производственных помещениях).

Среди донского духовенства и учительства выделялись активные и высокообразованные священники и педагоги, состоявшие членами ИППО по Донскому отделу, составившие и издавшие ряд брошюр для ведения Палестинских чтений, приобретающие за свои средства дорогостоящие «волшебные фонари» для демонстрации иллюстраций к чтениям. Епархиальное начальство предписывало отцам благочинным после Пасхи и Светлой седмицы письменно предоставить сведения о проведении во вверенных им округах чтений о Святой Земле. Отчёты присылались в Донскую духовную консисторию, но порой с опозданием и не всеми. Они служили осно-

вой для подведения итогов просветительской работы Донского отдела ИППО за отчётный год (с 1 марта предыдущего года по 1 марта текущего). Отчёты Донского отдела в части организации Палестинских чтений к этому требованию по временным рамкам были приведены лишь в 1911 году. Широкая география проведения чтений в Донской епархии свидетельствовала об успешной работе местного отдела ИППО. Помимо епархиального центра, Палестинские чтения регулярно проводились во всех крупных станицах, многих хуторах, слободах и посёлках. Личное горячее сочувствие делу Палестинского Общества архиепископов Донских и Новочеркасских Афанасия (Пархомовича) и Владимира (Сеньковского) способствовало просветительскому успеху Донского отдела Общества. Население ценило и любило чтения о Святой Земле, принесённые с мероприятий брошюры и Палестинские листки хранились в святых углах и перечитывались в дни церковных праздников. Это способствовало укреплению духовности, религиозной грамотности всех слоёв донского общества, а также росту в народной среде патриотизма и солидарности с христианским населением тесного Османской империей Востока. Чтения нередко побуждали донцов к благотворительности, сопровождалась добровольными пожертвованиями на нужды ближневосточных христиан и поддержку восточных православных патриархатов. Помимо сведений о палестинском христианстве, Донской отдел способствовал распространению среди населения региона достоверных и актуальных сведений об условиях поездок в Иерусалим, на Афон, в Бар-град и Рим в наиболее доходчивых, практических и эмоционально-выразительных формах. На чтениях донцы могли почерпнуть массу полезных в будущем паломничестве организационных и бытовых моментов — от правил и возможностей оформления официальных документов и стоимости железнодорожного и водного проезда и проживания в святых местах до правил безопасности в чужих странах и стоимости питания.

За 22 года деятельности Донского отдела ИППО в регионе была создана основательная сеть духовно-просветительских ячеек, способствовавшая духовному и интеллектуальному росту населения.

Список источников

1. Отчёт Донского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества за 1897 год // Донские епархиальные ведомости. Офиц. отд. 1898. №7. С. 160–173.
2. Отчёт Донского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества за 1898 год // Донские епархиальные ведомости. Офиц. отд. 1899. №12-13. С. 247–253.
3. Отчёт Донского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества за 1899 год // Донские епархиальные ведомости. Офиц. отд. 1900. №13. С. 256–263.
4. Отчёт Донского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества за 1901 год // Донские епархиальные ведомости. Офиц. отд. 1902. №19. С. 519–527.
5. Отчёт Донского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества за 1902–1903 годы // Донские епархиальные ведомости. Офиц. отд. 1904. №18. С. 293–307.
6. Отчёт Донского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества за 1904, 1905 и 1906 годы // Донские епархиальные ведомости. Офиц. отд. 1907. №12-13. С. 181–192.
7. Отчёт Донского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества за 1911–1912 годы. (Продолжение) // Донские епархиальные ведомости. Офиц. отд. 1913. №23. С. 541–542.
8. Отчёт Донского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества за 1911–1912 годы. (Продолжение) // Донские епархиальные ведомости. Офиц. отд. 1913. №26. С. 584–588.
9. Отчёт о деятельности Донского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества за 1915 год // Донские епархиальные ведомости. Офиц. отд. 1916. №21. С. 312–321.
10. Шарков И. Г., Моисеева А. В. Внутренние и внешние проблемы паломничества в Святую Землю // Лосевские чтения: труды международной ежегодной научной конференции (г. Новочеркасск, май 2015 г.) / Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова. Новочеркасск, 2015. 270 с.

References

1. Otchjot Donskogo Otdela Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshhestva za 1897 god [Report of the Don Department of the Imperial Orthodox Palestine Society for 1897]. *Donskie eparhial'nye vedomosti [Don Diocesan Gazette]*. Ofic. otd. 1898; (7): 160–173. (In Russ.).
2. Otchjot Donskogo Otdela Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshhestva za 1898 god [Report of the Don Department of the Imperial Orthodox Palestine Society for 1898]. *Donskie eparhial'nye vedomosti [Don Diocesan Gazette]*. Ofic. otd. 1899; (12-13): 247–253. (In Russ.).
3. Otchjot Donskogo Otdela Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshhestva za 1899 god [Report of the Don Department of the Imperial Orthodox Palestine Society for 1899]. *Donskie eparhial'nye vedomosti [Don Diocesan Gazette]*. Ofic. otd. 1900; (13): 256–263. (In Russ.).
4. Otchjot Donskogo Otdela Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshhestva za 1901 god [Report of the Don Department of the Imperial Orthodox Palestine Society for 1901]. *Donskie eparhial'nye vedomosti [Don Diocesan Gazette]*. Ofic. otd. 1902; (19): 519–527. (In Russ.).
5. Otchjot Donskogo Otdela Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshhestva za 1902–1903 gody [Report of the Don Department of the Imperial Orthodox Palestine Society for the years 1902–1903]. *Donskie eparhial'nye vedomosti [Don Diocesan Gazette]*. Ofic. otd. 1904; (18): 293–307. (In Russ.).
6. Otchjot Donskogo Otdela Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshhestva za 1904, 1905 i 1906 gody [Report of the Don Department of the Imperial Orthodox Palestine Society for 1904, 1905 and 1906]. *Donskie eparhial'nye vedomosti [Don Diocesan Gazette]*. Ofic. otd. 1907; (12-13): 181–192. (In Russ.).
7. Otchjot Donskogo Otdela Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshhestva za 1911–1912 gody. (Prodolzhenie) [Report of the Don Department of the Imperial Orthodox Palestine Society for 1911–1912. (Continued)]. *Donskie eparhial'nye vedomosti [Don Diocesan Gazette]*. Ofic. otd. 1913; (23): 541–542. (In Russ.).
8. Otchjot Donskogo Otdela Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshhestva za 1911–1912 gody. (Prodolzhenie) [Report of the Don Department of the Imperial Orthodox Palestine Society for 1911–1912. (Continued)]. *Donskie eparhial'nye vedomosti [Don Diocesan Gazette]*. Ofic. otd. 1913; (6): 584–588. (In Russ.).
9. Otchjot o dejatel'nosti Donskogo Otdela Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshhestva za 1915 god [Report on the activities of the Don Department of the Imperial Orthodox Palestine Society for 1915]. *Donskie eparhial'nye vedomosti [Don Diocesan Gazette]*. Ofic. otd. 1916; (21): 312–321. (In Russ.).
10. Sharkov I. G., Moiseeva A. V. Vnutrennie i vneshnie problemy palomnichestva v Svjatuju Zemlju [Internal and external problems of pilgrimage to the Holy Land]. Losevskie chtenija: trudy mezhdunarodnoj ezhegodnoj nauchnoj konferencii (g. Novochoerkassk, maj 2015 g.) [Losev Readings: Proceedings of the International Annual Scientific Conference (Novochoerkassk, May 2015)]. Juzhno-Rossijskij gosudarstvennyj politehnicheskij universitet (NPI) imeni M. I. Platova. Novochoerkassk, 2015. 270 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 08.06.2022; одобрена после рецензирования 12.06.2022; принята к публикации 22.06.2022.

The article was submitted on 08.06.2022; approved after reviewing on 12.06.2022; accepted for publication on 22.06.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шарков Илья Геннадиевич — старший преподаватель кафедры «Православная культура и теология», Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал), Донской государственной технической университет, секретарь Ростовского отделения Императорского Православного Палестинского Общества.
Россия, г. Шахты, ул. Шевченко, 147

Ilya G. Sharkov — Senior Lecturer of the Department of Orthodox Culture and Theology, Institute of Service and Entrepreneurship (branch), Don State Technical University, Secretary of the Rostov branch of the Imperial Orthodox Palestinian Society,
147 Shevchenko st., Shakhty, Russia

Томилина Людмила Борисовна — старший преподаватель кафедры «Православная культура и теология», Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал), Донской государственной технической университет.
Россия, г. Шахты, ул. Шевченко, 147

Lyudmila B. Tomilina — Senior Lecturer of the Department of Orthodox Culture and Theology, Institute of Service and Entrepreneurship (branch), Don State Technical University.
147 Shevchenko st., Shakhty, Russia

Вклад авторов:

Шарков И. Г. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Томилина Л. Б. — доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Sharkov I. G. — scientific management; research concept; development of methodology; writing the source text; final conclusions.

Tomilina L. B. — revision of the text; final conclusions.

Научная статья
УДК 316.3
DOI: 10.17213/2075-2067-2022-3-81-90

ПОДГОТОВКА МОЛОДЫХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ УНИВЕРСИТЕТА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ

Лидия Ильинична Щербакова

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия
Lidia-npi@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5374-6194, AuthorID РИНЦ: 485792*

Аннотация. *Цель исследования* — выявить институциональные и социокультурные условия, инновационные научно-образовательные практики реализации новой функции университета — подготовку кадрового потенциала для технологического предпринимательства и наукоемких предприятий малого и среднего бизнеса Южного региона в ответ на общественный запрос. Технический университет рассмотрен как целостный социокультурный комплекс, экосистема, включающая инфраструктуру, регулятивные методы и технологии, обеспечивающие формирование социально-профессиональной структуры трудовых ресурсов для технологического предпринимательства.

Методология исследования опирается на интегральные теории, сочетающие структурные, институциональные и социокультурные подходы, предполагающие рассматривать молодых технологических предпринимателей в качестве особой социоструктурной группы студенческой молодежи, накапливающей свой профессиональный потенциал в процессе научно-исследовательской и инновационной деятельности в вузе и специфическим образом конструирующей модели профессионального роста и интеграции в сферу технологического предпринимательства. Принципы неоклассической парадигмы социологических исследований позволили выделить социокультурные аспекты формирования социально-профессионального портрета молодых предпринимателей, использовать теорию диспозиционной структуры личности для выявления места предпринимательства в системе ценностных ориентаций студентов, их базовые установки, связанные со смыслами и целями жизнедеятельности.

Методы исследования: контент-анализ сайта университета и нормативных документов, вторичная обработка социологических данных и статистической информации.

Результаты исследования. Конкретизированы внутренние и внешние факторы институциональной среды, формирующие мотивацию к предпринимательской деятельности и детерминирующие гарантированное трудоустройство и успешность интеграции выпускников в сферу технологического предпринимательства Южного региона. Рассмотрены особенности социокультурного дискурса изучения личностных особенностей творческих студентов, их предпринимательских установок и навыков.

Перспектива исследования предполагают разработку механизмов социального управления в сфере технологического предпринимательства на основе использования технологий критического мышления и гуманитарных методов. сферу предпринимательства.

Ключевые слова: студенчество, технологическое предпринимательство, научное творчество, предпринимательский потенциал, региональный рынок труда

Для цитирования: Щербакова Л.И. Подготовка молодых технологических предпринимателей в стратегии развития университета: институциональные и социокультурные аспекты // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 3. С. 81–90. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-81-90>.

Original article

TRAINING YOUNG TECHNOLOGICAL ENTREPRENEURS IN THE UNIVERSITY DEVELOPMENT STRATEGY: INSTITUTIONAL AND SOCIO-CULTURAL ASPECTS

Lidia I. Shcherbakova

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
Lidia-npi@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5374-6194, AuthorID RSCI: 485792*

Annotation. *The purpose of the study is to identify institutional and socio-cultural conditions, innovative scientific and educational practices for implementing a new university function—training human resources for technological entrepreneurship and knowledge-intensive small and medium-sized businesses in the Southern region in response to a public request. The technical university is considered as an integral socio-cultural complex, an ecosystem that includes infrastructure, regulatory methods and technologies that ensure the formation of a socio-professional structure of labor resources for technological entrepreneurship.*

The research methodology is based on integral theories that combine structural, institutional and sociocultural approaches, suggesting that young technological entrepreneurs are considered as a special sociostructural group of students who accumulate their professional potential in the process of research and innovation activities at the university and construct models of professional growth and development in a specific way. integration into the sphere of technological entrepreneurship. The principles of the neoclassical paradigm of sociological research made it possible to highlight the socio-cultural aspects of the formation of a socio-professional portrait of young entrepreneurs, to use the theory of the dispositional structure of the personality to identify the place of entrepreneurship in the system of value orientations of students, their basic attitudes related to the meanings and goals of life.

Research methods: content analysis of the university website and regulatory documents, secondary processing of sociological data and statistical information.

Research results. The internal and external factors of the institutional environment that form the motivation for entrepreneurial activity and determine the guaranteed employment and successful integration of graduates into the field of technological entrepreneurship in the Southern region are specified. The features of the socio-cultural discourse of studying the personal characteristics of creative students, their entrepreneurial attitudes and skills are considered.

The research perspective involves the development of social management mechanisms in the field of technological entrepreneurship based on the use of critical thinking technologies and humanitarian methods.

Keywords: students, technological entrepreneurship, scientific creativity, entrepreneurial potential, regional labor market

For citation: Shcherbakova L. I. Training young technological entrepreneurs in the university development strategy: institutional and socio-cultural aspects // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(3): 81–90. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-81-90>.

Введение. Перспективы опережающего развития российской экономики напрямую связаны с расширением технологического предпринимательства, поскольку именно этот сектор является особым социально-экономическим институтом, обеспечивающим с одной стороны региональный запрос на развитие наукоемких технологий и производств, а с другой — творческое развитие и самореализацию молодежи: применение имеющихся у них способностей и приобретенных ими знаний, умений, навыков, компетенций и опыта в целях удовлетворения потребностей в профессиональном, социальном и личностном развитии. Не случайно в числе приоритетных направлений реализации молодежной политики в Федеральном законе «О молодежной политике в Российской Федерации» выделены следующие направления, ориентированные на приток молодежного слоя в технологическое предпринимательство: поддержка инициатив молодежи; содействие образованию молодежи, научной, научно-технической деятельности молодежи; поддержка и содействие предпринимательской деятельности молодежи¹.

Региональные инженерные вузы являются той площадкой, на которую возложена обязанность подготовить кадры молодых предпринимателей в ответ на запрос региональной экономики. Именно поэтому стратегическая программа Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М.И. Платова в качестве одного из драйверов развития включает формирование и стимулирование студенческой активности, создание технологических команд и стартапов, реализацию в ближайшую перспективу ряда ключевых приоритетов и направлений: обеспечение концентрации научно-технического потенциала и развитие университетской экосистемы технологичес-

кого предпринимательства, коммерциализация результатов интеллектуальной деятельности, трансфер технологий и технологического брокерства в контексте тесного взаимодействия с финансово емким и перспективным рыночным сегментом. Популярность технологического предпринимательства среди студентов можно рассматривать в качестве индикатора трансформационных изменений в высшем профессиональном образовании в сторону сочетания передовых научных исследований, инженерно-конструкторской мысли и вовлеченности научной молодежи в решения практических задач. Пока сектор технологического предпринимательства в региональной экономике остается менее адаптированным к новым требованиям и менее привлекательным для выпускников. Не случайно предметом особого внимания вузовских ученых к причинам неадаптации в региональную экономику называют неэффективную работу социальных лифтов, призванных обеспечивать вертикальную профессиональную мобильность, что приводит к оттоку молодежи с высшим образованием в столичные города или на работу не по специальности [2]. Это связано с тем, что на фоне массовой подготовки инженеров невысоким остается процент тех, кто обладает предпринимательским потенциалом, готов стать самостоятельным субъектом инновационной деятельности, взять ответственность за индивидуальное предпринимательство или создание малых инновационных фирм для разработки и капитализации инновационных продуктов и услуг. Традиционные технологии организации образовательного процесса недостаточно акцентировали знакомство обучающихся с правовыми, экономическими тонкостями ведения бизнеса, существующими рисками в защите интеллектуальной собственности. Данный аспект актуализирует важность

¹ Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. №489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/> (дата обращения: 20.02. 2022)

исследования институциональных и социокультурных условий, профессиональных установок, мнений и интересов обучающихся, раскрывающих функционирование системы технологического предпринимательства в университете.

Институционализация подготовки молодых технологических предпринимателей в инженерном вузе. Сначала уточним, в чем состоит институциональный аспект подготовки молодых технологических предпринимателей в инженерном вузе. Другими словами, необходимо обозначить маркеры, определяющие институционализацию системы технологического предпринимательства в университете. Рассмотрение высшего образования в качестве социального института, согласно неинституциональным подходам, означает, что в нем наличествует совокупность формальных норм, установлений и неписаных правил взаимодействий, регулирующих социальные отношения между субъектами, системно формируя институциональную среду [12]. В. А. Ядов подчеркивал, что неинституциональная теория переносит фокус внимания на субъекты, отсюда — проблематика, связанная с изучением субъектов, обладающих различными социальными, статусными, экономическими ресурсами, диспозиционной структурой личности, в данном случае — студентов с предпринимательскими компетенциями и потенциалом [14; 15]. Институт высшего образования выполняет общественно значимые задачи и функции: обеспечивает подготовку высококвалифицированной рабочей силы, даёт возможность человеку развить свои способности, чтобы реализовать их в последующей деятельности, успешно интегрироваться в социум и профессиональную среду. Студенты, являясь субъектом образовательного процесса, испытывают, с одной стороны, внешнее воздействие институциональной среды университета, а с другой — в соответствии с собственной ментальной программой формируют модели освоения профессии и дальнейшего профессионального роста [9; 11].

В социологических трудах, начиная от Э. Дюркгейма, категория «социальные институты» является ключевой в объяснении общественного устройства, именно ему

принадлежит определение ее сущности в качестве «фабрики по производству социальных взаимосвязей» [6]. Т. Вебленом описаны основные признаки функционирования социальных институтов: наличие специально созданных учреждений (организаций) и материальных ресурсов; наличие набора социальных норм, правил, предписаний; существование системы ценностей [1].

Не раскрывая традиционного комплекса многогранных задач и функций, свойственных научно-образовательным вузовским центрам, еще раз обратим внимание на то, что отраслевые и региональные рынки труда в последние годы сформулировали перед региональными университетами общественный запрос на специалистов с предпринимательским потенциалом, а удовлетворение этой потребности обусловило необходимость выделить в вузах соответствующие операционные средства и ресурсы для подготовки молодого поколения технологических предпринимателей: локальные нормативные документы, инфраструктуру, кадры, материальные средства. Важно также поддерживать соответствующую социокультурную среду — поощрение талантливых студентов с предпринимательскими навыками, пропаганду опыта лучших, привлечение к грантовой деятельности, вовлечение для участия в конкурсах инновационных и технологических проектов и т.д. В настоящее время полноценным субъектом системы подготовки предпринимательских кадров становятся представители работодателей, которые взяли на себя роль наставников, организаторов производственных практик, экспертов при формулировании тематики курсовых и дипломных проектов.

Теперь охарактеризуем, какие институциональные компоненты технологического предпринимательства реализованы конкретно в одном из ведущих инженерных вузов страны — в Южно-Российском государственном политехническом университете (НПИ) имени М. И. Платова, который по итогам конкурса проектов «Приоритет 2030» отнесен к сотне прогрессивных современных учебных заведений — центров научно-технологического и социально-экономического развития страны. В университете имеющаяся инфраструктура и образовательные техноло-

гии позволяют успешно реализовать институциональную функцию по подготовке молодых технологических предпринимателей². В вузе обучается более 13 тысяч студентов преимущественно по 74 направлениям подготовки области знаний «Инженерное дело, технологии и технические науки», около 220 аспирантов и докторантов, ежегодно в системе ДПО проходят повышение квалификации более 3 тыс. чел. Поскольку деятельность молодых технологических предпринимателей традиционно отличается высоким уровнем научных и опытно-конструкторских технологий, в вузе последовательно укрепляется фундаментальная естественно-научная и инженерная подготовка, поддерживается синхронная и асинхронная организация учебного процесса за счет развития цифрового образовательного пространства и увеличения числа обучающихся, освоивших онлайн-курсы. На основе передовых когнитивных технологий свыше 50% обучающихся приобретают изобретательские, инновационные и творческие компетенции, в системе ДПО созданы условия для системного повышения качества и расширения возможностей непрерывного образования для предпринимателей и практиков. Все это дает возможность реализовать непрерывный проектный подход: от учебного занятия до диплома в виде стартапа.

Основой выполнения стратегических задач университета является инфраструктура научно-исследовательской и инновационной деятельности, включающая научно-исследовательские институты, особое конструкторско-технологическое бюро «СТАРТ», центр коллективного пользования, два инжиниринговых центра. Последовательно формируется научно-инновационный кластер «Контрактный R&D центр», ориентированный на выполнение прорывных фундаментальных и междисциплинарных исследований, поддержку и трудоустройство молодых ученых. Студенты и молодые исследователи вовлечены в реализацию исследовательских проектов, реализуемых совместно с институтами РАН и Южным научным центром РАН по ряду приоритетных направлений. Ежегодно заказчиками научно-исследовательских

и опытно-конструкторских работ в рамках стратегии научно-технологического развития РФ являются ведущие предприятия региона и страны. Подобное взаимодействие наряду с целевым набором и целевым обучением студентов способствует отраслевой генерации компетенций, качественному улучшению социально-профессиональной структуры трудовых ресурсов в Южном регионе, а также снижению тенденций оттока и прекаризации среди наиболее активной части молодежи.

Учитывая, что подготовка кадров для предпринимательства связана с формированием не только умений инициировать новые идеи и новации, но и способности воплощать конечный результат инновационной деятельности в виде нового продукта или услуги на рынке для использования в практической деятельности, вокруг университета сформирован и успешно функционирует рынок сбыта научно-инновационной продукции и услуг. Студенты и аспиранты, чьи разработки получают высокие оценки в конкурсах научно-исследовательских проектов, зачисляются на должности инженеров-исследователей и лаборантов в вузе. Примером поддержки в университете федерального проекта «Платформа университетского технологического предпринимательства» является организация для обучающихся лекций, семинаров, таких как «Стартап как диплом: путь к практико-ориентированности образования», которую провел Н. Бадулин — автор концепции «Улитка инноваций», основатель НП «Бизнес-ангелы Сибири». Пользуются популярностью деловые игры магистрантов экономического профиля, на которых обсуждаются направления улучшения экономической ситуации в г. Новочеркасске и в регионе. Состоялось открытие акселерационной программы «GLUSHKOV.AI», целью которой является интеграция студентов, имеющих инновационные идеи, и доведение этих новаций до состояния MVP (минимально жизнеспособного продукта), проведение консультаций экспертов, в том числе и приглашенных специалистов-практиков. Для участников программы организовано обучение по технологическому, научному направ-

² Сайт Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова [Электронный ресурс]. URL: <https://www.npi-tu.ru/> (дата обращения: 15.02.2022).

лениям и в области предпринимательства с получением диплома о дополнительном профессиональном образовании³.

Социокультурные особенности подготовки технологических предпринимателей. Как уже отмечалось, функционирование системы технологического предпринимательства в вузовской среде связано с благоприятным социокультурным климатом. Опираясь на идеи неоклассической парадигмы социологического знания о социокультурной контекстуальности и неинституциональной теории о ценностной составляющей, представляется важным понимание особого места формирующейся социальной группы молодых предпринимателей в гетерогенном слое студенчества, зарождение стратегий ее самоидентификации и выделение характеристик личностного портрета [12; 14]. Хотя группа появилась относительно недавно, она занимает значимое место в структуре формирующейся инновационной экономики Южного региона [9]. Ее изучение представляет интерес как с точки зрения общих закономерностей процесса формирования субъектности, так и с позиции специфики группы, находящейся на переднем крае развития информационного общества, и ее отличия от групп «традиционных» профессионалов-инженеров. Кроме этого, важным элементом институционализации является интернализация индивидами всех социокультурных элементов: критического мышления, креативности, коммуникабельности, формирования на их основе системы потребностей, ценностных ориентаций и ожиданий личности.

Нельзя не учитывать тот факт, что жизнедеятельность современной молодежи, в том числе и студенчества, проходит в обществе риска, неопределенности. В данном случае мы соглашаемся с мнением ученых института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН о том, что под жизнедеятельностью индивида понимается «система исторически сложившихся способов его общественного и индивидуального бытия, проявляющаяся в особенностях познания и преобразования им окружающей действительности

и самого себя» [4, с. 410]. Особенность жизнедеятельности молодежи связана с особой ролью этой социальной группы в воспроизводстве социальной и профессиональной культуры. Преемственность традиционной культуры и новаторство в производстве ее современных образцов определяют направленность основных форм жизнедеятельности молодых людей [4].

Известные специалисты в области социологии молодежи Ю. А. Зубок и В. И. Чупров в своей концепции социокультурного механизма саморегуляции подчеркивали, что молодые люди в процессе жизнедеятельности конструируют собственную реальность, как бы приспособивая изменяющуюся действительность для реализации своих целей и потребностей. Осознание молодыми людьми смыслов в качестве оснований мотивации жизнедеятельности является важным этапом саморегуляции. Они приобретают ценностную форму благодаря связи с различными типами базовой культуры [10]. В жизненных смыслах, отмечает Ж. Т. Тощенко, отражается осознание человеком своего предназначения, а выявить смыслы жизни — «означает определить ее основную сущность, ее главные ориентации, а также средства их достижения; то, что имеет наибольшую ценность и характеризует главные функции деятельности в основных сферах современного общества [13, с. 9].

В университете курс на развитие предпринимательских навыков обучающихся базируется на рассмотрении высшего образования в качестве важнейшего механизма обеспечения культурной преемственности с опорой на ценности, нормы, традиции академической культуры, сформировавшейся в вузе за более столетний период существования, но включающей в настоящее время традиционное и современное, ценностное и рациональное в духовно-нравственном развитии личности.

В этом русле важным вектором преобразования является ориентир на индивидуализацию и персонализацию образовательного процесса, который имеет две отличительные особенности — максимально соответствовать общественным и региональным пот-

³ Сайт Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова [Электронный ресурс]. URL: <https://www.npi-tu.ru/> (дата обращения: 15.02.2022).

ребностям и обеспечивать условия для удовлетворения индивидуальных склонностей обучающихся, что позволит выпускникам вуза в перспективе успешно интегрироваться в профессиональную среду и органично «вписаться» в стремительно меняющийся мир с максимальной пользой для развивающегося социума и с сохранением собственной индивидуальности. Уместно здесь привести точку зрения П. Друкера, который считал, что главным для предпринимателя является поиск инноваций и нововведений, постоянная готовность к изменениям как благоприятная возможность для реализации замыслов в сфере производства товаров и услуг [5].

Фундаментом для формирования социокультурного облика обучающихся является реализуемая в университете концепция непрерывной системы преподавания социально-гуманитарных наук, включающая следующие дисциплины: деловые коммуникации, философские проблемы науки и техники, психология профессиональной деятельности, социология, современные технологии социального управления. Они нацелены на формирование определенных личностных качеств обучающихся: профессионально-личностной культуры и субъектности как основы их профессиональной, управленческой и социальной деятельности, обеспечивающей конкурентоспособность на рынке регионального труда и готовность к непрерывному образованию, постоянному развитию своих лидерских качеств. Преподаватели этого цикла дисциплин ориентируются на проектно-креативное содержание научно-образовательной деятельности, опираются совместно с выпускающими инженерными кафедрами на междисциплинарные и проблемно-ориентированные технологии путем активного использования таких видов познавательной деятельности, как критический анализ, дискуссии и дебаты, научно-исследовательская и инновационная работа. Так называемые навыки *soft skills* (или гибкие навыки): коммуникация, работа в команде, системное и критическое мышление, креативное и цифровое мышление, эмоциональный интеллект — это приоритетные навыки, которые развиваются

у студентов в процессе образовательной деятельности и которые позволят выпускникам стать востребованными специалистами на современном рынке труда [7].

В ходе реализации инновационных разработок формируется субъектность молодых предпринимателей, опосредуются новые модели взаимодействия в творческих коллективах, таких как студенческие научные общества (СНО): «Новые энергетические установки», «Интеллектуальные системы». Их создание проходит в рамках выполнения дорожной карты Минобрнауки России совместно с координационным советом по делам молодежи в научной и образовательной сферах Совета при Президенте РФ по науке и образованию. Другой пример — победа студентов-энергетиков во всероссийской онлайн-викторине ЭнергоКвиз, организованной АО «СО ЕЭС» и приуроченной к 100-летию образования отечественной системы оперативно-диспетчерского управления в электроэнергетике⁴.

Научно-теоретические разработки и опыт практической работы научно-педагогических работников стали основой для получения университетом на ближайшие годы статуса Федеральной инновационной площадки по теме «Научно-методическое обеспечение разработки и внедрения социокультурных элементов в систему непрерывного инженерного образования в контексте укрепления социальной безопасности молодежи в казачьем регионе». Среди основных идей данного инновационного проекта — придание гуманистической направленности содержанию инженерно-технического образования.

Социальные практики современного студенчества достаточно многоаспектно изучаются учеными вузов Южного региона с учетом региональных особенностей и перспектив научно-исследовательской и инновационной деятельности [11]. Среди внешних факторов социального поведения студентов исследователи рассматривают образовательную и социальную среду [8], изменения институциональной структуры в вузах [3], а также причины неучастия и технологии мотивации студентов в сфере научно-исследовательской деятельности. Модели поведе-

⁴ Сайт Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова [Электронный ресурс]. URL: <https://www.npi-tu.ru/> (дата обращения: 15.02.2022).

ния студентов одни ученые сконструировали в зависимости от характера образовательных практик, другие — от ориентации на получение профессиональных и надпрофессиональных компетенций, а также в зависимости от их мотивации и установок в «сфере потребления образовательных услуг» [8].

Выводы. Таким образом, в Южно-Российском государственном политехническом университете (НПИ) имени М.И. Платова для успешного функционирования системы подготовки молодых технологических предпринимателей имеются институциональная и социокультурная среда, необходимые материальные условия. Существующие заделы позволяют реализовать конкурентные преимущества вуза в регионе, создать научно-инновационный университет мирового уровня предпринимательского типа, способный реализовать комплексные научно-технические программы полного инновационного цикла, отвечающий международным стандартам науки, образования и цифровой экономики, что обеспечит достижение национальных целей развития РФ.

Опыт университета по укреплению инфраструктуры инновационной предпринимательской деятельности, по внедрению современных научно-образовательных технологий может быть растиражирован и использован другими региональными вузами в качестве примера для подготовки предпринимателей. В перспективе целесообразно разработать цифровой инструментарий социальной диагностики по направлению «Цифровой навигатор предпринимательского капитала». Прогнозируется изучение методов стимулирования участия профессорско-преподавательского состава и научных сотрудников в процессе оценки и развития предпринимательских компетенций обучающихся, а также разработка типов предпринимательского поведения выпускников инженерных вузов.

Список источников

1. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Наука, 1984. С. 200–201.
2. Волков Ю.Г. Концептуальные основы исследования новых социальных лифтов в российских регионах // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9. №1. С. 67–82.
3. Вольчик В.В. Институциональные изменения структуры российской сферы образования и адаптивное экономическое поведение (на примере Ростовской области): монография. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2017. 212 с.
4. Вызовы пандемии и стратегическая повестка дня для общества и государства: социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2021 году: монография / В.К. Левашов и др. Отв. ред. В.К. Левашов, Г.В. Осипов, С.В. Рязанцев, Т.К. Ростовская. ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 558 с.
5. Друкер П. Бизнес и инновации / Пер. с англ. и ред. К.С. Головинского. М.: Вильямс, 2007. 423 с.
6. Дюркгейм Э. Метод социологии // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. и послесловие А.В. Гофмана. М.: Наука, 1990. С. 405.
7. Городецкая С.В., Дрондин А.Л. Цифровая трансформация и качество высшего образования // Бизнес. Образование. Право. 2021. №1(54). С. 367–373.
8. Зайцева А.А., Верещагина А.В. Социальное поведение студенческой молодежи в региональных сообществах на Юге России: ментальные программы и социальные практики (на материалах Ростовской области и Республики Крым). Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2021. 212 с.
9. Заславская Т.И. О субъектно-деятельностном аспекте трансформационного процесса // Кто и куда стремится вести Россию? Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного 191 трансформационного процесса / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2001. С. 3–16.
10. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодежи // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. №4. С. 164–186.
11. Lubsky A. V. Social behavior of students in higher education (based on the results of a sociological study in the Rostov Region, Russia) / A. V. Lubsky, A. A. Zaytseva // Universal Journal of Educational Research. 2020. Vol. 8. №10. P. 4529–4535.
12. Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе / Отв. ред. А.В. Лубский. М.: Социально-гуманитарные знания, 2017. 396 с.

13. Тощенко Ж.Т. Жизненный мир и его смыслы // Социологические исследования. 2016. №1(381). С. 9.

14. Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция. 2-е расширенное изд. М.: ЦСПиМ, 2013. 376 с.

15. Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: курс лекций для студентов магистратуры по социологии. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Интерсоцис, 2009. 138 с.

References

1. Veblen T. Teorija prazdnogo klassa [The theory of the leisure class]. Moscow: Nauka, 1984. P. 200–201. (In Russ.).

2. Volkov Ju. G. Konceptual'nye osnovy issledovaniya novyh social'nyh liftov v rossijskikh regionah [Conceptual foundations of the study of new social elevators in Russian regions]. *Gumanitarij Juga Rossii [Humanities of the South of Russia]*. 2020; 9(1): 67–82. (In Russ.).

3. Vol'chik V.V. Institucional'nye izmeneniya struktury rossijskoj sfery obrazovaniya i adaptivnoe jekonomicheskoe povedenie (na primere Rostovskoj oblasti): monografija [Institutional changes in the structure of the Russian sphere of education and adaptive economic behavior (on the example of the Rostov region): monograph]. Rostov-on-Don; Taganrog: Izd-vo JuFU, 2017. 212 p. (In Russ.).

4. Vyzovy pandemii i strategicheskaja povestka dnja dlja obshhestva i gosudarstva: social'no-politicheskoe polozhenie i demograficheskaja situacija v 2021 godu: monografija [The challenges of the pandemic and the strategic agenda for society and the state: socio-political situation and demographic situation in 2021: monograph]. V.K. Levashov et al. Otv. red. V.K. Levashov, G.V. Osipov, S.V. Rjazancev, T.K. Rostovskaja [In V.K. Levashov, G.V. Osipov, S.V. Ryazantsev, T.K. Rostovskaya (eds.)]. FNISC RAN. Moscow: FNISC RAN, 2021. 558 p. (In Russ.).

5. Druker P. Biznes i innovacii [Business and innovation]. Per. s angl. i red. K.S. Golovinskogo [Trans. from English and in K.S. Golovinsky (eds.)]. Moscow: Vil'jams, 2007. 423 p. (In Russ.).

6. Djurkgejm Je. Metod sociologii [Method of sociology]. Djurkgejm Je. O razdelenii obsh-

hestvennogo truda. Metod sociologii [Durkheim E. On the division of social labor. Method of Sociology]. Per. s fr. i posleslovie A. V. Gofmana. Moscow: Nauka, 1990. P. 405. (In Russ.).

7. Gorodeckaja S.V., Drondin A.L. Cifrovaja transformacija i kachestvo vysshego obrazovaniya [Digital transformation and quality of higher education]. *Biznes. Obrazovanie. Pravo [Business. Education. Law]*. 2021; 1(54): 367–373. (In Russ.).

8. Zajceva A.A., Vereshhagina A.V. Social'noe povedenie studencheskoj molodezhi v regional'nyh soobshhestvah na Juge Rossii: mental'nye programmy i social'nye praktiki (na materialah Rostovskoj oblasti i Respubliki Krym) [Social behavior of students in regional communities in the South of Russia: mental programs and social practices (based on the materials of the Rostov region and the Republic of Crimea)]. Rostov-on-Don: Fond nauki i obrazovaniya, 2021. 212 p. (In Russ.).

9. Zaslavskaja T.I. O sub'ektno-dejatel'nostnom aspekte transformacionnogo processa [On the subject-activity aspect of the transformation process]. Kto i kuda stremitsja vesti Rossiju? Aktory makro-, mezo- i mikrourovnej sovremennogo 191 transformacionnogo processa [Who is trying to lead Russia and where? Actors of macro-, meso- and micro-levels of the modern 191 transformation process]. Pod obshh. red. T.I. Zaslavskoj [In T.I. Zaslavskaya (eds.)]. Moscow: MVShSJeN, 2001. P. 3–16. (In Russ.).

10. Zubok Ju. A., Chuprov V.I. Samoreguljacija smyslozhiznennyh cennostej v kul'turnom prostranstve molodjozhi [Self-regulation of life values in the cultural space of youth]. *Vestnik Instituta sociologii [Bulletin of the Institute of Sociology]*. 2019; 10(4): 164–186. (In Russ.).

11. Lubsky A.V. Social behavior of students in higher education (based on the results of a sociological study in the Rostov Region, Russia) / A.V. Lubsky, A.A. Zaytseva // *Universal Journal of Educational Research*. 2020. Vol. 8. №10. P. 4529–4535.

12. Mental'nye programmy i modeli social'nogo povedeniya v rossijskom obshhestve [Mental programs and models of social behavior in Russian society]. Otv. red. A.V. Lubskij [In A.V. Lubsky (eds.)]. Moscow: Social'no-gumanitarnye znaniya, 2017. 396 p. (In Russ.).

13. Toshhenko Zh. T. Zhiznennyj mir i ego smysly [The life world and its meanings]. *So-*

ciologicheskie issledovaniya [Sociological research]. 2016; 1(381): 9. (In Russ.).

14. Jadov V.A. Samoreguljacija i prognozirovanie social'nogo povedenija lichnosti: dispozicionnaja koncepcija. 2-e rasshirennoe izd. [Self-regulation and forecasting of social behavior of a person: dispositional concept. 2nd expanded edition]. Moscow: CSPiM, 2013. 376 p. (In Russ.).

15. Jadov V.A. Sovremennaja teoreticheskaja sociologija kak konceptual'naja baza issledovaniya rossijskih transformacij: kurs lekcij dlja studentov magistratury po sociologii. Izd. 2-e, ispr. i dop. [Modern theoretical sociology as a conceptual basis for the study of Russian transformations: a course of lectures for graduate students in Sociology. Ed. 2nd, corrected and additional]. Saint Petersburg: Intersocis, 2009. 138 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 10.03.2022; одобрена после рецензирования 25.03.2022; принята к публикации 12.04.2022.

The article was submitted on 10.03.2022; approved after reviewing on 25.03.2022; accepted for publication on 12.04.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Щербакова Лидия Ильинична — доктор социологических наук, профессор кафедры «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Lidiya I. Shcherbakova — Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Social and Human Sciences, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya st., Novochoerkassk, Russia

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ ECONOMICS AND MANAGEMENT

Научная статья

УДК 330

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-3-91-99

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Юлия Олеговна Андрианова

*Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия
yul267a2@mail.ru, ORCID: 0000-0002-2185-7308, SPIN-код: 2502-0260*

Аннотация. *Целью исследования* является идентификация проблем и дисфункций системы образования современной России и разработка предложений по их совершенствованию.

Методологической основой исследования являются традиционные методы исследования: анализ, дедукция и индукция.

Результаты исследования заключаются в предложенных автором путях совершенствования социально-экономической эффективности системы образования современной России.

Перспектива использования результатов исследования. Результаты исследования могут быть использованы для корректировки проводимых в современной России социально-экономических трансформаций в системе образования.

Ключевые слова: система образования, государственное регулирование, социально-экономическая эффективность

Для цитирования: Андрианова Ю. О. Государственное регулирование и пути повышения социально-экономической эффективности системы образования современной России // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 3. С. 91–99. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-91-99>.

Original article

STATE REGULATION AND WAYS TO IMPROVE THE SOCIO-ECONOMIC EFFICIENCY OF THE EDUCATION SYSTEM OF MODERN RUSSIA

Yulia O. Andrianova

*Financial University under the Government of Russia, Moscow, Russia
yul267a2@mail.ru, ORCID: 0000-0002-2185-7308, SPIN: 2502-0260*

Abstract. *The purpose of the study is to identify the problems and dysfunctions of the education system of modern Russia and develop proposals for their improvement.*

The methodological basis of the research is the traditional research methods: analysis, deduction, and induction.

The results of the study lie in the ways proposed by the author to improve the socio-economic efficiency of the education system of modern Russia.

The prospect of using the results of the study. The results of the study can be used to correct the ongoing socio-economic transformations in the education system in modern Russia.

Keywords: *education system, government regulation, social and economic efficiency*

For citation: *Andrianova Yu. O. State regulation and ways to improve the socio-economic efficiency of the education system of modern Russia // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(3): 91–99. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-91-99>.*

Введение. В системе образования, формирующей главный ресурс социально-экономического развития общества — творческий потенциал, происходят глубокие трансформации. В условиях глобализации развитие образования преобразуется, возникает новая глобальная архитектура. За период развития общества изменились цели, задачи, приоритеты, суть и роль системы образования. В результате появились новые социально-экономические роли и барьеры развития. Идеи рыночного тоталитаризма, возобладавшие в государственном регулировании системы образования, привели к падению качества образования и явному несоответствию отрасли потребностям общества, государства и бизнеса. Недостатки рыночного тоталитаризма могут быть уравновешены государственным регулированием. В современной России отсутствует явный образ будущего, прослеживается процесс размытости и противоречивости образовательного эталона выпускника. При этом именно институт образования остаётся своеобразным базисом, «зеркалом общества», поскольку ему принадлежит функция, позволяющая подготовить человека к высокопроизводительной деятельности [10].

Государственное регулирование. Как показали результаты прикладного социологического исследования, распределение мнений современной молодежи о том, какие сферы жизни общества должны регулироваться государством, а где более эффективной будет деятельность частного сектора экономики,

приоритет в сфере образования должен быть за государством. Государственное регулирование работы высших учебных заведений указали 68,1% опрошенных, а государственный контроль за деятельностью школ — 72,5%. При этом молодые люди, идентифицирующие себя как «советских людей», больше остальных требовательны к исполнению государством своих обязательств в социальной сфере. Так, среди них обязательность государственных гарантий трудоустройства по специальности указали 95,7% [6]. В то же время государственное вмешательство осуществляется не директивным, а косвенным путём, посредством правовых и социально-экономических методов. Однако российская властная элита не использует человеческий потенциал страны для конкуренции на мировой арене [1].

В современной России ещё недостаточно чётко определились контуры социально-экономической модели в целом и роль государственного регулирования, в частности образования. Следует определить ряд важных вопросов данной проблемы:

- определение роли государственного образования;
- соответствие системы образования рынку труда.

Следует отметить, что анализ данных вопросов приводится с целью обоснования необходимых направлений развития этих аспектов для приведения системы образования в состояние, тождественное новым социально-экономическим условиям. В современных реалиях каждый третий выпускник высших и средних профессиональных учебных заве-

дений и практически половина выпускников колледжей и техникумов не работают по специальности¹. При этом навыками выпускников не доволен 91 % работодателей². Согласно статистическим данным, больше половины студентов всех видов учебных заведений работают для удовлетворения финансовых потребностей³, так как размер стипендии не соответствует даже минимальному прожиточному минимуму в России, что в последствии может отразиться на успеваемости обучающегося. От вектора государственной образовательной политики зависят слагаемые успехов или неудач в сфере высшего образования [4].

Рецессия, возникшая после финансово-экономического кризиса 2007–2009 годов, вызвала глубокие проблемы в сфере образования. Доктор экономических наук Н. Г. Яковлева определяет «болезни» российского образования, которые в 2010-х годах стали впоследствии и международной проблемой: коммерциализация, бюрократизация и менеджеризация образования [11]. Также в дальнейших исследованиях автор выделяет маркетизацию и финансиализацию [12]. Процесс маркетизации объясняется трансформацией образования из общественной сферы в рыночную в условиях, когда основным регулятором сферы образования выступает рынок. Явление финансиализации подчинено целям функционирования финансового капитала. Финансиализация образования связана с усиливающимся воздействием финансовых мотивов и рынков на образовательный процесс. Роль доходов от финансовой деятельности университетов неуклонно растёт в связи со снижением доли бюджетного финансирования [3]. Кандидат экономических наук В. Л. Устюжанин отмечает, что низкий уровень финансирования и коммерциализация деятельности государственных учебных заведений порождают многие проблемы, одной из которых является падение качества об-

разования [8]. На современном этапе развития необходимо усиление государственного регулирования системы образования с точки зрения качества и количества выпускников. В связи с этим следует обеспечить:

- государственный заказ специалистов;
- сотрудничество с бизнес-средой;
- создание условий, привлекающих к интеллектуальной деятельности;
- достойное вознаграждение интеллектуального труда;
- увеличение финансирования науки и образования.

Платформы онлайн-образования. Важно отметить, что происходит параллельное развитие платформ российского рынка онлайн-образования, обучение в которых осуществляется преимущественно за счет выполнения практических заданий, также данные платформы сотрудничают с ведущими российскими компаниями и некоторые из них гарантируют дальнейшее трудоустройство или возврат денежных средств за курс. Ни одно государственное образовательное учреждение не даёт гарантии трудоустройства и не осуществляет возврат средств в случае невозможности трудоустройства, если обучение проходило на коммерческой основе. Из чего следует, что учебные заведения не несут ответственность за качество подготовки, а платформы онлайн-образования способны обучить за 1–2 года профессии, востребованной на рынке труда, с дальнейшей гарантией трудоустройства.

Вместе с тем средняя стоимость года обучения в среднем в 2 раза меньше стоимости обучения года в бакалавриате на очной форме обучения. К примеру, востребованную в сфере информационных технологий профессию бизнес-аналитика в онлайн-университете Skillbox можно освоить за 12 месяцев, заплатив 242000 рублей, а полная стоимость обучения в бакалавриате в Фи-

1 Три факта о трудоустройстве выпускников 2016–2018 года [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/70843/document/88401> (дата обращения: 03.04.2022).

2 Мел — «ВЦИОМ: только один процент работодателей в России очень высоко оценил подготовку выпускников» [Электронный ресурс] // Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки. URL: <https://obrnadzor.gov.ru/smi-o-rosobrnadzore/mel-vcziom-tolko-odin-procent-rabotodatelej-v-rossii-ochen-vysoko-ocenil-podgotovku-vypusknikov/> (дата обращения: 20.03.2022).

3 Почему миллионы выпускников работают не по специальности [Электронный ресурс] // НИУ ВШЭ. URL: <https://issek.hse.ru/press/217256382.html> (дата обращения: 18.02.2022).

нансовом университете при Правительстве РФ г. Москвы на очной форме обучения в среднем составит более 1500000 рублей. При этом выпускник онлайн-школы будет обладать именно теми компетенциями, которые ему необходимы, так как он будет заниматься практическими заданиями и развивать свои навыки. Однако компетентизация в свою очередь приводит к утилитаризму и функционализму (воспроизводится человек-потребитель и человек-функция).

На рисунке 1 представлены данные выручки платформы онлайн-образования Skillbox, основанной в 2017 году, за 2017–2020 годы, которые указывают на ежегодный рост выручки, что подтверждает рост интереса к технологиям онлайн-образования⁴.

Следует отметить, что рынок онлайн-образования находится на ранних стадиях своего развития, но обладает определёнными тенденциями роста. На рисунке 2 представлен топ-10 российских EdTech-

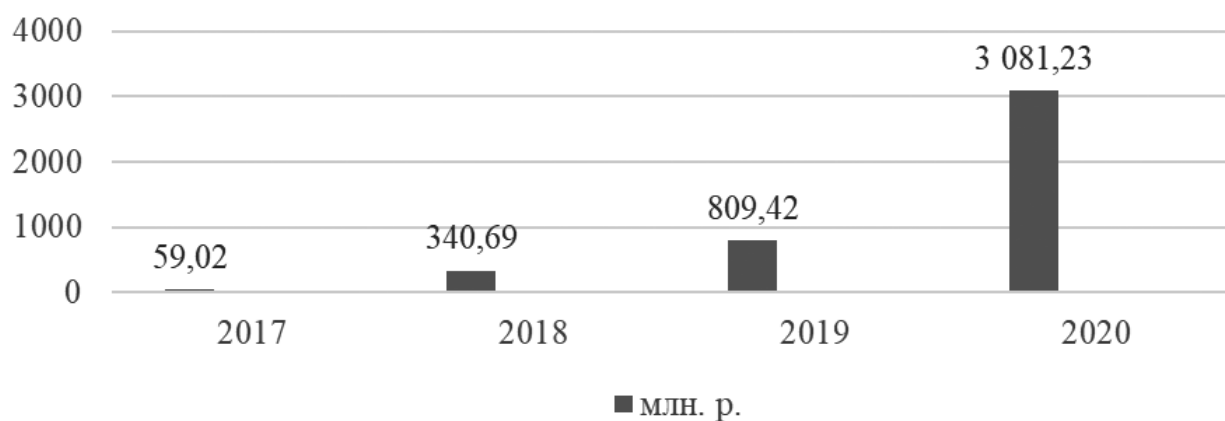

Рис. 1. Выручка онлайн-университета Skillbox за 2017–2020 гг.
Fig. 1. Skillbox Online University Revenue 2017–2020

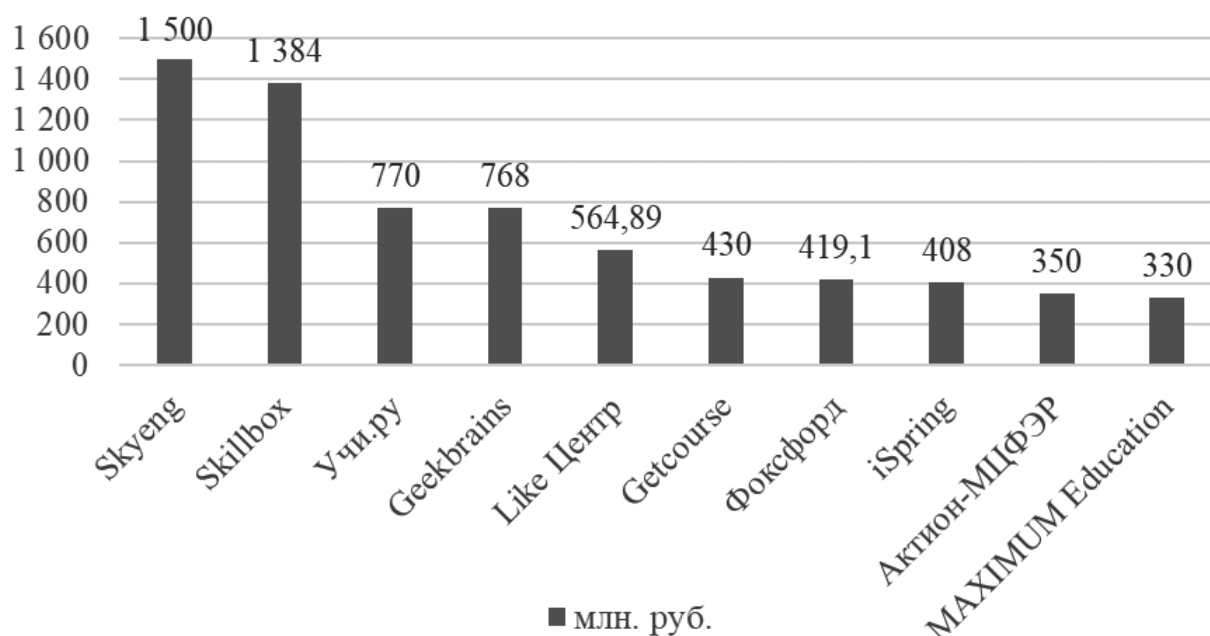

Рис. 2. Выручка топ-10 российских EdTech-компаний в первом квартале 2021 г.
Fig. 2. Revenue of the top-10 Russian EdTech companies in the first quarter of 2021

⁴ СКИЛБОКС [Электронный ресурс] / Участник проекта «Сколково». URL: <https://navigator.sk.ru/orn/1122188> (дата обращения: 29.03.2022).

компаний, которые осуществляют процесс онлайн-обучения и внедрения новых технологий в образование, по размеру выручки в первом квартале 2021 года. По данным экспертов, доля онлайн-образования значительно выросла⁵.

Несмотря на то, что общее количество граждан, окончивших высшее учебное заведение, среди граждан в возрасте 25–35 лет составляет более 41% населения России (в то время как к моменту распада СССР данный показатель составлял 11%⁶ выручка платформ онлайн-образования растёт, что связано с ростом интереса со стороны экономических агентов. При этом данный рост может указывать на некую несостоятельность современной системы образования. Иными словами, система онлайн-обучения выступает в качестве дополнения существующей системы образования, которая в будущем может стать субститутом традиционной формы обучения. В таблице 1 представлен условный PEST-анализ систем онлайн-обучения.

В современных условиях мировой хозяйственной системы с учётом угроз и возможностей, которые содержит глобализация для реализации национальных экономических интересов, роль государственного

регулирования трансформируется. С одной стороны, наличие мировоззренческого вакуума сверхзадач оказывает влияние на систему образования. Технологическая революция XXI века, которая ведёт к превращению творческого потенциала человека в решающий фактор социально-экономического прогресса, требует образования для всех и через всю жизнь. Заместитель руководителя проекта «Атлас новых профессий» Е. А. Виноградов отмечает, что сменить 5–6 видов деятельности в современном мире является обычным явлением⁷. Успех образования в современном мире заключается в экстраполяции уже полученного знания и применения его к новым ситуациям. Международный эксперт в области образования Ч. Фейдл совместно с коллегами разработал модель «четырёхмерного» образовательного пространства, включающую в себя знания, навыки (компетенции), личные качества и метаобучение [9]. Позиция автора близка к современным реалиям, но не следует забывать о воспитательной функции обучения, способствующей социализации и становлению разносторонне развитой личности. Также следует отметить, что российский политик А. Фурсенко на XIII Гайдаровском

Таблица 1
Table 1

PEST-анализ систем онлайн-обучения
PEST analysis of online learning systems

Сильные стороны	Слабые стороны
Доступность Дифференциация Разнообразие форм обучения Гибкость	Ранние стадии развития Упор исключительно на развитие компетенций
Возможности	Угрозы
Внедрение новых технологий Расширение рынка	Давление со стороны системы государственного образования Падение реальных доходов населения и, как следствие, снижение покупательной способности

⁵ Крупнейшие EdTech-компании России [Электронный ресурс] / Рейтинг крупнейших компаний на рынке онлайн-образования (edtechs.ru). URL: <https://edtechs.ru/> (дата обращения: 29.03.2022).

⁶ Знания в приоритете [Электронный ресурс] // Российская газета. 2021. 14 июня. URL: <https://rg.ru/2021/06/15/kolichestvo-rossiian-s-vysshim-obrazovaniem-prevysilo-31-procent.html> (дата обращения: 29.03.2022).

⁷ Поменять 5–6 видов профессий за жизнь — это нормально [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. 2018. 22 июня. URL: <https://www.kp.ru/daily/26857/3899702/> (дата обращения: 01.04.2022).

форуме, где проходила экспертная сессия «Образование, которое делает нас успешными и счастливыми», обратил внимание на быструю трансформацию рынка, специальностей. Реакцией на изменившуюся реальность, на его взгляд, может быть модель обучения «2 + 2 + 2», которая включает в себя следующую градацию учебного процесса: 2 года — изучение общих предметов; 2 года — изучение профильных предметов; 2 года — углубление и уточнение профессиональных навыков и знаний. При этом данная модель позволит студентам осуществлять выбор направления профессиональной подготовки, начиная с третьего года обучения.

Для слаженного функционирования образовательной системы следует определить:

- стратегическую задачу общества как образ будущего (каким будет будущее?);
- антропологический образ человека (кого воспитываем?);
- педагогическую тактику воспитания (как воспитываем?).

Пути развития общества. В современной России отсутствует ясный образ будущего, прослеживается процесс размытости и противоречивости образовательного эталона выпускника, нет чёткой модели образовательной стратегии. Рассмотрим два пути развития общества: гуманистический и антигуманистический.

Для антигуманистического пути развития характерно:

— «люди — новая нефть» — ситуация, в которой человек превращается в орудие получения знаний, генерирующих для достижения целей правящей элиты и не направленных на развитие национального благосостояния;

— человек становится дополнением информационных технологий;

— развитие общества подчинено удовлетворению корыстных экономических интересов, опуская при этом процесс духовного преобразования и самовоспитания личности.

Для гуманистического пути развития характерно:

— раскрытие творческо-созидательной сущности человека;

— информационные технологии становятся дополнением к человеку;

— развитие общества ориентировано на раскрытие творческо-созидательного потенциала личности у большего числа его членов.

Трансформация общества является объективно обусловленным процессом в современных реалиях, а вот будет оно антигуманистическим или гуманистическим, напрямую зависит от государственной политики, в частности от системы образования и от тех целей, которые ставит перед собой государство.

При антигуманистическом варианте (человек для экономики) характер и ориентация мировой элиты остаются неизменными, но путём создания экономического геноцида, развязывания социальных потрясений и революций, войн и так далее сокращается население до «золотого миллиарда» согласно теории представителя классической политической экономии Т. Мальтуса [7].

При гуманистическом (социоэкономическом) пути (экономика для человека) происходит процесс кардинальной трансформации образа жизни человека в соответствии с его духовной сущностью, научно-технический прогресс осуществляется на базе информационно-экологических технологий.

Социально-экономическая эффективность образования. Определение социально-экономической эффективности образовательной деятельности производится с целью определения возможных путей совершенствования. Эффективность деятельности системы образования наделена двумя факторами: социальными и экономическими. При этом каждый фактор является стороной одного и того же процесса подготовки специалистов. Для выявления вектора повышения социально-экономической эффективности требуется количественное измерение достигнутых и плановых показателей. Следует выделить следующие задачи:

— расчёт показателя социально-экономической эффективности образовательной деятельности;

— выявление «слабых мест» и путей повышения социально-экономической эффективности.

В качестве основных путей повышения социально-экономической эффективности следует выделить:

- улучшение качества подготовки выпускников;
- повышение уровня трудоустройства выпускников;
- повышение доходов учебного заведения.

Доктор экономических наук В. А. Балабан предложил формулу расчёта показателя эффективности образовательной деятельности высших учебных заведений в части оказания образовательных услуг [2]. В данной научной статье предлагается альтернативная формула (1.1). Социально-экономическая эффективность деятельности образовательных учреждений может быть проанализирована с применением этой формулы. Чем больше исходный результат формулы (1.1), тем выше уровень социально-экономической эффективности анализируемого профиля подготовки.

$$\Xi = K + T + \frac{D}{P} + \frac{\Phi}{O}, \quad (1.1)$$

где Ξ — социально-экономическая эффективность; K — общий уровень удовлетворённости качеством системы образования, который представлен в виде среднеарифметической оценки качества подготовки работодателем и выпускником; T — реальный уровень трудоустройства выпускников, который выражается отношением количества выпускников, работающих по специальности, к общему количеству выпускников; D — показатель дохода учебного заведения; P — показатель расходов на основную образовательную деятельность; Φ — средний фактический уровень дохода выпускников; O — средний ожидаемый уровень дохода выпускников.

При этом следует конкретизировать формирование отдельных показателей эффективности.

Показатель «Качество»: на стадии планирования обучения целесообразно учитывать усреднённые значения показателя $\geq 0,5$.

При расчёте показателя «Трудоустройство» на стадии планирования целесообразно учитывать усреднённые значения показателя $\geq 0,5$.

Формирование показателя «Расходы» также имеет определённые особенности в связи с тем, что в практике управленческого анализа решение об экономической целесообразности принято производить на основе данных о маргинальном доходе, в связи

с этим следует учитывать только переменные затраты.

Отношение показателя «Доходы» к показателю «Расходы» должно быть больше 1:

$$\frac{D}{P} > 1.$$

Отношение фактической заработной платы к ожидаемой должно быть ≥ 1 , иначе ожидания выпускника будут не оправданы. Однако следует учесть, что заработная плата при капиталистической системе не соответствует стоимости продуктов труда, а всегда приравнивается к прожиточному минимуму трудящегося [5].

Заключение. Таким образом, в системе образования называют новые глобальные трансформации, современная система образования не самодостаточна. несмотря на то, что на протяжении уже 30 лет подвержена реорганизациям. От развития системы образования и самого человека зависит будущее социально-экономическое положение страны и мировой системы в целом. С помощью предложенной в научной статье формулы на основании анализа данных могут быть реализованы управленческие решения, направленные на выявление сильных и слабых сторон социально-экономической эффективности образовательного учреждения.

Список источников

1. Альпидовская М.Л. Записки о новой реальности: постижение глобальных замыслов: монография. М.: Прометей, 2021. 172 с.
2. Балабан В. А. 17 эпизодов. Книга для чтения по курсу «Исследования систем управления»: учебное пособие. Владивосток: Изд-во ТГЭУ, 2006. 132 с.
3. Бок Д. Университеты в условиях рынка. Коммерциализация высшего образования. М.: НИУ ВШЭ, 2012. С. 9–10.
4. Воденко К.В. Регионализация государственной политики в сфере высшего образования в контексте становления академического лидерства // Вопросы управления. 2021. №1. С. 156–168.
5. Золя Э. Деньги: Роман Эмиля Золя. Санкт-Петербург: ред. журн. «Вестник иностранной литературы». 1891. [4]. 371 с.

6. Магранов А. С., Чикарова Г. И. Представления о роли государства и отношении к закону молодежи Юга России // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11. №1. С. 134–149.

7. Мальтус Т. Р. Опыт о законе народонаселения. Петрозаводск: Петроком, 1993. 136 с.

8. Устюжанин В. Л. Модели организации высшего образования: сравнительный анализ // Бизнес. Образование. Право. 2021. №3(56). С. 151.

9. Фадель Ч., Бялик М., Триллинг Б. Ф15 Четырехмерное образование: Компетенции, необходимые для успеха. М.: Издательская группа «Точка», 2018. 240 с.

10. Щербакова Л. И. Диалог управления университетом в изменяющейся социальной реальности: социоструктурные и коммуникативные аспекты // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2020. №5. С. 127–133.

11. Яковлева Н. Г. Коммерциализация, бюрократизация, менеджеризация образования постсоветской России: политэкономический взгляд // Проблемы теории и практики управления. 2017. №3. С. 122–130.

12. Яковлева Н. Г. Маркетинг образования в капиталистической системе: сущность, основы, этапы // Конкурентоспособность и развитие социально-экономических систем. Сборник аннотаций докладов IV Международной научной конференции памяти академика А. И. Татаркина. 2020. Челябинск: Издательство Челябинского государственного университета. С. 37–38.

References

1. Al'pidovskaja M. L. Zapiski o novoj real'nosti: postizhenie global'nyh zamyslov: monografija [Notes on a new reality: comprehension of global ideas: monograph]. Moscow: Prometej, 2021. 172 p. (In Russ.).

2. Balaban V. A. 17 jepizodov. Kniga dlja chtenija po kursu «Issledovanija sistem upravlenija»: uchebnoe posobie [17 episodes. A book for reading on the course «Management systems Research»: a textbook]. Vladivostok: Izd-vo TGJeU, 2006. 132 p. (In Russ.).

3. Bok D. Universitety v uslovijah rynka. Kommercializacija vysshego obrazovanija [Universities in market conditions. Commercializa-

tion of higher education]. Moscow: NIU VShJe, 2012. P. 9–10. (In Russ.).

4. Vodenko K. V. Regionalizacija gosudarstvennoj politiki v sfere vysshego obrazovanija v kontekste stanovlenija akademicheskogo liderstva [Regionalization of state policy in the field of higher education in the context of the formation of academic leadership]. *Voprosy upravlenija* [Management issues]. 2021; (1): 156–168. (In Russ.).

5. Zolja Je. Den'gi: Roman Jemilja Zolja [Money: A Novel by Emile Zola]. Saint Petersburg: red. zhurn. «Vestnik inostranoj literatury». 1891. [4]. 371 p. (In Russ.).

6. Magranov A. S., Chikarova G. I. Predstavlenija o roli gosudarstva i otnoshenie k zakonu molodezhi Juga Rossii [Ideas about the role of the state and the attitude to the law of the youth of the South of Russia]. *Gumanitarij Juga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. 2022; 11(1): 134–149. (In Russ.).

7. Mal'tus T. R. Opyt o zakone narodonase-lenija [Experience on the law of population]. Petrozavodsk: Petrokom, 1993. 136 p. (In Russ.).

8. Ustjuzhanin V. L. Modeli organizacii vysshego obrazovanija: sravnitel'nyj analiz [Models of higher education organization: comparative analysis]. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* [Business. Education. Law]. 2021; 3(56): 151. (In Russ.).

9. Fadel' Ch., Bjalik M., Trilling B. F15 Chetyrehmernoje obrazovanie: Kompetencii, neobhodimye dlja uspeha [F15 Four-dimensional education: Competencies necessary for success]. Moscow: Izdatel'skaja gruppa «Tochka», 2018. 240 p. (In Russ.).

10. Shherbakova L. I. Dialog upravlenija universitetom v izmenjajushhejsja social'noj real'nosti: sociostrukturnye i kommunikativnye aspekty [University management dialogue in changing social reality: sociostructural and communicative aspects]. *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki* [Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences]. 2020; (5): 127–133. (In Russ.).

11. Jakovleva N. G. Kommercializacija, bjurokratizacija, menedzherizacija obrazovanija postsovetsoj Rossii: politjekonomičeskij vzgljad [Commercialization, bureaucratization, managerization of education in post-Soviet Rus-

sia: a political economic view]. *Problemy teorii i praktiki upravlenija* [Problems of theory and practice of management]. 2017; (3): 122–130. (In Russ.).

12. Jakovleva N.G. Marketizacija obrazovanija v kapitalisticheskoj sisteme: sushhnost', osnovy, jetapy [Marketization of education in the capitalist system: essence, fundamentals, stages]./ Konkurentosposobnost' i razvitie

social'no-jekonomicheskikh sistem. Sbornik anotacij dokladov IV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii pamjati akademika A.I. Tatarkina [Competitiveness and development of socio-economic systems. Collection of abstracts of reports of the IV International Scientific Conference in memory of Academician A.I. Tatarkin]. 2020. Cheljabinsk: Izdatel'stvo Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. P. 37–38. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 20.05.2022; одобрена после рецензирования 02.06.2022; принята к публикации 22.06.2022.

The article was submitted on 20.05.2022; approved after reviewing on 02.06.2022; accepted for publication on 22.06.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Андрианова Юлия Олеговна — аспирант Департамента экономической теории, Финансовый университет при Правительстве РФ.

Россия, г. Москва, Ленинградский пр., 49

Yulia O. Andrianova — Post-graduate Student of the Department of Economic Theory, Financial University under the Government of the Russia.

49 Leningradsky av., Moscow, Russia

Научная статья
УДК 65; 339.138 (075)
DOI: 10.17213/2075-2067-2022-3-100-124

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ КЛЮЧЕВЫХ ТРЕНДОВ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ ПО НАПРАВЛЕНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

*Виктория Андреевна Бондаренко¹✉, Наталья Владимировна Гузенко²,
Татьяна Сергеевна Романишина³*

*^{1,2}Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Ростов-на-Дону, Россия*

³Российский государственный университет туризма и сервиса, Москва, Россия

*¹b14v@yandex.ru ✉, ORCID: 0000-0003-2921-7548, AuthorID РИНЦ: 187222,
AuthorID Scopus: 57193857639, WoS Research ID: AAC-8778-2020*

*²musamav@mail.ru, ORCID: 0000-0003-0620-4859, AuthorID РИНЦ: 783633,
AuthorID Scopus: 57193844225, WoS Research ID: AAX-1994-2020*

*³tankarom@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7999-1844, AuthorID РИНЦ: 763780,
AuthorID Scopus: 57204656951*

Аннотация. Цель исследования. На основе проведения маркетингового анализа сложившихся ключевых трендов в развитии регионов приоритеты в отношении обеспечения качества жизни и возможностей будущих поколений могут быть оценены с точки зрения развитости, представленности социальной сферы. В данном ключе в современной ситуации актуальным представляется проведение маркетингового анализа сложившихся ключевых трендов в развитии регионов, что подразумевает формулирование мировых, а также федеральных трендов, определяющих возможности и прогнозы в части социальной сферы.

Методологическая база исследования. В рамках изучения вопросов формирования ключевых трендов развития регионов России по направлению социальной сферы авторы базируются на рассмотрении профильных научных источников, существующих компетентных мнений и результатов эмпирических исследований, характеризующих социальное развитие, материалов по текущей ситуации и перспективным направлениям развития. В исследовании использовались методы сбора и сравнения данных, анализа, синтеза и графической интерпретации полученной информации, что обеспечило обоснованность выводов.

Результаты исследования. В результате реализации исследования выявлены перспективы развития социальной сферы в регионах России в нацеленности на выделение пула регионов-лидеров, успешную практику которых можно масштабировать на другие субъекты. Само социальное развитие представлено направлением, связанным и во многом определяющим возможности современного общества в части экономического роста и научно-технического прогресса. Подход к выявлению основных тенденций на уровне регионов необходимо сопоставлять и определять в соотношении с глобальными и федеральными трендами.

Перспективы исследования представляют сопоставление глобальных, федеральных, региональных трендов, позволяющих принимать обоснованные решения и формировать базис положительных преобразований в регионах-лидерах.

Ключевые слова: тренды, социальная сфера, регионы, развитие

Для цитирования: Бондаренко В.А., Гузенко Н.В., Романишина Т.С. Вопросы формирования ключевых трендов развития регионов России по направлению социальной сферы // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 3. С. 100–124. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-100-124>.

Original article

ISSUES OF FORMATION OF KEY TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN REGIONS IN THE DIRECTION OF THE SOCIAL SPHERE

Victoria A. Bondarenko^{1✉}, Natalia V. Guzenko²,
Tatiana S. Romanishina³

^{1,2}Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia

³Russian State University of Tourism and Service, Moscow, Russia

¹b14v@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0003-2921-7548, AuthorID RSCI: 187222,
AuthorID Scopus: 57193857639, WoS Research ID: AAC-8778-2020

²musamay@mail.ru, ORCID: 0000-0003-0620-4859, AuthorID RSCI: 783633,
AuthorID Scopus: 57193844225, WoS Research ID: AAX-1994-2020

³tankarom@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7999-1844, AuthorID RSCI: 763780,
AuthorID Scopus: 57204656951

Abstract. The purpose of the study. Based on the marketing analysis of the existing key trends in the development of the regions, priorities in terms of ensuring the quality of life and opportunities for future generations can be assessed from the point of view of development, representation of the social sphere. In this context, in the current situation, it seems relevant to conduct a marketing analysis of the existing key trends in the development of regions, which implies the formulation of global as well as federal trends that determine opportunities and forecasts in the social sphere.

Methodological basis of the study. As part of the study of the formation of key trends in the development of Russian regions in the direction of the social sphere, the authors are based on the consideration of specialized scientific sources, existing competent opinions and the results of empirical research characterizing social development, materials on the current situation and promising areas of development. The study used methods of data collection and comparison, analysis, synthesis and graphical interpretation of the information received, which ensured the validity of the conclusions.

The results of the study. As a result of the study, the prospects for the development of the social sphere in the regions of Russia have been identified in the focus on allocating a pool of leading regions whose successful practice can be scaled to other subjects. Social development itself is represented by a direction that is connected and largely determines the possibilities of modern society in terms of economic growth and scientific and technological progress. The approach to identifying the main trends at the regional level should be compared and determined in relation to global and federal trends.

The prospects of the study are a comparison of global, federal, and regional trends that make it possible to make informed decisions and form the basis for positive transformations in the

leading regions.

Keywords: trends, social sphere, regions, development

For citation: Bondarenko V.A., Guzenko N.V., Romanishina T.S. Issues of formation of key trends in the development of Russian regions in the direction of the social sphere // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(3): 100–124. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-100-124>.

Введение. Развитие регионов России в настоящее время во многом определяется не только экономической повесткой. В социально ориентированной модели хозяйствования, характерной для отечественных условий, приоритеты в отношении обеспечения качества жизни и возможностей будущих поколений могут быть оценены с точки зрения развитости, представленности социальной сферы. В данном ключе в современной ситуации актуальным представляется проведение маркетингового анализа сложившихся ключевых трендов в развитии регионов, что подразумевает формулирование мировых, а также федеральных трендов, определяющих возможности и прогнозы в части социальной сферы.

Соответственно, обоснованным представляется формулирование общих прогнозов развития регионов с учетом проведенных аналитических сопоставлений, выявляемых возможностей и преимуществ. Блоком, в рамках которого формулируются ключевые тренды, возможности и наличествующие сложности, которые регионам необходимо преодолевать, выступает согласно исследовательской логике социальная сфера.

Материалы и методы. В исследовании вопросов формирования ключевых трендов развития регионов России по направлению социальной сферы мы опирались на экспертное мнение ряда профильных специалистов, статистические данные и результаты отчетов исследовательских компаний. Нами применены сравнения, анализ и синтез полученной информации, ее графическая интерпретация.

Обсуждение. Ряд исследователей отмечают значение социального развития в рамках преодоления проблем современного общества [10].

Другие специалисты склонны к рассмотрению научно-технического и инновацион-

ного прогресса посредством социальных преобразований [8].

В рамках социально ориентированной экономики взгляд, согласно которому социальное направление представляет собой «код цивилизационных преобразований», что отмечает ряд авторов [7], представляется нам оправданным. В данном ключе выглядит обоснованным анализ основных направлений, преобразований в социальной сфере, реализующихся в рамках корректных сопоставлений применительно к регионам страны.

Опираясь на ряд аналитических данных, например, характеризуя такую составляющую социальной сферы, как здравоохранение, можно отметить, что на мировом уровне стала очевидной и проявилась нацеленность на информационное обеспечение, развитие цифровых технологий в медицине, рост запроса на высокотехнологичную медицинскую помощь. Практически те же тренды характерны для федерального уровня [1]. Тогда как на уровне регионов проявляются сложности в части инфраструктурного обеспечения здравоохранения для полноценного охвата населения и оказания ему качественных услуг, сопряженных, например, с обеспеченностью медицинскими кадрами. Отметим, что для регионов России в целом, а в особенности тех, в составе которых есть мегаполисы, выступающие драйверами их возможного роста, существуют возможности расширения охвата населения оказываемыми услугами и качества первичной и последующей диагностической помощи.

Характеризуя показатели регионов по социальной составляющей, можно отметить, например, что по численности врачей на одну больничную койку, согласно приведенной нами ранее аналитике, лидируют следующие игроки (рис. 1).

Уточним: по этому критерию лидирует Ленинградская область, за ней следуют Татарстан, Москва, Самара и Красноярский край.

Согласно показателю обеспеченности амбулаторным звеном оказания медицинской помощи (количеству организаций на 10000 населения) лидируют Санкт-Петербург, Красноярский край, Челябинская область, Москва, Свердловская область (рис. 2).

По количеству граждан (населения в регионе), приходящихся на одного врача пятерка лидеров представлена следующими регионами (рис. 3).

Как видим, первое место занимает Санкт-Петербург, за ним следуют Москва, Новосибирская, Воронежская и Омская области.

В рамках основных мировых трендов применительно к такой составляющей социальной сферы, как образовательная, можно отметить формирование некоего глобального научно-образовательного пространства, упрочение сетевого взаимодействия и встраивания научных и образовательных организаций в процесс активного применения цифровых технологий. На федеральном уровне также очевиден тренд на цифровизацию, цифровую трансформацию отрасли, а также акцент на преобладание предпринимательских компетенций [5; 6] в подготовке кадров и вовлечение образовательных организаций в формирование среды содействия инновациям, что проявляется в нацеленности на повестку НТИ и создание сети научно-образовательных центров в регионах страны [4].

На региональном уровне (в особенности в тех регионах, где флагманами положительных преобразований выступают мегаполисы, дающие возможность масштабировать их практику на весь регион) сделан акцент на поддержку жителей региона в части полноценного обеспечения охвата детей дошкольным и школьным образованием, формирование образовательных кластеров, объединяющих школьные и вузовские учреждения, вовлечение их в повестку НТИ и создание инноваций, а также поддержка научных исследований и инновационной активности молодежи.

Давая оценку анализируемым регионам по параметрам дошкольного, школьного образования, количества обучающихся по направлениям среднего специального образования, а также высшего образования, нацеленности на поддержку инновационно-ориенти-

рованных организаций, приведем аналитические данные, представленные ниже.

Так, на рис. 4 показаны регионы, лидирующие по обеспеченности местами в дошкольные детские учреждения на 1000 детей.

Как видим, лидерами в данном отношении являются Челябинская область, Пермский край, Свердловская, Ленинградская и Нижегородская области.

По показателю количества обучающихся в классах среднеобразовательных учреждений (школ) наиболее благополучная ситуация в следующих пяти регионах (рис. 5).

Естественным образом этот показатель отражается на качестве обучения, поскольку каждому учащемуся достается больше внимания со стороны педагогического коллектива. Лидерами здесь являются Омская область, Башкирия, Татарстан, Волгоградская область и Красноярский край.

По показателю наличия студенческого звена в сегменте среднего профессионального образования на 10000 человек в пятерке лидеров находятся следующие регионы (рис. 6).

Лидирующее место по данному показателю занимает Москва, за ней следуют Краснодарский край, Свердловская область, Московская область и Санкт-Петербург.

По показателю количества студентов в сегменте высшего образования на 10000 человек в пятерку лидеров входят Москва, Санкт-Петербург, Омская область, Татарстан и Воронежская область, что показано на рис. 7.

По количеству исследовательских организаций, осуществляющих исследования и разработки, ведущее положение занимают следующие регионы (рис. 8).

Соответственно, первое место по указанному параметру занимает Москва, за ней следуют Санкт-Петербург, Московская область, Татарстан, Свердловская область.

По количеству исследователей в регионах преобладают Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Нижегородская и Новосибирская области (рис. 9).

По параметру затрат на инновационную деятельность организаций (в процентах от общего объема отгруженных продуктов и услуг) лидируют следующие субъекты (рис. 10).

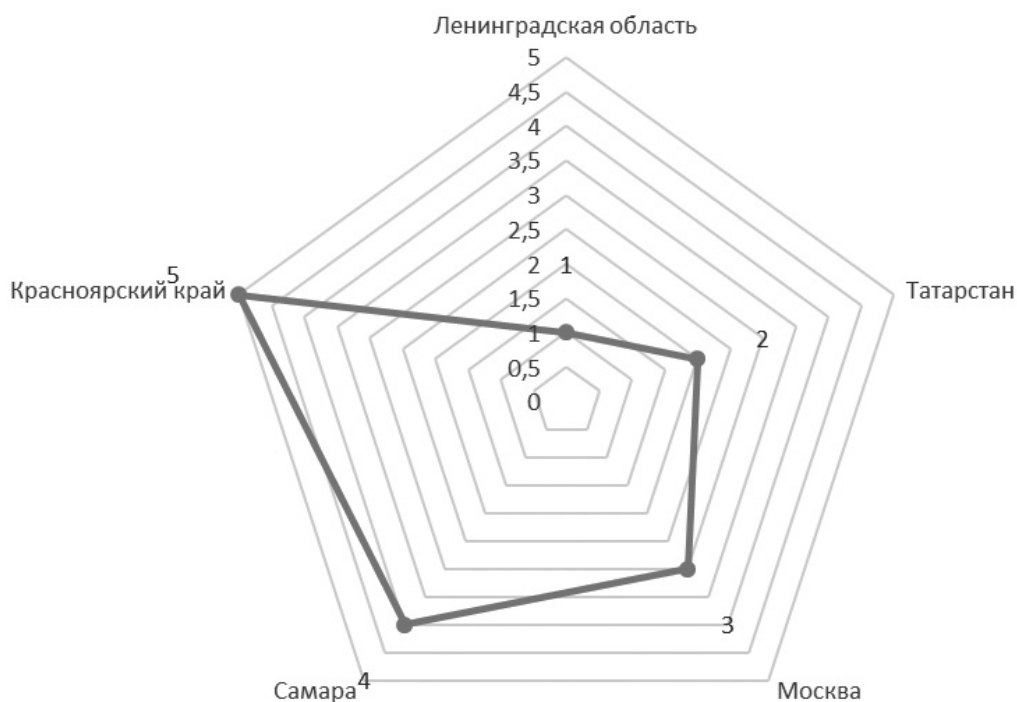

Рис. 1. Регионы, лидирующие по показателю численности врачей на одну врачебную койку (определено по результатам исследования)
Fig. 1. The regions leading in terms of the number of doctors per medical bed (determined by the results of the study)

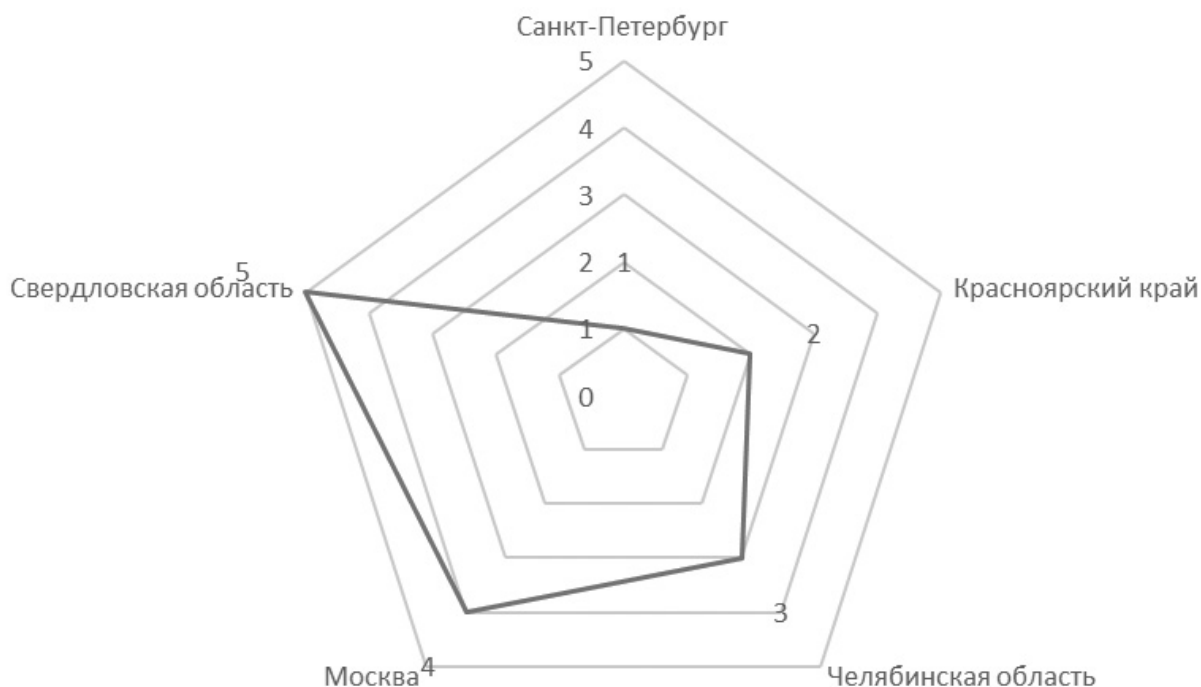

Рис. 2. Регионы, лидирующие по показателю количества амбулаторных медицинских организаций на 10000 населения (определено по результатам исследования)
Fig. 2. Regions leading in terms of the number of outpatient medical organizations per 10,000 population (determined by the results of the study)

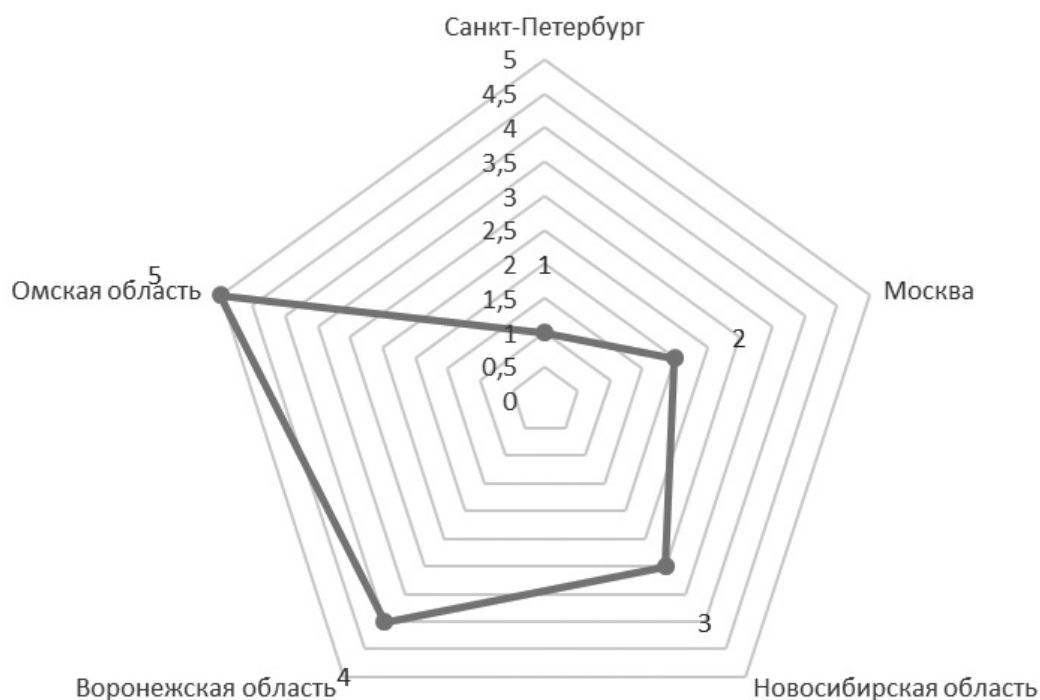

Рис. 3. Регионы, лидирующие по показателю количества граждан (населения в регионе), приходящихся на одного врача (определено по результатам исследования)

Fig. 3. Regions leading in terms of the number of citizens (population in the region) per doctor (determined by the results of the study)

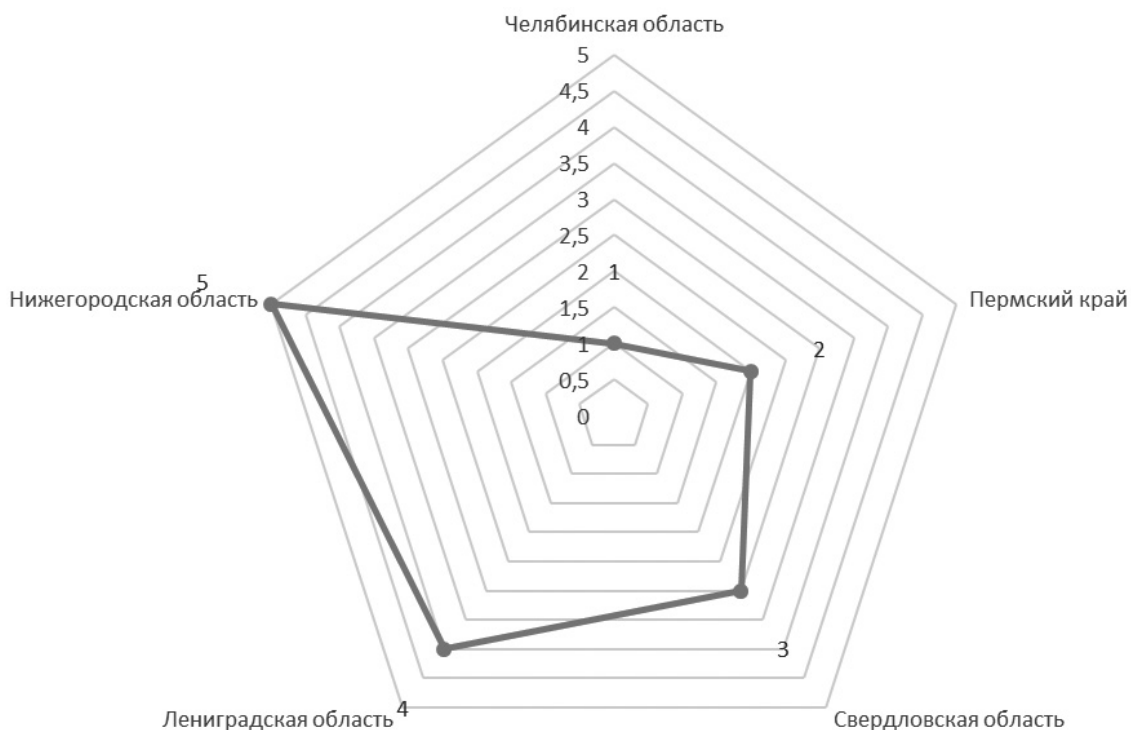

Рис. 4. Регионы, лидирующие по обеспеченности местами

в дошкольные детские учреждения на 1000 детей (автором по результатам исследования)

Fig. 4. The regions leading in the provision of places in preschool institutions for 1000 children (by the author according to the results of the study)

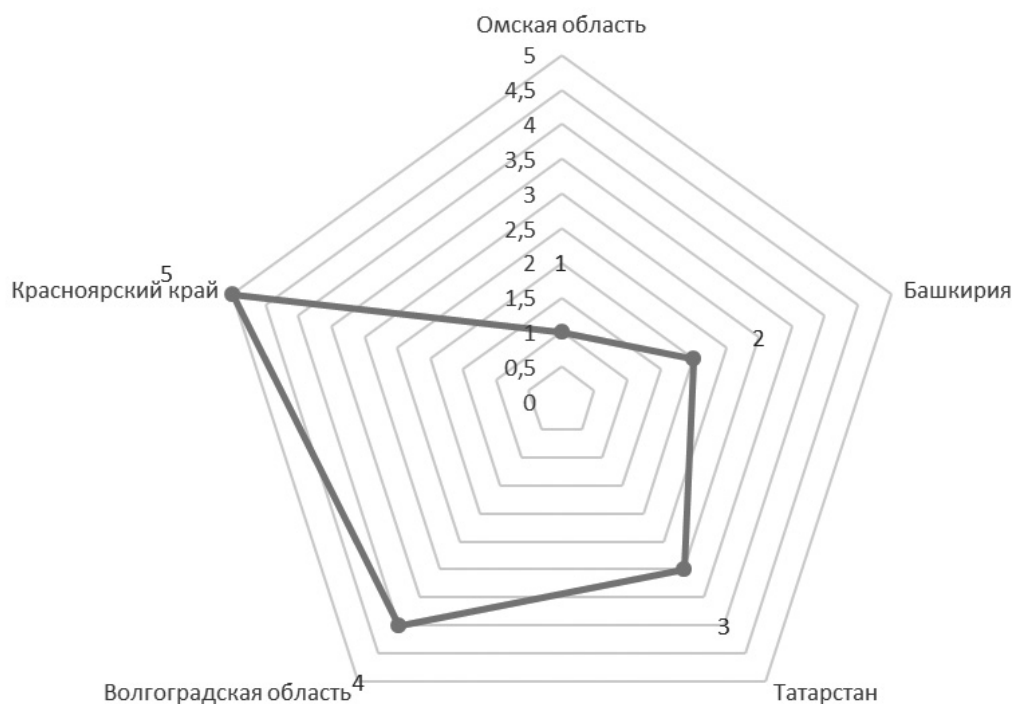

Рис. 5. Регионы, лидирующие по минимальному количеству детей в классе (усреднено) (определено по результатам исследования)

Fig. 5. The regions leading in the minimum number of children in the class (averaged) (determined by the results of the study)

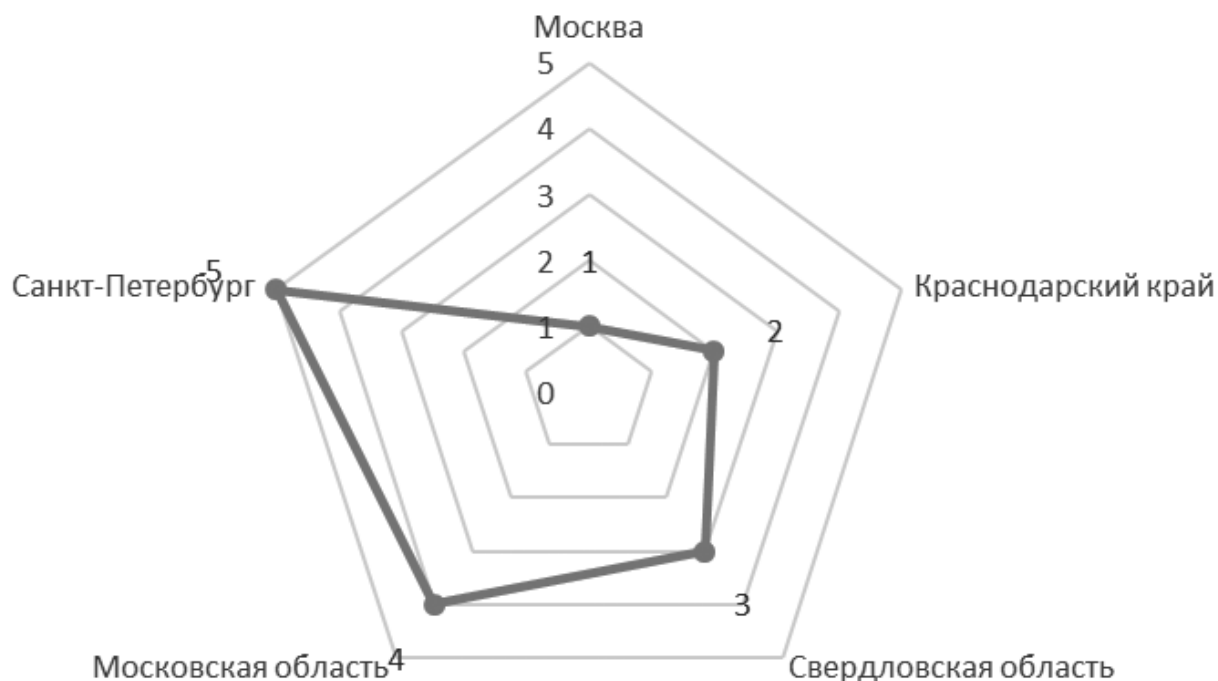

Рис. 6. Регионы, лидирующие по количеству студентов в сегменте среднего профессионального образования на 10000 человек (определено по результатам исследования)

Fig. 6. Regions leading in the number of students in the segment of secondary vocational education per 10,000 people (determined by the results of the study)

Рис. 7. Регионы, лидирующие по количеству студентов в сегменте высшего образования на 10000 человек (определено по результатам исследования)

Fig. 7. Regions leading in the number of students in the higher education segment per 10,000 people (determined by the results of the study)

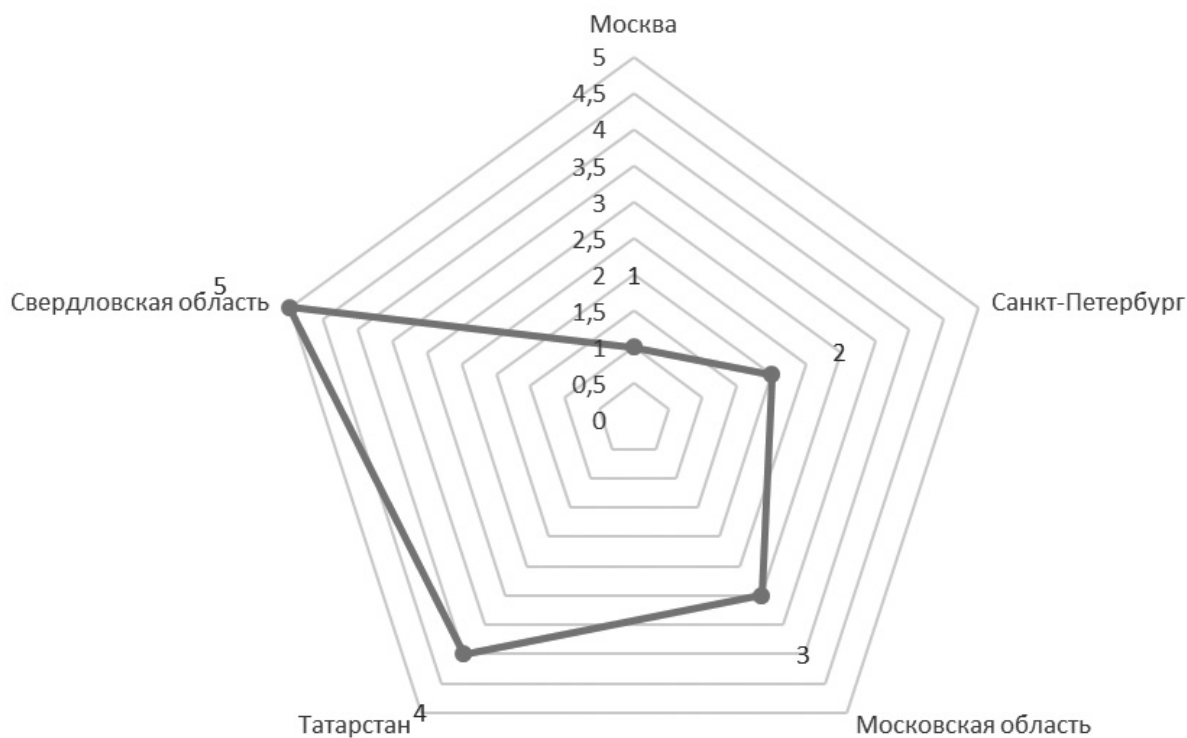

Рис. 8. Регионы, лидирующие по количеству организаций, вовлеченных в исследования и разработки (определено по результатам исследования)

Fig. 8. Regions leading in the number of organizations involved in research and development (determined by the results of the study)

Как видим, лидером выступает Москва, за ней следуют Татарстан, Ростовская область, Самарская область, Санкт-Петербург.

По показателю удельного веса организаций, осуществляющих технологические инновации, лидируют Москва, Санкт-Петербург, Ростовская, Московская и Нижегородская области (рис. 11).

По уровню инновационной активности организаций в пятерку лидеров входят Ростовская область, Татарстан, Санкт-Петербург, Нижегородская и Воронежская области (рис. 12).

В отношении такой составляющей социальной сферы, как культура, к мировым трендам можно отнести обновление, модернизацию материальных объектов культуры, а также влияние цифровизации, электронных коммуникаций на культурную жизнь. На федеральном уровне и на уровне регионов это во многом опосредует необходимость привлечения инвестиций в совершенствование инфраструктурного фонда, его своевременную модернизацию и обеспечение полноценного внедрения цифровых платформ в коммуникационную сферу. Вовлечение населения, в особенности молодежи, в культурную жизнь предполагает поддержание необходимого уровня развития ее материальной составляющей для увеличения охвата населения. Эти же обстоятельства справедливы в отношении сферы физкультуры и спорта.

Отметим, что по количеству зрительских театров на 1000 жителей лидирующие позиции занимает Санкт-Петербург, далее Москва, Омская область, Красноярский край, Пермский край (рис. 13).

По параметру посещений музеев на 1000 человек в пятерке лидеров присутствуют Санкт-Петербург, Москва, Татарстан, Красноярский край и Нижегородская область (рис. 14).

В отношении обеспеченности объектами спортивной инфраструктуры (стадионов) лучшие показатели у Московской области, Краснодарского края, Ростовской, Нижегородской и Свердловской областей (рис. 15).

Лидирующие позиции по обеспеченности бассейнами на 1000 человек присутствуют в Москве, Санкт-Петербурге, Московской области, Свердловской области и Татарстане (рис. 16).

Результаты. В рамках ключевых трендов, проявляющихся на различных уровнях (мировом, федеральном и в особенности региональном) в отношении социальной защиты, можно отметить, что ключевыми из них представляются рост нагрузки на учреждения социального обеспечения граждан, усложненность ситуации в части демографической нагрузки, опосредованный рост числа людей пенсионного возраста в соотношении с работающими, а также нацеленность на внедрение информационных технологий в работу с гражданами.

В отношении миграции населения отмечается активный переток граждан в крупные города и мегаполисы наряду с общим сокращением рождаемости населения. На этом фоне значимыми на региональном и федеральном уровнях являются стремление обеспечить нуждающихся положенными им социальными выплатами, нацеленность на обеспечение населения рабочими местами, снижение уровня безработицы (в том числе за счет удаленной работы, благодаря информационно-коммуникационным технологиям), на обеспечение комфортных условий проживания, стремление поднять уровень доходов населения в регионах и обеспечить положительный прирост населения. Значимым трендом также выступает нацеленность на обеспечение безопасности граждан, что сопряжено с необходимостью снижения уровня преступности. Указанные масштабные мероприятия естественным образом требуют значительных вложений и информационно-коммуникационного обеспечения для оперативной координации действий.

В указанном контексте поясним, что по такому важному показателю, сопряженному с пониманием ситуации, складывающейся в регионах, лидерами по минимальному количеству пенсионеров на 1000 человек выступают Москва, Ростовская область, Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область (рис. 17).

По численности работающих граждан, приходящихся на одного пенсионера, лидируют такие регионы, как Москва, Санкт-Петербург, Татарстан, Челябинская область, Красноярский край (рис. 18).

По такой значимой составляющей социальной поддержки граждан, как размер соци-

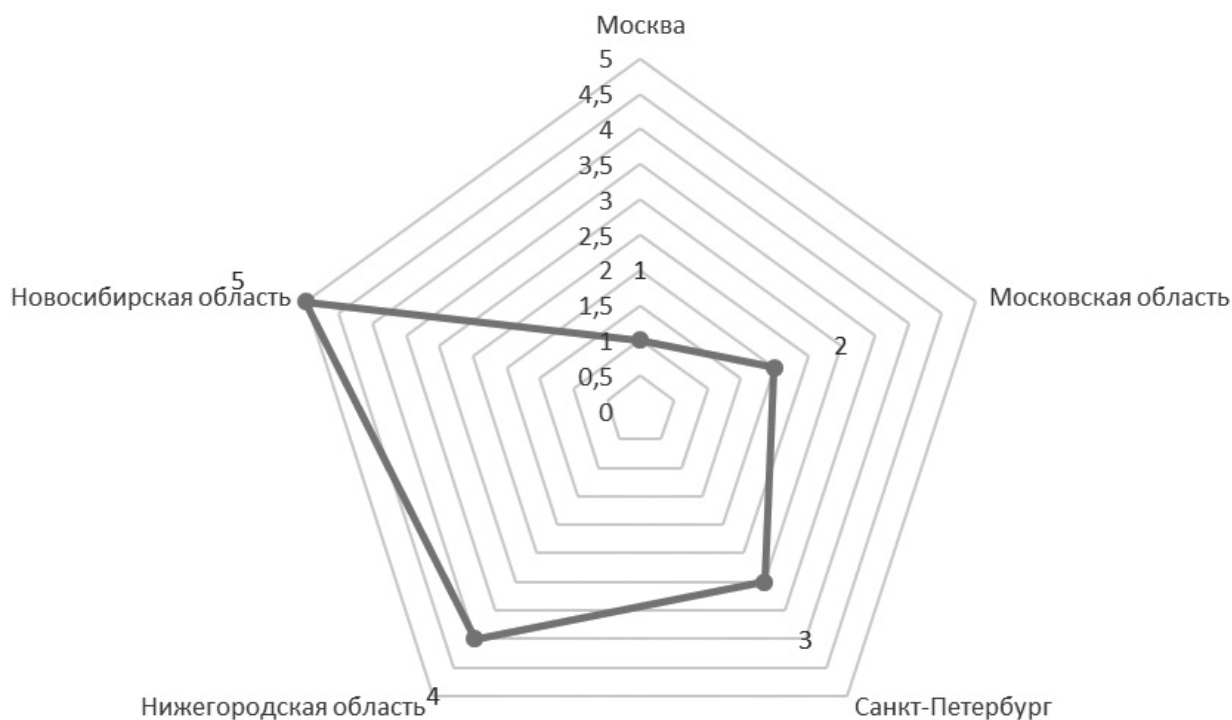

Рис. 9. Регионы, лидирующие по количеству исследователей (определено по результатам исследования)

Fig. 9. Regions leading in the number of researchers (determined by the results of the study)

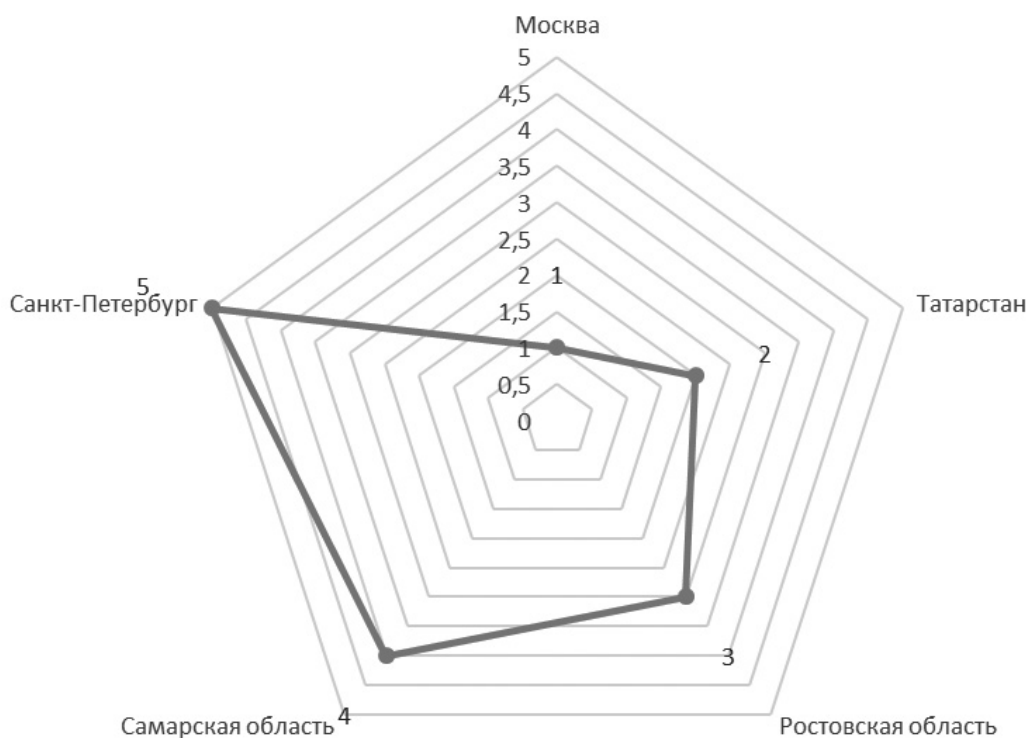

Рис. 10. Регионы, лидирующие затратам на инновационную деятельность в долевом отношении к отгруженной продукции (определено по результатам исследования)

Fig. 10. The regions leading the costs of innovation activity in proportion to the shipped products (determined by the results of the study)

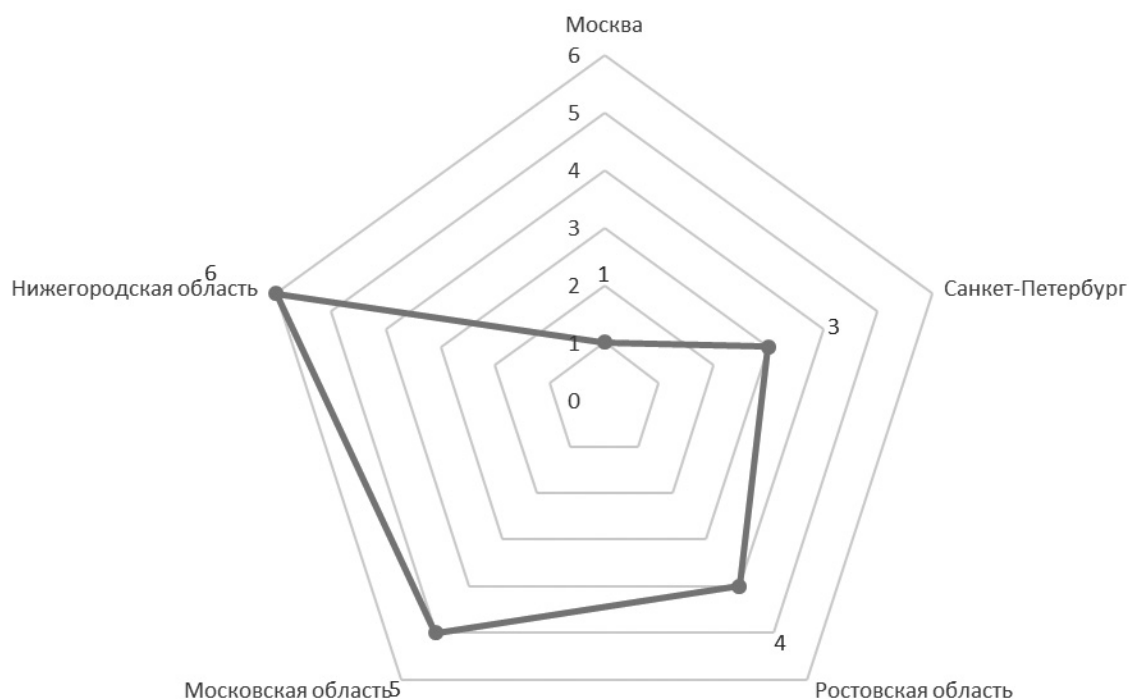

Рис. 11. Регионы, лидирующие по удельному весу организаций, осуществляющих технологические инновации (определено по результатам исследования)

Fig. 11. Regions leading in the share of organizations implementing technological innovations (determined by the results of the study)

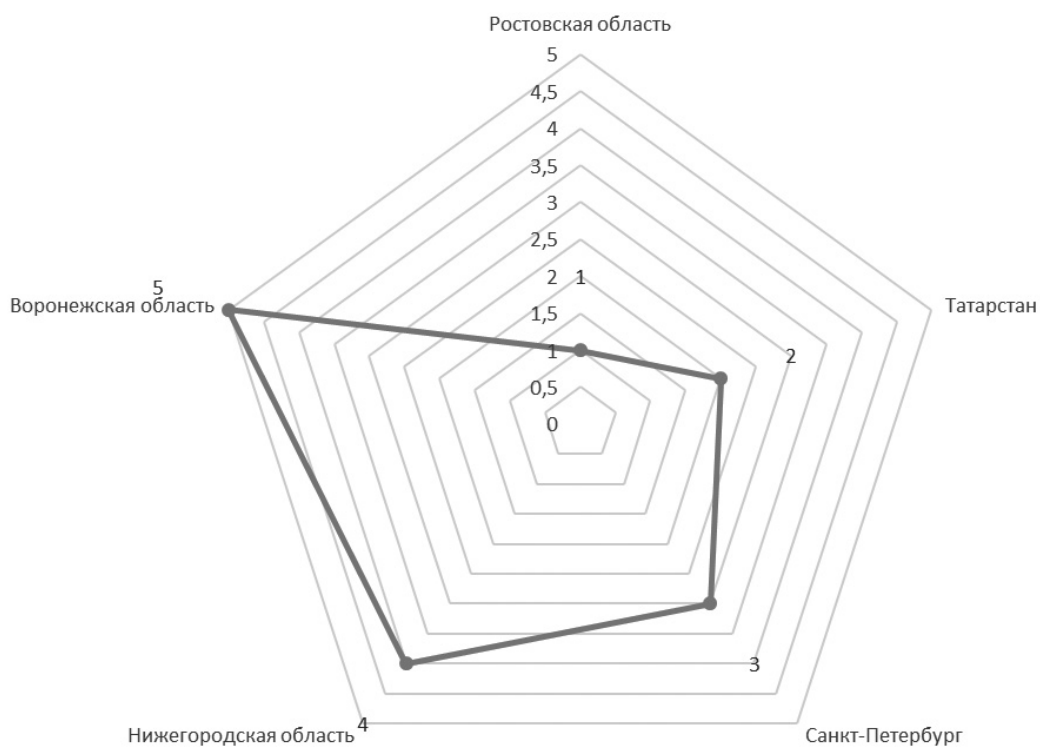

Рис. 12. Регионы, лидирующие по уровню инновационной активности организаций (определено по результатам исследования)

Fig. 12. Regions leading in the level of innovation activity of organizations (determined by the results of the study)

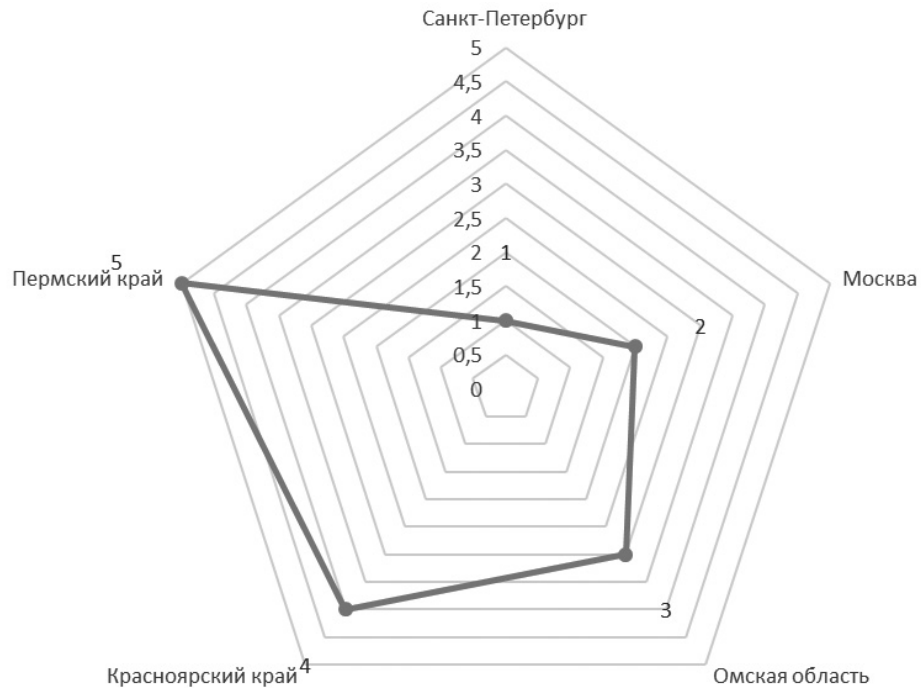

Рис. 13. Регионы, лидирующие по количеству зрительских театров на 1000 человек (определено по результатам исследования)

Fig. 13. Regions leading in the number of spectator theaters per 1000 people (determined by the results of the study)

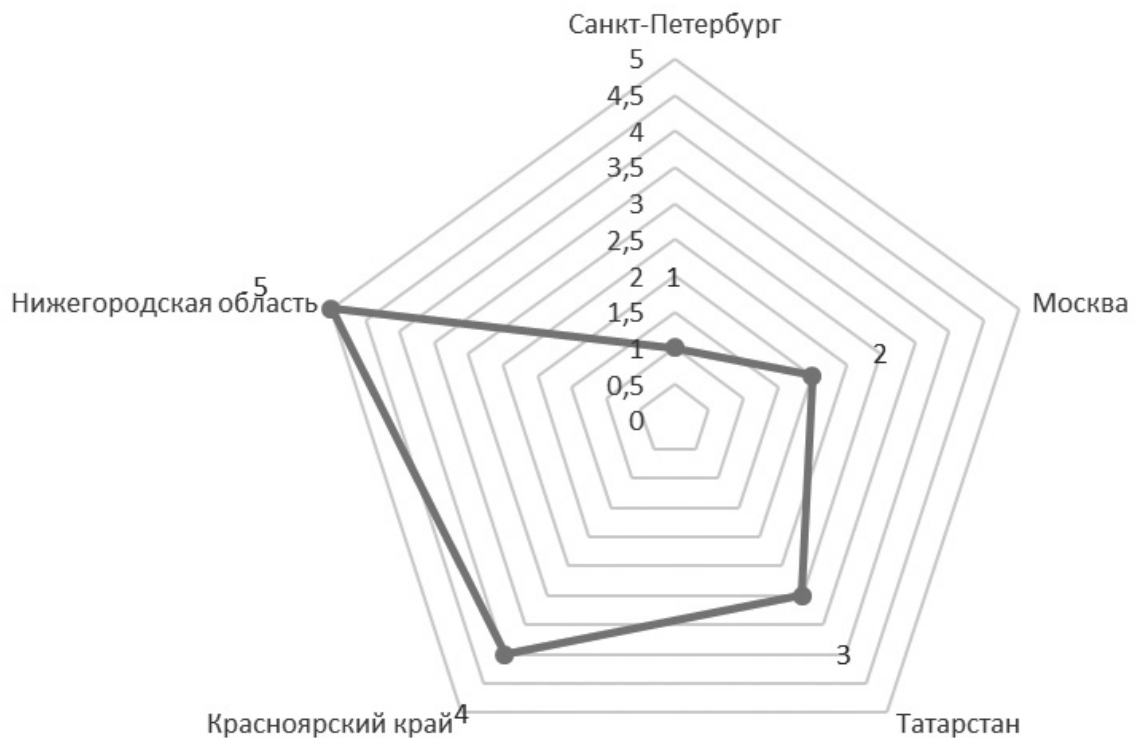

Рис. 14. Регионы, лидирующие по посещению музеев на 1000 человек (определено по результатам исследования)

Fig. 14. Regions leading in museum visits per 1000 people (determined by the results of the study)

Рис. 15. Регионы, лидирующие по количеству стадионов
(определено по результатам исследования)

Fig. 15. Regions leading in the number of stadiums (determined by the results of the study)

Рис. 16. Регионы, лидирующие по количеству бассейнов на 1000 человек
(определено по результатам исследования)

Fig. 16. Regions leading in the number of pools per 1000 people
(determined by the results of the study)

альных выплат для пенсионеров, лидируют такие регионы, как Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Ленинградская область и Красноярский край (рис. 19).

По показателю долевого распределения семей, получающих социальную поддержку, в пятерку лидеров входят следующие субъекты: Москва, Челябинская область, Воронежская область, Татарстан, Ростовская область (рис. 20).

По показателю наибольшего среднего размера ежемесячной субсидии на оплату жилого помещения и коммунальных услуг в долевым выражении лидерами являются Москва, Башкирия, Красноярский край, Московская и Нижегородская области (рис. 21).

Считаем необходимым (помимо указываемого нами ранее) подчеркнуть, что касательно жилищной сферы в отношении основных мировых трендов, характерных для России, в том числе актуальными являются существенный прирост городского населения, жителей мегаполисов по сравнению с сельскими территориями, что гипертрофирует экологическую проблему из-за роста соответствующей нагрузки на ландшафт.

Растет запрос на повышение комфортности проживания наряду с внедрением технологий «зеленого» строительства [2; 3], что предполагает соответствующую сертификацию и приводит к необходимости привлечения дополнительных инвестиций в наращивание комфортного, соответствующего запросам жилищного фонда. Получает распространение концепция «умных городов», основанная на синхронизации действий и информационной обеспеченности городской среды [11; 12]. Все это происходит на фоне наличествующего в регионах старого жилищного фонда, нуждающегося в реновации. Для регионов также характерно стремление к автоматизации обслуживания населения за счет массового внедрения цифровых технологий.

Отметим, что в России применительно к регионам, на территории которых расположены мегаполисы, по показателю общей площади жилья, приходящейся на одного жителя, лидерами выступают такие регионы, как Московская, Воронежская, Ленинградская, Нижегородская и Самарская области (рис. 22).

В отношении показателя благоустроенности жилищного фонда (в долевым отношении) наилучшие позиции занимают Москва, Санкт-Петербург, Татарстан, Самарская и Новосибирская области (рис. 23).

К основным мировым трендам, характерным также для федерального и регионального уровня в отношении занятости населения, трудоспособного населения и уровня доходов, можно отметить, сокращение населения в трудоспособном возрасте из-за феномена «старения» населения. Это проявляется, как уже ранее нами отмечалось, в росте пенсионной нагрузки на общество. Проявляется также необходимость в привлечении молодежи к трудовой активности в регионах в условиях работы в рамках специфики цифровой экономики, что требует соответствующего уровня образовательной подготовки. Это предопределяет необходимость формирования в регионах образовательных кластеров, «подтягивающих» в свою «орбиту» значимые для регионального развития направления, что должно быть сопряжено с ростом занятости населения и уровня его доходов.

В данном ключе отметим, что по такому значимому показателю, как уровень занятости (в %), лидерами являются Москва, Санкт-Петербург, Татарстан, Нижегородская и Московская области (рис. 24).

По минимальному уровню безработицы лучшие позиции в первой пятерке регионов занимают Москва, Санкт-Петербург, Московская область, Татарстан и Воронежская область (рис. 25).

По размеру величины прожиточного минимума наиболее благополучная ситуация в таких пяти регионах, как Москва, Красноярский край, Московская область, Санкт-Петербург, Ленинградская область (рис. 26).

В число регионов, в которых в долевым отношении превалирует население с размером дохода более 60000 руб., входят Москва, Санкт-Петербург, Московская область, Свердловская область и Татарстан (рис. 27).

По такому крайне значимому показателю, как присутствие трудоспособного населения (в %), в наиболее выигрышном положении находятся Москва, Санкт-Петербург, Московская, Ленинградская и Новосибирская области (рис. 28).

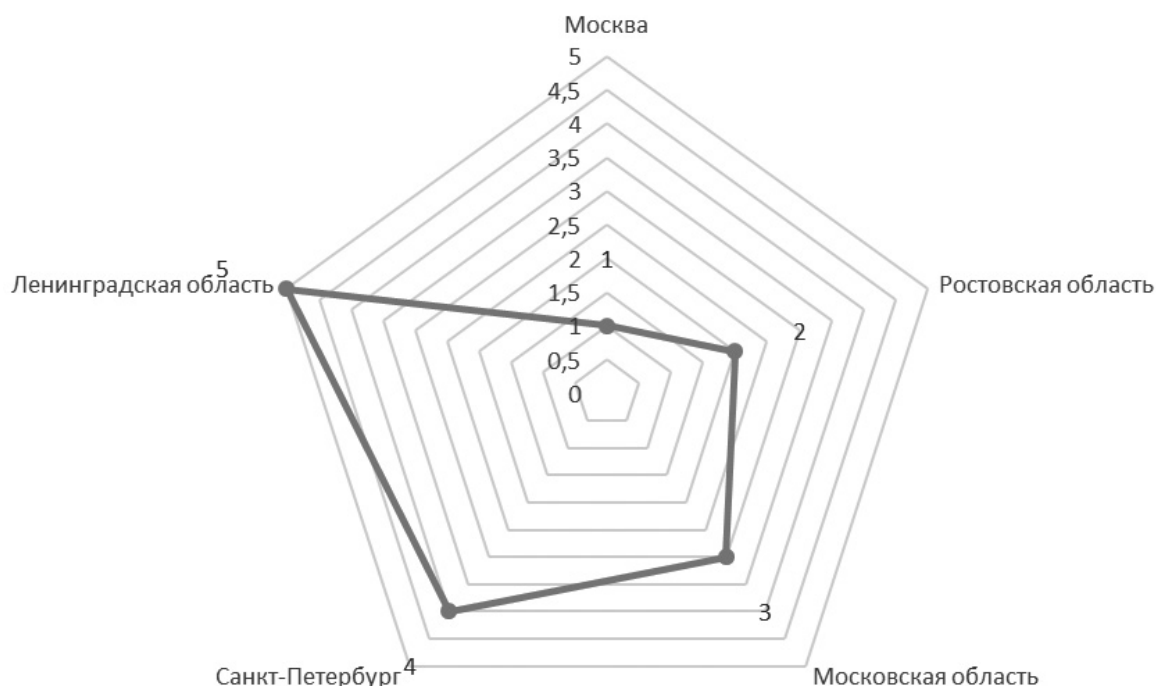

Рис. 17. Регионы, лидирующие по минимальному соотношению числа пенсионеров на 1000 человек (определено по результатам исследования)

Fig. 17. The regions leading in the minimum ratio of the number of pensioners per 1000 people (determined by the results of the study)

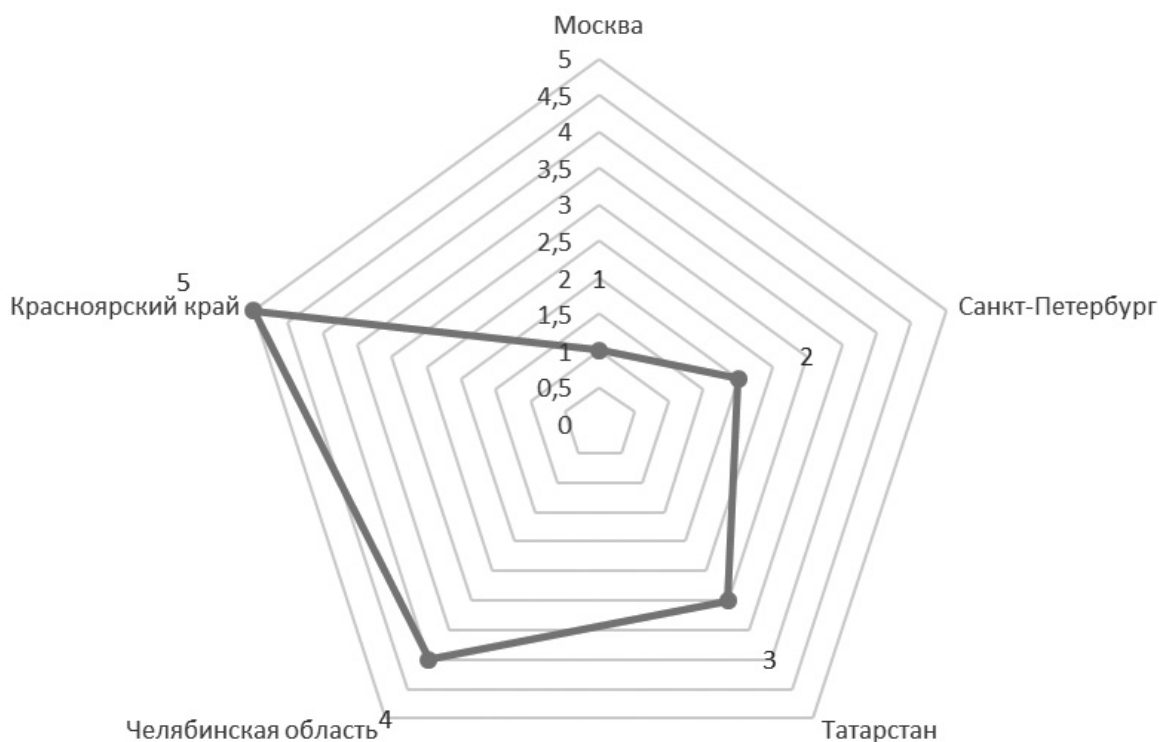

Рис. 18. Регионы, лидирующие по количеству работающих граждан на одного пенсионера (определено по результатам исследования)

Fig. 18. Regions leading in the number of working citizens per pensioner (determined by the results of the study)

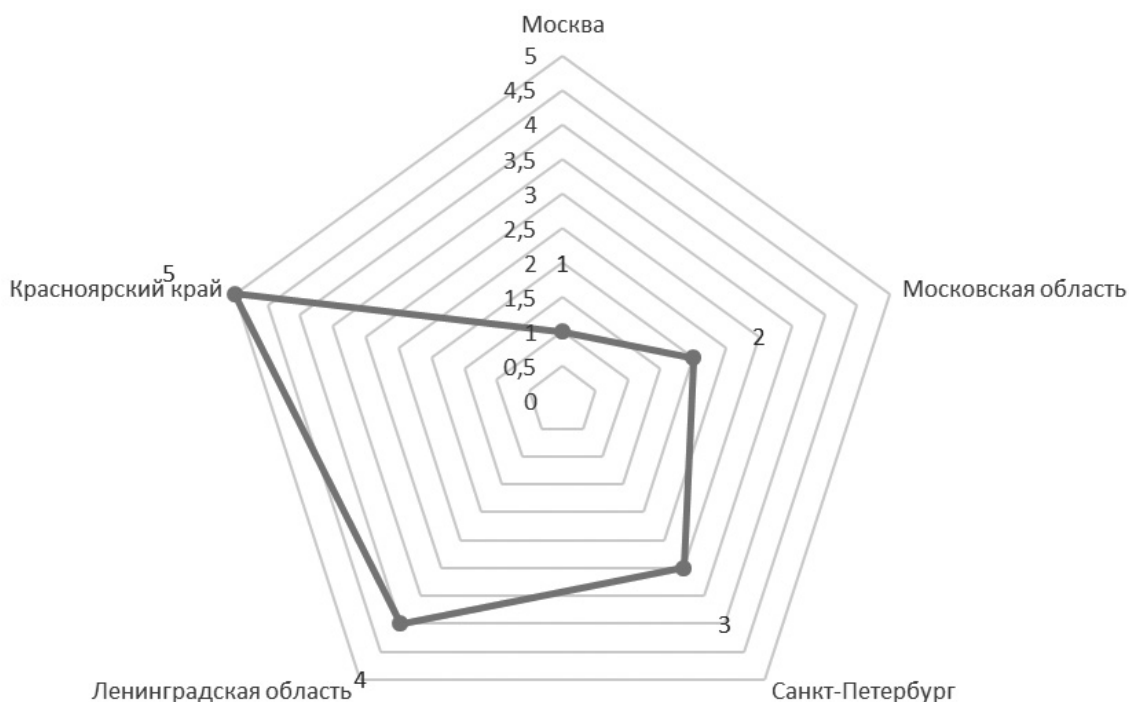

Рис. 19. Регионы, лидирующие по размеру социальных выплат для пенсионеров (определено по результатам исследования)

Fig. 19. Regions leading in terms of social benefits for pensioners (determined by the results of the study)

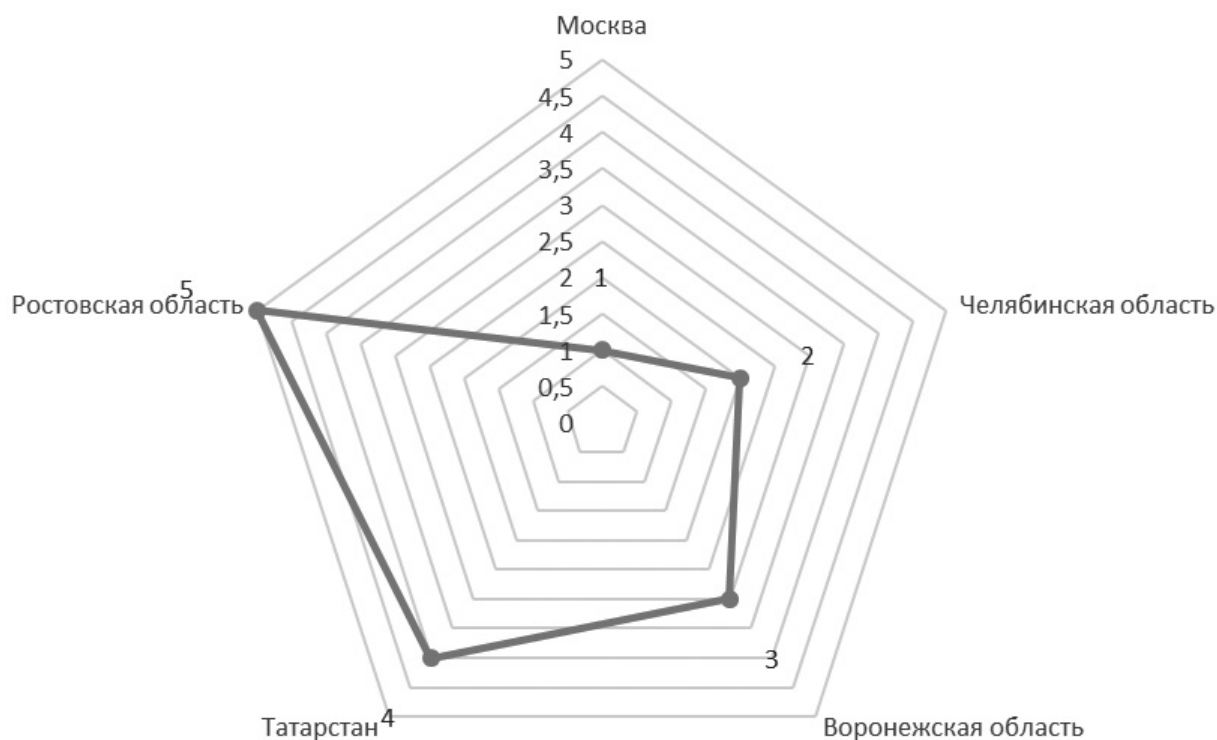

Рис. 20. Регионы, лидирующие по долевого распределению семей, получающих социальную поддержку (определено по результатам исследования)

Fig. 20. Regions leading in the share distribution of families receiving social support (determined by the results of the study)

Рис. 21. Регионы, лидирующие по показателю наибольшего среднего размера ежемесячной субсидии на оплату жилого помещения и коммунальных услуг в долевом выражении (определено по результатам исследования)

Fig. 21. The regions leading in terms of the largest average monthly subsidy for housing and utilities in equity terms (determined by the results of the study)

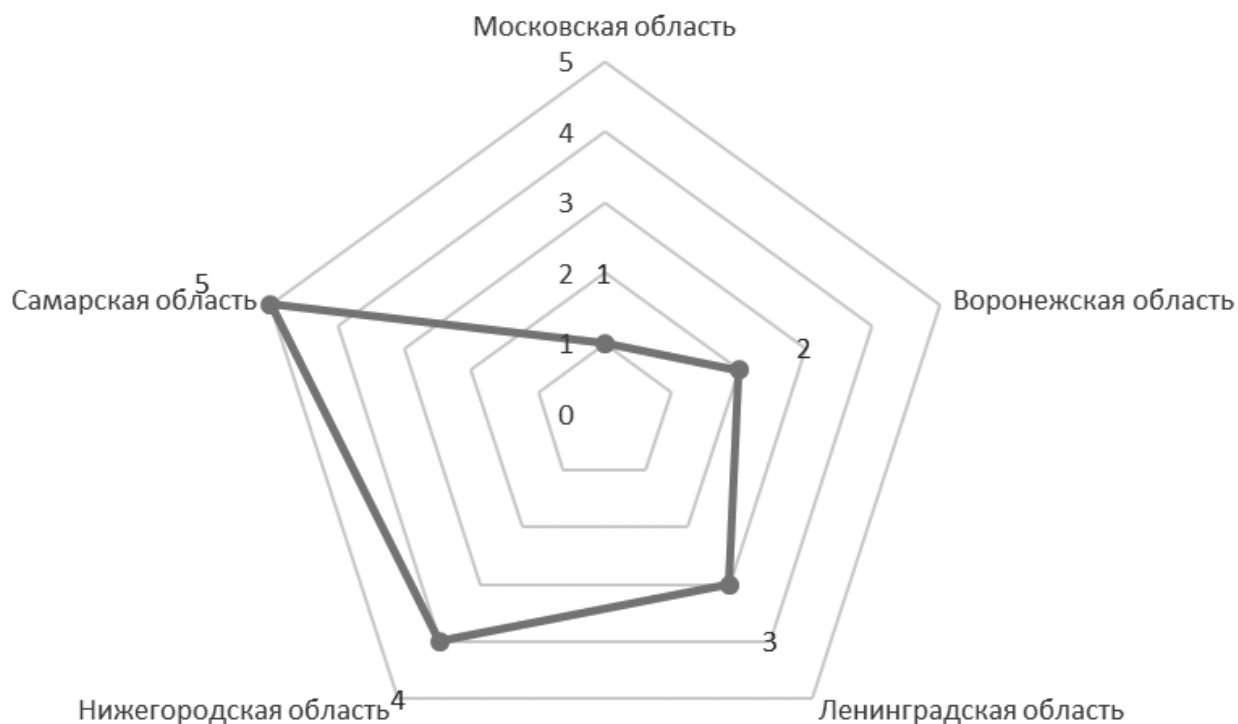

Рис. 22. Регионы, лидирующие по показателю площади жилья на одного жителя (определено по результатам исследования)

Fig. 22. The regions leading in terms of housing area per inhabitant (determined by the results of the study)

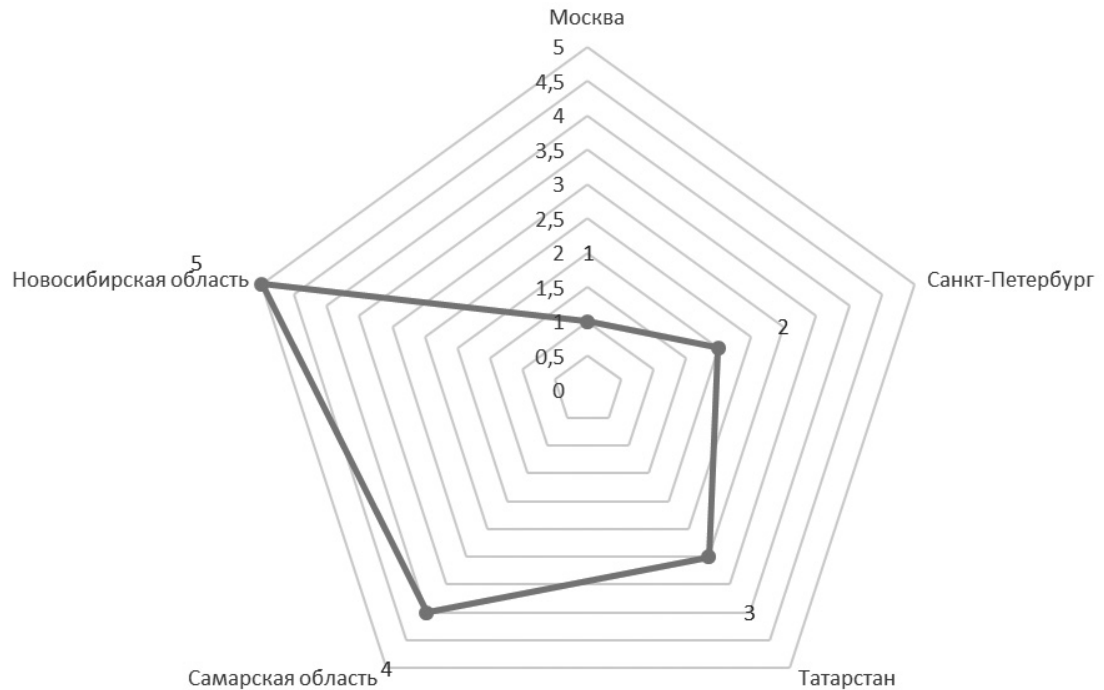

Рис. 23. Регионы, лидирующие по показателю благоустроенности жилья (в долевом выражении) (определено по результатам исследования)
Fig. 23. The regions leading in terms of housing comfort (in equity terms) (determined by the results of the study)

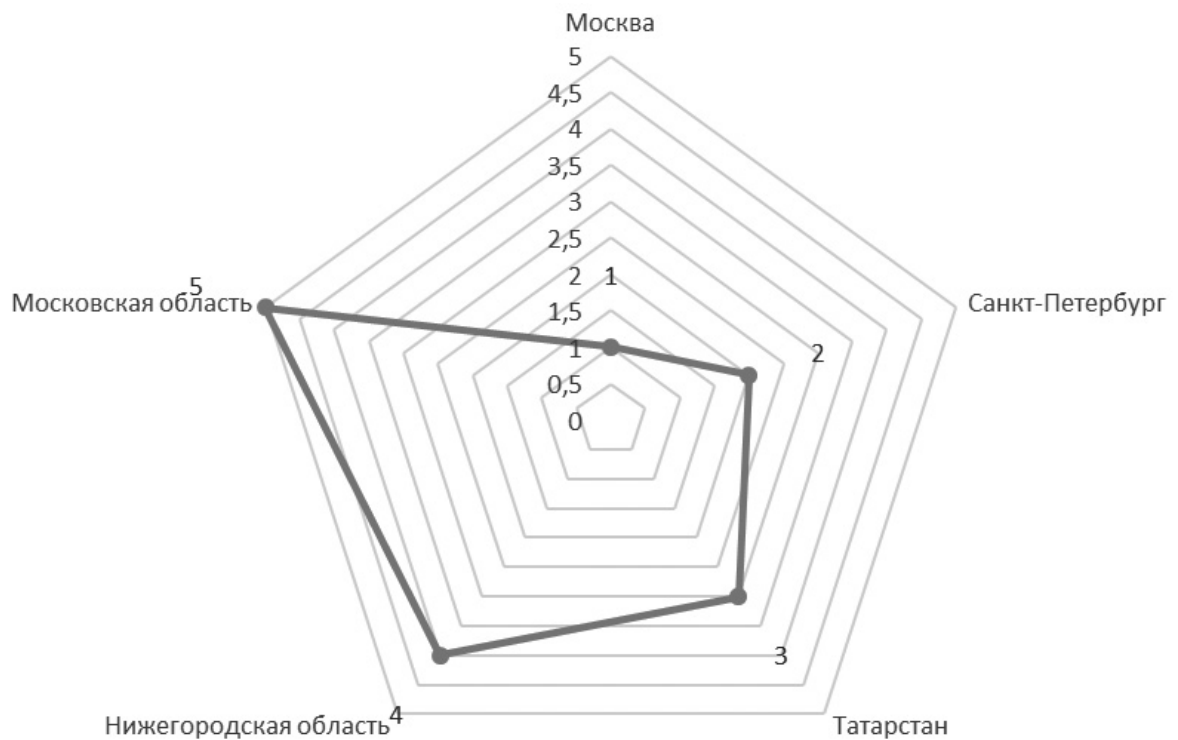

Рис. 24. Регионы, лидирующие по показателю уровня занятости населения (в %) (определено по результатам исследования)
Fig. 24. The regions leading in terms of the level of employment (in %) (determined by the results of the study)

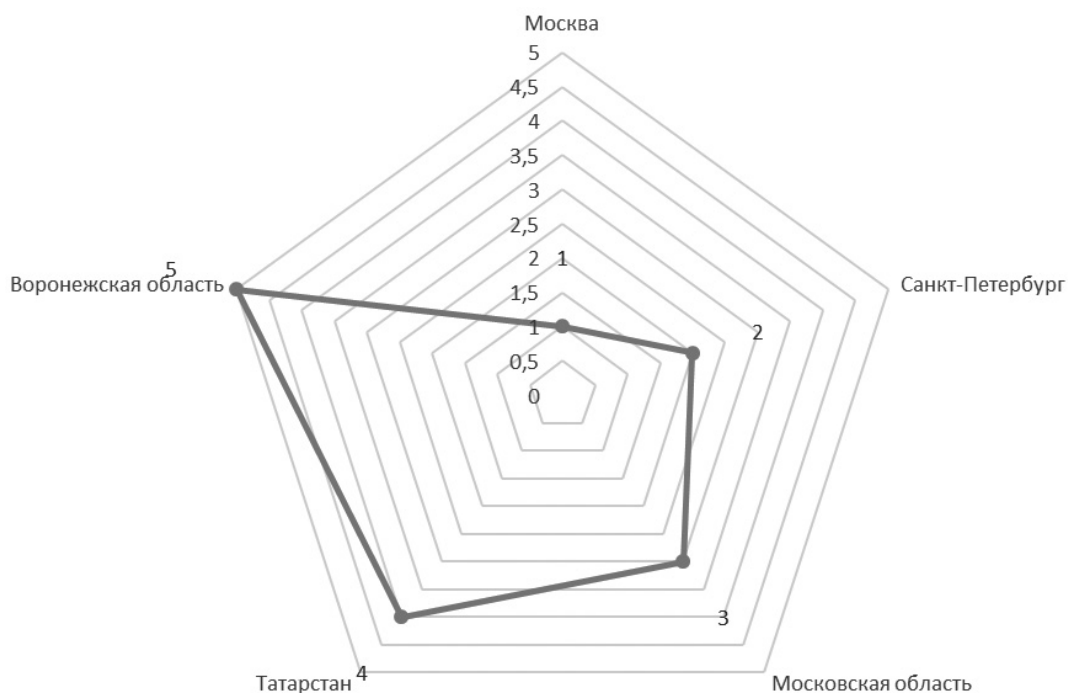

Рис. 25. Регионы, лидирующие по показателю минимального уровня безработицы (в %) (определено по результатам исследования)

Fig. 25. The regions leading in terms of the minimum unemployment rate (in %) (determined by the results of the study)

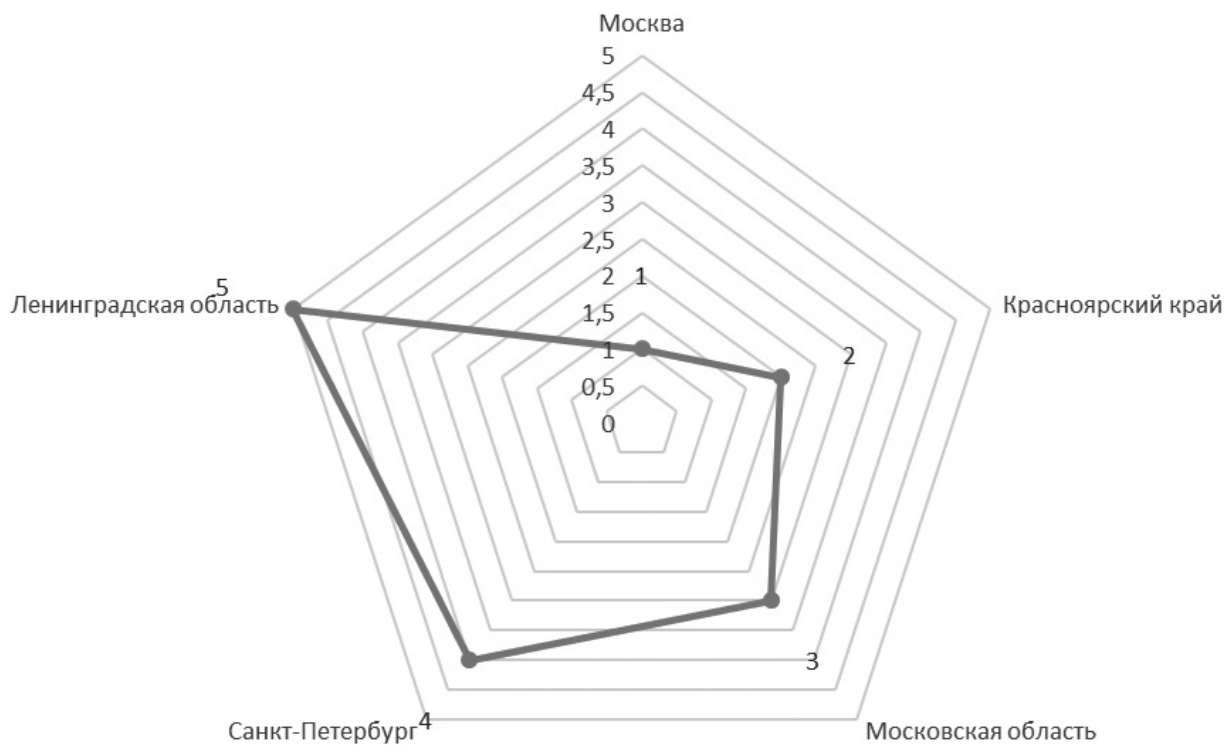

Рис. 26. Регионы, лидирующие по величине размера прожиточного минимума (определено по результатам исследования)

Fig. 26. Regions leading in terms of the size of the subsistence minimum (determined by the results of the study)

Рис. 27. Регионы, лидирующие по долеой представленности граждан с размером дохода более 60000 руб. (определено по результатам исследования)
Fig. 27. Regions leading in terms of the share representation of citizens with an income of more than 60,000 rubles (determined by the results of the study)

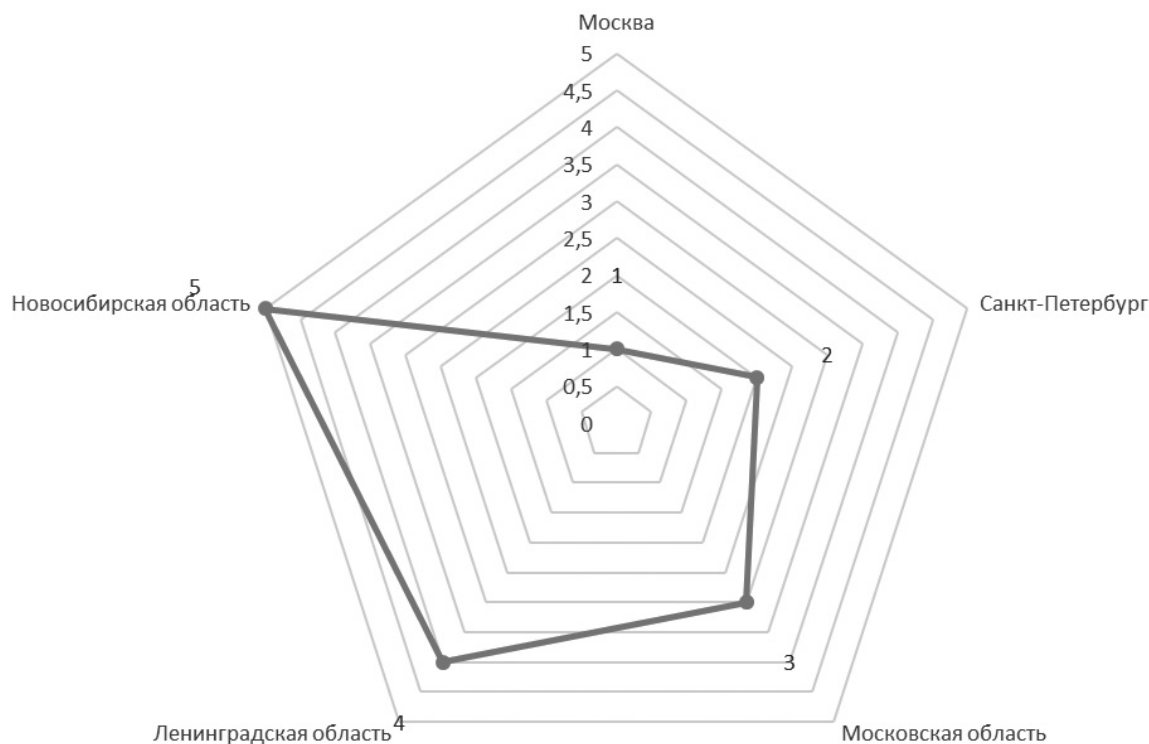

Рис. 28. Регионы, лидирующие по долеой представленности граждан трудоспособного возраста (определено по результатам исследования)
Fig. 28. The regions leading in terms of the proportion of citizens of working age (determined by the results of the study)

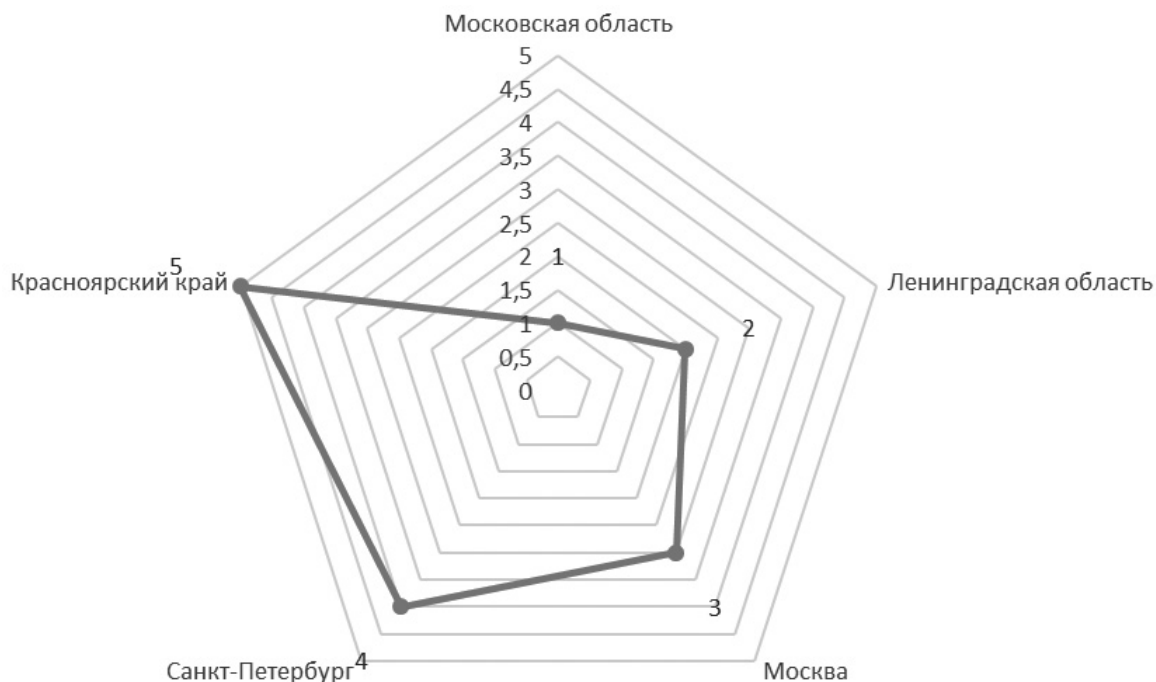

Рис. 29. Регионы, лидирующие по минимальной демографической нагрузке (определено по результатам исследования)

Fig. 29. Regions leading in terms of minimum demographic load (determined by the results of the study)

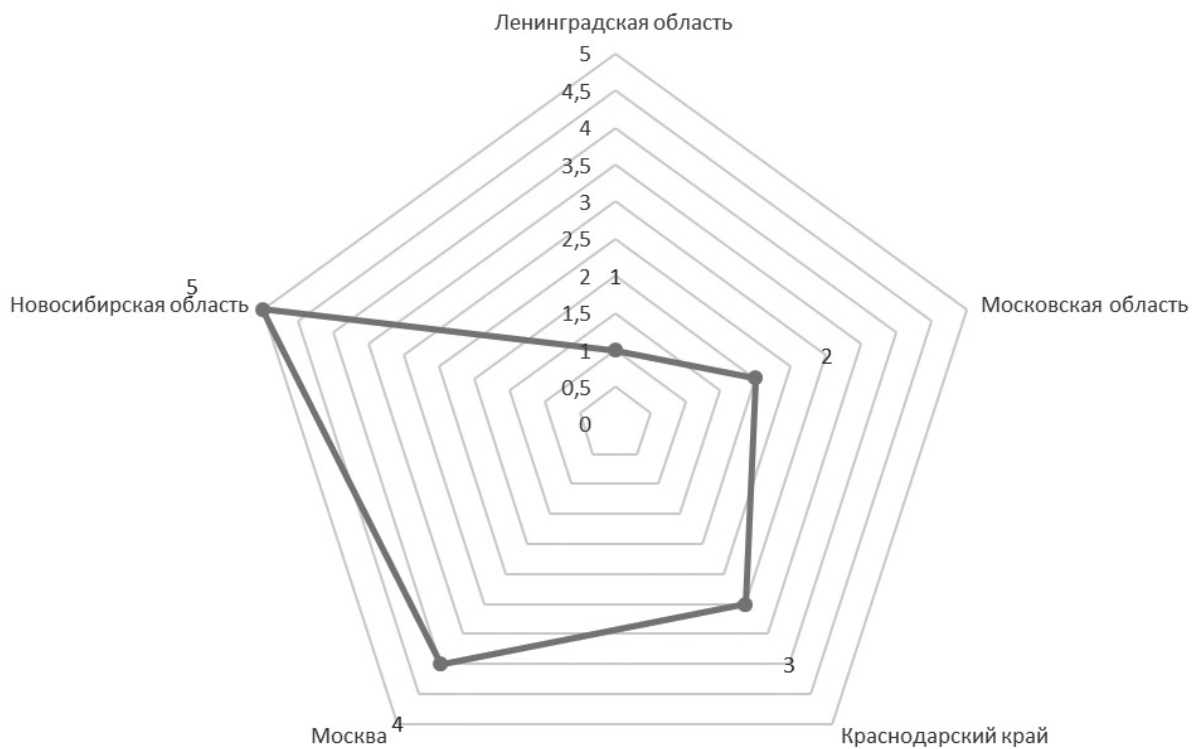

Рис. 30. Регионы, лидирующие по миграционному приросту на 10000 человек населения (определено по результатам исследования)

Fig. 30. Regions leading in terms of migration growth per 10,000 population (determined by the results of the study)

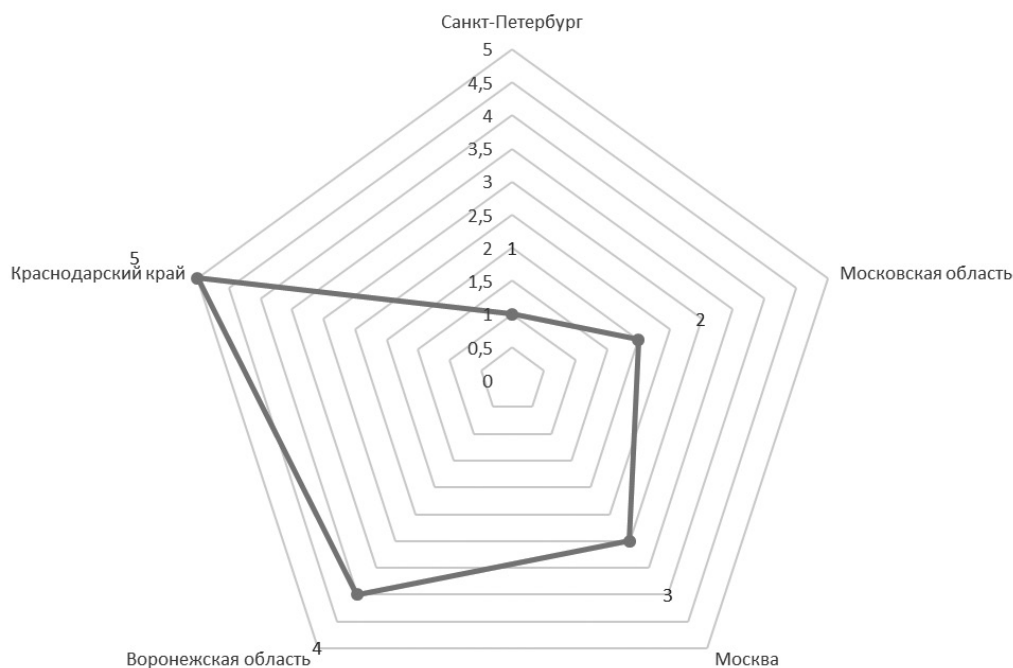

Рис. 31. Регионы, лидирующие по показателю безопасности (с точки зрения минимального количества преступлений на 1000 жителей) (определено по результатам исследования)

Fig. 31. The regions leading in terms of security (in terms of the minimum number of crimes per 1000 inhabitants) (determined by the results of the study)

Согласно коэффициенту демографической нагрузки (на 1000 лиц трудоспособного возраста приходится лиц нетрудоспособного возраста) в наилучшем положении находятся Московская и Ленинградская области, Москва, Санкт-Петербург и Красноярский край (рис. 29).

Отметим также, что по миграционному приросту на 10000 человек населения лидерами выступают Ленинградская область, Московская область, Краснодарский край, Москва и Новосибирская область (рис. 30).

Также отметим, что самыми безопасными (с точки зрения минимального количества преступлений на 1000 жителей) являются Санкт-Петербург, Московская область, Москва, Воронежская область и Краснодарский край (рис. 31).

Заключение. Отметим, что на основании проведенного анализа по параметрам социальной сферы ряда регионов (в нашем случае тех, в составе которых есть города-мегаполисы, выступающие драйверами их

положительных преобразований) можно отметить следующее: несмотря на их различное положение, они подвержены единому влиянию глобальных, федеральных и региональных трендов, детерминирующих возможности социального развития территорий. Такой подход, как сопоставление глобальных, федеральных и региональных трендов представляется нам оправданным, позволяющим принимать обоснованные решения и формировать «контур» будущего на основании положительных преобразований в регионах-лидерах, чья практика может быть масштабирована на другие регионы страны.

Список источников

1. Анализ рынка медицинских услуг в России в 2015–2019 гг., оценка влияния коронавируса и прогноз на 2020–2024 гг. [Электронный ресурс]. URL: https://businessstat.ru/images/demo/medicine_russia_demo_businessstat.pdf (дата обращения: 05.02.2021).

2. Бондаренко В. А., Дадаян Н. Р., Сагоян А. С. Практика осуществления «зеленого» строительства в экономически развитых государствах // Черноморско-Каспийский Форум Сотрудничества: Безопасность. Устойчивость. Развитие. Материалы международной дискуссионной площадки. Ростов-на-Дону, 2017. С. 565–568.

3. Бондаренко В. А., Иванченко О. В., Миргородская О. Н. Актуализация «зеленого» строительства в современных реалиях // Черноморско-Каспийский Форум Сотрудничества: Безопасность. Устойчивость. Развитие. Материалы международной дискуссионной площадки. Ростов-на-Дону, 2017. С. 569–573.

4. Бондаренко В. А., Максаев А. А. Вопросы реализации маркетинговой стратегии университета в рамках повестки участия в формирующихся региональных научно-образовательных центрах // Экономика устойчивого развития. 2020. №2(42). С. 30–34.

5. Бондаренко В. А., Максаев А. А., Шумакова И. А. Адаптационные изменения системы высшего образования в условиях цифровизации: аспекты востребованности маркетинговых компетенций // Маркетинг в России и за рубежом. 2020. №2. С. 97–104.

6. Бондаренко В. А., Максаев А. А., Шумакова И. А. Актуализация расширения функциональных сфер маркетинга в деятельности образовательных организаций в условиях инновационно-ориентированной экономики // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2020. №1(69). С. 78–86.

7. Веревичев И. И., Веревичева М. И., Ерохина Е. А. Код развития современной цивилизации // Известия Самарского научного центра РАН. 2018. №4-3. С. 514–520.

8. Завражин В. Н. Научно-технический прогресс и инновационное развитие в истории социологической науки // Записки Горного института. 2010. Т. 81. С. 177–181.

9. Инновации в России — неисчерпаемый источник роста [Электронный ресурс] // Отчет экспертов компании МакКинзи. Центр по развитию инноваций McKinsey Innovation Practice. 2018. 112 с. URL: https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Innovations%20in%20Russia/Innovations-in-Russia_web_lq-1.ashx (дата обращения: 10.04.2021).

10. Лагунова И. С. Социальное развитие и проблемы современного общества // Общество: философия, история, культура. 2017. №2. С. 49–51.

11. Arkin P., Abushova E., Bondarenko V., Przdetskaya N. The concept of «smart cities»: Prospects for the telecommunications business and the current trend in the development of modern society // Lecture Notes in Computer Science (including subseries Lecture Notes in Artificial Intelligence and Lecture Notes in Bioinformatics). 2020. 12526 LNCS. P. 308–317.

12. Meskhi B., Bondarenko V., Efremenko I., Romanishina T., Rudoy D., Olshevskaya A. Impact of globalization and digitalization on the efficiency of environmental development of territories // E3S Web of Conferences. International Scientific and Practical Conference «Environmental Risks and Safety in Mechanical Engineering» (ERSME-2020). 2020. P. 6012.

References

1. Analiz rynku medycznych uslug v Rossii v 2015–2019 gg., ocenka vlijanija koronavirusa i prognoz na 2020–2024 gg. [Analysis of the medical services market in Russia in 2015–2019, assessment of the impact of coronavirus and forecast for 2020–2024] [Elektronnyj resurs]. URL: https://businessstat.ru/images/demo/medicine_russia_demo_businessstat.pdf (data obrashhenija: 05.02.2021). (In Russ.).

2. Bondarenko V.A., Dadajan N.R., Sagojan A.S. Praktika osushhestvlenija «zelenogo» stroitel'stva v jekonomicheski razvityh gosudarstvah [The practice of implementing «green» construction in economically developed countries]. Chernomorsko-Kaspijskij Forum Sotrudnichestva: Bezopasnost'. Ustojchivost'. Razvitie. Materialy mezhdunarodnoj diskussionnoj ploshhadki [Black Sea-Caspian Cooperation Forum: Safety. Stability. Development. Materials of the international discussion platform]. Rostov-on-Don, 2017. P. 565–568. (In Russ.).

3. Bondarenko V.A., Ivanchenko O.V., Mirgorodskaja O.N. Aktualizacija «zelenogo» stroitel'stva v sovremennyh realijah [Actualization of «green» construction in modern realities]. Chernomorsko-Kaspijskij Forum Sotrudnichestva: Bezopasnost'. Ustojchivost'. Razvitie. Materialy mezhdunarodnoj diskussionnoj ploshhadki [Black Sea-Caspian Cooperation Forum: Safety.

Stability. Development. Materials of the international discussion platform]. Rostov-on-Don, 2017. P. 569–573. (In Russ.).

4. Bondarenko V.A., Maksaev A.A. Voprosy realizacii marketingovoj strategii universiteta v ramkah povestki uchastija v formirujushhhsja regional'nyh nauchno-obrazovatel'nyh centrah [Issues of implementing the marketing strategy of the University within the framework of the agenda of participation in emerging regional scientific and educational centers]. *Jekonomika ustojchivo-go razvitija* [Economics of sustainable development]. 2020; 2(42): 30–34. (In Russ.).

5. Bondarenko V.A., Maksaev A.A., Shumakova I.A. Adaptacionnye izmenenija sistemy vysshego obrazovaniya v uslovijah cifrovizacii: aspekty vostrebovannosti marketingovyh kompetencij [Adaptive changes of the higher education system in the conditions of digitalization: aspects of the demand for marketing competencies]. *Marketing v Rossii i za rubezhom* [Marketing in Russia and abroad]. 2020; (2): 97–104. (In Russ.).

6. Bondarenko V.A., Maksaev A.A., Shumakova I.A. Aktualizacija rasshirenija funkcional'nyh sfer marketinga v dejatel'nosti obrazovatel'nyh organizacij v uslovijah innovacionno-orientirovannoj jekonomiki [Actualization of the expansion of functional areas of marketing in the activities of educational organizations in an innovation-oriented economy]. *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta (RINH)* [Bulletin of the Rostov State University of Economics (RSUE)]. 2020; 1(69): 78–86. (In Russ.).

7. Verevichev I.I., Verevicheva M.I., Erohina E.A. Kod razvitija sovremennoj civilizacii [The code of the development of modern civilization]. *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra RAN* [News of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2018; (4-3): 514–520. (In Russ.).

8. Zavrazhin V.N. Nauchno-tehnicheskij progress i innovacionnoe razvitie v istorii sociologicheskoy nauki [Scientific and technological progress and innovative development in the history of sociological science]. *Zapiski Gornogo instituta* [Notes of the Mining Institute]. 2010; (81): 177–181. (In Russ.).

9. Innovacii v Rossii — neisчерpaemyj istochnik rosta [Innovation in Russia is an inexhaustible source of growth] [Elektronnyj resurs] // Otchet jekspertov kompanii MakKinzi. Centr po razvitiju innovacij McKinsey Innovation Practice [McKinsey Company experts' report. McKinsey Innovation Practice Center for Innovation Development]. 2018. 112 p. URL: https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Innovations%20in%20Russia/Innovations-in-Russia_web_lq-1.ashx (data obrashhenija: 10.04.2021). (In Russ.).

10. Lagunova I.S. Social'noe razvitie i problemy sovremennogo obshhestva [Social development and problems of modern society]. *Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura* [Society: philosophy, history, culture]. 2017; (2): 49–51. (In Russ.).

11. Arkin P., Abushova E., Bondarenko V., Przdetskaya N. The concept of «smart cities»: Prospects for the telecommunications business and the current trend in the development of modern society // Lecture Notes in Computer Science (including subseries Lecture Notes in Artificial Intelligence and Lecture Notes in Bioinformatics). 2020. 12526 LNCS. P. 308–317.

12. Meskhi B., Bondarenko V., Efremenko I., Romanishina T., Rudoy D., Olshevskaya A. Impact of globalization and digitalization on the efficiency of environmental development of territories // E3S Web of Conferences. International Scientific and Practical Conference «Environmental Risks and Safety in Mechanical Engineering» (ERSME-2020). 2020. P. 6012.

Статья поступила в редакцию 06.05.2022; одобрена после рецензирования 22.05.2022; принята к публикации 18.06.2022.

The article was submitted on 06.05.2022; approved after reviewing on 22.05.2022; accepted for publication on 18.06.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бондаренко Виктория Андреевна — доктор экономических наук, доцент, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ).

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Victoria A. Bondarenko — Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Rostov State University of Economics (RSUE).

69 B. Sadovaya st., Rostov-on-Don, Russia

Гузенко Наталья Владимировна — кандидат экономических наук, доцент, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ).

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Natalia V. Guzenko — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Rostov State University of Economics (RSUE).

69 B. Sadovaya st., Rostov-on-Don, Russia

Романишина Татьяна Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент, Института сервисных технологий, Российской государственной университет туризма и сервиса.

Россия, г. Черкизово ДП, ул. Главная, 99

Tatiana S. Romanishina — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Institute of Service Technologies, Russian State University of Tourism and Service.

99 Glavnaya st., Cherkizovo DP, Russia

Вклад авторов:

Бондаренко В. А. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Гузенко Н. В. — развитие методологии; доработка текста; итоговые выводы.

Романишина Т. С. — развитие методологии; доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Bondarenko V.A. — scientific management; research concept; development of methodology; writing the source text; final conclusions.

Guzenko N.V. — development of methodology; follow-on version of the text; final conclusions.

Romanishina T.S. — development of methodology; follow-on version of the text; final conclusions.

Научная статья
УДК 378.225
DOI: 10.17213/2075-2067-2022-3-125-135

ВОСПРОИЗВОДСТВО НАУЧНЫХ КАДРОВ В ЭПОХУ ТРАНСФОРМАЦИИ: РОЛЬ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Лариса Владимировна Боровая

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия
Perl_@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7734-8986, AuthorID РИНЦ: 1020875*

Аннотация. *Целью исследования* является разработка комплекса мер по повышению эффективности воспроизводства научных кадров посредством работы с профессорско-преподавательским составом в части повышения его квалификации, вовлеченности, качества научного руководства.

Методологическую базу исследования представляют общенаучный метод анализа, синтеза, сравнения, обобщения, теоретический анализ научной литературы и статистических данных по соответствующей тематике.

Результаты исследования. В результате исследования установлено, что на фоне повышающихся требований к качеству подготовки кадров, в том числе научных, недостаточное внимание уделяется повышению уровня навыков и квалификации педагогических коллективов высшей школы. Отсутствует системная методическая подготовка по навыкам научного руководства. В серьезную научную работу, а также в промышленные проекты вовлечен лишь небольшой процент профессорско-преподавательского состава, тогда как количественные требования по подготовке аспирантов с каждым годом повышаются. По результатам проведенного анализа установлено, что классическая система воспроизводства научных кадров, включающая аспирантуру и присвоение ученой степени, в современных реалиях перестала приводить к требуемому результату — пополнению кадрового состава научной сферы. Анализ путей становления науки в XX столетии показал, что за каждым выдающимся ученым стоял не менее выдающийся наставник, что подтверждает огромное влияние научного руководства на последующую карьеру молодых ученых. По результатам исследования предложен комплекс мер воздействия на уровень навыков, квалификации и мастерства профессорско-преподавательского состава для повышения вовлеченности в научную деятельность, адаптации к повышающимся требованиям к подготовке кадров, что самым прямым путем скажется на результатах указанной подготовки.

Перспективы исследования заключаются в необходимости формирования единой стратегии воспроизводства научных кадров для государства в современных условиях с учетом экономико-инвестиционных, а также внешнеполитических и социальных факторов.

Ключевые слова: *воспроизводство научных кадров, подготовка кадров, аспирантура*

Для цитирования: *Боровая Л. В. Воспроизводство научных кадров в эпоху трансформации: роль высшей школы // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 3. С. 125–135. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-125-135>.*

Благодарности: результаты исследования были представлены и обсуждены в рамках национальной научно-практической конференции «Неделя инженерной экономики в ЮРГТУ (НПИ)» 18–20 мая 2022 года в г. Новочеркасск.

Original article

TRAINING OF SCIENTIFIC PERSONNEL IN THE ERA OF TRANSFORMATION: THE ROLE OF HIGHER EDUCATION

Larisa V. Borovaia

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
Perl_@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7734-8986, AuthorID RSCI: 1020875*

Abstract. *The purpose of the research is to develop a raft of measures to improve the efficiency of training of scientific personnel through work with the teaching staff in terms of improving their qualifications, involvement, and the quality of scientific leadership.*

The methodological basis of the research is represented by the general scientific method of analysis, synthesis, comparison, generalization, theoretical analysis of scientific literature and statistical data on relevant topics.

Research result. *As a result of the research, it was found that despite the increased requirements for the quality of training, including scientific ones, insufficient attention is paid to improving the level of skills and qualifications of higher education teaching staff. There is no systematic methodological training in the skills of scientific leadership. Only a small percentage of the teaching staff is involved in serious scientific work, as well as in industrial projects, but the quantitative requirements for the preparation of graduate students are increasing every year. It was found that the classical system of training of scientific personnel, including postgraduate studies and the award of a scientific degree, is outdated in the current realities. An analysis of the ways in which science developed in the 20th century showed that behind every outstanding scientist there was an equally outstanding mentor. This confirms the enormous influence of scientific leadership on the subsequent career of young scientific personnel. Based on the results of the research, a raft of measures was proposed to improve the skills, qualifications and mastery of the teaching staff to increase involvement in scientific activities, adapt to the increasing requirements for the training of graduates, which will most directly affect the results of this training.*

The prospects of the research lie in the formation of a unified strategy for the training of scientific personnel in modern conditions, taking into account economic and investment, as well as foreign policy and social factors.

Keywords: *training of scientific personnel, personnel training, postgraduate study*

For citation: *Borovaia L. V. Training of scientific personnel in the era of transformation: the role of higher education // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(3): 125–135. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-125-135>.*

Acknowledgments: *the results of the study were presented and discussed within the national scientific and practical conference «Week of Engineering Economics at Platov SRSPU (NPI)» May 18-20, 2022 in Novocherkassk.*

Введение. Весной 2022 года Россия столкнулась с рядом экономических проблем, которые повлекла за собой санкционная политика зарубежных государств. Ограничение привычных импортных поставок сделало вопрос об импортозамещении одним из самых актуальных, а нарушение логистических цепочек и разбалансировка производственных циклов заставили по-новому взглянуть на организацию производств и транспортное обеспечение внешней торговли. Все это невозможно без людей, способных быстро и компетентно отреагировать на возникшие вызовы. Создание нового — это, как правило, задача науки, в которой работают люди с определенным типом мышления. Как и в текущий момент, так и на долгосрочную перспективу нашей стране необходим резерв квалифицированных научных кадров. А чтобы его иметь, необходим в свою очередь понятный, результативный и регулируемый механизм их воспроизводства с учетом быстро меняющихся условий жизни. В данной статье рассмотрен ряд аспектов участия высшей школы в подготовке научных кадров с акцентом на разумном использовании имеющегося в стране действующего профессорско-преподавательского состава.

Методика. Методологической основой исследования явились общенаучный метод анализа, синтеза, сравнения, обобщения, теоретический анализ научной литературы и статистических данных по соответствующей тематике.

Результаты. Результатом исследования явился предложенный комплекс мер по повышению качества подготовки кадров посредством влияния на уровень квалификации, актуализацию знаний и навыков профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений, начиная от углубления взаимодействия с индустриальными партнерами и заканчивая внедрением дополнительных программ повышения квалификации на тему методики и методологии научного руководства аспирантами и соискателями. Результаты исследования были представлены

в рамках национальной научно-практической конференции «Неделя инженерной экономики в ЮРГПУ (НПИ)» 18–20 мая 2022 года в г. Новочеркасске.

Вопрос о научно-технологическом развитии был для России одним из ключевых начиная со времен образования СССР [3]. Если веками ранее наука была скорее чем-то из разряда увлечения для образованного меньшинства, то в Советском Союзе важность научно-технического прогресса осознавали хорошо. Возможно, поэтому XX век явился для российского государства периодом достижения лидирующего положения в сфере отдельных направлений науки и технологий, а качество советского инженерно-технического образования, в том числе подготовки научных кадров, признается в нашей стране и во всем мире до сих пор.

Начиная с 1991 года государственная научно-техническая политика прошла два этапа:

а) первый этап (1991–2001 годы) — этап кризисной оптимизации и адаптации к рыночной экономике, основной стратегической целью которого было сохранение научно-технологического потенциала страны;

б) второй этап (с начала 2000-х годов и по настоящее время) — этап перехода России к инновационной экономике, который сопровождался существенным увеличением объема финансирования науки¹, а также принятием ряда стратегических документов, программ, созданием целого спектра мер поддержки научной среды.

Тем не менее, несмотря на предпринимаемые меры, направленные на научно-технологическое развитие страны, и даже определенные позитивные результаты (увеличение публикационной активности, улучшение состояния инфраструктуры)², ряд показателей научного потенциала, таких как численность персонала, занятого исследованиями и разработками, показывают стабильно отрицательную динамику за последние 10 лет. Так, с 2010 года число исследователей в расчете на одну организацию, выполнявшую исследование и разработки, сократилось более чем на 20%³. Хотя отток людей из научной сферы еще не говорит о гарантированном снижении

¹ Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 года №642.

результативности научно-исследовательской деятельности, в долгосрочной перспективе отсутствие продуманной и эффективной системы воспроизводства научных кадров может быть губительным при любых прочих мерах государственной поддержки науки. Необходимость акцентирования внимания на человеческом капитале в научной сфере как на важнейшей составляющей успешного развития и обусловило актуальность данной статьи.

Роли образования в современном развитии общества и экономик, стратегиям сохранения, воспроизводства и приращения кадрового потенциала науки, экономики знаний посвящены работы многих российских и зарубежных ученых.

Исследованиям в области повышения качества образования и его влияния на экономическое развитие посвящены труды Д. Кордеро (Jose M. Cordero), М. Гил (Maria Gil), М. Фуллана (Michael Fullan), Х. Ф. Дука (Duc Huu Pham), Л. Х. Фан (Phan Le Ha), Е. В. Бродовской, А. Ю. Домбровской, А. Б. Шатилова, Р. В. Парма, М. А. Боровской, А. Ю. Никитаевой, М. Р. Бечвая, О. А. Черниченко и других.

Проблемы воспроизводства научных кадров и предложения по их решению освещены в работах Л. Б. Эрштейна, С. А. Белякова, А. В. Федотова, Е. Р. Мкртчяна, Е. В. Кулагиной, Е. В. Караваевой, М. М. Маландина, Н. Н. Лебедевой, А. Ю. Сторожук, П. А. Амбаров, Г. Е. Зборовского и других.

О возрастающей роли экономики знаний в современном мире сказано в трудах А. Г. Аганбегяна, О. С. Сухарева, Р. М. Нижегородцева, Н. В. Лукашова, Е. Б. Колбачева, М. С. Сафонова, Н. Г. Хлестовой, О. Н. Павловой, Ю. С. Сизовой и других.

В разного рода научных трудах, посвященных теме воспроизводства и приращения кадров для научной сферы, как и в стратегических государственных документах, предлагается множество мер по целенаправленному воспитанию и образованию молодых поколений с целью привлечения их к научной деятельности. Вместе с тем вопрос о повышении мастерства имеющегося и действующего

в настоящий момент профессорско-преподавательского состава (ППС) затрагивается далеко не всеми. Однако именно на тысячах педагогов, в настоящий момент составляющих коллективы высшей школы, ложится задача подготовки высококвалифицированных кадров в стремительно меняющихся условиях. Данная статья затрагивает проблему адаптации основных сил высшей школы, а именно — действующего в настоящий момент ППС, к современным требованиям подготовки кадров для экономики и воспроизводства научных кадров, а также анализу исторических параллелей, доказывающих влияние высокой квалификации и мастерства наставников на успехи, в том числе научные, их учеников в будущем.

Цель данной статьи — на основе анализа научных источников и актуальных статистических данных выявить несоответствие результатов работы существующей системы подготовки научных кадров стоящим перед ней задачам; на примере исторического опыта доказать, что успех в подготовке научных кадров невозможен без соответствующего внимания к повышению навыков ППС и научным руководителям в частности; выработать комплекс мер повышения качества подготовки кадров (в том числе научных) посредством развития навыков ППС и его адаптации к современным требованиям.

По состоянию на 2022 год Россия занимает 6-е место в рейтинге по численности исследователей в эквиваленте полной занятости, уступая Китайской Народной Республике, Соединенным Штатам Америки, Японии, Федеративной Республике Германия и Республике Корея, и лишь 30-е место — по показателю насыщенности экономики высококвалифицированными кадрами (по численности исследователей в эквиваленте полной занятости в расчете на 10 тыс. занятых в экономике)⁴. При этом начиная с 2013 года наблюдается существенный рост публикационной активности российских авторов в международных базах научного цитирования — с 40,8 тыс. публикаций в 2012 году до 76,8 публикаций в 2020 году, а также 13-е

2 Постановление Правительства РФ от 22 октября 2021 года №1814.

3 Индикаторы науки: 2021 // Статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2021. 352 с.

4 Постановление Правительства РФ от 22 октября 2021 года №1814.

место России в мире по количеству публикаций и 10-е место по числу патентных заявок на изобретения⁵. Легко предположить, что указанный рост количества публикаций явился не только и не столько результатом увеличения числа исследований и их значимых результатов, сколько ответом на требования к университетам и научно-педагогическим работникам, заявленным на государственном уровне [1]. Иными словами, рост публикационной активности не может гарантировать научно-технологический прорыв в соответствии с требованиями современности, хотя косвенно он подчеркнул научный потенциал всей нации в самых разных областях.

В России, как и во многих странах мира, для воспроизводства научных кадров существуют государственные институты (аспирантура, докторантура, соискательство), в рамках которых слушатели призваны получать соответствующие исследовательские навыки и по окончании обзавестись ученой степенью, подтвердив квалификацию путем защиты научно-исследовательского труда. Одной из актуальных проблем современной российской аспирантуры является низкий процент выпуска с защитой диссертаций — в 2021 году он составил менее 9%. В то же время из 346,5 тысяч исследователей, работающих в России, более 70% вообще не имеют ученой степени⁶. Следует ли из этого, что аспирантура перестала решать свою основную задачу подготовки высококвалифицированных кадров для науки и вместо этого решает задачи другого характера? И если так, то следует ли из вышесказанного, что институт аспирантуры и ученых степеней почти не влияет на научно-технологическое развитие страны?

По мнению автора, в современной России, где в последние годы предпринимаются значительные меры поддержки молодежных научных инициатив, реализуются конкурсы стартапов, инновационных проектов, произошел отрыв внимания молодежи (а также исследовательского потенциала) от класси-

ческого пути, по которому годами ранее шел молодой ученый: университет, аспирантура или соискательство, защита диссертации, научная работа. Как было сказано выше, статистика утверждает, что большому количеству исследователей ничто не мешает заниматься наукой и без ученой степени. Таким образом, сформировалось два существующих параллельно пула: с одной стороны люди, обучающиеся в аспирантуре и преследующие цель защитить диссертацию и получить ученой степень, с другой стороны — исследователи, не считающие отсутствие ученой степени препятствием к научной деятельности либо не имеющие по каким-либо причинам возможности данной степенью обзавестись. Безусловно, существует еще и третья категория людей, объединяющая обе цели: и реальную научную деятельность, и «остепененность». Однако, если сравнить численность исследователей с ученой степенью (74,6 тысяч человек) и общее количество кандидатов наук в России (595,5 тысяч человек согласно результатам Всероссийской переписи населения в 2010 г.)⁷, то становится очевидным, что из всех людей, получивших звание кандидата наук, в действительности остается в науке лишь малая часть (около 10% на 2022 год).

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что в современной России получение ученой степени и научная деятельность перестали быть естественно дополняющими друг друга явлениями. И если преимущества обучения в аспирантуре, такие как отсрочка от прохождения военной службы в рядах Вооруженных сил, могут объяснить стремление молодых людей стать аспирантами, то нежелание или отсутствие возможности получить степень кандидата наук у научных работников видится серьезной системной проблемой. Во-первых, независимо от тенденции к увеличению или уменьшению в стране «остепененных» работников интеллектуального труда, требование к наличию степеней неизменно для преподавателей университетов,

⁵ Индикаторы науки: 2022 // Статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2022. 400 с.

⁶ Там же.

⁷ Примечание автора: самые последние данные о количестве кандидатов наук в стране — это результаты переписи населения 2010 года. Однако, учитывая, что до 2013 года ежегодный прирост количества кандидатов наук составлял более 21 тысяч человек с учетом аспирантуры и соискательства, а к 2018 году сократился до 10 тысяч человек, можно предполагать, что реальное количество кандидатов наук в России на 2022 год составляет порядка 700 тысяч человек.

работников НИИ, некоторых административных работников, а в некоторых случаях — при составлении заявок на внешнее финансирование НИОКР. А во-вторых, присуждение ученых степеней изначально было задумано еще и как инструмент контроля и учета численности граждан страны, подготовленных для работы в наукоемких отраслях, а также для ведения научных изысканий по конкретным запросам экономики страны.

Институт аспирантуры, появившийся в СССР в 1925 году, был призван решить именно проблему острой нехватки научно-исследовательских кадров в стране и упорядочить систему их воспроизводства. Перед вновь созданным государством стояли серьезные вызовы: новое правительство использовало науку для нужд страны, в частности для развития военно-промышленного комплекса, сельского хозяйства, идеологического просвещения, подготовки новых кадров для индустриализации и так далее [7]. Также приоритетными полагались математические и естественнонаучные исследования [2]. Происходила «научная мобилизация».

Уже в первые два года советской власти (1918–1919 годы) в России было создано 33 крупных для того времени научно-исследовательских института [5], в числе которых такие известные, как Центральный аэрогидродинамический институт (ЦАГИ), Физико-технический институт им. А.Ф. Иоффе, Государственный оптический институт (ГОИ), Институт изучения мозга и психической деятельности, Рентгенологический и радиологический институт, Институт по изучению Севера. К 1923 году количество исследовательских институтов в стране достигло 55, а к 1927 году их стало более 90 [5]. Впоследствии, особенно в середине и второй половине XX века, количество научно-исследовательских учреждений в стране исчислялась тысячами. Этому способствовали бурный рост промышленности, организация новых производств, необходимость разведки месторождений полезных ископаемых, а также общий настрой на повышение конкурентоспособности советской экономики. Однако интересен вклад в этот процесс человеческого капитала, а точнее — индивидуально каждого ученого, с которых и началась история советской науки. Каждое вновь созданное научное

учреждение в молодом советском государстве стало плодом инициативы ученых, воспитанных и состоявшихся в императорской России: Государственный оптический институт (ГОИ, 1918 год, основатель — Д.С. Рождественский), Центральный аэрогидродинамический институт (ЦАГИ, 1918 год, один из организаторов и первый директор — Н.Е. Жуковский), Институт по изучению мозга и психической деятельности (1918 год, основатель — В.М. Бехтерев), Государственный институт биологической физики (1919 год, по проекту и под руководством П.П. Лазарева), биологической химии (1920 год, под руководством А.Н. Баха), Петроградский физико-технический (1921 год, организатор и первый директор — А.Ф. Иоффе), Государственный радиевый институт (1922 год, по проекту и под руководством В.И. Вернадского) и т.д. Создатели вышеназванных учреждений и их соратники, получившие прогрессивное на тот момент образование в российских университетах после реформ Александра II, а многие и имевшие стаж работы за рубежом, дали хороший старт для последующего процветания науки в Стране Советов. Во вновь созданные научные учреждения потянулись молодые талантливые исследователи, которые, переняв колоссальный опыт и знания от своих руководителей, выросли в целое поколение выдающихся советских ученых эпохи 1950–1970-х годов. Под их руководством не только велись актуальные на тот момент научные исследования, но и воспитывалось следующее поколение ученых. В этой связи интересно пронаблюдать динамику доли выпуска из аспирантуры с защитой диссертации в общем объеме выпуска, начиная с 1965 года:

Как видно на рисунке 1, начиная с 1965 года доля аспирантов, успешно защитивших диссертационные работы и получивших степень кандидата наук, неуклонно растет и достигает пика в 25% в 1975 году. Далее следует спад до 17% в 1982–1983 годах, который можно объяснить как снижением рождаемости в конце 1950-х по сравнению с началом 1950-х (то есть меньшим количеством молодых людей соответствующего возраста в стране), так и начавшимися боевыми действиями в Афганистане, повлекшими за собой отток молодых людей из страны. На графике также заметен второй пик защищаемости,

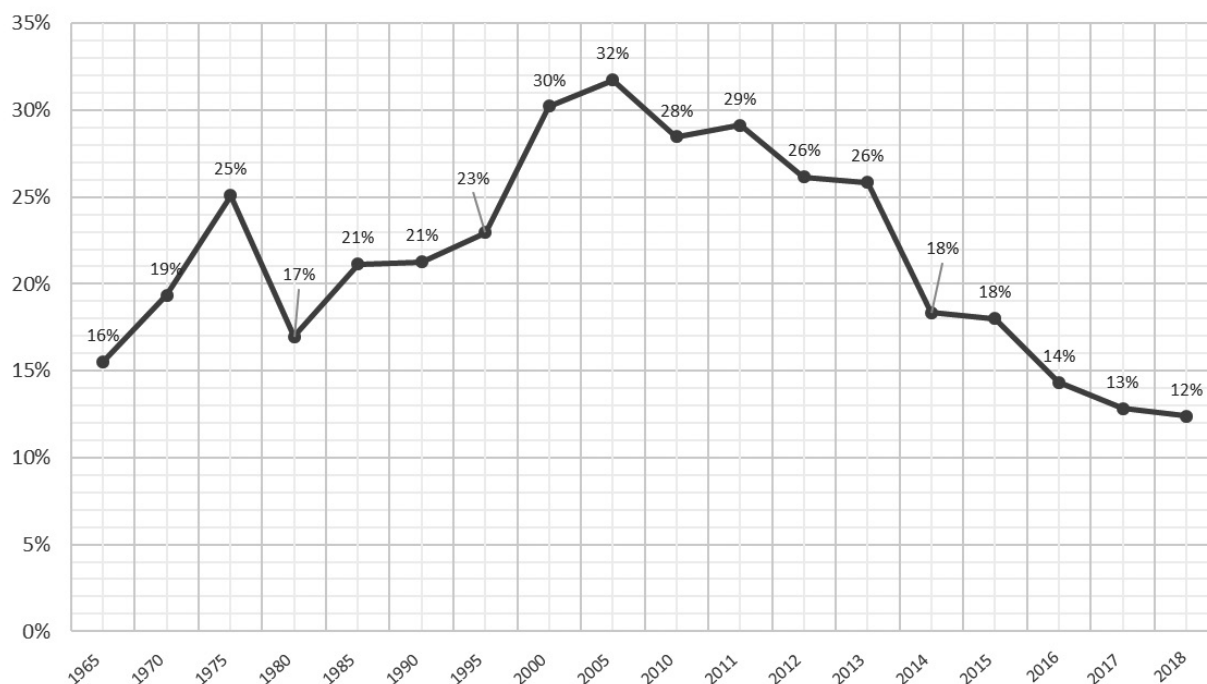

Рис. 1. Доля аспирантов, окончивших аспирантуру с защитой диссертации в 1965–2018 гг. (Источник: составлено автором на основе данных статистического сборника «Индикаторы образования: 2020»)

Fig. 1. The share of postgraduates who graduated from graduate school with a thesis defense in 1965–2018 (Source: compiled by the author on the basis of data from the statistical collection «Indicators of Education: 2020»)

пришедшийся на период 2000–2010 годов. Данный период характеризуется большим количеством диссертационных советов в стране — на 2010 год их было 3300. К 2020 году их осталось менее 1900⁸. Кроме того, в начале «нулевых» пришла определенная мода на научную степень: за нее стали бороться люди, имеющие лишь опосредованное отношение к науке и не планирующие связывать с ней свою жизнь. Ученая степень стала элементом престижа и выигрышным пунктом в резюме. Сокращение числа диссертационных советов оказало соответствующее влияние и на количество защит: за десятилетие доля аспирантов, выпускающихся с защитой диссертации, сократилась втрое. Проблемы, мешающие успешно завершить аспирантский путь и получить ученую степень, хорошо проанализированы в книге «Университеты в России» Я.И. Кузьмина и М.М. Юдкевич 2021 [3].

Среди них — низкая эффективность аспирантуры, низкое качество диссертационных работ, низкое качество научного руководства, инбридинг, жесткий перечень научных специальностей. Первые три проблемы отсылают непосредственно к учебному заведению, осуществляющему подготовку в рамках аспирантуры, в том числе к непосредственному научному руководителю. Возникает вопрос: а кто сегодня руководит аспирантами, готовя их к защите?

По примеру советских ученых, выросших из научных школ и научно-исследовательских университетов, организованных видными учеными дореволюционного периода, проследим путь тех, кто сегодня оказался в возрасте и в статусе руководителей претендентов на кандидатскую степень.

Согласно данным статистики, на сегодняшний день лишь около 20% лиц, имеющих

⁸ Интервью В. Филиппова «Российской газете» от 25.10.2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2020/10/25/predsdatel-vak-sistema-nauchnoj-attestacii-stanet-gibche-i-demokratichnee.html>.

степень доктора наук, заняты научными исследованиями в качестве основного вида деятельности. Основная масса докторов наук находится в возрастной категории 50–69 лет, то есть это те люди, становление которых пришлось на период 1990-х годов, когда наука испытывала колоссальные проблемы в виде прекращения финансирования, закрытия НИИ, падения престижа профессии ученого в целом [4]. Их научные руководители, доктора наук старой советской закалки, если еще и сохраняли энтузиазм к подготовке молодых кадров, то элементарные житейские проблемы вынуждали их сменить сферу деятельности, а в ряде случаев и покинуть страну. Поэтому, констатируя сегодня низкое качество научного руководства, нельзя забывать о том, что любое поколение — продукт своего времени, и нынешнее поколение научных руководителей — не исключение.

По наблюдениям автора, стиль научного руководства можно классифицировать по трем основным видам. Первый — научный руководитель является практикующим исследователем, готовым не только подготовить аспиранта к защите, но и мотивировать своим примером продолжить карьеру в научной сфере. Второй — научный руководитель является главным образом педагогом высшей школы, научная деятельность ограничена редким написанием статей в соответствии с требованиями организации, однако данный научный руководитель имеет на своем счету множество защитившихся аспирантов, прекрасно разбирается в тонкостях данного процесса и эффективно доводит подопечных до результата. Третий вид научного руководства схож со вторым, за тем исключением, что научный руководитель крайне равнодушен к судьбе своих подопечных либо не имеет релевантных навыков для доведения аспиранта до защиты. Между тем формально такой руководитель может соответствовать всем требованиям к научному руководству и даже иметь желание этим заниматься.

Из этого можно сделать вывод, что навыкам научного руководства тоже можно и нужно учиться, причем эта опция должна быть системной на уровне научного руководства организации, имеющей в своем составе аспирантуру. Методические основы научного руководства хорошо представлены в работе

Л.Б. Эрштейна «Научное руководство: теория, принципы, практика» [6].

В настоящий момент тесное взаимодействие вузов с предприятиями является одним из ключевых пунктов в программных документах и стратегиях инновационного развития страны в сфере образования. Эта мера значится в программах всех вузов, подававших заявку на конкурсе «Приоритет 2030», а тем более его победителей. Необходимо обратить внимание на участие не только студентов, но и преподавателей, аспирантов и их научных руководителей в практиках взаимодействия и совместных проектах с промышленными партнерами.

Все чаще в программных документах, а также в выступлениях федерального руководства значатся призывы к вузам привлекать как можно больше практикующих специалистов для участия в образовательном процессе в высшей школе. Инициатива видится логичной и правильной для цели максимально приблизить уровень подготовки выпускников к требованиям работодателей. Однако, далеко не всегда эта мера выполнима. Во-первых, не все «практики» элементарно имеют желание идти преподавать в университет. Во-вторых, способность ясно и интересно обучать студентов редко дается с рождения, не зря многие ППС работают в напряжении не один год, пока не приобретут необходимые педагогические навыки и уверенность. В-третьих, препятствием является забюрократизированная процедура оформления на работу в качестве приглашенного преподавателя, она способна отбить любой энтузиазм.

Вопрос о привлечении практикующих специалистов не стоял бы так остро, если собственный штат ППС обладал бы всеми актуальными знаниями и умениями, свойственные людям из производства или бизнеса. Для достижения этого необходимо систематическое повышение квалификации ППС при участии предприятий-партнеров. Редкому вузу свойственно задумываться о ежегодной практике не только студентов, но и преподавателей. Однако, это дало бы педагогам возможность обогатить свои занятия актуальным материалом и ориентировать подготовку студентов на требования работодателей. Примером такого подхода является анонсированный в 2021 году проект создания в России 30

передовых инженерных школ, который подразумевает массовое повышение квалификации преподавателей.

Далеко не все ППС, даже в статусе научных руководителей аспирантов, имеют тесные и содержательные связи с реальным сектором экономики. Создание, поддержание и развитие таких связей должно быть одной из стратегических задач на уровне всего высшего учебного заведения, причем не только для привлечения наиболее сильных ученых-исследователей, что происходит чаще всего. Важно создавать научные группы, в которых могли бы участвовать и ППС, менее задействованные в крупных проектах, но имеющие на это готовность и желание. Увеличение вовлеченности педагогов в исследования и проекты для реального сектора поможет повысить их уровень как научных кадров и положительно скажется на качестве их научного руководства. Обращаясь вновь к истории нашей страны, а также мировой науки, подчеркнем не раз подтверждавшуюся закономерность: лучшие учатся у лучших. И если высшее учебное заведение обладает некоторым количеством сильных ученых, важно позволить им не только готовить аспирантов и соискателей, но и стимулировать менее задействованных коллег перенимать их опыт.

Сегодня к преподавателям высшей школы предъявляются самые разные требования: и качество преподавания, и наличие ученой степени, и публикационная активность. Нередка ситуация, когда на все требуемые виды работы элементарно не остается времени: высокая аудиторная нагрузка, работа с ВКР и добавляемый к этому объем чисто «бумажной» работы не способствуют развитию в научной сфере. Два «пандемийных» года дали российской высшей школе прекрасный опыт организации удаленного обучения, который можно использовать для продолжения обучения в смешанном формате. К примеру, часть лекционного материала может быть предложена студентам в оцифрованном формате, а очное обсуждение материала и выполнение практических работ реализовывать очно. Комбинирование форматов обучения позволит освободить ППС от части нагрузки и предоставить им больше времени для занятия научной деятельностью [1].

Заключение. Подводя итоги, еще раз подчеркнем, что воспроизводство научных кадров — долгосрочная и масштабная задача, требующая усилий не одного поколения. Однако незамедлительно можно сделать следующее — постараться не растерять имеющийся потенциал и максимально повысить уровень уже работающих в вузах НПП. Этому будут способствовать следующие меры:

— максимальное привлечение ППС к проектам, предполагающим сотрудничество с реальным сектором экономики;

— регулярное повышение квалификации ППС при содействии предприятий-партнеров;

— создание в вузах научных групп с сильным «ядром» исследователей и остальными членами коллектива, обладающими меньшими навыками научной деятельности, но желающими их развить;

— методическое сопровождение ППС для развития навыков научного руководства (дополнительные программы, тренинги);

— освобождение ППС от части нагрузки, в том числе путем использования смешанного формата обучения: оцифрованного лекционного материала и очных практических занятий.

В данной статье представлена лишь небольшая, но важная часть обширного комплекса мер, из которых должна строиться единая обновленная система воспроизводства научных кадров. Изучение данной темы имеет значительные перспективы, поскольку напрямую влияет на вклад науки в будущее страны. Задачей научного сообщества, занимающегося проблемами образования и науки, должна стать разработка долгосрочной стратегии воспроизводства научных кадров с учетом экономико-инвестиционных факторов, принимая во внимание имеющиеся наработки ученых. Указанной теме также планируется посвятить дальнейшие труды автора данной статьи.

Список источников

1. Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. Научно-педагогическое сообщество в российских вузах в условиях осуществления программы «Приоритет-2030»: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. №1. С. 59–71. URL.: <https://vovr.elpub.ru/jour/article/view/3275/1756> (дата обращения: 18.04.2022).

2. Зими́на О.В., Кириллов А.И. Образование, наука и просвещение на пути из прошлого в будущее: Советская Россия. Т. I: 1917–1953. М.: ТРИУМФ, 2019. 670 с.

3. Кузьминов Я.И., Юдкевич М.М. Университеты в России: как это работает // Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 616 с.

4. Мкртчян Е.Р. Воспроизводство научно-педагогических кадров в вузах России как система: состояние, проблемы и перспективы функционирования: монография // Волгоградский институт управления — филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС. Волгоград, 2018. 304 с.

5. Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925): Сборник документов / Отв. ред. К.В. Островитянов. Л.: Наука, 1968. 420 с.

6. Эрштейн Л.Б. Научное руководство: теория, принципы, практика. СПб.: СПбГУ-НИИПТ, 2011. 76 с.

7. Яшина А.В. Наука как инструмент построения советского государства 1920–1930-х гг. // Genesis: исторические исследования. 2019. №10. С. 1–9.

8. Duc Huu Pham. The Professional Development of Academic Staff in Higher Education Institution // Journal of Teacher Education for Sustainability. 2021. Vol. XXIII. №1. P. 115–131.

9. Phan Le Ha, Gerald W Fry. Editorial: International educational mobilities and new developments in Asia's higher education: Putting transformations at the center of inquiries // Research in Comparative & International Education. 2021. Vol. 16 (3). P. 199–208.

10. Fullan M. Choosing the wrong drivers for whole system reform // Centre for strategic education seminar series paper. 2011. №204. P. 1–22.

References

1. Ambarova P.A., Zborovskij G.E. Nauchno-pedagogicheskoe soobshhestvo v rossijskikh vuzah v uslovijah osushhestvlenija programmy «Priorityt-2030»: problemy i perspektivy [Scientific and pedagogical community in Russian universities in the context of the implementation of the Priority 2030 program: problems and prospects] [Elektronnyj resurs]. *Vysshhee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia]. 2022; 31(1): 59–71. URL.: <https://vovr.elpub.ru/jour/article/view/3275/1756> (data obrashhenija: 18.04.2022). (In Russ.).

2. Zimina O.V., Kirillov A.I. Obrazovanie, nauka i prosveshhenie na puti iz proshlogo v budushhee: Sovetskaja Rossija [Education, science and enlightenment on the way from the past to the future: Soviet Russia]. Vol. I: 1917–1953. Moscow: TRIUMF, 2019. 670 p. (In Russ.).

3. Kuz'minov Ja. I., Judkevich M.M. Universitety v Rossii: kak jeto rabotaet [Universities in Russia: how it works]. Nac. issled. un-t «Vysshaja shkola jekonomiki» [National research university «Higher School of Economics»]. Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2021. 616 p. (In Russ.).

4. Mkrтчjan E. R. Vosproizvodstvo nauchno-pedagogicheskikh kadrov v vuzah Rossii kak sistema: sostojanie, problemy i perspektivy funkcionirovanija: monografija [Reproduction of scientific and pedagogical personnel in Russian universities as a system: state, problems and prospects of functioning: monograph]. Volgogradskij institut upravlenija — filial FGBOU VO RANHiGS. Volgograd, 2018. 304 p. (In Russ.).

5. Organizacija nauki v pervye gody Sovetskoj vlasti (1917–1925): Sbornik dokumentov [Organization of science in the first years of Soviet power (1917–1925): Collection of documents]. Otv. red. K.V. Ostrovitjanov [In K.V. Ostrovityanov (eds.)]. Leningrad: Nauka, 1968. 420 p. (In Russ.).

6. Jershtejn L.B. Nauchnoe rukovodstvo: teorija, principy, praktika [Scientific guidance: theory, principles, practice]. Saint Petersburg: SPbGUNIPT, 2011. 76 p. (In Russ.).

7. Jashina A.V. Nauka kak instrument postroenija sovetskogo gosudarstva 1920–1930-h gg. [Science as a tool for building the Soviet state of the 1920s-1930s]. *Genesis: istoricheskie issledovanija* [Genesis: historical research]. 2019; (10): 1–9. (In Russ.).

8. Duc Huu Pham. The Professional Development of Academic Staff in Higher Education Institution // Journal of Teacher Education for Sustainability. 2021. Vol. XXIII. №1. P. 115–131.

9. Phan Le Ha, Gerald W Fry. Editorial: International educational mobilities and new developments in Asia's higher education: Putting transformations at the center of inquiries // Research in Comparative & International Education. 2021. Vol. 16(3). P. 199–208.

10. Fullan M. Choosing the wrong drivers for whole system reform // Centre for strategic education seminar series paper. 2011. №204. P. 1–22.

Статья поступила в редакцию 16.05.2022; одобрена после рецензирования 22.05.2022; принята к публикации 18.06.2022.

The article was submitted on 16.05.2022; approved after reviewing on 22.05.2022; accepted for publication on 18.06.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Боровая Лариса Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Производственный и инновационный менеджмент», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ).

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Larisa V. Borovaia — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of «Production and Innovation Management» chair, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya st., Novocherkassk, Russia

Научная статья
УДК 33: 334.02: 2964
DOI: 10.17213/2075-2067-2022-3-136-152

ПРИЕМКА И ЭКСПЕРТИЗА РЕЗУЛЬТАТОВ ИСПОЛНЕНИЯ КОНТРАКТА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК: ОБЗОР ИЗМЕНЕНИЙ И ПРАКТИКА ИХ ПРИМЕНЕНИЯ

Людмила Вячеславовна Голощапова^{1✉}, Елена Ивановна Зацаринная²

^{1,2}Российский экономический университет имени В. Плеханова, Москва, Россия

¹cool.lvz2012@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0001-7471-969X, AuthorID Scopus: 57094114100

²e29175z@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-9400-4285, AuthorID РИНЦ: 679493

Аннотация. Цель статьи заключается в обзоре и оценке основных изменений, происходящих в сфере закупочной деятельности. В настоящее время происходит активное внедрение цифровизации в экономические аспекты реализации приемки и экспертизы исполнения контракта государственных закупок, которая согласно изменениям прежде всего направлена на упрощение и ускорение освоения бюджетных ресурсов государственных учреждений. В работе приводятся основные разделы по изменившимся критериям в законе №44-ФЗ с 01.01.2022 г., а также даны разъяснения к изменяющимся характеристикам в вопросах приемки и экспертизы результатов исполнения контракта государственных закупок.

Методология. Методологическую базу исследования представляют общенаучные методы: анализ, обобщение, приемы систематизации и классификации в условиях изменяющейся нормативно-правовой среды.

Результаты исследования. В результате исследования нами были обобщены основные изменения и даны комментарии по характеристикам обновлений в законе №44-ФЗ в 2022 г., оценены скорректированные обязанности заказчика в закупках, проведена оценка упразднённых обязанностей заказчика в закупках, рассмотрен практический пример формирования локального акта на предприятии «Приказ о создании приемочной комиссии» для условий выполнения нормативно-правового регулирования закона №44-ФЗ в период вступления новых условий с 01.01.2022 г. В исследовании предложен практический обзор основных направлений коррекции локальной документации заказчика государственной закупки при формировании экспертной комиссии с учетом последних изменений, рассмотрен механизм осуществления контроля в госзакупках, а в резюмирующей части исследования обобщен и систематизирован подход и освещен механизм формирования заключения эксперта по госзакупкам, в котором делается вывод о соответствии, несоответствии или частичном соответствии поставленного товара.

Перспективы исследования. Перспективу исследования составляет продолжение сбора, анализа новой и имеющейся мониторинговой, нормативно-правовой, экономической информации с целью выявления тенденций, трендов трансформации приемно-экспертной деятельности в сфере государственных закупок после вступления в силу изменений в законе №44-ФЗ с 01.01.2022 г.

Ключевые слова: государственный контракт, обзор изменений закона №44-ФЗ, приемка результатов исполнения контракта, экспертиза результатов исполнения контракта

та, государственные закупки, формирование первичных и локальных документов для подтверждения закупки

Для цитирования: Голощапова Л.В., Зацаринная Е.И. Приемка и экспертиза результатов исполнения контракта государственных закупок: обзор изменений и практика их применения // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, №3. С. 136–152. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-136-152>.

Благодарности: статья принята к публикации в рамках исполнения темы гранта ФГБОУ ВО «РЭУ им Г. В. Плеханова» «Массовый открытый онлайн-курс «Экспертиза результатов исполнения контрактов».

Original article

ACCEPTANCE AND EXAMINATION OF THE RESULTS OF THE EXECUTION OF THE PUBLIC PROCUREMENT CONTRACT: OVERVIEW OF CHANGES AND PRACTICE OF THEIR APPLICATION

Liudmila V. Goloshchapova^{1✉}, Elena I. Zatsarinnaya²

^{1, 2}*Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia*

¹*cool.lvg2012@yandex.ru[✉], ORCID: 0000-0001-7471-969X, AuthorID Scopus: 57094114100*

²*e29175z@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-9400-4285, AuthorID RSCI: 679493*

Abstract. *The purpose of the article is to review and evaluate the main changes taking place in the field of procurement. Currently, digitalization is being actively introduced into the economic aspects of the implementation of the acceptance and examination of the execution of the public procurement contract, which, according to the changes, is primarily aimed at simplifying and accelerating the development of budgetary resources of state institutions. The paper presents the main sections on the changed criteria in Law №44-FZ from 01.01.2022, as well as clarifications to the changing characteristics in matters of acceptance and examination of the results of the execution of the public procurement contract.*

Methodology. *The methodological basis of the research is represented by general scientific methods: analysis, generalization, methods of systematization and classification in a changing regulatory environment.*

The results of the study. *As a result of the study, we summarized the main changes and provided comments on the characteristics of updates in Law №44-FZ in 2022, assessed the adjusted duties of the customer in procurement, assessed the abolished duties of the customer in procurement, considered a practical example of the formation of a local act at the enterprise «Order on the establishment of an acceptance commission» for the conditions of regulatory compliance of the Law №44-FZ during the entry into force of the new conditions from 01.01.2022. In the study: a practical overview of the main directions of correction of the local documentation of the customer of public procurement in the formation of the expert commission, taking into account the latest changes; the mechanism of control in public procurement is considered, and in the summary part of the study the approach is generalized and systematized and the mechanism of formation of the conclusion of the expert on public procurement, in which he concludes about compliance, non-compliance or partial compliance is highlighted delivered goods.*

Research prospects. *The prospect of the study is the continuation of the collection, analysis of new and existing monitoring, regulatory, economic information in order to identify trends, trends in the transformation of reception and expert activities in the field of public procurement after the entry into force of amendments to the Law №44-FZ from 01.01.2022.*

Keywords: *state contract, review of amendments to Federal Law №44-FZ, acceptance of the results of contract execution, examination of the results of contract execution, public procurement, formation of primary and local documents to confirm the purchase*

For citation: *Goloshchapova L. V., Zatsarinna E. I. Acceptance and examination of the results of the execution of the public procurement contract: overview of changes and practice of their application // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(3): 136–152. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-136-152>.*

Acknowledgements: *the article was accepted for publication as part of the implementation of the grant theme of the Plekhanov Russian University of Economics «Mass open online course «Examination of the results of contract execution».*

Введение. В связи с новыми изменениями в законодательстве с 01.01.2022 г. участники закупочной деятельности могут автоматически в системе электронных площадок по государственным закупкам проверить участника — заказчика или поставщика — на соответствие необходимым требованиям.

В связи с новыми изменениями в законодательстве с 01.01.2022 г. участники не обязаны декларировать свою принадлежность к субъектам малого и среднего предпринимательства, теперь в системе автоматически происходит проверка на соответствие данному требованию.

Для того чтобы принимать участие в государственных и муниципальных закупках, поставщик должен зарегистрироваться в Единой информационной системе и находиться в Едином реестре участников закупок (ЕРУЗ), только после этого он имеет право подавать заявки на участие на федеральных электронных площадках, осуществлять соответствующую деятельность и участвовать в приемке и экспертизе исполнения контрактов по государственным закупкам¹ [4].

Результаты исследования. В ходе активного анализа нормативных актов, со-

провождающих закупочную деятельность по закону №44-ФЗ в 2022 г., на основании вносимых изменений в правила мы оценим перечень основных изменений и мотивированно их разьясим на предмет правильного толкования. Изменения в основном касаются работы поставщика в закупках и регламента его работы в правовом пространстве².

С начала 2022 г. в нормативно-правовой базе были скорректированы способы определения поставщика (рис. 1).

Вся совокупность оценочных критериев нами разделена на несколько основных направлений, в связи с чем с начала финансового 2022 г. работа заказчиков по данному федеральному закону практически полностью меняет схему работы. Чтобы не допускать ошибок, важно правильно растолковать каждую норму из оптимизационного закона, которыми правильно воспользуются специалисты подразделений по закупкам на современном этапе.

Изучая основные направления регулирования закупочной деятельности надо отметить, что большой блок изменений коснулся электронных торговых площадок. В данной среде государство активно внедряет регламент деятельности в сфере организации, тех-

¹ Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 г. №44-ФЗ (в ред. от 24.04.2020) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/>. Новые правила для заказчиков на год вперед: полсотни изменений в таблицах [Электронный ресурс] // Госзакупки: в вопросах и ответах. URL: <https://e.goszakaz-vo.ru>.

² Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 г. №44-ФЗ (в ред. от 24.04.2020).

нологической последовательности, инструментального обновления у участников закупки и контрольных процедур в данной сфере³ [1; 2]. В связи с этим рассмотрим новые обязанности заказчика в закупках, которые делают их более прозрачными (табл. 2).

Если оценить критерии основных изменений в таблице 2, можно утверждать, что преобразования активно затрагивают сферу электронных процедур, делая их более прозрачными, конкретными и упрощенными, давая возможность активно участвовать общественности в процедуре контроля за выполнением закупок разного уровня. Кроме этого, в обновленном законодательстве появились новые определения, которые расширяют возможности правовых границ участников закупочных операций⁴ [3]:

— этап исполнения контракта;

— контракт для нормального жизнеобеспечения;

— реестр независимых гарантий;

— участники контрактной системы.

Не обошлось и без упразднения процедур и операций в закупках (табл. 3).

Согласно таблице 3 характер упразднённых обязанностей заказчика в закупках по закону №44-ФЗ в 2022г в новой редакции сокращает объём бумажной документации и переводит торги в электронную среду — упрощает как во времени, так и в процедуре процесс закупки.

Как известно, в соответствии с требованиями закона №44-ФЗ результирующим этапом закупки товаров, работ, услуг является процесс исполнения контракта. Исполнение контракта включает в себя комплекс мер, реализуемых после заключения контракта и на-

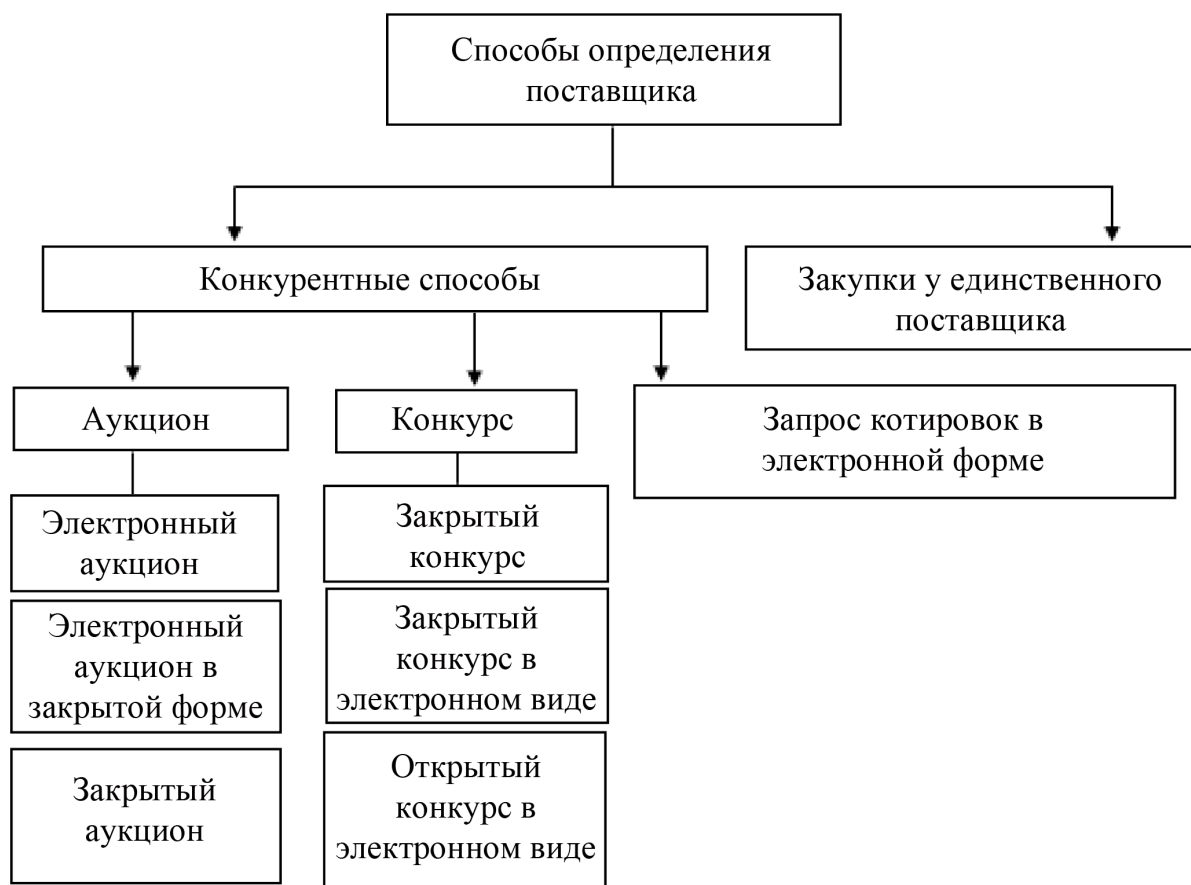

Рис. 1. Актуальные способы определения поставщика с учетом изменений 2022 г.
Fig. 1. Current methods of determining the supplier, taking into account the changes of 2022

³ Новые правила для заказчиков на год вперед: полсотни изменений в таблицах [Электронный ресурс] // Госзакупки: в вопросах и ответах. URL: <https://e.goszakaz-vo.ru>.

⁴ Там же.

Таблица 1
Table 1

Сравнительная характеристика новых изменений в законе №44-ФЗ в 2022 г.⁵
Comparative characteristics of new amendments to Law №44-FZ in 2022

№	Критерии основных изменений	Сущность изменяемой характеристики
1	Обеспечение и гарантии	Срок действия гарантии для обеспечения заявки сокращен с 2 до 1 месяца. В извещениях на 2022 год нужно поменять срок действия гарантий и порядок возврата обеспечения ⁶
2	Сроки закупочных процессов	Заказчики рассматривают конкурсные заявки за 2 дня и аукционные за 2 дня. Заседания закупочных комиссий планируйте так, чтобы одновременно не рассматривать заявки по нескольким процедурам, иначе комиссия не успеет обработать все заявки в ЕИС и на ЭТП
3	Комиссия	В комиссии должно быть не менее 3 человек. Теперь вы сможете задействовать меньше человек в закупочном процессе, значит, получить по результатам закупок меньше штрафов за неверные решения
4	Прием ценовых предложений в аукционе	В аукционе время приема ценовых предложений составляет 4 минуты. Общая продолжительность приема ценовых предложений не превысит 5 часов с начала аукциона. Аукцион будет проходить быстрее [2]
5	Срок отмены закупки	Отменить электронную и закрытую электронную закупку можно не позднее чем за 1 рабочий день до окончания срока подачи заявок. Единый срок для отмены закупки в 1 день дает заказчикам преимущество быстро среагировать на поменявшиеся обстоятельства. Раньше отмена запроса котировок была за 1 час. Теперь, как и в других электронных закупках, отменяйте процедуру за 1 день
6	Оплата контрактов СМП и СОНКО	Заказчики обязаны оплачивать контракты с СМП и СОНКО в течение 10 рабочих дней до конца 2022 года. Заказчикам придется быстрее производить оплату по контрактам с СМП и СОНКО. С учетом электронной приемки товара это может занять больше времени
7	Подготовка и подписание контракта	Заказчик формирует проект контракта 2 рабочих дня. Участник закупки подписывает проект контракта 5 рабочих дней. Заказчик подписывает контракт 2 рабочих дня. Времени на подготовку проекта контракта и последующее его заключение у заказчика стало меньше. Заказчику нужно планировать закупки с учетом интенсивности. При запросе котировок заказчик формирует проект контракта за 3 часа

⁵ Составлено авторами на основе: Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 г. №44-ФЗ (в ред. от 24.04.2020); Сводный аналитический отчет по результатам осуществления мониторинга закупок, товаров, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в соответствии с Федеральным законом от 05.04.2013 г. №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» по итогам 2020–2022 года [Электронный ресурс] // Минфин России. URL: <https://minfin.gov.ru/>; Новые правила для заказчиков на год вперед: полсотни изменений в таблицах.

⁶ Цифровая банковская гарантия близко [Электронный ресурс] // Новости цифровой трансформации, телекоммуникаций, вещания и ИТ. ComNews.ru. URL: <https://www.comnews.ru/>.

Окончание таблицы 1
 End of table 1

8	Рассмотрение независимой гарантии	Заказчик рассматривает независимую гарантию не более 3 рабочих дней. Впервые заказчика ограничили фиксированными сроками по рассмотрению независимой гарантии ⁷
9	Срок хранения документов	Документы по закупкам обязали хранить не менее 6 лет
10	Протокол разногласий	Сократили срок составления протокола разногласий до 2 рабочих дней. Заказчику и победителю нужно быстрее согласовывать условия контракта
11	Годовой объем закупок запросом котировок	Годовой объем закупок запросом котировок составляет до 20% от СГОЗ или 100 млн. руб. в отношении заказчика, СГОЗ которого в прошедшем году составил менее 500 млн. руб. Годовой объем закупок составлял до 10% от СГОЗ ⁸
12	Подана одна заявка в открытом электронном конкурсе и аукционе	Установили специальный порядок проведения открытого электронного конкурса и аукциона, если подана только одна заявка: 1. Не позднее 1 часа с момента окончания срока подачи заявок оператор направит заявку заказчику. 2. Не позже 2 рабочих дней после окончания срока подачи заявок, но не позднее даты подведения итогов комиссия рассматривает заявку и подписывает протокол на площадке. 3. Оператор в течение 1 часа размещает протокол в ЕИС
13	Решения об отказе от контракта	Решения об отказе от контракта размещайте в ЕИС не позже дня, когда направили решение об отказе от контракта. Срок для размещения в ЕИС электронной версии решения — в течение 3 рабочих дней с даты принятия решения ⁹
14	Общественное обсуждение	Общественное обсуждение проводится от 2 млрд. руб. При этом нижний порог могут снизить Правительство, региональные и местные власти. Под исключение попадают закрытые закупки и федеральные закупки по ГОЗ
15	Обеспечение заявки	Заказчик обязан установить требование об обеспечении заявки во всех конкурентных закупках, если НМЦК превышает 1 млн. руб. Предельный размер НМЦК установлен самим Законом №44-ФЗ, а не постановлением Правительства
16	Одностороннее расторжение заказчиком	Информацию в РНП об одностороннем расторжении заказчик направляет в день вступления в силу решения заказчика об одностороннем отказе от исполнения контракта в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением поставщиком своих обязательств
17	Отмена решения об отказе от контракта	Извещение об отмене решения об отказе от контракта заказчик формирует в ЕИС не позднее 1 дня, следующего за днем такой отмены

⁷ Цифровая банковская гарантия близко.

⁸ Федеральный закон «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 18.07.2011 г. №223-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/>.

⁹ Новые правила для заказчиков на год вперед: полсотни изменений в таблицах.

Таблица 2
Table 2

**Сравнительная характеристика обновленных обязанностей заказчика
в закупках по закону №44-ФЗ в 2022 г. в новой редакции¹⁰
Comparative characteristics of the updated obligations of the customer
in procurement under Law №44-FZ in 2022 in a new edition**

№	Критерии основных изменений	Сущность изменяемой характеристики
1	Поэтапное исполнение	Если контракт предусматривает поэтапное исполнение, то направлять информацию о ходе исполнения, об изменениях, а также документы для приемки нужно по исполнению каждого этапа
2	Информация в реестре контрактов о закупке у единственного поставщика	В реестр контрактов вносят информацию по пп. 45 и 52 ч. 1 ст. 93 Закона №44-ФЗ
3	Информация в реестр контрактов по результатам закупки	В реестр контрактов нужно вносить контракт с прилагаемыми документами по результатам проведения электронных процедур, закрытых электронных процедур, а также копию контракта [4]
4	Одностороннее расторжение заказчиком	Заказчик обязан расторгнуть контракт, если поставщик или товар перестали соответствовать извещению и документации. Решение заказчика или поставщика об одностороннем отказе от контракта, который заключен по итогам открытых и закрытых электронных процедур, нужно вручить лично под расписку или направить заказным письмом по адресу из контракта. Не позднее дня, когда направили решение об отказе от контракта, разместите его в ЕИС
5	Существенные условия для контракта жизненного цикла	Если сметная стоимость по результатам государственной экспертизы меньше цены контракта, то заказчик должен уменьшить цену до сметной
6	Иммунитет спецсчета	Деньги, которые лежат на спецсчете, нельзя взыскать, например, по исполнительному листу
7	Электронное обжалование	При электронных процедурах жалобу можно подать исключительно с использованием ЕИС. Отозвать жалобу можно также через ЕИС. Обжаловать действия оператора площадки при аккредитации можно в течение 5 дней, добавили право обжаловать действия оператора при размещении предварительного предложения [3]

¹⁰ Составлено авторами на основе: Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 г. №44-ФЗ (в ред. от 24.04.2020); Федеральный закон «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 18.07.2011 г. №223-ФЗ (последняя редакция); Сводный аналитический отчет по результатам осуществления мониторинга закупок, товаров, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в соответствии с Федеральным законом от 05.04.2013 г. №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» по итогам 2020–2022 гг. [Электронный ресурс] // Минфин России. URL: <https://minfin.gov.ru/>.

Таблица 3
 Table 3

**Оценка и характеристика упразднённых обязанностей заказчика
 в закупках по закону №44-ФЗ в 2022 г. в новой редакции¹¹
 Assessment and characterization of the abolished obligations of the customer
 in procurement under Law №44-FZ in 2022 in a new edition**

№	Критерии основных изменений	Сущность изменяемой характеристики
1	Банковская гарантия	Понятие «банковская гарантия» утратило значение, которое было в ГК. Утратила силу ч. 2 ст. 3 Закона №44-ФЗ. Заказчики для обеспечения заявок и контрактов с 2022 года должны принимать независимые, а не банковские гарантии. Независимые гарантии вправе выдавать банки из утвержденного перечня, госкорпорация «ВЭБ.РФ», региональные гарантийные организации, Евразийский банк развития. В проектах контрактов на 2022 год нужно поменять формулировку «банковская гарантия» на «независимая гарантия». Когда будете проверять гарантии на обеспечение заявки и контракта, сверяйте, какая конкретно организация предоставила гарантию ¹²
2	Библиотека типовых контрактов	В ЕИС больше нет библиотеки типовых контрактов. Правительство установит требования к применению типовых контрактов. Заказчикам самим придется отслеживать изменение типовых условий контрактов, для этого нужно следить за выходом новых НПА
3	Документация	Для проведения электронных конкурентных закупок заказчики размещают в ЕИС только извещение и обязательные приложения к нему. Заказчикам необходимо переделать закупочные документы. Вместо единого файла с документацией надо подготовить несколько файлов-приложений к извещению, а именно: описание объекта закупки, обоснование НМЦК, проект контракта, требования к содержанию и составу заявки на участие в закупке, порядок рассмотрения и оценки заявок в конкурсе, дополнительные требования к участникам закупок [4]
4	Двухэтапный конкурс, конкурс с ограниченным участием, запрос предложений	Отменили эти способы закупок для всех заказчиков. Заказчику не нужно больше использовать такие способы закупок в работе
5	Открытый конкурс в бумажной форме	Теперь заказчики проводят конкурс только в электронной форме
6	Запрос котировок в бумажной форме	Теперь заказчики проводят запрос котировок только в электронной форме
7	Реестр банковских гарантий	Вместо реестра банковских гарантий в ЕИС теперь реестр независимых гарантий [5]
8	Бумажные жалобы	Теперь жалобы только в электронном виде через функционал ЕИС

¹¹ Составлено авторами.

¹² Цифровая банковская гарантия близко.

правленных на достижение целей закупки путем взаимодействия заказчика с поставщиком, в т. ч. приемку поставленного товара, выполненной работы (ее результатов), оказанной услуги, предусмотренных контрактом, проведение экспертизы поставленного товара, результатов выполненной работы, оказанной услуги, а также отдельных этапов исполнения контракта, к числу которых относится и создание приемочной комиссии на объекте закупки (рис. 2).

Согласно ч. 3 ст. 94 закона №44-ФЗ для проверки соответствия представленных поставщиком результатов условиям контракта заказчик также обязан провести экспертизу. Экспертиза может проводиться заказчиком своими силами или с привлечением экспер-

тов, экспертных организаций (условно назовем последних внешними экспертами) на основании контрактов, заключенных в соответствии с законом №44-ФЗ. В обновленной редакции закона №44-ФЗ отсутствует требование об обязательном привлечении внешних экспертов, однако правительство Российской Федерации вправе определить случаи обязательного проведения оценки соответствия предусмотренных контрактом поставленных товаров, выполненных работ, оказанных услуг внешними экспертами или экспертными организациями. Кроме того, существует возможность включения данного требования в типовые контракты.

Рассмотрим пример формирования локального акта о создании экспертной комиссии

Муниципальное бюджетное дошкольное образовательное учреждение
«Детский сад "Елочка"» города Королева

ПРИКАЗ

«11» января 2022 г.

№ 110

О создании приемочной комиссии

В соответствии с частью 6 статьи 94 Закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ) и в целях обеспечения приемки поставленных товаров, результатов отдельного этапа исполнения контракта при осуществлении закупок товаров для обеспечения муниципальных нужд

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Создать приемочную комиссию для приемки поставленного товара, результатов отдельного этапа исполнения контракта при осуществлении закупок товаров для обеспечения муниципальных нужд заказчика – Муниципального бюджетного дошкольного образовательного учреждения «Детский сад "Елочка"» города Королева (далее – Приемочная комиссия) в количестве 5 (пяти) человек.
2. Утвердить Положение о приемочной комиссии для приемки поставленного товара, результатов отдельного этапа исполнения контракта при осуществлении закупок товаров для обеспечения муниципальных нужд заказчика (приложение № 1).
3. Утвердить состав Приемочной комиссии (приложение № 2).
4. Контрактному управляющему Сорокиной И.И. обеспечить доведение положений настоящего приказа до членов Приемочной комиссии под подпись.
5. Контроль за исполнением настоящего приказа оставляю за собой.

Настоящий приказ вступает в силу с момента его подписания.

Заведующий
МБДОУ д/с «Елочка»

Смирнова А.А.

М.П.

С приказом ознакомлены:

_____	Попова А.А.	_____	11 января 2022 года
_____	Сидорова А.А.	_____	11 января 2022 года
_____	Петрова А.А.	_____	11 января 2022 года
_____	Волков П.П.	_____	11 января 2022 года

Рис. 2. Пример формирования локального акта на предприятии «Приказ о создании приемочной комиссии» для условий выполнения нормативно-правового регулирования закона №44-ФЗ в период вступления новых условий с 01.01.2022 г.¹³

Fig. 2. An example of the formation of a local act at the enterprise «Order on the establishment of an acceptance commission» for the conditions for the implementation of the regulatory regulation of Law №44-FZ during the entry of new conditions from 01.01.2022

¹³ Новые правила для заказчиков на год вперед: полсотни изменений в таблицах.

ПРИКАЗ № 2
О СОЗДАНИИ ЭКСПЕРТНОЙ КОМИССИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО
УЧРЕЖДЕНИЯ «НАУКА»
ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ЭКСПЕРТИЗЫ ПОСТАВЛЯЕМОЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ,
ОФИСНОЙ ТЕХНИКИ И ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

21.03.2021 № 126-р

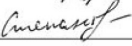

В целях проведения экспертизы поставляемых товаров для нужд Федерального государственного бюджетного учреждения «Наука» (далее – ФГБУ «Наука»), в соответствии с частью 3 статьи 94 Закона № 44-ФЗ

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Создать экспертную комиссию для проведения экспертизы соответствия поставляемых товаров условиям контрактов для нужд ФГБУ «Наука» (далее – экспертная комиссия) в следующем составе:
председатель экспертной комиссии – начальник отдела информационных технологий – Молохов Александр Юрьевич;
члены экспертной комиссии:
системный администратор – Степанов Валерий Сергеевич;
специалист информационного отдела – Милютина Инна Константиновна.
2. Установить следующее:
 - 2.1. Экспертная комиссия проводит экспертизу соответствия компьютерной техники, офисного оборудования, программного обеспечения, поставляемых для нужд ФГБУ «Наука» при исполнении контрактов на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг.
 - 2.2. Экспертная комиссия действует в порядке, установленном настоящим Приказом и Положением об экспертных комиссиях ФГБУ «Наука».
 - 2.3. Замена членов экспертной комиссии осуществляется путем внесения изменений в настоящий Приказ.
 - 2.4. Экспертная комиссия выполняет свои обязанности и действует вплоть до отмены настоящего Приказа.
 - 2.5. Секретарю общего отдела Ивановой Юлии Михайловне довести настоящий Приказ до сведения ответственных лиц под подпись.
 - 2.6. Контроль за исполнением настоящего Приказа возложить на начальника отдела информационных технологий Молохова Александра Юрьевича.

Директор ФГБУ «Наука» / / Романов А.В./

Лист ознакомления:

Начальник отдела информационных технологий	/ /	/Молохов А.Ю./	21.03.2021
Системный администратор	/ /	/Степанов В.С./	21.03.2021
Специалист информационного отдела	/ /	/Милютина И.К./	21.03.2021

Ссылка на закон
Укажите, на основании какой нормы Закона № 44-ФЗ проводите экспертизу поставленного товара, чтобы приказ был легитимен

Предмет экспертизы
Укажите те товары, работы либо услуги, экспертизу которых вы проводите, чтобы определить правила экспертизы именно по ним

Ответственное лицо
Обратите внимание, что контролировать экспертизу может не сотрудник контрактной службы, а специалист профильного отдела

Рис. 3. Практический обзор основных направлений коррекции локальной документации заказчика государственной закупки при формировании экспертной комиссии с учетом изменений в законе №44-ФЗ с 01.01.2022 г.¹⁴

Fig. 3. A practical overview of the main directions of correction of the local documentation of the public procurement customer when forming an expert commission, taking into account changes in Law №44-FZ from 01.01.2022

¹⁴ Использовано как практический пример из базы электронного журнала «Госзакупки: в вопросах и ответах» (URL: <https://e.goszakaz-vo.ru/>).

с учетом изменений в законе №44-ФЗ после 01.01.2022 г. (рис. 3). В данном примере отображены основные требования этапа экспертизы и складывающиеся нормативные и документальные требования к его исполнению.

Обсуждение результатов. Согласно действующему законодательству на каждом этапе заключения контрактов, начиная от публикации закупки и заканчивая подписанием актов приемки-передачи, осуществляется контроль. Основной целью контроля является

выявление недобросовестных поставщиков и заказчиков в секторе государственных закупок.

Согласно ст. 101 закона №44-ФЗ контроль за поставщиками, соисполнителями и субподрядчиками осуществляют заказчики в целях надлежащего исполнения контрактов¹⁵. Данный контроль помогает предотвратить нарушение законодательства со стороны поставщика, а также предостеречь должностных лиц от наложения на них штрафных санкций. Представим в таблице 6 основные цели тако-

Таблица 4
Table 4

**Цели контроля со стороны заказчика
Objectives of the customer's control**

Этап закупочного процесса	Цель заказчика	Цель контроля
Планирование закупок	Определить объем, структуру и стоимость необходимых товаров, работ, услуг	Контроль затрат
Осуществление закупки, выбор поставщика	Определение добросовестного поставщика, способного рационально исполнить контракт	Контроль выбора поставщика согласно законодательству
Заключение контракта с поставщиком	Заключение контракта в соответствии с законодательством в сфере закупок, а также согласно условиям контракта	Контроль надлежащего и своевременного заключения контракта
Выполнение контракта	Выполнение контракта поставщиком в запланированном объеме и качестве	Контроль надлежащего исполнения контракта

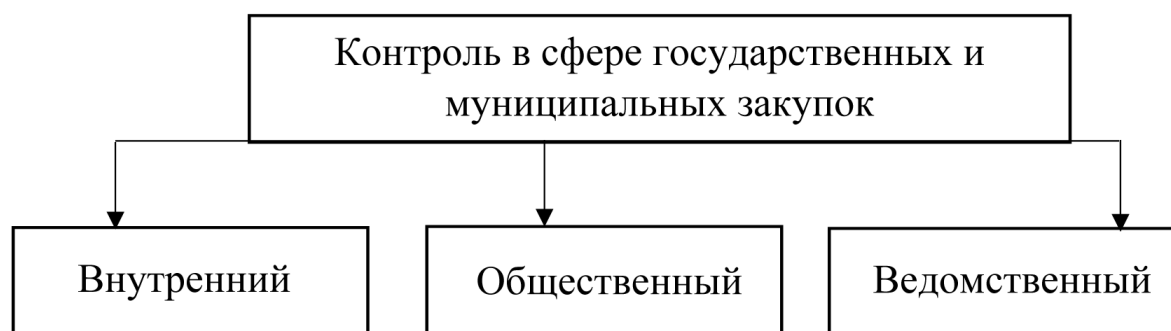

Рис. 4. Виды контроля в государственных и муниципальных закупках¹⁶
Fig. 4. Types of control in state and municipal procurement

¹⁵ Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 г. №44-ФЗ (в ред. от 24.04.2020).

¹⁶ Составлено авторами.

го контроля со стороны заказчика на каждом этапе закупочного процесса.

Осуществление контроля, представленного в таблице 4, позволяет минимизировать риски нарушения законодательства со стороны как самого заказчика, так и поставщика, а также увеличить эффективность и результативность закупочных процедур [1; 3].

За соблюдением заказчиками норм и квот для предпринимательства осуществляется автоматизированный ежедневный мониторинг сервисами Федерального Казначейства. В случае обнаружения нарушений контролирующие органы выдают нарушителю предписания для их устранения, в некоторых ситуациях проведение, исполнение закупки приостанавливается или вовсе отменяется.

Выделяют следующие виды контроля (рис. 4).

Внутренний контроль заключается в надзоре за исполнением контракта со стороны поставщика, а также его соисполнителей и субподрядчиков. Внутренний контроль позволяет минимизировать риски привле-

чения к административной ответственности как самого заказчика, так и его должностных лиц, повышает эффективность и результативность закупочной деятельности заказчика в целом.

Общественный контроль организует общественные обсуждения той или иной закупки, документации заказчика, тем самым реализуя принципы открытости и прозрачности госзакупок. Предметом такого контроля являются нормы и требования законодательства [1].

Ведомственный контроль осуществляется органами исполнительной власти, один из них — Федеральная антимонопольная служба. Данный контроль осуществляется за соблюдением законодательства касательно требований о нормировании закупок, обоснования приобретения товаров, о размерах финансового обеспечения, участии малых и средних предприятий (МСП) и другое.

Механизм осуществления контроля в сфере государственных и муниципальных закупок представлен на рисунке 5.

Рис. 5. Механизм осуществления контроля в госзакупках¹⁷
Fig. 5. The mechanism of control in public procurement

¹⁷ Составлено авторами.

Реализация механизма контроля в госзакупках способствует раннему предупреждению, оперативному выявлению и пресечению нарушений законодательства в сфере госзаказа на всех стадиях закупочного процесса [1].

Рассмотрев теоретические и нормативно-правовые аспекты изменений участия бизнеса в государственных и муниципальных закупках, мы можем отметить, что процедуры приемки и экспертизы, как внутренней, так и внешней, с соблюдением требований измененного федерального закона позволяет вывести прозрачность, непрерывность и качество финансового и организационного контроля на новый уровень и сформировать комплекс мер, направленных на повышение эффективного его участия в государственных и муниципальных закупках.

Заключение. Необходимо проводить экспертизу по каждому контракту при каждой приемке. В комплекс мер по исполнению контракта ч. 1 ст. 94 закона №44-ФЗ вносят и приемку с экспертизой поставленного товара, выполненной работы или оказанной услуги. Заказчик обязан провести экспертизу,

чтобы проверить результаты, которые предоставил поставщик, и соотнести их с условиями контракта. Закон предусматривает два варианта для заказчика: привлечь внешних специалистов или провести экспертизу своими силами.

В конкурентных закупках, которые состоялись, заказчик вправе (но не обязан) привлекать сторонних экспертов. По общему правилу ч. 4 ст. 94 закона №44-ФЗ заказчик, который проводит закупку у единственного поставщика, должен выбирать первый вариант с привлеченными экспертами, экспертными организациями, но на него приходится тратить время, ресурсы и средства, поэтому закон освобождает заказчика от обязанности привлекать внешних специалистов в 3 случаях¹⁸:

1) большая часть оснований для закупок у единственного поставщика, в том числе закупки до 100 тыс. и до 400 тыс. руб.;

2) закупка услуг экспертов, экспертных организаций;

3) контракт на проектную документацию для объекта капстроительства и (или) результаты инженерных изысканий, которые прошли обязательную по законодательству экспертизу.

Рис. 6. Варианты проведения экспертизы
Fig. 6. Examination options

¹⁸ Сводный аналитический отчет по результатам осуществления мониторинга закупок, товаров, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в соответствии с Федеральным законом от 05.04.2013 г. №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» по итогам 2020–2022 гг.

В конкурентных закупках заказчик не обязан, но вправе привлекать сторонних специалистов. «Внешняя» экспертиза в них будет актуальной, например, если у заказчика нет практического опыта в приемке или нет специалистов, которые способны оценить качество поставленных товаров, оказанных услуг, выполненных работ. На рисунке 6 мы наглядно показали, как организовать экспертизу.

Когда заказчик привлекает к экспертизе внешних экспертов, в решении о приемке или об отказе в приемке результатов надо учесть предложения, которые внешние эксперты отразили в заключении.

Нами рекомендуется предприятиям разработать локальный акт, в котором следует установить порядок проведения экспертизы собственными силами и с привлечением внешних специалистов.

Независимо от того, являются эксперты сотрудниками заказчика или нет, им следует руководствоваться принципами объективности и беспристрастности, соблюдать нормы закона и добросовестно проводить экспертизу.

Есть три варианта организации процесса экспертизы своими силами, каждый заказчик может выбрать тот вариант, который ему подходит¹⁹:

- 1) передать полномочия проводить экспертизу комиссии по приемке;
- 2) создать специальную комиссию из числа сотрудников заказчика;
- 3) назначить отдельное лицо уполномоченным по экспертизе.

В первых двух случаях экспертизу проводят коллегиально. Заказчику нужно определить в локальном акте, какими функциями по экспертизе наделили комиссию.

Создавать для экспертизы отдельную комиссию или использовать для экспертизы состав комиссии по приемке, заказчик решает сам с учетом особенностей закупки. О праве заказчика возложить полномочия по экспертизе на приемочную комиссию сообщает письмо Минфина №24-03-07/71512 от 27.10.2017 г.

Нередко поставщики, с которыми расторгли контракт после обнаруженных недостатков,

спорят с заказчиками в суде. Там они пытаются доказать, что самостоятельную экспертизу заказчики провели ненадлежащим образом.

Например, исполнитель контракта на научно-исследовательские работы обратился в суд. По его мнению, заказчик нарушил закон №44-ФЗ тем, что не привлек экспертов и не уведомил исполнителя об экспертизе. Судьи выяснили: заказчик специально создал комиссию из научно-педагогических работников, знания которых позволяли проверить на достоверность результаты НИР. Уведомлять исполнителя о допустимости участия в экспертизе должны внешние эксперты, так требует ч. 3 ст. 41 закона №44-ФЗ. Об экспертизе своими силами уведомлять исполнителя заказчику не надо. Право готовить экспертное заключение у работников заказчика есть (постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда №13АП-8154/2016 по делу №А56-23888/2015 от 23.05.2016 г.).

Третий вариант требует от заказчика выбрать из числа работников ответственного лицо и предоставить ему полномочия по экспертизе. Ответственного непосредственно за экспертизу сотрудника назначают по каждому конкретному контракту или заранее определяют список лиц, ответственных за разные контракты²⁰.

Такой вариант оптимален для контрактов на поставку типовой (серийной) продукции, например, когда закупаете канцелярию, мягкий инвентарь, моющие средства и т.п. Чтобы организовать работу, заказчику надо издать приказ или распоряжение о назначении лица, ответственного за приемку. Ответственным лицом за приемку может быть тот работник заказчика, который является профильным специалистом по предмету контракта. Решение о назначении можно принимать перед каждым конкретным контрактом либо заблаговременно определять в зависимости от профиля или предмета закупки.

Законодательно установленных требований к заключению, которое готовит эксперт, нет. Содержательная часть этого документа

¹⁹ Сводный аналитический отчет по результатам осуществления мониторинга закупок, товаров, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в соответствии с Федеральным законом от 05.04.2013 г. №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» по итогам 2020–2022 гг.

²⁰ Новые правила для заказчиков на год вперед: полсотни изменений в таблицах.

зависит от особенностей предмета и условий контракта.

При привлечении внешних специалистов в интересах заказчика разработать заблаговременно форму-шаблон такого заключения. Оно может состоять из трех частей: вводной, экспертной (исследовательской) и резюмирующей (выводы) [3].

Вводная часть может содержать следующую информацию:

— сведения об эксперте, экспертной организации (Ф. И. О., должность эксперта, наименование экспертной организации);

— номер и срок действия аттестата эксперта (если имеется);

— дату и место проведения экспертизы, даты и время начала и окончания экспертизы;

— дату и номер контракта (договора);

— наименование и функциональное назначение объекта экспертизы;

— задачу экспертизы;

— сведения о предъявленной документации, поставщике (подрядчике, исполнителе), грузоотправителе, изготовителе объекта экспертизы;

— условия хранения объекта экспертизы, состояние упаковки, маркировочные данные и т. д.

В качестве выводов эксперты могут использовать унифицированные формулировки. В резюмирующей части заключения эксперт делает вывод о соответствии, несоответствии или частичном соответствии поставленного товара. Если по результатам экспертизы установили нарушения требований контракта, которые не препятствуют приемке, заключение может содержать предложения устранить эти нарушения, при этом эксперт указывает срок устранения, как на образце 4, например²¹: документы по итогам экспертизы подписывают эксперты, проводившие процедуру; такие документы регистрируют в организации, которая проводит экспертизу, удостоверяют подписью ее руководителя и скрепляют печатью, если она есть.

Таким образом, в нашем обзоре проблем проведения приемки и экспертизы результа-

тов исполнения контракта государственных закупок мы рассмотрели основные требования, особенности и регламенты, вступившие с нового 2022 финансового года.

Список источников

1. Голощапова Л. В., Чуприна О. И. Перспективы развития цифровизации банковских гарантий в сегменте государственных и муниципальных закупок [Электронный ресурс] // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14. №3. С. 149–153. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46228338> (дата обращения: 25.04.2022).

2. Гуськов Д. А. Правовое регулирование контроля в сфере государственных и муниципальных закупок [Электронный ресурс] / Д. А. Гуськов, Д. М. Курмалева, Ю. В. Чеснокова // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2018. №1(23). С. 65–72. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32426222> (дата обращения: 06.04.2022).

3. Демина Н. В., Чистова М. В. Виды электронных торговых площадок / Вестник экспертного совета. 2018. №1-2(12-13). С. 132–136.

4. Федорова И. Ю. Государственные и муниципальные закупки как инструмент повышения эффективности расходов бюджетов: монография / И. Ю. Федорова, А. В. Фрыгин, М. В. Седова, М. Н. Прокофьев; Финансовый университет при Правительстве РФ. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2020. 242 с.

5. Шмелева М. В. Цифровые технологии в государственных и муниципальных закупках: будущее или реальность // Актуальные проблемы российского права. 2019. №12(109). С. 36–42.

References

1. Goloshhapova L. V., Chuprina O. I. Perspektivy razvitiya cifrovizacii bankovskih garan-

²¹ Сводный аналитический отчет по результатам осуществления мониторинга закупок, товаров, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в соответствии с Федеральным законом от 05.04.2013 г. №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» по итогам 2020–2022 гг.

tij v segmente gosudarstvennyh i municipal'nyh zakupok [Prospects for the development of digitalization of bank guarantees in the segment of state and municipal procurement] [Jelektronnyj resurs]. *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta (NPI). Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki [Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic Sciences]*. 2021; 14(3): 149–153. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46228338> (data obrashhenija: 25.04.2022). (In Russ.).

2. Gus'kov D.A. Pravovoe regulirovanie kontrolja v sfere gosudarstvennyh i municipal'nyh zakupok [Legal regulation of control in the sphere of state and municipal procurement] [Jelektronnyj resurs]. D.A. Gus'kov, D.M. Kurmaleeva, Ju. V. Chesnokova. GosReg: gosudarstvennoe regulirovanie obshhestvennyh otnoshenij [GosReg: State regulation of public relations]. 2018; 1(23): 65–72. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32426222> (data obrashhenija: 06.04.2022). (In Russ.).

3. Demina N.V., Chistova M.V. Vidy jelektronnyh torgovyh ploshhadok [Types of electronic trading platforms]. *Vestnik jekspertnogo soveta [Bulletin of the Expert Council]*. 2018; 1-2(12-13): 132–136. (In Russ.).

4. Fedorova I. Ju. Gosudarstvennye i municipal'nye zakupki kak instrument povyshenija jeffektivnosti rashodov bjudzhetov: monografija [State and municipal procurement as a tool to increase the efficiency of budget expenditures: monograph]. I. Ju. Fedorova, A.V. Frygin, M.V. Sedova, M.N. Prokof'ev; Finansovyj universitet pri Pravitel'stve RF. Moscow: Izdatel'sko-torgovaja korporacija «Dashkov i K», 2020. 242 p. (In Russ.).

9. Shmeleva M.V. Cifrovyje tehnologii v gosudarstvennyh i municipal'nyh zakupkah: budushhee ili real'nost' [Digital technologies in state and municipal procurement: the future or reality]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava [Actual problems of Russian law]*. 2019; 12(109): 36–42. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 21.06.2022; одобрена после рецензирования 25.06.2022; принята к публикации 27.06.2022.

The article was submitted on 21.06.2022; approved after reviewing on 25.06.2022; accepted for publication on 27.06.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Голошапова Людмила Вячеславовна — кандидат экономических наук, доцент базовой кафедры «Финансовый контроль, анализ и аудит» Главного контрольного управления города Москвы Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова.

Россия, г. Москва, Стремянный пер., 36

Liudmila V. Goloshchapova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Base Department of Financial Control, Analysis and Audit, Main Control Department of Moscow, Plekhanov Russian University of Economics.

36 Stremyanny av., Moscow, Russia

Зацаринная Елена Ивановна — кандидат экономических наук, доцент базовой кафедры «Финансовый контроль, анализ и аудит» Главного контрольного управления города Москвы Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова.
Россия, г. Москва, Стремянный пер., 36

Elena I. Zatsarinnaya — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Base Department of Financial Control, Analysis and Audit, Main Control Department of Moscow, Plekhanov Russian University of Economics.
36 Stremyanny av., Moscow, Russia

Вклад авторов:

Голощанова Л. В. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Зацаринная Е. И. — развитие методологии; доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Goloshchapova L. V. — scientific management; research concept; development of methodology; writing the source text; final conclusions.

Zatsarinnaya E. I. — development of methodology; follow-on version of the text; final conclusions.

Научная статья
УДК 631.145
DOI: 10.17213/2075-2067-2022-3-153-160

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ЗЕМЕЛЬНО-ИПОТЕЧНОГО КРЕДИТОВАНИЯ В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ ЭКОНОМИКИ

Людмила Георгиевна Долматова^{1✉}, Алик Хожзахметович Мамадиев²

¹Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт имени А.К. Кортунова (филиал),
Донской государственный аграрный университет, Новочеркасск, Россия

²Грозненский государственный нефтяной технический университет
имени академика М.Д. Миллионщикова, Грозный, Россия

¹dolmatoval1971@mail.ru✉, ORCID: 0000-0002-1825-0097, AuthorID РИНЦ: 440744

²max15.68@mail.ru, ORCID: 0000-0002-3700-0977, AuthorID РИНЦ: 670616

Аннотация. Целью исследования является анализ основных аспектов развития земельно-ипотечного кредитования в агропромышленном комплексе Российской Федерации и его отраслях в условиях формирования новых экономических отношений и предпринимательской инициативы в аграрном секторе, а также основные критерии и принципы управления земельными активами. В странах с развитой рыночной экономикой земельная ипотека традиционно служит одним из важнейших инструментов обеспечения нормального функционирования кредитного механизма, надежной гарантией прав и законных интересов кредиторов.

Методологическую базу исследования представляют базисные положения в области банковского дела, ипотечного кредитования, а также законодательные и нормативно-правовые документы, регулирующие порядок кредитования, ипотеку и операции с земельными участками. К используемым научным методам относятся сравнительный, причинно-следственный и статистический анализ.

Результаты исследования. В результате всестороннего анализа системы земельно-ипотечного кредитования и принципов управления земельными активами в аграрном секторе экономики было выявлено, что основная особенность, отличающая данную систему от других видов ипотечного кредита, заключается в предмете залога. Залоговый потенциал для целей ипотеки в основном составляют земельные участки сельскохозяйственного назначения с особым правовым режимом использования и охраны, присущим этой категории земель. В этом случае важно соблюдать целевое назначение земельных участков. Исходя из мировой практики в области инвестирования видно, что земельно-ипотечное кредитование способно привлечь значительный объем внебюджетных инвестиций в экономику АПК и способствовать успешному развитию всех организационно-правовых форм сельскохозяйственных предприятий.

Перспективы исследования заключаются в развитии направлений системы земельно-ипотечного кредитования с учётом современных экономических механизмов, представляющих собой совокупность институтов и способов реализации особой формы кредитных отношений, которая обеспечивает передачу ресурсов на ипотечном рынке от кредиторов к заемщикам под залог земли с активным участием инфраструктурных элементов.

Ключевые слова: земельно-ипотечное кредитование, аграрный сектор, экономические отношения, эффективность, мероприятия, развитие, операции, земельные участки

Для цитирования: Долматова Л.Г., Мамадиев А.Х. Основные аспекты развития земельно-ипотечного кредитования в аграрном секторе экономики // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 3. С. 153–160. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-153-160>.

Original article

MAIN ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF LAND AND MORTGAGE LENDING IN THE AGRICULTURAL SECTOR OF THE ECONOMY

Lyudmila G. Dolmatova^{1✉}, *Alik Kh. Mamadiyev*²

¹*Novocherkassk Reclamation Engineering Institute named after A. K. Kortunov (branch),
Donskoy State Agrarian University, Novocherkassk, Russia*

²*Grozny State Oil Technical University named after academician M. D. Millionshchikov,
Grozny, Russia*

¹*dolmatoval1971@mail.ru*✉, ORCID: 0000-0002-1825-0097, AuthorID RSCI: 440744

²*max15.68@mail.ru*, ORCID: 0000-0002-3700-0977, AuthorID RSCI: 670616

Abstract. *The purpose of the research is to analyze the main aspects of the development of land mortgage lending in the agro-industrial complex of the Russian Federation and its sectors in the context of the formation of new economic relations and entrepreneurial initiatives in the agricultural sector, as well as the main criteria and principles of land asset management. In countries with developed market economies, land mortgage traditionally serves as one of the most important tools for ensuring the normal functioning of the credit mechanism, a reliable guarantee of the rights and legitimate interests of creditors.*

The methodological base of the study is represented by the basic provisions in the field of banking, mortgage lending, as well as legislative and regulatory documents regulating the procedure for lending, mortgages and operations with land plots. The scientific methods used include comparative, causal and statistical analysis.

Research results. As a result of a comprehensive analysis of the system of land and mortgage lending and the principles of land asset management in the agricultural sector of the economy, it was revealed that the main feature that distinguishes this system from other types of mortgage loans is the subject of collateral. Mortgage potential for mortgage purposes mainly consists of agricultural land plots with a special legal regime of use and protection inherent in this category of land. In this case, it is important to observe the intended purpose of the land. Based on the world practice in the field of investment, it can be seen that land and mortgage lending can attract a significant amount of extra-budgetary investment in the agro-industrial complex and contribute to the successful development of all organizational and legal forms of agricultural enterprises.

The prospects of the study lie in the development of areas of the land mortgage lending system, taking into account modern economic mechanisms, which are a set of institutions and methods for implementing a special form of credit relations, which ensures the transfer of resources in the mortgage market from lenders to borrowers secured by land with the active participation of infrastructure elements.

Keywords: *land and mortgage lending, agricultural sector, economic relations, efficiency, measures, development, operations, land plots*

For citation: *Dolmatova L. G., Mamadiev A. Kh. Main aspects of the development of land and mortgage lending in the agricultural sector of the economy // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(3): 153–160. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-153-160>.*

Введение. В современной рыночной ситуации необходим поиск путей по привлечению инвестиционных ресурсов в различные сферы и отрасли агропромышленного комплекса (АПК) России. Это особенно актуально при недостатке денежно-материальных средств сельскохозяйственных предприятий, в том числе малых их форм. Надежным видом обеспечения кредитов во всем мире считается недвижимость. Так как земельные участки являются тоже объектами недвижимости, то и они выступают гарантом выполнения кредитных обязательств. Мировой практикой доказано, что земельно-ипотечное кредитование способно привлечь значительный объем внебюджетных инвестиций в экономику. В условиях ограниченных собственных средств предприятий надежным гарантом обеспечения кредитоспособности может стать ипотека земельных ресурсов. При решении данных вопросов целесообразно использовать не только исторический опыт России, но и опыт зарубежных стран.

Результаты. В результате всестороннего анализа системы земельно-ипотечного кредитования и принципов управления земельными активами в аграрном секторе экономики было выявлено, что основная особенность, отличающая данную систему от других видов ипотечного кредита, заключается в предмете залога. Залоговый потенциал для целей ипотеки в основном составляют земельные участки сельскохозяйственного назначения с особым правовым режимом использования и охраны, присущим этой категории земель. В этом случае важно соблюдать целевое назначение земельных участков. Исходя из мировой практики в области инвестирования видно, что земельно-ипотечное кредитование

способно привлечь значительный объем внебюджетных инвестиций в экономику АПК и способствовать успешному развитию всех организационно-правовых форм сельскохозяйственных предприятий.

Обсуждение. Одним из основных механизмов государственной поддержки отраслей АПК является льготное кредитование. Министерство сельского хозяйства РФ утвердило План льготного кредитования заемщиков на ближайшие годы. Согласно документу, в 2021 году общий объем субсидий, предоставляемых уполномоченным банкам по данной программе, составил 80,2 млрд. рублей, в том числе 15,5 млрд. рублей — на выдачу новых кредитов. На 2022 год на субсидирование краткосрочного льготного кредитования АПК в бюджете предусмотрено 19,6 млрд. рублей против 29,6 млрд. рублей в 2021 году, в том числе на новые кредиты 1,5 млрд. рублей¹.

Средства направляются на поддержку малых форм хозяйствования, развитие растениеводства, животноводства, переработку продукции данных отраслей, а также молочного и мясного скотоводства, приобретение необходимой техники для сельскохозяйственных работ и другое. С помощью данных кредитов покупаются семена, удобрения, горюче-смазочные материалы и другие материально-технические ресурсы, необходимые для проведения посевной кампании. В рамках данной программы аграрии имеют возможность привлекать льготные краткосрочные кредиты на срок до 1 года, а также инвестиционные кредиты на срок от 2 до 15 лет по льготной ставке на развитие сельхозпроизводства и переработки продукции.

В настоящее время система земельно-ипотечного кредитования стала развиваться

¹ В 2021 году объем субсидий на льготное кредитование АПК составит более 80 млрд. рублей [Электронный ресурс] // Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. Пресс-служба. URL: <https://mcx.gov.ru/press-service/news/v-2021-godu-obem-subsidiy-na-lgotnoe-kreditovanie-apk-sostavit-bolee-80-mlrd-rublej> (дата обращения: 10.05.2022).

несколько лучше за счёт экономической государственной поддержки, но есть вопросы, которые ещё требуют дополнительного решения. В сельском хозяйстве, где земля является не только пространственным базисом и природным ресурсом, но прежде всего средством производства, остро стоит проблема невысокой доходности сельскохозяйственных организаций, что снижает инвестиционную привлекательность этой сферы для банковского капитала. Это также является причиной банкротства многих аграрных предприятий, особенно крестьянских (фермерских) хозяйств. Собственных средств часто бывает недостаточно для расширенного воспроизводства, а внешних инвесторов не всегда получается привлечь. В этих условиях современная земельная ипотека должна иметь целостный и комплексный характер, быть самовоспроизводимой подсистемой финансового рынка, позволяющей за счет ипотечных механизмов привлекать необходимые долгосрочные инвестиционные ресурсы путем всевозможных операций с земельными участками [1; 2].

Земельно-ипотечная система интегрируется с такими составляющими рыночной системы, как:

- рынок земли и недвижимости;
- рынок финансово-посреднических услуг;
- рынок капитала (финансовый рынок);
- первичный рынок ипотечных кредитов;
- вторичный рынок ипотечных активов (ценных бумаг).

Система земельно-ипотечного кредитования, как и любая другая, состоит из совокупности элементов, взаимодействие между которыми обеспечивается договорами, соглашениями и денежными потоками внутри неё. Субъектами могут быть как государственные органы, так и отдельные залогодатели, кредиторы (банки), инвесторы и др. [3; 4].

Отношения между субъектами системы возникают в связи с процедурой залога земельных участков, рефинансированием кредитов, эмиссией ценных бумаг и другими операциями. Всё функционирование внутри земельно-ипотечной системы опирается на нормативно-правовую базу, которая регулирует отношения гражданского, земельного, ипотечного, банковского права. Совокупность правовых норм предусматривает

создание целостной, предпочтительно унифицированной системы земельно-ипотечного кредитования, направленной на решение определённых задач. К некоторым из них можно отнести следующие:

— обеспечение сохранения целевого использования земель сельскохозяйственного назначения в случаях невозврата инвестиционных кредитов;

— создание возможности для собственников и владельцев земельных участков привлекать для развития сельскохозяйственного производства негосударственные инвестиционные ресурсы через легитимные залоговые сделки;

— формирование надежных правовых средств защиты интересов кредиторов и залогодержателей;

— недопущение спекулятивных операций с земельными участками при нестабильной рыночной ситуации и сложных инфляционно-экономических условиях [5; 6].

Важным в этом вопросе является термин «земельные активы предприятия», под которым понимается участок как объект вложения капитала и как экономическая категория. Принципами формирования земельных активов должны стать: экономическая целесообразность использования (обладания); возможность привлечь инвестиции, получить доход; обладание стоимостью, производительностью, ликвидностью; подконтрольность использования. При соблюдении этих принципов возможно не только вовлечение земельных ресурсов в земельный оборот, но и его использование на финансовом и фондовом рынках.

Земельные активы требуют особого подхода в управлении. Наиболее важные аспекты управления представлены на рисунке 1.

Земельные активы являются носителями различных правовых и экономических характеристик, основными из которых являются: цель назначения земельного актива, субъект пользования данным активом, правовая база, количественные и качественные характеристики участка, целевое назначение кредита, привлекаемого под залог земельного актива. В зависимости от того, какими классификационными признаками обладает земельный актив, организация, которая будет выдавать кредит, сможет принять более

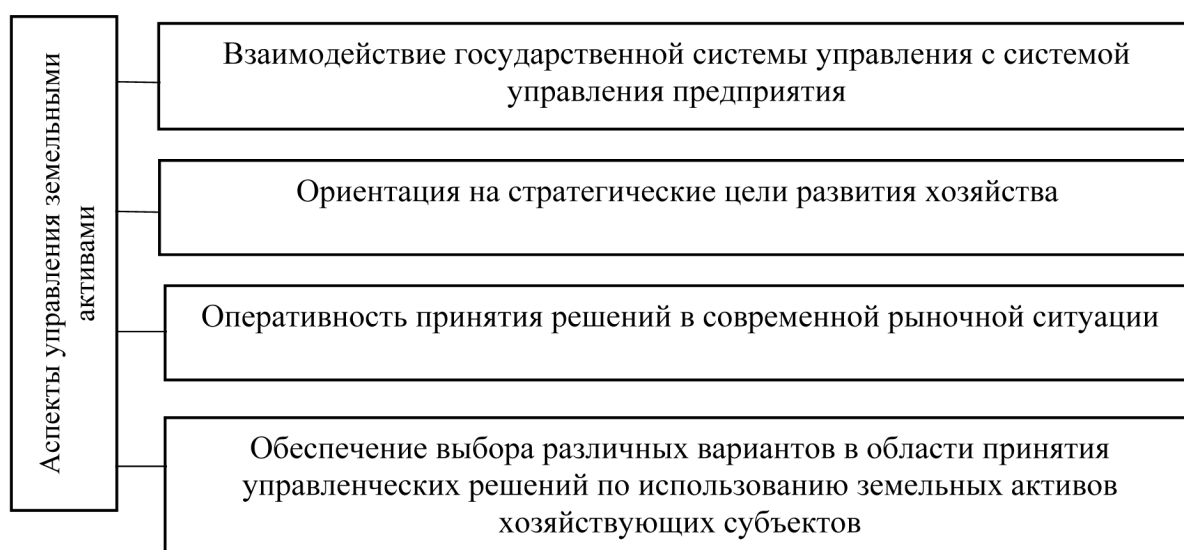

Рис. 1. Основные аспекты управления земельными активами
Fig. 1. Main aspects of land asset management

правильное решение об условиях его предоставления [7; 8].

Особый круг вопросов, решение которых необходимо для создания системы земельно-ипотечного кредитования, — это предварительные условия коммерческого использования земельных ресурсов: землеустройство и межевание земель, кадастровое описание и кадастровый учет, оформление прав собственности и регистрация земельных участков, оценка земли и определение ее рыночной стоимости. Вышеперечисленные действия должны быть осуществлены на региональном уровне, по возможности за счет консолидации средств бюджетов различных уровней власти, в рамках областных целевых программ по развитию системы земельно-ипотечного кредитования в регионе [10].

Особенно важно развивать это направление на региональном уровне, обязательно включать проведение инвентаризационных, землеустроительных и кадастровых работ в целях определения потенциала земельно-ипотечного кредитования и создания условий для беспрепятственного использования земельных активов в качестве залогового обеспечения, проведение комплекса работ по упорядочению землепользований, существующих на праве общедолевой собственности, определение финансовых ис-

точников для создания системы земельно-ипотечного кредитования [9].

Заключение. Таким образом, важнейшим условием и базой для эффективного развития аграрного сектора экономики является рост инвестиций в техническую и технологическую модернизацию производства хозяйствующих субъектов, что будет способствовать повышению инвестиционной привлекательности отраслей сельского хозяйства и на этой основе активизации частного бизнеса как на федеральном, так и на региональном уровне. На данном этапе для развития системы земельно-ипотечного кредитования необходимо выполнить при участии государства две первоочередных задачи: сформировать полноценную правовую базу, создающую оптимальные и привлекательные условия для всех участников ипотечного рынка и вместе с тем ориентированную на сохранение земельного фонда, в первую очередь особо ценных земель, и обеспечить взаимовыгодный диалог между органами власти и банковским бизнесом, который в случае финансовой заинтересованности может взять на себя решение организационных задач по развитию системы земельно-ипотечного кредитования. Путем поэтапного внедрения различных элементов система земельно-ипотечного кредитования должна стать более гибкой, надёжной и всесторон-

не учитывающей все инструменты кредитной политики, позволяющие вовлечь в земельный оборот значительные земельные активы региона.

Список источников

1. Ивасенко А. Г. Разработка проекта формирования системы земельно-ипотечного кредитования на региональном уровне // Вестник Томского государственного университета. 2013. №367. С. 105–110.

2. Долматова Л. Г., Петрова И. А. Анализ хозяйственных рисков сельскохозяйственных предприятий и их влияние на экономически устойчивое развитие // Вестник ЮРГТУ (НПИ). Социально-экономические науки. 2019. №1. С. 53–57.

3. Долматова Л. Г. Система государственной поддержки сельскохозяйственных предприятий в рыночных условиях // Вестник ЮРГТУ (НПИ). Социально-экономические науки. 2019. №1. С. 86–90.

4. Чередникова А. О. Развивать земельно-ипотечное кредитование // АПК: экономика, управление. 2010. №1. С. 48–50.

5. Бондарькова О. А. Основные тенденции развития рынка ипотечного кредитования в России на ближайшую перспективу // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. №Т 18. С. 20–25.

6. Литвин В. В., Фиапшев А. Б., Травкина Е. В. Пути повышения роли кредита в социально-экономическом развитии России: монография. М.: РУСАЙНС, 2020. 274 с.

7. Калинина А. Н., Лозанчин А. Л., Караваева Ю. С. Современные тенденции развития рынка ипотечного кредитования в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Вестник Евразийской науки. 2019. №4. URL: <https://esj.today/PDF/22ECVN419> (дата обращения: 10.05.2022).

8. Anne Elliott. Mortgage Risk: A Blueprint for Smarter Origination // Independently published. July, 2017. 394 p.

9. Kashyap A. K., Rajan R. G., Stein J. C. Banks as liquidity providers: an explanation for the coexistence of lending and deposit-taking // Journal of Finance. 2002. Vol. 57. Issue 1. P. 33–73.

10. Dyatlov A. V., Kumykov A. M., Lubsky A. V. et al. National Security: Paradigmatic

Fundamentals of Research Practices // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6. №5S4. P. 266–271.

References

1. Ivasenko A. G. Razrabotka proekta formirovaniya sistemy zemel'no-ipotechnogo kreditovaniya na regional'nom urovne [Development of a project for the formation of a system of land and mortgage lending at the regional level]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. 2013; (367): 105–110. (In Russ.).

2. Dolmatova L. G., Petrova I. A. Analiz hozjajstvennyh riskov sel'skhozjajstvennyh predpriyatij i ih vlijanie na jekonomicheski ustojchivoe razvitie [Analysis of economic risks of agricultural enterprises and their impact on economically sustainable development]. *Vestnik JuRGTU (NPI). Social'no-jekonomicheskie nauki* [Bulletin of YURSTU (NPI). Socio-economic sciences]. 2019; (1): 53–57. (In Russ.).

3. Dolmatova L. G. Sistema gosudarstvennoj podderzhki sel'skhozjajstvennyh predpriyatij v rynochnyh uslovijah [The system of state support of agricultural enterprises in market conditions]. *Vestnik JuRGTU (NPI). Social'no-jekonomicheskie nauki* [Bulletin of the YURSTU (NPI). Socio-economic sciences]. 2019; (1): 86–90. (In Russ.).

4. Cherednikova A. O. Razvivat' zemel'no-ipotechnoe kreditovanie [Develop land and mortgage lending]. *APK: jekonomika, upravlenie* [Agroindustrial complex: economics, management]. 2010; (1): 48–50. (In Russ.).

5. Bondar'kova O. A. Osnovnye tendencii razvitija rynka ipotechnogo kreditovaniya v Rossii na blizhajshuju perspektivu [The main trends in the development of the mortgage lending market in Russia in the near future]. *Nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal «Koncept»* [Scientific and methodological electronic journal «Koncept»]. 2017; (T18): 20–25. (In Russ.).

6. Litvin V. V., Fiapshev A. B., Travkina E. V. Puti povysheniya roli kredita v social'no-jekonomicheskom razvitii Rossii: monografija [Ways to increase the role of credit in the socio-economic development of Russia: monograph]. Moscow: RUSAJNS, 2020. 274 p. (In Russ.).

7. Kalinina A. N., Lozanchin A. L., Karavaeva Ju. S. Sovremennye tendencii razvitija rynka ipotechnogo kreditovaniya v Rossijskoj Feder-

acii [Modern trends in the development of the mortgage lending market in the Russian Federation] [Elektronnyj resurs]. *Vestnik Evrazijskoj nauki [Bulletin of Eurasian Science]*. 2019; (4). URL: <https://esj.today/PDF/22ECVN419> (data obrashhenija: 10.05.2022). (In Russ.).

8. Anne Elliott. Mortgage Risk: A Blueprint for Smarter Origination // Independently published. July, 2017. 394 p.

9. Kashyap A.K., Rajan R.G., Stein J.C. Banks as liquidity providers: an explanation for the coexistence of lending and deposit-taking // *Journal of Finance*. 2002. Vol. 57. Issue 1. P.33–73.

10. Dyatlov A.V., Kумыков A.M., Lубsky A.V. et al. National Security: Paradigmatic Fundamentals of Research Practices // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. Vol. 6. №5S4. P. 266–271.

Статья поступила в редакцию 15.06.2022; одобрена после рецензирования 22.06.2022; принята к публикации 27.06.2022.

The article was submitted on 15.06.2022; approved after reviewing on 22.06.2022; accepted for publication on 27.06.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Долматова Людмила Георгиевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Землепользование и землеустройство», Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт имени А.К. Кортунова (филиал), Донской государственной аграрный университет. Специалист в области исследования рационального использования земельных ресурсов и социо-эколого-экономических проблем землепользования в рыночных условиях.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111

Lyudmila G. Dolmatova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Chair «Land Use and Land Management», Novochoerkassk Reclamation Engineering Institute named after A.K. Kortunov (branch), Donskoy State Agrarian University. A specialist in the study of the rational use of land resources and the socio-ecological-economic problems of land use in market conditions.

111 Pushkinskaya st., Novochoerkassk, Russia

Мамадиев Алик Хожаметович — кандидат экономических наук, заведующий кафедрой «Физическое воспитание» Грозненского государственного нефтяного технического университета имени академика М.Д. Миллионщикова. Специалист в области исследования экономических основ функционирования предприятий в современных условиях.

Россия, г. Грозный, пр. Исаева, 100

Alik Kh. Mamadiev — Candidate of Economic Sciences, Head of the Department «Physical Education», Grozny State Oil Technical University named after academician M.D. Millionshchikov. A specialist in the study of the economic foundations of the functioning of enterprises in modern conditions.

100 Isaeva av., Grozny, Russia

Вклад авторов:

Долматова Л. Г. — концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Мамадиев А. Х. — доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Dolmatova L. G. — research concept; development of methodology; writing the source text; final conclusions.

Mamadiev A. Kh. — text revision; final conclusions.

Научная статья
УДК 336.012.23
DOI: 10.17213/2075-2067-2022-3-161-168

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ЛОВУШКИ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ИНВЕСТИЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ ДОМАШНИХ ХОЗЯЙСТВ

Аминат Хасановна Евлоева

*Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия
ahevloeva@gmail.com, ORCID: 0000-0002-1428-5815, AuthorID РИНЦ: 1090603*

Аннотация. *Целью исследования* является систематизация институциональных ловушек, которые оказывают влияние на формирование и реализацию инвестиционного поведения домашних хозяйств.

Методическую базу исследования представляют основополагающие положения институциональной экономики. В работе использованы такие методы научного исследования, как сравнительный, причинно-следственный и моделирование.

Результаты исследования. В условиях вхождения мировой экономики в состояние структурного кризиса ключевой проблемой как в вопросах научного исследования, так и практической реализации, становится необходимость пересмотра сложившихся подходов. В частности, на сегодняшний день наблюдается пересмотр принципов распределения доходов и сбережений домашних хозяйств, сложившегося и действовавшего на протяжении нескольких десятилетий. В процессе принятия решений, связанных с реализацией инвестиционного поведения, представители домашних хозяйств сталкиваются с рядом рисков и ловушек. В свою очередь, институциональные ловушки часто являются неявными для потребителей. В данной работе проведен анализ существующих институциональных ловушек, а также предложены направления их разрешения или преодоления.

Перспективы исследования заключаются в разработке методик реализации инвестиционного поведения домашних хозяйств.

Ключевые слова: домашнее хозяйство, финансовая стратегия, инвестиционное поведение, институциональные ловушки

Для цитирования: Евлоева А.Х. Институциональные ловушки при реализации инвестиционной стратегии домашних хозяйств // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 3. С. 161–168. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-161-168>.

Original article

INSTITUTIONAL PITFALLS IN THE IMPLEMENTATION OF HOUSEHOLD INVESTMENT STRATEGY

Aminat Kh. Evloeva

Financial University under the Government of Russia, Moscow, Russia
ahvloeveva@gmail.com, ORCID: 0000-0002-1428-5815, AuthorID RSCI: 1090603

Abstract. *The purpose of the research is to systematize the institutional traps that influence the formation and implementation of investment behavior of households.*

The methodological basis of the research is represented by the fundamental provisions of institutional economics. The paper uses such methods of scientific research as comparative, causal and modeling.

Research result. *In the context of the entry of the world economy into a state of structural crisis, the key problem, both in matters of scientific research and practical implementation, is the need to revise existing approaches. In particular, today there is a revision of the principles of income distribution and household savings, which has developed and operated for several decades. In the decision-making process related to the implementation of investment behavior, representatives of households face a number of risks and pitfalls. In turn, institutional traps are often implicit for consumers. In this paper, the analysis of existing institutional traps is carried out, as well as the directions of their resolution or overcoming are proposed.*

The prospects of the research are to develop a methodology for implementing the investment behavior of households.

Keywords: household, financial strategy, investment behavior, institutional traps

For citation: Evloeveva A.Kh. Institutional pitfalls in the implementation of household investment strategy // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(3): 161–168. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-161-168>.

Введение. Реализация инвестиционно-сберегательной функции домашних хозяйств зависит от множества факторов, которые в большинстве случаев обусловлены не самими субъектами инвестиционных отношений, а внешними условиями. Такие условия с недавнего времени в науке принято называть «институциональные ловушки». Изначально данный термин использовался исключительно как метафора, однако в 1999 году В.М. Полтерович [8] ввел данную дефиницию в научный оборот. Под «институциональной ловушкой» исследователь понимает неэффективный устойчивый институт, который существует в порядке саморегуляции.

Отечественный институционализм не является пионером в определении подобных социально-экономических факторов, влияющих на поведение субъектов хозяйственных отношений. В англоязычных источниках наряду с термином «institutional trap» используется «lock-in effect» или «эффект блокировки», под которым понимается принятое решение, которое нельзя отменить [4]. Также «институциональные ловушки» являются альтернативным пониманием концепции

path dependence, под которой понимается зависимость институциональных изменений от предшествующей траектории развития [1]. Институциональные ловушки возникают в результате социального потрясения, результаты которого фиксируются в виде норм или способов реализации поведения субъекта хозяйствования. Особенностью институциональных ловушек является тот факт, что выход из них возможен только при условии системных изменений в обществе.

Результаты. Существование институциональных ловушек обостряет проблему транзакционных издержек, связанных с реализацией прогнозируемых и взаимовыгодных отношений между хозяйствующими субъектами. В частности, данная проблема наиболее актуальна для домашних хозяйств, которые в большинстве своем не обладают достаточной квалификацией для подробного анализа поступившей информации с целью более тщательного выбора стратегии инвестиционного поведения.

Отличие от коммерческих организаций, деятельность которых предполагает пред-

варительную оценку рисков, участники домашних хозяйств, особенно в нашей стране, подвержены воздействию институциональных ловушек в большей степени [6]. В контексте исследуемой темы следует указать, что в основе формирования институциональных ловушек лежит нежелание человека менять свои убеждения и стереотипы поведения [2].

Ключевой причиной существующих в отечественной практике «институциональных ловушек» является переход от советской плановой экономики к современной рыночной. При этом следует указать на тот факт, что в период с середины XIX века по настоящее время наша страна предприняла достаточно резкую попытку перейти от традиционной модели к рыночной. Не завершив окончательно формирование рыночных отношений, государство оказалось на пути создания совершенно новой модели взаимодействия хозяйствующих субъектов, которая не имела аналогов в других странах, что препятствовало возможности заимствования позитивного культурного и социально-экономического опыта. Наконец, в конце XX века Россия становится на путь рыночных преобразований. Фактически, только последние 30 лет домашние хозяйства нашей страны самостоятельно определяют, как распорядиться имеющимися у них ресурсами, что ранее обосновывалось традициями или тоталитарной системой.

Выбор стратегии инвестиционно-сберегательного поведения домашнего хозяйства зависит от стабильности социально-экономической ситуации. Однако домашние хозяйства нашей страны только за последние 40 лет претерпели множество социальных потрясений, среди которых распад государства, либерализация цен и дефолт. Переходный период стал причиной резкого падения уровня жизни населения и вместе с тем укрепления недоверия к финансовым институтам и государству.

Закономерным результатом стало формирование стратегии инвестиционно-сберегательного поведения домашнего хозяйства, направленного не на достижение долгосрочных целей, а на реализацию краткосрочной модели. Складывается достаточно противоречивая ситуация. С одной стороны, домашние хозяйства вынуждены ориентироваться только на краткосрочную перспективу в связи

с высоким уровнем турбулентности отечественной экономики. С другой стороны, формируется кардинально новая модель потребительского поведения домашних хозяйств. В контексте влияния четвертой промышленной революции возникает такой фактор, как возможный рост безработицы, вызванный внедрением новых технологий на предприятиях. Клаус Шваб [10] акцентирует внимание на том, что представители молодежи попадают в ситуацию, при которой невозможно планировать свою жизнь, как это делали предыдущие поколения.

В отечественной научной литературе не сложилось единого подхода к классификации институциональных ловушек. В работах отдельных ученых представлены авторские подходы к определению влияния конкретной институциональной ловушки на поведение хозяйствующих субъектов. Поведение представителей домашних хозяйств отдельно не рассматривается исследователями. В этой связи в данной работе проведен анализ существующих институциональных ловушек в контексте их влияния на выбор стратегии инвестиционного поведения домашних хозяйств.

В работах В.М. Полтерович представлены такие ловушки, как бартер, неплатежи, коррупция и уклонение от налогов [9]. По мнению автора, подобный подход нельзя считать исчерпывающим, однако, для российской действительности данные ловушки сохраняют свою актуальность на протяжении длительного периода, исчисляемого десятилетиями или даже веками.

Бартер по своей природе является одним из ключевых результатов роста темпов инфляции, в условиях которых инвестиционная деятельность является сложно прогнозируемой. Домашние хозяйства как субъекты хозяйственной деятельности в меньшей степени участвуют в бартерных отношениях по сравнению с фирмами. Однако в условиях распространения натурального обмена домашние хозяйства могут сталкиваться с проблемой нехватки свободных денежных средств для их передачи в фонд накопления и дальнейшего инвестирования.

Неплатежи являются одной из ключевых проблем, с которыми сталкиваются домашние хозяйства в период нестабильности.

На 1 августа 2021 года объем просроченной задолженности по заработной плате составила 1538,0 млн. руб., что коснулось 22 тысячи домашних хозяйств¹. При этом данный показатель вырос по сравнению к 1 июля 2021 года на 1,8%. Предпринимаемые Правительством РФ усилия по снижению объема задолженности по заработной плате, которые выражаются в установлении санкций в отношении предприятий и выделении субсидий, не оказывают значительного воздействия. В данных условиях домашние хозяйства вынуждены направлять имеющиеся средства на удовлетворение своих потребностей на минимальном уровне. Если к моменту сокращения доходов домашние хозяйства имели сбережения, то они вынуждены направлять эти накопления на текущие расходы. Следовательно, данная институциональная ловушка оказывает решающее воздействие на выбор стратегии инвестиционно-сберегательного поведения участниками домашних хозяйств.

Такая институциональная ловушка, как уклонение от налогов, является проблемой для большинства государств. Однако в российских реалиях она подкрепляется низким уровнем доверия населения к власти (35,5% населения высказывает негативное отношение к фискальной службе²). Готовность населения уплачивать налоги прямо зависит от информированности о результатах распределения средств, а также от сформированности понимания участника хозяйственных отношений в качестве «налогоплательщика». В отличие от западных стран, где домашние хозяйства имеют четкое представление о порядке распределения налогов, граждане РФ относятся к налогам как к несправедливым сборам со стороны государства. В этой связи представители домашних хозяйств считают для себя допустимой такую стратегию, как сокрытие части дохода, что в свою очередь

препятствует инвестиционной деятельности, которая в условиях распространения онлайн-платформ и ИИС становится прозрачной для фискальной службы.

Относительно выбора инвестиционно-сберегательной стратегии домашних хозяйств коррупция как одна из институциональных ловушек оказывает неочевидное влияние. Однако именно данное явление определяет уровень доверия граждан к государству в целом и его отдельным институтам. В частности, в российском обществе сохраняется низкий уровень понимания механизма деятельности Пенсионного фонда РФ и одновременно высокий уровень недовольства низким уровнем пенсионного обеспечения³.

В исследовании А. В. Иванова [6] выделяется целый комплекс институциональных ловушек, которые оказывают значительное влияние на модернизацию российской экономики. Отдельные аспекты определяют выбор стратегии инвестиционно-сберегательного поведения домашних хозяйств. В частности, ключевой ловушкой можно считать инерционность, которая заключается в отсутствии стремления выбирать новую модель поведения. В условиях, когда существует безопасная стратегия, которая на протяжении длительного периода демонстрирует эффективность, участники хозяйственных отношений выберут ее вместо новой, которая заведомо воспринимается, как более рискованная. Именно этим можно объяснить тот факт, что 41,2% частных инвесторов составляют лица в возрасте от 30 до 40 лет⁴. Преодоление данной ловушки предполагает стимулирование повышения уровня финансовой грамотности представителей домашних хозяйств.

Указанная выше инвестиционная ловушка напрямую связана с другой — ловушкой образования. С одной стороны,

1 Просроченная задолженность по заработной плате по источникам финансирования на 1 августа 2021 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/147.htm (дата обращения: 27.03.2022).

2 Социологи: меньше всего россияне доверяют Налоговой и Центробанку [Электронный ресурс]. URL: https://finance.rambler.ru/money/40663556/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 27.03.2022).

3 ВЦИОМ провел социологическое исследование об отношении населения к системе пенсионного обеспечения [Электронный ресурс]. URL: <http://pensionreform.ru/102202> (дата обращения: 27.03.2022).

4 Банк России составил портрет российского розничного инвестора [Электронный ресурс]. URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/60015fbc9a7947237fafae0d> (дата обращения: 27.03.2022).

треть населения страны имеет высшее образование⁵, с другой стороны — средний уровень финансовой грамотности только у 46,8% населения, а у 40,8% — низкий⁶. Представляется, что существующая в нашей стране стратегия повышения финансовой грамотности не дает значительных результатов. Кроме того, на сегодняшний день ключевой задачей повышения финансовой грамотности является сокращение числа граждан, пострадавших от действий финансовых мошенников, которые в свою очередь подрывают уровень доверия к финансовым институтам.

В работе У. Истерли описаны такие институциональные ловушки, как «ловушка бедности» и «ловушка богатства», каждая из которых представлена в современном обществе. Ловушка бедности характерна для большинства населения России. В контексте исследуемой темы она выражается в неспособности значительной доли населения выделить в структуре доходов долю, направленную на сбережения и инвестиции. Низкий уровень финансовой грамотности данной категории стимулирует развитие недоверия к финансовым инструментам. Кроме того, в данной категории присутствуют две противоположные категории представителей домашних хозяйств. Для первой группы характерен стереотип поведения, согласно которому доход может быть только результатом труда, а «нетрудовые доходы» в свою очередь считаются нелегитимными. Вторая группа, напротив, стремится к быстрому и необоснованному обогащению. Именно представители данной группы используют рискованные инструменты, часто становясь жертвами финансовых мошенников, усугубляя положение всего домашнего хозяйства.

В свою очередь, по мнению автора, общество должно стремиться к тому, чтобы попасть в ловушку богатства, которая позволяет сформировать определенную модель поведения. В контексте выбора стратегии инвестиционно-сберегательного поведения

ловушка богатства предполагает формирование рентоориентированного поведения, повышающего уровень пассивного дохода домашнего хозяйства от вложения свободных средств.

Особого внимания заслуживает такая ловушка, как рентоориентированное поведение, т.к. данная ловушка имеет различные воплощения в обществах с сырьевой экономикой и развитой инновационной экономикой. В первой группе стран, к которой относится Россия, население ориентировано на получение общественных благ, формируемых за счет использования и продажи «даровых» благ, таких как нефть, газ и иные природные блага. В свою очередь, в странах с развитой инновационной экономикой население ориентировано на получение прямого пассивного дохода от инвестирования в наиболее перспективные отрасли экономики, к которым сейчас относится сфера ИТ.

Указанные инвестиционные ловушки оказывают значительное влияние на выбор домашними хозяйствами стратегии инвестиционно-сберегательного поведения. При этом выход из инвестиционных ловушек является сложной задачей, которая не может быть решена в административном порядке исключительно государственными органами. Данный процесс требует консолидации усилий различных социальных институтов.

Исходя из положений теории институциональных изменений, можно сделать вывод о том, что выход из институциональных ловушек может происходить эволюционным и революционным путем.

Революционный путь преодоления институциональных ловушек предполагает проведение радикальных реформ, которые позволят изменить стратегию поведения домашних хозяйств. Примером такого развития является пенсионная реформа 2002 года, когда была введена накопительная часть пенсии.

Эволюционный путь предполагает преобразование экономической системы, которое может происходить как путем поступательного повышения уровня доверия представи-

⁵ Знания в приоритете [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2021/06/15/kolichestvo-rossiiian-s-vysshim-obrazovaniem-prevysilo-31-procent.html> (дата обращения: 27.03.2022).

⁶ Индекс финансовой грамотности россиян вырос [Электронный ресурс]. URL: http://11.rospotrebnadzor.ru/news/-/asset_publisher/m3yU/content/индекс-финансовой-грамотности-россиян-вырос (дата обращения: 27.03.2022).

телей домашних хозяйств к финансовым инструментам, так и через влияние последствий экономического кризиса.

В силу того факта, что ключевым интегралом является государство, которое нуждается в формировании фонда частных инвестиций, именно на него возлагается задача стимулирования выхода из инвестиционных ловушек и предотвращение формирования новых. В первую очередь должны быть преодолены барьеры, связанные с информированностью представителей домашних хозяйств о существующих инструментах инвестиционной деятельности, а также методов оценки их рисков. Кроме того, должна быть создана эффективно функционирующая система защиты инвестиций, позволяющая предотвратить утрату домашними хозяйствами их сбережений. В свою очередь это позволит повысить общий уровень доверия населения нашей страны к инвестициям и стимулировать активность частных инвесторов на финансовом рынке.

Заключение. В контексте вышеизложенного автором предлагается следующий комплекс мероприятий по усилению инвестиционной активности домашних хозяйств:

1) формирование «инвестора будущего». В данном случае речь идет о полноценной образовательной программе, которая должна включать в себя все уровни образования (от дошкольного до профессионального) и иметь своей целью повышение уровня доверия к финансовым инструментам и обучение инвестиционным стратегиям;

2) повышение уровня доверия к существующим финансовым институтам, в частности брокерам и инвестиционным фондам. Поскольку низкий уровень финансовой грамотности не позволяет гражданам до конца точно определить характер деятельности того или иного участника финансового рынка, возникает формальная почва для проведения мошеннических схем;

3) формирование системы защиты инвестиций от наступления риска. На сегодняшний день Агентство страхования вкладов страхует каждый счет на сумму, не превышающую 1400 тыс. рублей, что привлекает дополнительную группу потенциальных инвесторов в банковский сектор, т.к. позволяет оценить

риски и увидеть реальную возвратность вложенных средств. Однако инструменты инвестирования, в частности инструменты фондового рынка, не обладают такой степенью защиты и поэтому пользуются значительно меньшей поддержкой;

4) стимулирование частного строительства. С точки зрения вложения средств частное строительство является более рисковым, однако объект недвижимости в результате обладает большей устойчивостью на рынке, нежели квартиры во вторичном фонде;

5) создание Банком России открытого общедоступного реестра брокеров и брокерских компаний, с указанием отчетности по их деятельности. На первом этапе существования такого реестра отчетность будет понятна только квалифицированным инвесторам, однако при расширении масштабов использования ИИС, а также других брокерских продуктов, подобный реестр будет ключевым инструментом для определения чистоты сделки.

Список источников

1. Hedlund S. Russian Path Dependence: A People with a Troubled History. London — New York: Routledge, 2005. 394 p.
2. Hodgson G. M. The ubiquity of habits and rules // Cambridge Journal of Economics. 1997. Vol. 21. P. 663–684; 27.
3. Hodgson G. M. The approach of institutional economics // Journal of Economic Literature. 1998. Vol. 36. №1. P. 166–192.
4. North D. Institutions and Economic Growth: An Historical Introduction // World Development. 1989. Vol. 17. №9. P. 1319–1332.
5. Гуриев С. М. Бартер на российских предприятиях: альтернативные объяснения и эмпирические результаты // Экономическая наука современной России. 2001. №2. С. 37–46.
6. Иванов А. В. Сценарии модернизационного транзита в региональном контексте: стагнация, инновации и институциональные риски // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования. 2015. №9. С. 185–196.
7. Мартыненко А. С., Жабинская И. С. Институциональные ловушки в российской экономике // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2019. №1. С. 186–192.

8. Полтерович В.М. Институциональные ловушки: есть ли выход? // *Общественные науки и современность*. 2004. №3. С. 5–16.

9. Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы // *Экономика и математические методы*. 1999. №35(2). С. 3–20.

10. Шваб К. Глобализация 4.0. Новая архитектура для четвертой промышленной революции // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2019. №1(27). С. 79–84.

References

1. Hedlund S. Russian Path Dependence: A People with a Troubled History. London — New York: Routledge, 2005. 394 p.

2. Hodgson G.M. The ubiquity of habits and rules // *Cambridge Journal of Economics*. 1997. Vol. 21. P. 663–684; 27.

3. Hodgson G.M. The approach of institutional economics // *Journal of Economic Literature*. 1998. Vol. 36. №1. P. 166–192.

4. North D. Institutions and Economic Growth: An Historical Introduction // *World Development*. 1989. Vol. 17. №9. P. 1319–1332.

5. Guriev S.M. Barter na rossijskikh predpriyatijah: al'ternativnye ob'jasnenija i jempiricheskie rezul'taty [Barter at Russian enterprises: alternative explanations and empirical results]. *Jekonomicheskaja nauka sovremennoj Rossii* [Economic science of modern Russia]. 2001; (2): 37–46. (In Russ.).

6. Ivanov A.V. Scenarii modernizacionnogo tranzita v regional'nom kontekste: stagnacija, innovacii i institucional'nye riski [Scenarios of modernization transit in a regional context: stagnation, innovation and institutional risks]. *Social'no-jekonomicheskie nauki i gumanitar'nye issledovanija* [Socio-economic sciences and humanities]. 2015; (9): 185–196. (In Russ.).

7. Martynenko A.S., Zhabinskaja I.S. Institucional'nye lovushki v rossijskoj jekonomike [Institutional traps in the Russian economy]. *Nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal «Koncept»* [Scientific and methodological electronic journal «Concept»]. 2019; (1): 186–192. (In Russ.).

8. Polterovich V.M. Institucional'nye lovushki: est' li vyhod? [Institutional traps: is there a way out?]. *Obshhestvennyye nauki i sovremen'nost'* [Social Sciences and modernity]. 2004; (3): 5–16. (In Russ.).

9. Polterovich V.M. Institucional'nye lovushki i jekonomicheskie reformy [Institutional traps and economic reforms]. *Jekonomika i matematicheskie metody* [Economics and mathematical methods]. 1999; 35(2): 3–20. (In Russ.).

10. Shvab K. Globalizacija 4.0. Novaja arhitektura dlja chetvertoj promyshlennoj revoljucii [Globalization 4.0. A new architecture for the Fourth Industrial Revolution]. *Evrazijskaja integracija: jekonomika, pravo, politika* [Eurasian integration: economics, law, politics]. 2019; 1(27): 79–84. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 06.05.2022; одобрена после рецензирования 22.05.2022; принята к публикации 18.06.2022.

The article was submitted on 06.05.2022; approved after reviewing on 22.05.2022; accepted for publication on 18.06.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Евлоева Аминат Хасановна — аспирант Департамента экономической теории, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.

Россия, г. Москва, ул. Гончарова, 13

Aminat Kh. Evloeva — postgraduate student of the Department of Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation.

13 Goncharova st., Moscow, Russia

Научная статья
УДК 338.2
DOI: 10.17213/2075-2067-2022-3-169-178

ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА ЭКОЛОГИЗАЦИИ МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВОГО КОМПЛЕКСА

Александр Евгеньевич Закондырин

*Ассоциация разработчиков природоохранных технологий и экологических инициатив,
Москва, Россия
alexzakondyrin@gmail.com, AuthorID РИНЦ: 510841, SPIN-код: 5145-1286*

Аннотация. *Целью исследования* является разработка концептуального подхода к организационно-экономическому механизму экологизации минерально-сырьевого комплекса.

Методологическую базу исследования представляют базисные положения к анализу теоретических подходов к понятию «организационно-экономический механизм» и принципов экологизации. В статье используются такие научные методы, как обобщение и дедукция, анализ, синтез.

Результаты исследования. Уточнены фундаментальные основы организационно-экономического механизма обеспечения процесса экологизации минерально-сырьевого комплекса и разработана концепция организационно-экономического механизма экологизации для компаний минерально-сырьевого сектора.

Перспективы исследования заключаются в развитии методических подходов к оценке результативности программ экологизации в минерально-сырьевом комплексе на основе разработанного концептуального подхода.

Ключевые слова: организационно-экономический механизм, экологизация, устойчивое развитие, компании минерально-сырьевого сектора

Для цитирования: Закондырин А.Е. Основы организационно-экономического механизма экологизации минерально-сырьевого комплекса // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 3. С. 169–178. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-169-178>.

Original article

FUNDAMENTALS OF THE ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC MECHANISM OF GREENING OF THE MINERAL RESOURCE COMPLEX

Alexander E. Zakondyrin

*Association of Developers of Environmental Technologies and Environmental Initiatives,
Moscow, Russia
alexzakondyrin@gmail.com, AuthorID RSCI: 510841, SPIN: 5145-1286*

Abstract. *The purpose of the research is to develop a conceptual approach to the organizational and economic mechanism of the greening of the mineral resource complex.*

The methodological basis of the research is the basic provisions for the analysis of theoretical approaches to the concept of organizational and economic mechanism and principles of greening. The article uses such scientific methods as generalization and deduction, analysis, synthesis.

Research result. *The fundamental foundations of the organizational and economic mechanism for ensuring the process of greening of the mineral resource complex have been clarified and the concept of the organizational and economic mechanism of greening for companies in the mineral resource sector has been developed.*

The prospects of the research are the development of methodological approaches to assessing the effectiveness of greening programs in the mineral resource complex on the basis of the developed conceptual approach.

Keywords: *organizational and economic mechanism, greening, sustainable development, mineral resource sector companies*

For citation: *Zakondyrin A. E. Fundamentals of the Organizational and Economic Mechanism of Greening of the Mineral Resource Complex // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(3): 169–178. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-169-178>.*

Введение. Научно-обоснованные подходы к обеспечению интенсивных процессов экологизации отечественной промышленности и в минерально-сырьевом комплексе (МСК) в частности позволят обеспечить устойчивое развитие и повысить конкурентоспособность добывающих компаний в условиях глобальной трансформации мирового хозяйства и энергетики, а также процессов, сопутствующих формированию «зеленой экономики».

Согласно определению Н.Ф. Реймерса, «экологизация — процесс неуклонного и последовательного внедрения систем технологических, управленческих и других решений, позволяющих повышать эффективность использования естественных ресурсов и условий наряду с улучшением или хотя бы сохранением качества природной среды (или вообще среды жизни) на локальном, региональном и глобальном уровнях» [12, с. 586].

В зарубежной практике процесс экологизации экономики тесно связан с такими понятиями, как «зеленый рост» и «зеленая экономика». Обозначенные термины давно вошли в употребление, став основой многих международных документов и программ¹.

Важно отметить, что концепции «зеленой экономики» и устойчивого развития не являются взаимозаменяемыми. «Зеленая экономика» — это лишь составная часть устойчивого развития, которая дополняет направление устойчивого экономического роста.

На настоящее время растет значимость принципов концепции устойчивого развития и подчеркивается важность обеспечения охраны окружающей среды. Вышеуказанные тенденции определяют степень изменения темпов экономического роста, однако далеко не все предприятия минерально-сырьевого комплекса стремятся перейти на экологоориентированный тип развития. Известно, что внедрение новых технологий и производственных схем сопряжено с повышением капитальных и эксплуатационных затрат. Принимая во внимание факт «неявности» эффектов (прежде всего, экономических), возникающих при реализации экологических мероприятий и переходе к «чистым» производствам (особенно на первых этапах), поднимается вопрос о необходимости создания определенных стимулов для компаний и организаций, работающих в отраслях промышленности, для обеспечения баланса интересов государства и бизнеса [6].

¹ Бобылев С.Н., Соловьева С.В. Методические подходы к разработке эколого-экономического индекса регионов РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://wwf.ru/upload/iblock/dc8/index.pdf> (дата обращения: 15.05.2022).

При этом МСК является важнейшей составляющей экономического развития национальной экономики России, интенсификация которого в условиях прогресса науки и техники влечет за собой неизбежное увеличение потребления полезных ископаемых [1].

По мере расширения масштабов развития сектора добычи и переработки полезных ископаемых планомерно повышается и уровень техногенного воздействия на окружающую среду. Горнодобывающие предприятия отнесены к потенциально опасным объектам, ввиду чего данная промышленная деятельность является одновременно источником экологических опасностей для окружающей среды и человека, несмотря на очевидные преимущества развития МСК для блага развития промышленности и повышения соответственно качества жизни общества.

В настоящее время важность повышения эколого-сбалансированности в развитии отечественного минерально-сырьевого комплекса представляется очевидной благодаря необходимости перехода от экстенсивного использования природного потенциала к интенсивному развитию МСК с учетом социальных и экологических аспектов [14; 15], поэтому для особенностей МСК активизация процесса экологизации должна сопровождаться использованием набора определенных правил и процедур, управленческих воздействий со стороны государства.

В этой связи авторам представляется важным сформировать концептуальный подход к организационно-экономическому механизму (ОЭМ), который должен включать комплекс различных методов и инструментов, направленных на стимулирование компаний, взаимодействие стейкхолдеров, регулирующие воздействие и системы контроля, методы экономической оценки, и способствующих в совокупности к масштабному внедрению наилучших доступных технологий (НДТ).

Таким образом, цель исследования заключается в разработке концептуального подхода к формированию организационно-экономического механизма экологизации в условиях специфики минерально-сырьевого комплекса.

Основной исследовательский вопрос состоит в возможности представить организационно-экономический механизм экологиза-

ции как синтез онтологии управления сложными промышленно-сырьевыми системами через теоретические, методологические, практико-ориентированные блоки.

Целесообразно выделить следующие задачи исследования:

— обоснование понятий «экономический механизм» и «организационно-экономический механизм»;

— уточнение фундаментальных основ организационно-экономического механизма обеспечения процесса экологизации минерально-сырьевого комплекса;

— разработка концептуального подхода к формированию и реализации организационно-экономического механизма экологизации и его графическое представление.

Методика. В исследовании использовались методы обобщения как логической операции для группы определений в части понятия организационно-экономического механизма. Осуществлялся литературный поиск данного понятия, в результате сформировалось определение, характерное для организационно-экономического механизма экологизации в специфическом отраслевом сегменте, каким является минерально-сырьевой комплекс, тем самым было сформировано новое понятие применительно к объекту исследования. Также в совокупности с обобщением применялся метод дедукции, который характеризуется движением доказательного мышления от общего к частному. Таким образом, автор вывел частное определение из общих закономерностей, свойственных понятию «организационно-экономический механизм».

Метод синтеза, применяемый в исследовании, сводится к представлению исследуемого организационно-экономического механизма как целого, состоящего из определенных логически выделенных составных частей. То есть, по сути, актуальные направления экологизации МСК, целеполагание, существующие отраслевые проблемы, методологическая основа, программно-целевой подход и технологии управления сведены в целостную систему в рамках разработанной концепции организационно-экономического механизма. В исследовании выполнялось системное сведение важнейших частей онто-

логии управления сложными промышленными системами к единому целому.

Результаты. Часто понятие «механизм» в экономических научных исследованиях относится к системе управления. В контексте настоящего исследования можно говорить об управлении процессом экологизации в сложных многоуровневых системах, связанных с освоением и разработкой минерально-сырьевых ресурсов. В общем, по мнению автора, механизм можно представить, как совокупность процессов, взаимосвязей и состояний, влияющих на развитие конкретного субъекта управления. В данном случае экологизация представлена как процесс, оказывающий влияние на устойчивое функционирование минерально-сырьевого комплекса и обеспечивающий тренд эколого-эффективного и социально-ориентированного развития [3].

По мнению Дж.К. Лафта, механизм управления можно трактовать как совокупность конкретных методов, форм и средств воздействия на разных уровнях промышленной или социально-экономической системы [4].

Механизм управления как совокупность функций, методов, принципов, основ и инструментов влияния управляющей системы на управляемые подсистемы для реализации целей и задач деятельности системы — таким образом трактуется понятие «механизм» в работе О.В. Падалка [9].

Р.Л. Дафт считает, что под механизмом управления понимается совокупность определенных методов воздействия на человеческие ресурсы для достижения установленных организационных, стратегических или тактических целей и задач деятельности объекта управления [2]. Данная трактовка определяет важность понимания роли человеческих ресурсов. Однако необходимо подчеркнуть, что в этом определении, как и в перечисленных выше, абсолютно не отражен социально-экологический аспект.

Можно предположить, что организационно-экономическим механизмом является часть общего или экономического механизма, где важны методы и инструменты экономического стимулирования и взаимодействия в рамках системы.

В исследованиях Д.М. Магамедовой и А.Г. Рамазановой ОЭМ представлен как

комплекс методов и инструментов, способных регулировать отношения ключевых стейкхолдеров в рамках деятельности промышленных систем (а именно: поставщиков, потребителей и государственных структур) для достижения синергических эффектов и обеспечение их взаимодействия [7]. Для компаний минерально-сырьевого комплекса возрастает роль общественных организаций, включая экологические организации. Процессы добычи полезных ископаемых с влекущими Нарушениями ландшафта местности или загрязнением подземных вод вызывают серьезный общественный резонанс и сопротивление проектам освоения месторождений минерального сырья.

Е.С. Новоселова и Д.К. Шевченко трактуют ОЭМ как сложную систему отношений, разделяющуюся на элементы по принципу неоднородности и нетривиальности решаемых задач производственных систем [8].

ОЭМ целесообразно рассматривать как систему инструментов и методов, обеспечивающих самостоятельность в решении возникшей организационно-технической или управленческой проблемы, в том числе при взаимодействии с государственными органами управления. В рамках механизма представляется значимым широкомасштабно использовать функции регулирования и координации, что особенно важно в процессе экологизации отраслей минерально-сырьевого комплекса. При реализации ОЭМ возникает потребление различных ресурсов, отсюда появляется необходимость встраивать методический аппарат, позволяющий оценивать экономическую, социальную и экологическую эффективность.

По мнению А.И. Хисамовой, организационно-экономический механизм управления является сложной системой, интегрирующий комплекс мер различного рода организационно-управленческих воздействий и методов их оценки [13].

И.И. Коваленко и А.С. Соколицын определяют ОЭМ как обобщенную систему правил управленческого воздействия субъекта на объект с целью достижения перманентного устойчивого развития с использованием системы взаимосвязанных атрибутов управления. Также авторы отмечают необходимость использования определенных правил

ввода, преобразования и выхода ресурсов и результатов. Важно и эффективное использование прикладных функций и экономико-математических инструментов, технологий управления и сформированных практик [4]. Делая вывод по представленному определению, следует отметить: организационно-экономический механизм ставит своей целью обеспечение устойчивого развития, что в части процессов экологизации является фундаментальной основой.

Также необходимо подчеркнуть, что часто используется термин «экономический механизм», который, по сути, является большей и менее четко очерченной системой для решения технологических и экономических проблем объекта управления. Так, по мнению Т. Ю. Прокофьевой, ОЭМ является составной частью экономического механизма, где ясно представлены регулирующие функции всех элементов взаимодействия, то есть имеется совокупность элементов и инструментов, необходимых для старта и последующего обеспечения стабильного или сильно развивающегося процесса в рамках промышленных или социально-экономических систем [10].

По мнению А. Н. Пыткина и А. И. Хисамовой, организационно-экономический механизм управления включает совокупность элементов и их взаимодействие с использованием функций менеджмента и предполагает технологию его исполнения с помощью алгоритмов и методических рекомендаций (документов) [11].

Таким образом, концептуально процесс формирования и реализации организационно-экономического механизма обеспечения процесса экологизации МСК можно представить следующим образом.

1. Включает в себя совокупность элементов:

— субъект управления — государство в лице структур, отвечающих за промышленное развитие и рациональное использование природных ресурсов;

— объект управления — предприятия МСК;

— цель управления — достижение высоких показателей в части эффективности использования ресурсов (вода, энергия) и масштабного внедрения природоохранных технологий, включая НДТ;

— необходимые ресурсы материального, организационно-управленческого, технологического и финансового характера;

— научное обоснование и поддержка механизма (подходы и принципы управления, методики оценки экологизации);

— технология управления процессов экологизации (алгоритм, комплекс мер, методические рекомендации, контроль и мониторинг).

2. Реализует функции управления для целей устойчивого развития и формирования экономики «зеленой» направленности. Основные классические функции управления в рамках сложной промышленно-экологической системы, такие как анализ, прогнозирование, планирование, организация, мотивация, координация, а также мониторинг, контроль и регулирование.

3. Разрабатывается как программа (проект), ее содержание, методические подходы к оценке и алгоритмы реализации обосновываются через технологии управления.

4. Обеспечивает как процесс управления экологизацией МСК, так и процесс формирования обратной связи и налаживания саморегулирующих функций, спонтанно формирующихся систем (например, в координатах «горнодобывающая компания — общественная экологическая организация»).

На современном этапе наиболее остро стоит проблема привлечения инвестиционного капитала для внедрения и применения НДТ в отечественном промышленном секторе страны, а также повышения общей эффективности других разнообразных процессов, связанных с реализацией государственной природоохранной и промышленной политики в России. Принимая во внимание многогранность формируемых задач, для создания организационно-экономического механизма также требуется учесть и такие составляющие, как:

— информационная система (законодательная, нормативная база управления, информационно-аналитический базис для принятия управленческих решений, методические руководства и пр.);

— методы стимулирующего воздействия;

— методы оценки экономической эффективности внедрения НДТ.

Графически концепцию организационно-экономического механизма можно представить, как схему на рисунке 1.

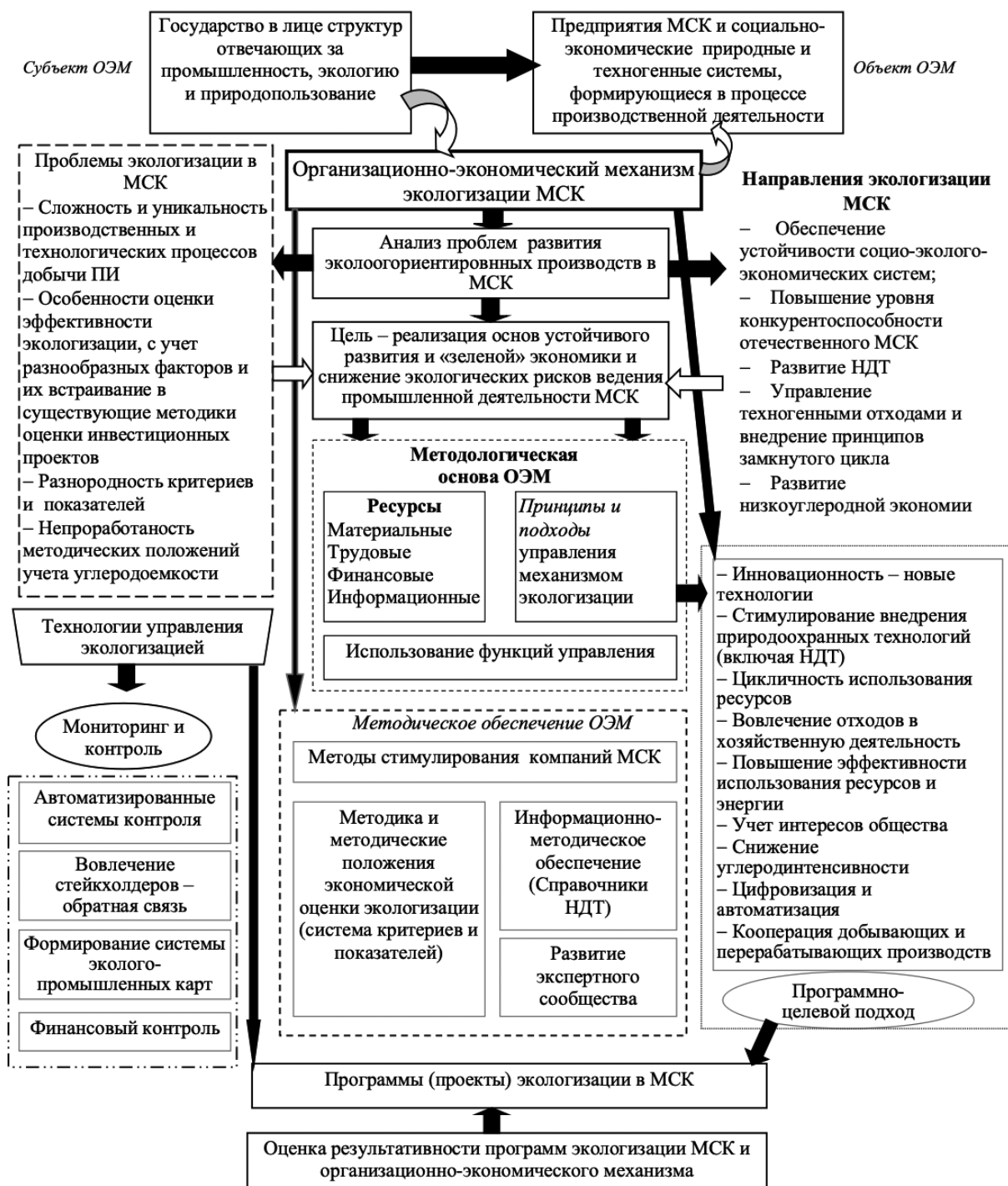

Рис. 1. Концептуальный подход формирования и реализации организационно-экономического механизма экологизации
Fig. 1. Conceptual approach to the formation and implementation of the organizational and economic mechanism of greening

Обсуждение. Важно рассматривать ОЭМ управления процессом экологизации в контексте соблюдения (обеспечения) принципов устойчивого развития. Такой подход требует детализации определенных аспектов и трендов современного эколого-сбалансированного развития промышленности, в частности компаний минерально-сырьевого сектора.

Важнейшими параметрами ОЭМ управления процессом экологизации являются его целостность и четко прослеживаемая взаимосвязь элементов, из которых он состоит. В рамках ОЭМ важно полноценно реализовывать управленческие функции. Перечень элементов, их содержание и характеристики должны отражать специфику субъекта и в большей степени объекта управления. Авторы допускают, что блоки и элементы ОЭМ могут дополняться и изменяться.

Для создания эффективного ОЭМ управления экологизацией необходимо четко понимать тенденции влияния процессов устойчивого развития и формирования «зеленой экономики» на разных ступенях промышленного производства и в обществе. Необходимо учитывать отраслевые особенности горного производства и перспективы развития сырьевых рынков в условиях переформатирования мировой экономики и наметившегося энергоперехода.

Таким образом, ОЭМ экологизации следует рассматривать как совокупность взаимосвязей, принципов, методов и инструментов управления природопользованием, определяющих экологическую промышленную политику. На интенсификацию или, наоборот, уменьшение темпов экологизации промышленности, а также на раскрытие потенциала эколого-сбалансированного развития влияет большое число внешних факторов, таких, например, как экологические ограничения рынка, нормативное и правовое регулирование, государственная промышленная и экологическая политика, уровень развития инфраструктуры, способной обеспечить внедрение природоохранных мероприятий. Также необходимо учитывать и внутренние факторы: ресурсный потенциал компаний МСК, уровень технологического развития и способность внедрения технологий НДТ, тип организационной структуры. Поэтому при формировании ОЭМ управления про-

цессом экологизации целесообразным представляется установить уровень воздействия вышеуказанных факторов.

Структуру ОЭМ можно считать сложной и требующей дополнений в зависимости от глобальных экономических изменений, поскольку она состоит из множества элементов, которые необходимо увязать между собой, например, множество методов обеспечения и оценки экологизации, а также технологий управления. При этом авторы полагают, что технологии управления должны ограничиваться не только автоматизированными системами контроля, целесообразно использовать широкий инструментарий экологического мониторинга.

Организационный аспект механизма — это результативное использование функций управления и программно-целевого подхода. Развитие федеральных экологических программ и их детализация — важное направление по развитию ОЭМ экологизации МСК.

Реализация предложенного механизма должна обеспечивать цели устойчивого развития, а также, что особенно важно для компаний минерально-сырьевого комплекса, необходимо добиваться рационального недропользования, уменьшения загрязнений грунтовых вод и минимизации нарушений природных ландшафтов, эффективного использования ресурсов, таких как энергия и вода. Также немаловажно вовлекать в промышленный оборот массовые скопления техногенных отходов.

Заключение. В рамках выполненного исследования предложены и обоснованы концептуальные основы организационно-экономического механизма экологизации минерально-сырьевого комплекса. Механизм включает субъект и объект воздействия, определена методологическая основа механизма, его методическое сопровождение и технологии управления.

Дальнейшее развитие механизма сопряжено с детализацией методики экономической и социальной оценки процессов экологизации и с введением специфических показателей, касающихся деятельности горнодобывающих компаний. Необходим детальный анализ компаний МСК, который выявит ключевые направления развития эколого-ориентирован-

ных производств в современных экономических реалиях, а планируемая к дальнейшей разработке специфическая для отрасли система показателей должна позволить оценить повышение уровня экологизации предприятий.

В ходе развития ОЭМ экологизации важно четко обосновать целесообразность использования программно-целевого подхода в рамках реализации основных направлений экологизации компаний горнодобывающего сектора. Представляется важным четко выделить отраслевые принципы программно-целевого управления как части технологии управления ОЭМ процесса экологизации компаний минерально-сырьевого комплекса, отражающих комплексность, легитимность, ресурсообеспеченность, альтернативность и адаптивность, контроль, интеграцию и вовлеченность, ответственность.

Список источников

1. Волков А. А., Сидоров А. В. О развитии минерально-сырьевого комплекса России // Вестник Российской Академии наук. 2015. №4(85). С. 351–358.
2. Дафт Р. Л. Уроки лидерства. М.: ЭКСМО, 2006. С. 122–124.
3. Дятлов А. В., Сажин П. В. Тенденции и перспективы изменения организационной культуры российского малого бизнеса // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. Т. 6. №6-2. С. 234–238.
4. Коваленко И. И., Соколицын А. С. Организационно-экономический механизм управления устойчивым развитием предприятия с учетом производственного риска // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2019. Т. 12. №6(12). С. 174–188.
5. Лафта Дж. К. Менеджмент. М.: ИНФРА-М, 2005. 592 с.
6. Лубский А. В., Альперович В. Д., Андреева Л. Ю. и др. Регионоведение // Юг России: краткий тематический словарь. Ростов н/Д, 2004. 696 с.
7. Магомедова Д. М., Рамазанова А. Г. Организационно-экономический механизм управления устойчивым развитием региональной электроэнергетики в условиях рыночных преобразований // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2011. №5. С. 135–140.

8. Новоселова Е. С., Шевченко Д. К. Роль и место стратегического управления в механизме управления предприятиями аква- и марикультуры // Научные труды Дальрыбвтуза. 2008. Т. 20. С. 334–340.

9. Падалка О. В. Формирование модели развития стратегически ориентированной организации. Германия: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 304 с.

10. Прокофьева Т. Ю. Соотношение понятий «экономический механизм» и «организационно-экономический механизм» // Вестник Московского финансово-юридического университета. 2017. №1. С. 21–26.

11. Пыткин А. Н., Хисамова А. И. Организационно-экономический механизм управления предприятиями энергетики: монография. Пермь: Пермский институт экономики и финансов, 2014. С. 208.

12. Реймерс Н. Ф. Природопользование. Словарь-справочник. М.: Мысль, 1990. 637 с.

13. Хисамова А. И. Оценка организационно-экономического механизма управления предприятием // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2015. №3(26). С. 92–103.

14. Череповицын А. Е. Инновационный подход к освоению минерально-сырьевого потенциала Арктической зоны РФ // Записки Горного института. 2018. Т. 232. С. 438–444.

15. Cherepovitsyn A. Sustainable development of oil and gas resources: A system of environmental, socio-economic, and innovation indicators // Journal of Marine Science and Engineering. 2021. Vol. 9. №11. 27 p.

References

1. Volkov A. A., Sidorov A. V. O razvitií mineral'no-syr'evogo kompleksa Rossii [On the development of the mineral resource complex of Russia]. *Vestnik Rossijskoj Akademii nauk [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]*. 2015; 4(85): 351–358. (In Russ.).
2. Daft R. L. Uroki liderstva [Leadership lessons]. Moscow: JeKSMO, 2006. P. 122–124. (In Russ.).
3. Djatlov A. V., Sazhin P. V. Tendencii i perspektivy izmenenija organizacionnoj kultury rossijskogo malogo biznesa [Trends and prospects of changing the organizational culture of Russian small business]. *Istoricheskaja i*

social'no-obrazovatel'naja mysl' [Historical and socio-educational thought]. 2014; 6(6-2): 234–238. (In Russ.).

4. Kovalenko I. I., Sokolicyn A. S. Organizacionno-jekonomicheskij mehanizm upravlenija ustojchivym razvitiem predpriyatija s uchetom proizvodstvennogo riska [Organizational and economic mechanism for managing sustainable development of an enterprise taking into account production risk]. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU* [Scientific and Technical Bulletin of SPbPU]. Jekonomicheskie nauki. 2019; 12(6(12)): 174–188. (In Russ.).

5. Lafta Dzh. K. Menedzhment [Management]. Moscow: INFRA-M, 2005. 592 p. (In Russ.).

6. Lubskij A. V., Al'perovich V. D., Andreeva L. Ju. i dr. Regionovedenie [Regional studies]. Jug Rossii: kratkij tematiceskij slovar' [South of Russia: a short thematic dictionary]. Rostov-on-Don, 2004. 696 p. (In Russ.).

7. Magomedova D. M., Ramazanova A. G. Organizacionno-jekonomicheskij mehanizm upravlenija ustojchivym razvitiem regional'noj jelektrojenergetiki v uslovijah rynochnyh preobrazovanij [Organizational and economic mechanism of management of sustainable development of regional electric power industry in conditions of market transformations]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 3: Obshhestvennye nauki* [Bulletin of Dagestan State University. Series 3: Social Sciences]. 2011; (5): 135–140. (In Russ.).

8. Novoselova E. S., Shevchenko D. K. Rol' i mesto strategicheskogo upravlenija v mehanizme upravlenija predpriyatijami akva- i marikul'tury [The role and place of strategic management in the management mechanism of aqua and mariculture enterprises]. *Nauchnye trudy Dal'rybvtuza* [Scientific works of Dalrybv-tuz]. 2008; (20): 334–340. (In Russ.).

9. Padalka O. V. Formirovanie modeli razvitiya strategicheski orientirovannoj organizacii [Formation of a development model of a strate-

gically oriented organization]. Germany: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 304 p. (In Russ.).

10. Prokof'eva T. Ju. Sootnoshenie ponjatij «jekonomicheskij mehanizm» i «organizacionno-jekonomicheskij mehanizm» [Correlation of the concepts of «economic mechanism» and «organizational and economic mechanism»]. *Vestnik Moskovskogo finansovo-juridicheskogo universiteta* [Bulletin of the Moscow University of Finance and Law]. 2017; (1): 21–26. (In Russ.).

11. Pytkin A. N., Hisamova A. I. Organizacionno-jekonomicheskij mehanizm upravlenija predpriyatijami jenergetiki: monografija [Organizational and economic mechanism of management of energy enterprises: monograph]. Perm': Permskij institut jekonomiki i finansov, 2014. P. 208. (In Russ.).

12. Rejmers N. F. Prirodopol'zovanie. Slovar'-spravochnik [Nature management. Dictionary-reference book]. Moscow: Mysl', 1990. 637 p. (In Russ.).

13. Hisamova A. I. Ocenka organizacionno-jekonomicheskogo mehanizma upravlenija predpriyatijem [Assessment of the organizational and economic mechanism of enterprise management]. *Vestnik Permskogo universiteta. Serija: Jekonomika* [Bulletin of Perm University. Series: Economics]. 2015; 3(26): 92–103. (In Russ.).

14. Cherepovicyn A. E. Innovacionnyj podhod k osvoeniju mineral'no-syr'evogo potenciala Arkticheskoy zony RF [An innovative approach to the development of the mineral resource potential of the Arctic zone of the Russian Federation]. *Zapiski Gornogo instituta* [Notes of the Mining Institute]. 2018; (232): 438–444. (In Russ.).

15. Cherepovitsyn A. Sustainable development of oil and gas resources: A system of environmental, socio-economic, and innovation indicators // Journal of Marine Science and Engineering. 2021. Vol. 9. №11. 27 p.

Статья поступила в редакцию 21.05.2022; одобрена после рецензирования 15.06.2022; принята к публикации 18.06.2022.

The article was submitted on 21.05.2022; approved after reviewing on 15.06.2022; accepted for publication on 18.06.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Закондырин Александр Евгеньевич — кандидат юридических наук, генеральный директор Ассоциации разработчиков природоохранных технологий и экологических инициатив. Область научных интересов: экологизация экономики, экологическая промышленная политика, наилучшие доступные технологии, экономико-правовые основы промышленного развития.

Россия, г. Москва. 3-й Монетчиковский пер., 11, стр. 1

Alexander E. Zakondyrin — Candidate of Juridical Sciences, The Chief executive officer of Developers of Environmental Technologies and Environmental Initiatives. Research interests: ecologization of the economy, environmental industrial policy, best available technologies, economic and legal framework of industrial development.

3rd Monetchikovskiy ln., 11, bld. 1, Moscow, Russia

Научная статья
УДК 339.9
DOI: 10.17213/2075-2067-2022-3-179-187

ФОРМИРОВАНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО СПРОСА КАК ЭЛЕМЕНТ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ ПРИ СОЗДАНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Людмила Петровна Клеева

Институт проблем развития науки РАН, Москва, Россия
Высшая школа корпоративного управления Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия
lucy45@yandex.ru, AuthorID РИНЦ: 492921

Аннотация. *Цель исследования* — выявление роли формирования потребительского спроса как элемента целеполагания при создании стратегии социально-экономического развития региона.

Методологическую базу исследования представляют базисные положения теории макроэкономической устойчивости концепции устойчивого развития. К используемым научным методам относятся системный, сравнительный и причинно-следственный анализ.

Результаты исследования. В статье рассматривается важность обеспечения роста благосостояния населения при формировании и реализации стратегий социально-экономического развития регионов, в том числе регулирования спроса населения на способствующие росту благосостояния населения товары и ограничение спроса на вредные товары, формирование спроса на инновационные товары. Выводы основываются на опыте автора по формированию стратегий социально-экономического развития Иркутской и Костромской областей, Забайкальского края, а также Кызылординской области Республики Казахстан.

Перспективы исследования. Полученные результаты могут использоваться в дальнейших работах по формированию стратегий социально-экономического развития регионов Российской Федерации, в частности при конкретизации целеполагания как ключевого элемента создания таких стратегий. К аналогичным элементам целеполагания отнесены достижение стабильного развития на основе системы макроэкономических показателей на базе принципа Парето-эффективности, достижение безопасности населения региона.

Ключевые слова: формирование потребительского спроса населения, вредные товары, инновационные товары

Для цитирования: Клеева Л. П. Формирование потребительского спроса как элемент целеполагания при создании региональной стратегии социально-экономического развития // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 3. С. 179–187. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-179-187>.

Original article

FEATURES OF GOAL-SETTING IN THE FORMATION OF A REGIONAL STRATEGY FOR SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT

Lyudmila P. Kleeva

*Institute for the Study of Science, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Higher School of Corporate Governance of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
lucy45@yandex.ru, AuthorID RSCI: 492921*

Abstract. *The purpose of the study is to identify the role of the formation of consumer demand as an element of goal-setting in the formation of a strategy for the socio-economic development of the region.*

The methodological basis of the study is represented by the basic provisions of the theory of macroeconomic stability of the concept of sustainable development. The scientific methods used include systemic, comparative and cause-and-effect analysis.

Results of the study. *The article discusses the importance of ensuring the growth of the well-being of the population in the formation and implementation of strategies for the socio-economic development of the regions, including the regulation of the population's demand for goods that contribute to the growth of the well-being of the population and limiting the demand for harmful goods, the formation of demand for innovative goods. The conclusions are based on the author's experience in the formation of strategies for the socio-economic development of the Irkutsk and Kostroma regions, the Trans-Baikal Territory, as well as the Kyzylorda region of the Republic of Kazakhstan.*

Prospects of the study. *The results obtained can be used in further work on the formation of strategies for the socio-economic development of the regions of the Russian Federation, in particular in the specification of goal-setting, as a key element in the creation of such strategies. Similar elements of goal-setting include the achievement of stable development on the basis of a system of macroeconomic indicators based on the Pareto-efficiency principle, the achievement of security of the population of the region.*

Keywords: *formation of consumer demand of the population, harmful goods, innovative goods*

For citation: *Kleeva L. P. Features of goal-setting in the formation of a regional strategy for socio-economic development // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(3): 179–187. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-179-187>.*

Введение. В составе коллективов под руководством академика РАН Абега Гезевича Аганбегяна автор неоднократно принимала участие в формировании стратегий развития регионов России (Иркутской и Костромской областей, Забайкальского края), а также Кызылординской области Республики Казахстан [1–10]. Ключевым элементом построения стратегии регионального развития было признано формирование целей такого развития

[9], к которым в частности отнесены проблемы благосостояния населения.

К сожалению, в полной мере сформированная нами стратегия была внедрена только в Кызылординской области Республики Казахстан, что дало существенный импульс социально-экономическому развитию региона. Однако знакомство с практикуемыми в регионах подходами стратегического управления позволило выявить ряд некорректностей

формируемых стратегий, некоторым из которых посвящена данная статья.

1. Концентрация внимания на наиболее острых проблемах региона. Как показывает опыт создания и реализации региональных стратегий, в их основу обычно ставятся задачи преодоления наиболее острых проблем региона, к которым могут быть отнесены недостаточное развитие социальной сферы, транспортная недоступность части территории, низкие доходы населения или наполняемость бюджета и т.п. В разные периоды наиболее острыми признаются конкретные проблемы, на которых фокусируется внимание, затем наиболее острыми признаются другие проблемы, в результате чего социально-экономическое развитие региона происходит по заведомо неэффективной траектории.

Предположим, в регионе три основные проблемы (разумеется, в реальности их гораздо больше, но это не принципиально с точки зрения подхода): транспортная недоступность большей части территории, недостаточное развитие системы здравоохранения и нехватка дошкольных учреждений (образовательных и без образовательных программ). При этом величина бюджета, разумеется, ограничена.

На первом этапе самой острой проблемой региона признается транспортная недоступность части территорий, соответственно, значимая часть бюджета идет развитие транспортной инфраструктуры. При ограниченных средствах это может происходить в ущерб развитию социальной сферы (в том числе здравоохранения и детских дошкольных заведений), и тогда оно приведет к ухудшению медицинского обслуживания населения и, как следствие, здоровья населения, а также дополнительному отвлечению от трудовой деятельности родителей маленьких детей. И то, и другое ухудшит производственную деятельность всего региона, в том числе и ранее труднодоступных территорий.

Поэтому на втором этапе руководство принимает решение сосредоточиться на развитии здравоохранения, средства в ущерб другим сферам направляются преимущественно на его развитие. Через некоторое время окажется, что этому развитию препятствует транспортная недоступность ряда территорий, невозможность направлять оттуда в го-

рода тяжелобольных, а также отвлечение ряда работников сферы по причине отсутствия дошкольных учреждений.

Таким образом, на третьем этапе препятствием социально-экономическому развитию региона становится отсутствие детских садов, от чего страдают развитие и здравоохранения, и транспортной инфраструктуры.

В результате средства тратятся непродуктивно, и траектория развития региона колеблется вместе с изменением принимаемых решений. Эффективнее было бы, если с самого начала эта траектория была бы более гладкой, а траты — сбалансированными. Иными словами, важно с самого начала сформировать баланс между решением разных задач, сформировать эффективную траекторию долгосрочного социально-экономического развития и придерживаться ее.

2. Невозможность оценки социально-экономического развития региона на основе одного макроэкономического показателя. Часто используется подход определения уровня социально-экономического развития с помощью небольшого количества макроэкономических показателей [9]: валового регионального продукта (ВРП) в расчете на душу населения, уровня жизни населения и его обеспеченности товарами и услугами, повышения конкурентоспособности страны (региона), а также роста вклад региона в развитие народного хозяйства страны. Отметим, что оценка вклада региона предполагает учет не только доли его ВРП в ВВП страны, но и его конкретного вклада: промышленного, высокотехнологического, образовательного, сельскохозяйственного и т.п.

Если оценивать социально-экономическое развитие региона величиной показателя ВРП на душу населения, есть риск заметного развития производства товаров и услуг, не пользующихся спросом (как в позднем СССР), и за неимением других, покупаемых по бросовой цене. Иными словами, с помощью этого показателя нельзя оценить социальное развитие региона.

Показатели уровня жизни населения включают в себя индекс социального развития (ВРП на душу населения, показатели образования и средней продолжительности жизни), реальные располагаемые доходы

на душу населения, обеспеченность комфортным жильём, ожидаемую среднюю продолжительность жизни, качество здравоохранения, сальдо миграционного прироста. При их использовании нужно иметь в виду, что образование представляет собой безусловное благо при его соответствии способностям человека и потребности общества в данной специальности, в противном случае затраты на него не окупаются. Показатель ожидаемой продолжительности жизни нужно дополнить показателем продолжительности здоровой жизни, а также уровнем удовлетворенности, в том числе и собственной реализованностью, чтобы эта длительная жизнь не была в тягость.

Величина реальных располагаемых доходов на душу населения должна дополняться возможностью их эффективного его использования, то есть реального наполнения товарами и услугами, развитием социальной инфраструктуры и т.п., в первую очередь социальной (школ, детских садов, институтов, предприятий общественного питания, организаций культуры и досуга). Обеспеченность комфортным жильём тоже может быть элиминирована дорогими и некачественными услугами ЖКХ, инфляцией и т.п. Качество здравоохранения должно быть дополнено его доступностью, а обеспеченность населения товарами и услугами не отражает покупательной способности населения. Конкурентоспособность региона может достигаться демпингованием и продажей товаров в ущерб своему населению и т.п.

Таким образом, требование сбалансированности социально-экономического развития должно дополняться использованием при ее обеспечении системы показателей при признании нежелательным снижения любого из них.

3. Безопасность населения как основа благосостояния. Первое и необходимое условие обеспечение благосостояния — гарантия жизни людей. Вследствие драматической истории России среди ее населения считается, что первейшей основой благосостояния является отсутствие войны, поэтому важнейшим условием обеспечения благосостояния страны и ее регионов является ее высокая обороноспособность, особенно это касается приграничных регионов.

Уровень обороноспособности должен постоянно поддерживаться, что требует развития оборонной науки, разработки новых видов вооружений. Это требует от регионов поддержки оборонных научных комплексов. Также следует учитывать конверсионные возможности оборонной науки как часть вклада в благосостояние населения региона.

Достижения оборонной науки должны быть максимально эффективно воплощены в военных технологиях, что в силу затратности последних, гораздо большей, чем затратность военной науки, также представляет собой нетривиальную задачу для оборонной промышленности, в чем руководство регионов должно ее поддерживать. Кроме этого, современное вооружение требует высокого уровня подготовки военнослужащих, что ставит перед руководством регионов задачи не только подготовки квалифицированных военных, но и обеспечения общего уровня образования в регионе.

Для оборонного сектора особую важность имеет обеспечение конфиденциальности своих достижений, что в современных условиях означает создание отечественного информационно-коммуникационного оборудования. Соответственно, регионы должны способствовать развитию и совершенствованию информационно-коммуникационных технологий.

Также необходимо обеспечивать безопасность населения от преступных элементов. Здесь следует задействовать законодательство и практику его применения. В современных условиях важнейшим элементом безопасности населения региона является безопасность населения от произвола силовиков и бюрократов, который, впрочем, для России характерен. Поэтому наличие у населения возможностей отстаивания своих прав следует считать важнейшим элементом безопасности.

Кроме того, важнейшими видами безопасности населения следует считать экономическую в первую очередь, продовольственную безопасность, а также производство в стране качественных непродовольственных товаров народного потребления, строительство дорог, жилья, социальной инфраструктуры, разработки собственного программного обеспечения коммуникационного и цифрово-

го оборудования, других товаров, обеспечивающих комфортную жизнь россиян.

Это предполагает безопасность предпринимательства, демонтаж препятствующих предпринимательству барьеров, его обеспечение сырьем, необходимым оборудованием, полуфабрикатами, доступными денежными ресурсами, квалифицированными работниками и всеми элементами производственного процесса, поддержку эффективной конкуренции на внутреннем и мировом рынках на основе инновационной деятельности.

Поэтому важной составной частью безопасности предпринимательства является инновационная безопасность, хотя в современной экономике России у предпринимателей отсутствует потребность в инновациях. Но, если ситуация изменится, потребуется поддержка инноваций, в чем органы регионального управления призваны играть значимую роль.

Понятие безопасности населения и общества в целом также включает в себя научно-технологическую, культурную безопасность, идеологическую и информационную безопасность.

4. Регулирование потребительского спроса. Важнейшим фактором роста благосостояния населения является обеспечение денежных доходов товарами и услугами (показатели розничного товарооборота, обеспеченность товарами первой необходимости, доступность товаров и услуг) [9]. Однако спрос населения на любые товары должен регулироваться и мониториться с целью оказания на него влияния.

Общеизвестно, что спрос на любые товары, удовлетворяющие физические потребности людей, не может расти неограниченно. Конечно, для нормальной жизни необходимы продукты питания, одежда, товары длительного пользования, недвижимость, мебель, услуги медицины, косметологии и т.п. Однако любой из перечисленных товаров и услуг нужен человеку в определенном количестве. Избыток продуктов питания приносит проблемы со здоровьем, хотя и стимулирует потребление услуг медицины. Слишком много недвижимости создает проблемы по ее поддержанию и охране. Излишек одежды и товаров длительного пользования, как мшело-

имство, калечит человека и его жизнь. К сожалению, сегодня поражают примеры того, к чему приводит злоупотребление услугами медицины и косметологии.

То же можно сказать и об удовлетворении духовных потребностей. Мы не можем прочитать больше определенного количества книг, получая от них удовольствие или пользу, ходить по три раза в день в кино, театр, цирк, консерваторию, галереи. И от духовных ценностей возникает пресыщение, не менее опасное, чем от физических. Если вторые несут в себе опасность для физического здоровья, то первые — не меньшую опасность для психического, хотя также стимулируют спрос на медицинские услуги.

Возможно, только потребность в познании высшего не ограничена.

Иными словами, все, что хорошо, хорошо в меру. Однако есть продукты, про которые нельзя сказать «хорошо». С потреблением таких продуктов государству следует бороться. В первую очередь это касается запрещенных законодательством товаров и услуг, вредящих населению и обществу в целом: наркотиков, порнографии, проституции, преступности, оружия (наносящие вред физическому здоровью), пропаганды насилия, вредных ценностей, суицида, работы сект (наносящие вред и физическому, и психическому здоровью). Перечисленные продукты нужно отнести к вредящим здоровью населения.

К вредящим развитию общества следует отнести пропаганду терроризма, культы оружия, способствующих развалу общества ценностей, экстремизм и прочее, а также услуги по распространению всего перечисленного и обучению физического и политического терроризма. Все эти виды деятельности перечислены в законодательстве, и с ними нужно всячески бороться, не оставляя в стороне и тех, кто способствует распространению таких явлений и покрывает их.

Это — борьба с предложением нежелательных для населения и общества товаров и услуг. Но нужно также бороться и со спросом на них, с одной стороны, вводя санкции за их потребление: всем памятна итоги жесткой борьбы с наркотиками в СССР. С другой стороны, необходимо всячески пропагандировать отказ от потребления подобных товаров и услуг. Здесь стратегическое планирова-

ние должно быть основано на тесном контакте с правоохранительными органами.

5. Стимулирование спроса на позитивные с точки зрения благосостояния населения товары. Другим аспектом формирования спроса населения является создание и стимулирование спроса на товары, потребление которых способно позитивно отразиться на развитии общества и благосостоянии населения. Это, в первую очередь, товары, поддерживающие здоровье нации. К ним могут быть отнесены диетические продукты: качественные овощи, фрукты, молоко и молочные изделия, соки, мясо, рыба и морепродукты, крупы и еще целый ряд продуктов, потребление которых полезно для здоровья населения. К этой категории следует отнести и товары, способствующие более активному поведению современных людей, страдающих гиподинамией: лыжи, коньки, механические самокаты и велосипеды, спортивный инвентарь, палки для финской ходьбы, туристический и рыболовный инвентарь и т.п.

К продуктам, поддерживающим здоровье населения, следует также отнести сферы, способствующие более активному и эффективному потреблению таких продуктов: диетические столовые, кафе и рестораны, кулинарии и специальные магазины по продаже товаров, призванных улучшать здоровье населения. К таким продуктам также следует отнести и услуги рекреационного комплекса, в которые входят санатории, дома отдыха, кемпинги, пансионаты, а также все виды туризма: пеший, велосипедный, автотуризм, экологический, зарубежный туризм, рыбалки, сбор лекарственных растений, грибов, ягод и прочих дикоросов, фитнес-центры и многое другое.

При формировании стратегии развития страны необходимо всячески стимулировать производство и рекламу таких товаров и услуг, создавать для их производителей льготные условия, поощрять их деятельность. И средства массовой информации необходимо стимулировать вести пропаганду потребления способных поддерживать здоровье населения товаров и услуг.

Также следует формировать сферу товаров и услуг, способствующих выработке у населения навыков, полезных для обще-

ства. В нашей стране существует опыт создания систем (например, «Готов к Труд и Обороне») и обществ (например, гражданской обороны), способных готовить население к возможным ситуациям, в которых им нужно будет проявить специфические навыки, как ворошиловские стрелки и значкисты ГТО были подготовлены к участию в Великой Отечественной войне, а общества гражданской обороны готовили население к поведению в возможных ситуациях ядерного, газового и других видов нападения на нашу страну. Необходимо обсудить, какие навыки населения были бы полезны для нашего общества в современных условиях, возможно, защиты от мошенничества и хакерских атак.

Полезными для здоровья населения следует считать и продукты, потребление которых повышает интеллектуальный уровень населения: курсы обучения компьютерной грамоте, языковые курсы, музейные и экскурсионные программы. Такого рода услуги отвлекают от вредных привычек и способствуют поддержанию в тонусе пожилого населения, для которого особенно важно сохранять активный образ жизни, в том числе интеллектуальный. Добавим к этому перечню разные интеллектуальные конкурсы типа «Что? Где? Когда?», а также распространение кроссвордов и других ментальных разминок и проч. К этой группе продуктов тесно примыкают товары и услуги по организации досуга (обучение рисованию, музыке, кройке и шитью, вязанию, кулинарии и кружки по интересам: хоровые, танцевальные, театральные, музыкальные и т.п.).

Перечисленные виды товаров и услуг следует считать способствующими повышению здоровья населения и улучшению климата в обществе и микроклимата в его ячейках. Государству стоит выработать систему мер по стимулированию развития предприятий соответствующих сфер экономики, их поддержки, пропаганде потребления производимых ими продуктов.

6. Формирование спроса на инновационные товары. Еще один аспект воздействия государства на формирование спроса населения состоит в стимулировании производства и рекламе инновационных товаров. Возникновение инновационных товаров часто при-

водит к появлению качественно иного спроса со стороны населения, что через некоторое время влечет за собой изменение жизненных реалий. Например, возникновение телефонной связи развивалось медленно, почти в течение всего XX века, и первоначально приводило только к использованию более удобных и быстрых средств связи. С конца XX в. распространение сотовой связи вкупе с другими средствами коммуникаций полностью преобразовало образ жизни населения, приведя с собой не только повышение возможностей в работе, но и целую серию негативных последствий: телефонную игроманию, телефонное мошенничество, использование социальных сетей для пропаганды терроризма, подросткового суицида и даже сетевого убийства.

Другой негативной стороной инновационного процесса можно считать снижение возможностей человека. Приведем пример с пишущей машинкой. Сначала использовались механические машинки, их сменили электрические, переход к которым не был критическим, поскольку у части печатающего населения пропала необходимость тренировать руки на силу удара.

Затем печать текста перешла на клавиатуру компьютера, еще более мягкую, чем у электрических машинок, и первые же программы набора текста («Лексикон») стали сами формировать строку, в результате у печатающих пропало ощущение правого поля, то есть необходимости переноса и перехода на другую строку. И если ранее делать ошибки и опечатки было нельзя, поскольку их исправление сразу занимало время по замаске, а после вынимания листа из машинки ошибки можно было только заклеивать вырезанными из другого листа буквами. Внимательность при печати текста резко снизилась.

Далее программы проверки орфографии резко снизили требования по грамотности написания текста. А в современных средствах набора текстов программы сами меняют напечатанные слова, причем не всегда оправданно с точки зрения не только орфографии, но и смысла. Следующий этап — использование голосовых помощников, которые сами печатают текст по надиктованному материалу. Можно ожидать не только дальнейшее снижение грамотности населения, но и того,

что люди разучатся писать, а дети так и не научатся не только писать грамотно, но и писать вообще. Кстати, использование редакторских программ уже привело к тому, что в школе пропали каллиграфические прописи.

Для государства крайне необходимо оказывать влияние на этот процесс, чтобы он проходил в благоприятном для общества направлении и не приводил к потере населением важных навыков. Напомним, что развитие письма, каллиграфии и навыков грамотного письма являются важной частью интеллектуального уровня и психического здоровья населения.

У инновационного процесса есть еще одна сторона — отслеживание возникающих потребностей общества с целью стимулирования создания новых товаров. В конце XX в. всем была очевидна назревшая потребность в наличии доступной мобильной связи. Можно было стимулировать создание соответствующей отечественной техники, превосходящей зарубежные образцы, однако внутренний рынок был полностью захвачен зарубежными товарами. С точки зрения государства и общества это опасно, поскольку через зарубежные системы программного обеспечения это ставит под зарубежный контроль наше население.

В качестве позитивного примера реакции на появление новых потребностей приведем появление Wi-Fi в метро. Была потребность в мобильной связи — появились мобильные телефоны, которые быстро стали не только средством связи, но и новых видов общения через Вайбер и Ватсап и социальные сети. Время нахождения людей в телефонах сильно выросло, в разных учреждениях стали устанавливать Wi-Fi, черед пришел и за метро.

Однако остается проблема переключения внимания нашего населения с практически неограниченного использования мобильных телефонов, планшетов и прочих средств информационных коммуникаций.

Заключение. Эффективность стратегий социально-экономического развития регионов зависит от корректности целеполагания, которое в том числе должно обеспечивать рост благосостояния населения, оценивающееся с помощью системы показателей, и предполагает активную деятельность го-

сударства по регулированию спроса. К такой деятельности отнесем стимулирование спроса на способствующие росту благосостояния населения товары и ограничение спроса на вредные товары, формирование спроса на инновационные товары.

Список источников

1. Аганбегян А.Г. Демография и здравоохранение России на рубеже веков. М.: Издательский дом «Дело», РАНХиГС, 2016. 192 с.
2. Аганбегян А.Г. О приоритетах социальной политики. М.: Издательский дом «Дело», РАНХиГС, 2018. 512 с.
3. Аганбегян А.Г. Сбережение населения России под вопросом // Народнонаселение. 2018. Т. 21. №4. С. 4–13.
4. Аганбегян А.Г. Финансы, бюджет и банки в новой России. М.: Издательский дом «Дело», РАНХиГС, 2018. 400 с.
5. Аганбегян А.Г. Экономика России на распутье. Выбор посткризисного пространства. М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2010. 379 с.
6. Клеева Л.П. Роль научно-образовательных комплексов в развитии регионов // Журнал экономической теории. 2017. №3. С. 86–90.
7. Особенности развития региональных научно-инновационных систем (на примере России и Казахстана) / Отчет по НИР, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС на 2015 год. Руководитель Л.П. Клеева. М.: РАНХиГС, 2015. 217 с.
8. Условия и факторы преодоления депопуляции в России) / Отчет по НИР, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС на 2015 год. Руководитель А.Г. Аганбегян. М.: РАНХиГС, 2015. 178 с.
9. Целевая направленность и системный подход к разработке концепции стратегии развития региона / Отчет по НИР, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС на 2019 год. Руководитель А.Г. Аганбегян. М.: РАНХиГС, 2019. 188 с.
10. Человеческий капитал как источник социально-экономического развития в современных условиях / Отчет по НИР, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС на 2017 год. Руководитель А.Г. Аганбегян. М.: РАНХиГС, 2017. 262 с.

References

1. Aganbegjan A.G. Demografija i zdravooxranenie Rossii na rubezhe vekov [Demography and healthcare of Russia at the turn of the century]. Moscow: Izdatel'skij dom «Delo», RANHiGS, 2016. 192 p. (In Russ.).
2. Aganbegjan A. G. O prioritetah social'noj politiki [On the priorities of social policy]. Moscow: Izdatel'skij dom «Delo», RANHiGS, 2018. 512 p. (In Russ.).
3. Aganbegjan A. G. Sberezhenie naselenija Rossii pod voprosom [Saving the population of Russia under question]. *Narodonaselenie [Population]*. 2018; 21(4): 4–13. (In Russ.).
4. Aganbegjan A. G. Finansy, bjudzhet i banki v novej Rossii [Finance, budget and banks in the new Russia]. Moscow: Izdatel'skij dom «Delo», RANHiGS, 2018. 400 p. (In Russ.).
5. Aganbegjan A.G. Jekonomika Rossii na rasput'e. Vyor postkrisisnogo prostranstva [Russian economy at the crossroads. Choosing a post-crisis space]. Moscow: AST: Astrel'; Vladimir: VKT, 2010. 379 p. (In Russ.).
6. Kleeva L. P. Rol' nauchno-obrazovatel'nyh kompleksov v razvitii regionov [The role of scientific and educational complexes in the development of regions]. *Zhurnal jekonomicheskoi teorii [Journal of Economic Theory]*. 2017; (3): 86–90. (In Russ.).
7. Osobennosti razvitija regional'nyh nauchno-innovacionnyh sistem (na primere Rossii i Kazahstana) [Features of the development of regional scientific and innovative systems (on the example of Russia and Kazakhstan)]. Otchet po NIR, vypolnennoj v sootvetstvii s Gosudarstvennym zadaniem RANHiGS na 2015 god. Rukovoditel' L. P. Kleeva [A report on research carried out in accordance with the RANHiGS State Task for 2015. Head L. P. Kleeva]. Moscow: RANHiGS, 2015. 217 p. (In Russ.).
8. Uslovija i faktory preodolenija depopuljacji v Rossii) [Conditions and factors of overcoming depopulation in Russia)]. Otchet po NIR, vypolnennoj v sootvetstvii s Gosudarstvennym zadaniem RANHiGS na 2015 god. Rukovoditel' A. G. Aganbegjan [A report on research carried out in accordance with the RANHiGS State Task for 2015. Head A. G. Aganbegyan]. Moscow: RANHiGS, 2015. 178 p. (In Russ.).
9. Celevaja napravlennost' i sistemnyj podhod k razrabotke koncepcii strategii razvitija

regiona [Target orientation and systematic approach to the development of the concept of the regional development strategy]. Otchet po NIR, vypolnennoj v sootvetstvii s Gosudarstvennym zadaniem RANHiGS na 2019 god. Rukovoditel' A. G. Aganbegjan [A report on research carried out in accordance with the RANEPА State Task for 2019. Head A. G. Aganbegyan]. Moscow: RANHiGS, 2019. 188 p. (In Russ.).

10. Chelovecheskij kapital kak istochnik social'no-jekonomicheskogo razvitija v sovre-

mennyh uslovijah [Human capital as a source of socio-economic development in modern conditions]. Otchet po NIR, vypolnennoj v sootvetstvii s Gosudarstvennym zadaniem RANHiGS na 2017 god. Rukovoditel' A. G. Aganbegjan [A report on research carried out in accordance with the RANEPА State Task for 2017. Head A. G. Aganbegyan]. Moscow: RANHiGS, 2017. 262 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 21.03.2022; одобрена после рецензирования 05.04.2022; принята к публикации 18.04.2022.

The article was submitted on 21.03.2022; approved after reviewing on 05.04.2022; accepted for publication on 18.04.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Клеева Людмила Петровна — доктор экономических наук, профессор, заведующая сектором проблем интеграции науки и образования, Институт проблем развития науки РАН; профессор кафедры корпоративного управления, Высшая школа корпоративного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Россия, г. Москва, Нахимовский пр., 32

Lyudmila P. Kleeva — Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Sector of Problems of Integration of Science and Education, Institute for Study of Science of the Russian Academy of Sciences; Professor of the Department of Corporate Governance, Higher School of Corporate Governance of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

32 Nakhimovsky av., Moscow, Russia

Научная статья

УДК 332.3

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-3-188-196

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ МАЛЫХ ФОРМ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В АГРАРНОЙ СФЕРЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Елена Ивановна Сафронкина¹, Людмила Георгиевна Долматова²✉

^{1,2}Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт имени А.К. Кортунова (филиал),
Донской государственный аграрный университет, Новочеркасск, Россия

¹safronkina.lena@mail.ru, ORCID: 0000-0001-9452-8583, AuthorID РИНЦ: 430655

²dolmatoval1971@mail.ru✉, ORCID: 0000-0002-1825-0097, AuthorID РИНЦ: 440744

Аннотация. Цель исследования — анализ становления малых форм хозяйствования в России и выявление социально-экономических аспектов развития крестьянских (фермерских) и личных подсобных хозяйств в аграрной сфере общественного производства на современном этапе, представление статистических показателей, характеризующих производственную деятельность предприятий малых форм по отраслям аграрного сектора экономики за последние годы.

Методологическую базу исследования представляет система общих теоретических принципов решения современных проблем в экономической ситуации, влияющая на эффективность и результаты производства малых форм хозяйствования, на основе анализа исторического опыта. К используемым научным методам относятся историко-сравнительный, причинно-следственный и экономико-статистический анализ.

Результаты исследования. В результате анализа социально-экономических аспектов развития малых форм хозяйствования в аграрной сфере общественного производства и исторических моментов их развития было выявлено, что личные подсобные и крестьянские (фермерские) хозяйства реально могут составить организационно-экономический базис для формирования мощного сектора мелкотоварного производства. Несмотря на сокращение в последние годы числа малых сельскохозяйственных предприятий, результаты их производственной деятельности положительны. Фермеры имеют сильнейшую мотивацию на расширение производства, на модернизацию своих хозяйств и на освоение новых технологий. При всесторонней государственной поддержке это позволит не только обеспечить дальнейшее развитие всех малых форм, но и даст новый импульс развития, обеспечит положительную динамику всему сельскому хозяйству, откроет новые возможности для жителей сельских территорий.

Перспективы исследования заключаются в анализе развития крестьянских (фермерских) и личных подсобных хозяйств как малых форм хозяйствования в аграрной сфере общественного производства с целью выявления ряда причин, влияющих на эффективность их деятельности.

Ключевые слова: малые формы хозяйствования, крестьянские (фермерские) хозяйства, личные подсобные хозяйства, социально-экономические аспекты, количество, развитие, сельскохозяйственное производство, структура продукции

Для цитирования: Сафронкина Е.И., Долматова Л.Г. Социально-экономические аспекты развития малых форм хозяйствования в аграрной сфере общественного производства // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 3. С. 188–196. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-188-196>.

Original article

SOCIO-ECONOMIC ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF SMALL FORMS OF BUSINESS IN THE AGRARIAN SPHERE OF PUBLIC PRODUCTION

Elena I. Safronkina¹, Lyudmila G. Dolmatova²✉

^{1,2}*Novocherkassk Reclamation Engineering Institute named after A. K. Kortunov (branch),
Donskoy State Agrarian University, Novocherkassk, Russia*

¹*safronkina.lena@mail.ru, ORCID: 0000-0001-9452-8583, AuthorID RSCI: 430655*

²*dolmatoval1971@mail.ru✉, ORCID: 0000-0002-1825-0097, AuthorID RSCI: 440744*

Abstract. *The purpose of the research analysis of the formation of small forms of management in Russia and the identification of socio-economic aspects of the development of peasant (farm) and personal subsidiary plots in the agrarian sphere of social production at the present stage, statistical indicators are presented that characterize the production activities of small enterprises in the sectors of the agricultural sector of the economy in recent years.*

The methodological basis of the study is a system of general theoretical principles for solving modern problems in the economic situation, which affects the efficiency and results of the production of small forms of management, based on the analysis of historical experience. The scientific methods used include historical-comparative, causal and economic-statistical analysis.

Research results. As a result of the analysis of the socio-economic aspects of the development of small forms of management in the agrarian sphere of social production and the historical moments of their development, it was revealed that personal subsidiary and peasant (farmer) farms can actually form an organizational and economic basis for the formation of a powerful sector of small-scale production. Despite the reduction in recent years in the number of small agricultural enterprises, the results of their production activities are positive. Farmers have a strong motivation to expand production, to modernize their farms and to master new technologies. With comprehensive state support, this will not only ensure the further development of all small forms, but also give a new impetus to development, ensure positive dynamics for all agriculture, and open up new opportunities for residents of rural areas.

The prospects for the study are to analyze the development of peasant (farm) and personal subsidiary farms, as small forms of management in the agrarian sphere of social production, in order to identify a number of reasons that affect the efficiency of their activities.

Keywords: *small forms of management, peasant (farm) farms, personal subsidiary farms, socio-economic aspects, quantity, development, agricultural production, product structure*

For citation: *Safronkina E. I., Dolmatova L. G. Socio-economic aspects of the development of small forms of business in the agrarian sphere of public production // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(3): 188–196. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-188-196>.*

Введение. Анализ ретроспективы развития народного хозяйства нашей страны показывает, что на протяжении всего её исторического развития основу аграрной сферы общественного производства составляли именно малые формы хозяйствования. Среди большого их разнообразия лишь личные подсобные и крестьянские (фермерские) хозяйства (К (Ф) Х), имеющие продолжительный опыт функционирования, могут сегодня составлять конкуренцию другим малым формам сельхозпроизводства. Личные подсобные хозяйства (ЛПХ) по-прежнему вносят существенный вклад в валовое производство сельскохозяйственной продукции за счёт производства овощей, молока и мяса крупного рогатого скота, птицы и яиц. В сельских регионах с развитой фермерской инфраструктурой отмечается снижение миграционных процессов (переезд сельских жителей в город) и стабилизация социально-экономического потенциала населения. Увеличивается число рабочих мест и занятость сельского населения. В общем объёме производства основных видов продукции сельского хозяйства данные формы предприятий занимают почти половину (более 40%), что положительно сказывается на развитии отечественного аграрного хозяйства в условиях импортозамещения.

Результаты. В результате анализа социально-экономических аспектов развития малых форм хозяйствования в аграрной сфере общественного производства и исторических моментов их развития было выявлено, что личные подсобные и крестьянские (фермерские) хозяйства реально могут составить организационно-экономический базис для формирования мощного сектора мелкотоварного производства. Несмотря на сокращение в последние годы числа малых сельскохозяйственных предприятий, результаты их производственной деятельности положительны. Фермеры имеют сильнейшую мотивацию на расширение производства, на модернизацию своих хозяйств и на освоение новых технологий. При всесторонней государственной поддержке это позволит не только обеспечить дальнейшее развитие всех малых форм, но и даст новый импульс развития, обеспечит положительную динамику всему сельскому

хозяйству, откроет новые возможности для жителей сельских территорий.

Обсуждение. Крестьянская община как способ традиционной сельскохозяйственной кооперации своими корнями уходит в славянскую цивилизацию и на протяжении многих столетий демонстрирует свою самодостаточность. Попытки введения в начале XX века индивидуальных форм сельскохозяйственного производства и формирование единоличных крестьянских хозяйств не стали основным видом аграрного сектора ни тогда, ни сейчас. Всё это закрепило многофакторность и разноплановость малых форм сельскохозяйственных предприятий. Использование знаний предыдущих поколений непосредственным образом поможет приходиться к эффективному решению возникающих в аграрной сфере проблем и более чёткому пониманию направлений и перспектив их дальнейшего развития.

Личные подсобные хозяйства представляют собой традиционную, можно даже сказать, привычную форму хозяйствования для большинства жителей нашего государства, не только сельских поселений, в какой-то степени этот процесс распространяется и на городские агломерации. Попытки оценить их жизнеспособность и устойчивость до сих пор имеют дискуссионный характер. Отношение к данному виду сельхозпроизводства на различных этапах развития общественно-го процесса было также неоднозначным. Так, в период колхозного строительства, начиная с 1929 года, личные подсобные хозяйства полностью запрещались и их незаконное ведение преследовалось самими строгим образом. Однако, уже в феврале 1935 года с принятием нового Устава колхозов колхозникам было разрешено ведение подсобного хозяйства и продажа продуктов на рынке. Размеры приусадебной земли, находящейся в личном пользовании колхозного двора (не считая земли под жилыми постройками), могли колебаться от 1/4 до 1/2 га, а в отдельных районах — до 1 га в зависимости от областных и районных условий, устанавливаемых народными комиссариатами земледелия союзных республик на основе указаний Народного комиссариата земледелия Союза ССР [1]. По сути, крестьяне могли иметь в лич-

ном пользовании от 25 до 50 соток, если это не наносило ущерб общему делу. При доминировании коллективных хозяйств подобная ситуация сохранялась до 1980-х годов.

В период трансформации организационно-экономического механизма хозяйствования агропромышленного комплекса страны, начиная с 1990-х годов, актуализируется роль личных подсобных хозяйств, как, впрочем, и иных форм индивидуального сельскохозяйственного производства. Этот процесс в большей мере связан со структурными изменениями в существовавших тогда колхозах, приведшими к их распаду.

Сейчас в эволюционном развитии аграрного сектора личные подсобные хозяйства реально могут составить организационно-экономический базис для формирования мощного сектора мелкотоварного производства вследствие их развития до уровня семейных ферм. В перспективе также возможен процесс объединения части личных хозяйств в высокотоварные сельскохозяйственные кооперативы с использованием инфраструктуры обанкротившихся сельскохозяйственных предприятий и разорившихся фермеров. Но не исключен и другой путь социально-экономической пролификации — их реверсия на прежний «подсобный» уровень в условиях наращивания производства и роста конкурентоспособности со стороны других организационно-правовых форм хозяйствования в аграрной экономике.

Становление фермерства в нашей стране произошло относительно недавно. В начале прошлого столетия оно начинает непростую историю своего становления. Столыпинская аграрная реформа обнародовала свои основные положения ещё в 1906 году. В начальный период строительства социализма в России крестьянское хозяйство является доминирующим по производству сельскохозяйственной продукции и получает право на пожизненное владение и пользование землей. Средства производства находятся в частной собственности, что является основой единоличного крестьянского двора [2].

Крестьянское (фермерское) хозяйство как семейно-трудовое объединение, произ-

водящее сельскохозяйственную продукцию, стало возрождаться в конце XX века. Во многом этому способствовало принятие Закона РСФСР от 22 ноября 1990 года №348-1 «О крестьянском (фермерском) хозяйстве». Являясь малыми формами сельхозпроизводства, фермерские хозяйства существенно улучшают социально-экономическую жизнь села, создавая дополнительные рабочие места, содержат общественные пастбища и решая многие другие местные вопросы, активно выступая в качестве спонсоров. Они берут на себя значительную социальную нагрузку и становятся реальными партнерами государства по развитию сельских территорий.

В последние десятилетия усиливаются аспекты, существенным образом меняющие структуру аграрного производства в целом. Во-первых, это сокращение числа малых сельскохозяйственных предприятий. По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года, на территории РФ было зарегистрировано 136,7 тыс. фермерских хозяйств, а по итогам сельскохозяйственной микропереписи 2021 года, их численность составляла 102,4 тыс. Отмечено снижение количества фермерских хозяйств более чем на 25%.

Подобная тенденция отмечается и в личных подсобных хозяйствах. Если в 2016 году их число составляло 23,5 тыс., то в 2021 году — 16,6 тыс., что определило сокращение на 30%¹. Однако, подобная ситуация требует более глубокого осмысления и выявления определённых закономерностей трансформации аграрного сектора страны. По мнению президента Ассоциации крестьянских (фермерских) хозяйств и сельхозкооперативов России (АККОР) Владимира Плотникова, фермеры уходят в личные подсобные хозяйства, чтобы не отчитываться о реальных объёмах производимой продукции, снизить налоговую нагрузку и избежать многочисленных проверок. В свою очередь, личных подсобных хозяйств становится меньше из-за сокращения сельского населения, и в первую очередь старшего поколения, которое привыкло держать хозяйство [3]. Во-вторых, расширяется сфера влияния крупных

¹ Зерно Он-Лайн информагентство: Новости аграрного рынка [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zol.ru/n/35089> (дата обращения: 10.04.2022 г.).

агрохолдингов, которые становятся еще более масштабнее. Результат такой монополизации очевиден: возрастёт риск снижения качества продукции и диктата цен. Такие выводы можно сделать также из предварительных итогов в микросельхозпереписи 2021 года: в РФ насчитывается 56 крупнейших отечественных агрохолдингов².

Анализируя структуру продукции сельского хозяйства по отдельным категориям хозяйств, можно сказать, что крупные сельскохозяйственные предприятия, несомненно, занимают первое место и по сравнению с 2010 годом объёмы выпускаемой ими продукции увеличиваются. На втором месте находятся хозяйства населения, в которые входят личные подсобные хозяйства, хотя их доля с каждым годом уменьшается, а крестьянских хозяйств — увеличивается, несмотря на то, что процент в структуре продукции у них наименьший (рисунок 1)³.

Если провести анализ структуры производства основных продуктов растениеводства по категориям хозяйствующих субъектов, то в данном случае ситуация несколько иная.

По производству зерна, семян подсолнечника и сахарной свеклы за десятилетний период с 2010 года и по 2020 год лидируют крупные предприятия и К (Ф) Х, и очень малый процент занимают хозяйства населения, только по овощным культурам и картофелю данные хозяйства лидируют, что и подтверждается историей их развития. Развивать крупное зерновое производство для личных подсобных хозяйств затруднительно (таблица 1).

Впервые с 2018 года общий уровень сельхозпроизводства в России несколько снизился. В 2021 году снижение составило 2%, в то время как в 2020 году он вырос на 1,3%.

Хозяйства всех категорий РФ (сельхозорганизации, фермеры, личные подсобные хозяйства) в 2021 году произвели продукции

Рис. 1. Структура продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств (%)

Fig. 1. Structure of agricultural products by category of farms (%)

2 Первые итоги сельскохозяйственной микропереписи [Электронный ресурс]. URL: <https://agro2021.ru/smi> дата обращения: 10.04.2022 г.).

3 Сельское хозяйство в России. 2021 [Электронный ресурс] // Стат. сб. / Росстат. М., 2021. С. 29. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1649271949&tld> (дата обращения: 10.04.2022 г.).

Таблица 1
 Table 1

**Структура производства основных продуктов растениеводства
 по категориям хозяйств (%)**
Structure of production of main crop products by category of farms (%)

Виды продукции растениеводства	Сельскохозяйственные организации			Крестьянские (фермерские) хозяйства			Хозяйства населения, в т.ч. личные подсобные хозяйства		
	2010	2017	2020	2010	2017	2020	2010	2017	2020
Зерно	77	70,1	69,8	21,9	29,1	29,5	1,1	0,8	0,7
Семена подсолнечника	72,8	68,1	64,7	26,5	31,5	35	0,7	0,4	0,3
Сахарная свёкла	88,7	88,2	92,3	10,9	11,6	7,6	0,4	0,2	0,1
Картофель	12	19,5	20,9	6,3	11,6	13,9	81,7	68,9	65,2
Овощи	18,8	25,6	28,5	12,9	19	21,4	68,3	55,4	50,1

на 7 трлн. 572 млрд. 344,5 млн. рублей (в фактических ценах), что на 0,9% меньше, чем в 2020 году⁴. Наибольший спад произошел в растениеводстве, где производство снизилось на 1,4%, в животноводстве снижение составило лишь 0,2%. В личных подсобных хозяйствах населения спад производства составил 2,1%, в том числе производство продукции животноводства сократилось на 3%, растениеводства — на 1,1%.

Малые формы хозяйствования в настоящее время производят почти 90% картофеля, 85% овощей, это существенная доля на рынке, особенно в условиях политики импортозамещения. В то же время фермерские хозяйства в прошлом году сохранили положительную динамику. Производство сельхозпродукции в этом секторе выросло на 1,3%. Наибольшими темпами развивалось животноводство. Здесь рост составил 2,4%, особенно в производстве молока. Ежегодно примерно на 10–12% идет рост поголовья и рост производства молока. Производство продукции растениеводства также увеличилось на 1,1%.

В целом эксперты оценивают 2021 год как один из самых сложных для агропромышленного комплекса за последнее время. Это вызвано многими причинами. Во-первых, перед сельскохозяйственными предприятиями ост-

ро встала проблема роста цен на сырье и другие ресурсы [4; 5]. Существенно подорожали минеральные удобрения, препараты для защиты растений, семена, все виды техники, упаковка. Скотоводческие предприятия также отмечают удорожание сырья, племенного материала, кормов, ветеринарных препаратов, тары для хранения и транспортировки продукции. В результате выросла себестоимость производства, при этом рыночные цены подвергаются государственному регулированию. Во-вторых, в течение всего периода, начиная с прошлого озимого сева, погодные условия влияли на растениеводство и животноводческую сферу. В четырнадцати регионах за год был объявлен режим ЧС природного характера (заморозки, дефицит осадков).

Третьим фактором остаётся проблема недостатка квалифицированных кадров для агропромышленного комплекса. Не сопоставимый с городскими условиями уровень жизни на селе вызывает отток профессионалов в другие отрасли. В 2021 году ситуация усугубилась продолжающейся пандемией. Помимо нехватки квалифицированных специалистов наблюдается дефицит работников всех профессий. В результате предприятия вынужденно сокращают объёмы производства и обработки продукции.

⁴ РФ в 2021 году снизила производство сельхозпродукции впервые с 2018 года [Электронный ресурс] // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/business/820125> (дата обращения: 10.04.2022 г.).

Также в прошедшем году продовольствие стимулировало инфляционные процессы. Данный показатель в отрасли демонстрирует увеличение на 11 % в 2021 году по сравнению с предыдущим годом. Сельскохозяйственные производители в 2021 году оказались в сложной ситуации. Необходимость наращивать производство, чтобы покрыть потребности внутреннего рынка и обеспечить экспорт, затруднялась рядом существенных проблем [6]. При этом в условиях высокой инфляции, спровоцированной в том числе мировым рынком, производители вынуждены были сдерживать рост цен на товары в соответствии с регуляторными мерами государства.

Заключение. Таким образом, проведя ретроспективный анализ социально-экономического развития малых форм хозяйствования, можно отметить их устойчивость в развитии и становлении. Они, несомненно, вносят существенный вклад в развитие всего агропромышленного комплекса и проявляют большую гибкость в развитии производства основных отраслей, в приспособлении к постоянно меняющимся экономическим условиям по сравнению с крупными предприятиями, которым сложнее реагировать на изменчивую конъюнктуру рынка. Диапазон выращиваемых культур в отрасли растениеводства и разнообразие продукции животноводства выше в крестьянских хозяйствах, чем в ЛПХ, но в отрасли овощеводства лидирующее положение занимают личные подсобные хозяйства, даже в сравнении с крупными сельскохозяйственными организациями. В целом же доля малых форм в стоимости произведенной продукции сохраняется на уровне 40%. Увеличение сельскохозяйственного производства в стране зависит от темпов развития малых и средних предприятий, которым необходимо наращивать производство, становиться полноправными и эффективными участниками внутреннего и внешнего рынка.

Список источников

1. Ерёмин В. Сталинский колхозник и его приусадебное хозяйство [Электронный ресурс] // Livejournal. URL: <https://historical-fact.livejournal.com/18402.html> (дата обращения: 10.04.2022 г.).

2. Герцикова И., Чебоньян Т.Г. История становления крестьянского (фермерского) хозяйства в России [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2021. №40(382). С. 84–86. URL: <https://moluch.ru/archive/382/84404> (дата обращения: 10.04.2022 г.).

3. Карабут Т. В России снизилось число дачников и мелких хозяйств [Электронный ресурс] // Российская газета — Федеральный выпуск №6(8654). URL: <https://rg.ru/2022/01/13/v-rossii-snizilos-chislo-dachnikov-i-melkih-hoziajstv.html> (дата обращения: 10.04.2022 г.).

4. Долматова Л.Г., Петрова И.А. Основные факторы и показатели экономической эффективности производства крестьянских (фермерских) хозяйств в современной рыночной ситуации // Материалы IX International Scientific Conference «Global science. Development and novelty» (Вена, 25.02.2019 г.). Изд. НИЦ «Л-Журнал», 2019. С. 74–77.

5. Saak A. E., Wang T., Xu Z., Kolady D., Ulrich-Schadand J. D., Clay D. Duration of usage and farmer reported benefits of conservation tillage // Journal of Soil and Water Conservation. January [Electronic resource]. 2021. №76(1). P. 65–75. URL: <https://doi.org/10.2489/jswc.2021> (date accessed: 10.04.2022).

6. Farming and Farm Income [Electronic resource] // Economic Research Service. U. S. Department of agriculture. URL: <https://www.ers.usda.gov/data-products/ag-and-food-statistics-charting-the-essentials> (date accessed: 10.04.2022).

References

1. Erjomin V. Stalinskij kolhoznik i ego priusadebnoe hozjajstvo [Stalin's collective farmer and his household] [Elektronnyj resurs]. Livejournal. URL: <https://historical-fact.livejournal.com/18402.html> (data obrashhenija: 10.04.2022 g.). (In Russ.).

2. Gercikova I., Chebon'jan T.G. Istorija stanovlenija krest'janskogo (fermerskogo) hozjajstva v Rossii [The history of the formation of peasant (farmer) economy in Russia] [Elektronnyj resurs]. *Molodoj uchenyj* [Young scientist]. 2021; 40(382): 84–86. URL: <https://moluch.ru/archive/382/84404> (data obrashhenija: 10.04.2022 g.). (In Russ.).

3. Karabut T. V Rossii snizilos' chislo dachnikov i melkih hozjajstv [The number of summer residents and small farms has decreased in Russia] [Elektronnyj resurs]. Rossijskaja gazeta — Federal'nyj vypusk №6(8654). URL: <https://rg.ru/2022/01/13/v-rossii-snizilos-chislo-dachnikov-i-melkih-hozjajstv.html> (data obrasheniya: 10.04.2022 g.). (In Russ.).

4. Dolmatova L. G., Petrova I. A. Osnovnye faktory i pokazateli jekonomicheskoy jeffektivnosti proizvodstva krest'janskih (fermerskih) hozjajstv v sovremennoj rynochnoj situacii [The main factors and indicators of economic efficiency of production of peasant (farm) farms in the modern market situation]. Materialy IX International Scientific Conference «Global science. Development and novelty» (Vena, 25.02.2019 g.) [Materials of the IX International Scientific and

Practical Conference «World science. Development and Novelty» (Vienna, 25.02.2019)]. Izd. NIC «L-Zhurnal», 2019. P. 74–77. (In Russ.).

5. Saak A. E., Wang T., Xu Z., Kolady D., Ulrich-Schadand J. D., Clay D. Duration of usage and farmer reported benefits of conservation tillage // Journal of Soil and Water Conservation. January [Electronic resource]. 2021. №76(1). P. 65–75. URL: <https://doi.org/10.2489/jswc.2021> (date accessed: 10.04.2022).

6. Farming and Farm Income [Electronic resource] // Economic Research Service. U.S. Department of agriculture. URL: <https://www.ers.usda.gov/data-products/ag-and-food-statistics-charting-the-essentials> (date accessed: 10.04.2022).

Статья поступила в редакцию 21.05.2022; одобрена после рецензирования 15.06.2022; принята к публикации 18.06.2022.

The article was submitted on 21.05.2022; approved after reviewing on 15.06.2022; accepted for publication on 18.06.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сафронкина Елена Ивановна — кандидат исторических наук, доцент кафедры «Землепользование и землеустройство», Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт имени А. К. Кортунова (филиал), Донской государственной аграрный университет.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111

Elena I. Safronkina — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Chair «Land Use and Land Management», Novo-cherkassk Reclamation Engineering Institute named after A. K. Kortunov (branch), Donskoy State Agrarian University.

111 Pushkinskaya st., Novocherkassk, Russia

Долматова Людмила Георгиевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Землепользование и землеустройство», Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт имени А.К. Кортунова (филиал), Донской государственной аграрный университет. Специалист в области исследования рационального использования земельных ресурсов и социо-эколого-экономических проблем землепользования в рыночных условиях.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111

Lyudmila G. Dolmatova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Chair «Land Use and Land Management», Novocherkassk Reclamation Engineering Institute named after A.K. Kortunov (branch), Donskoy State Agrarian University. A specialist in the study of the rational use of land resources and the socio-ecological-economic problems of land use in market conditions.
111 Pushkinskaya st., Novocherkassk, Russia

Вклад авторов:

Сафронкина Е. И. — ретроспективный анализ развития малых форм сельскохозяйственного производства; написание исходного текста; итоговые выводы.

Долматова Л. Г. — концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Safronkina E. I. — retrospective analysis of the development of small forms of agricultural production; writing the original text; final conclusions.

Dolmatova L. G. — research concept; development of methodology; writing the source text; final conclusions.

Научная статья
УДК 330.34 (330.35;338.22)
DOI: 10.17213/2075-2067-2022-3-197-212

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ИНТЕНСИФИКАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Олег Сергеевич Сухарев

*Институт экономики РАН, Москва, Россия
o_sukharev@list.ru, ORCID: 0000-0002-3436-7703, AuthorID РИНЦ: 446204,
AuthorID Scopus: 56736819100, Researcher ID: C-3767-2018*

Аннотация. Социальная политика и политика роста являются взаимно детерминирующими видами влияния на экономику, причём эта связь становится более значимой в «экономике знаний». Причина состоит в том, что разница в доходах увеличивается, а в способностях в силу доступа к различной информации и специализации знаний сокращается.

Целью исследования выступает анализ проводимой в России социальной политики при сложившемся режиме экономического роста, характеризуемом невысокой динамикой. Предметом рассмотрения являются основные императивы социальной политики и её инструменты, а также институциональные изменения, которые необходимы для того, чтобы интенсифицировать рост.

Методология исследования построена на теории экономического роста и социального государства, использует эмпирико-статистический и регрессионный анализ.

Общий результат проведенного исследования для российской экономики в том, что проводимая социальная политика полностью укладывалась в сложившуюся парадигму исчерпываемого экономического роста, то есть, свелась к противодействию затухающей динамике реального дохода и пенсий, хотя подтверждала позитивное влияние увеличения указанных параметров на ожидаемую продолжительность жизни населения и величину уровня жизни. Выявлено важное свойство, сводимое к тому, что развитие «экономики знаний» сопровождалось торможением душевого валового продукта, а это подтверждает отсутствие значимого влияния новых социальных отношений, складывающихся в сфере знаний, на рост экономики. Главным императивом социальной политики выступает развитие человека, в связи с чем институциональный потенциал организации социальной сферы становится основным инструментом её проведения и условием роста. Применительно к российской экономике в период 2000–2019 гг. показано, что увеличение индекса человеческого развития тормозилось уровнем бедности и финансового богатства, а высокий темп роста отвечал относительно низкой величине индекса человеческого развития. Кроме того, за двадцатилетний период подтверждается, что высокая занятость соответствовала высокому неравенству, а это говорит о низкооплачиваемом труде и наличии так называемых «работающих бедных». Выход видится в коренных структурных и институциональных изменениях системы создания и распределения дохода и базовой структуры затрат.

Ключевые слова: социальная политика, заработная плата, пенсия, ожидаемая продолжительность жизни, среднедушевые доходы населения, экономический рост, «экономика знаний», институциональный потенциал социальной политики

Для цитирования: Сухарев О. С. Социальная политика интенсификации экономического роста // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 3. С. 197–212. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-197-212>.

Благодарности: статья подготовлена в рамках темы государственного задания «Формирование научно-технологического контура и институциональной модели ускорения экономического роста в Российской Федерации» Институту экономики РАН, Центру институтов социально-экономического развития.

Original article

SOCIAL POLICY OF INTENSIFICATION ECONOMIC GROWTH

Oleg S. Sukharev

*Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
o_sukharev@list.ru, ORCID: 0000-0002-3436-7703, AuthorID RSCI: 446204,
AuthorID Scopus: 56736819100, Researcher ID: C-3767-2018*

Abstract. *Social and growth policies are mutually determining types of influence on the economy, and this relationship becomes more significant in the «knowledge economy». The reason is that the difference in income increases, and in abilities, due to access to various information and specialization of knowledge, it is reduced.*

The aim of the study *is to analyze the social policy pursued in Russia under the current regime of economic growth, which is characterized by low dynamics. The subject of consideration are the main imperatives of social policy and its instruments, as well as the institutional changes that are necessary in order to intensify growth.*

The research methodology *is based on the theory of economic growth and the social state, using empirical-statistical and regression analysis.*

The overall result of the study *for the Russian economy is that the ongoing social policy fully fit into the current paradigm of exhaustive economic growth, that is, it came down to counteracting the fading dynamics of real income and pensions, although it confirmed the positive impact of the increase in these parameters on the life expectancy of the population and the value of the standard of living. An important property was revealed, which boils down to the fact that the development of the «knowledge economy» was accompanied by a slowdown in the gross per capita product, which confirms the absence of a significant impact of new social relations emerging in the field of knowledge on economic growth. The main imperative of social policy is human development, in connection with which, the institutional potential of the organization of the social sphere becomes the main tool for its implementation and a condition for growth. In relation to the Russian economy in the period 2000–2019. it is shown that the increase in the human development index was hampered by the level of poverty and financial wealth, and a high growth rate corresponded to a relatively low value of the human development index. In addition, over a twenty-year period, it is confirmed that high employment corresponded to high inequality, which indicates low wages and the presence of the so-called «working poor». The way out is seen in fundamental structural and institutional changes in the system for creating and distributing income and in the basic structure of costs.*

Keywords: social policy, wages, pension, life expectancy, average per capita income, economic growth, «knowledge economy», institutional potential of social policy

For citation: Sukharev O. S. Social policy of intensification economic growth // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(3): 197–212. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-197-212>.

Acknowledgments: the article was prepared within the framework of the topic of the state task «Formation of a scientific and technological contour and an institutional model for accelerating economic growth in the Russian Federation» to the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, the Center for Institutes of Socio-Economic Development.

Введение. В области теории экономической политики роста [9] давно сложился такой стереотип: решение задачи обеспечения экономического роста позволяет улучшать индикаторы социального благополучия жизни, поэтому главное — задействовать основные факторы роста [1]. В таком случае социальная политика рассматривается как некий итог политики экономического роста, расширяющей социальные возможности развития. Однако явления безработицы, бедности, низких душевых доходов населения, высокого неравенства подчёркивают то, что у политики роста имеются фундаментальные социальные ограничения. И без разрешения базовых социальных задач [7; 10] развития эта политика — по интенсификации роста — может оказаться безуспешной.

С одной стороны, увеличение создаваемого продукта расширяет возможности экономики, в том числе решение социальных задач, с другой стороны, исходный уровень социального благополучия определяет возможности к росту. Это примерно такая же постановка вопроса, как и в отношении роста производительности труда и заработной платы. Часто неверно привязывают рост заработной платы исключительно только к росту производительности, но обратное влияние, когда повышение заработной платы составляет необходимое условие роста производительности, игнорируется¹ [4]. Создание дохода в экономике высоким темпом может рассматриваться как неплохой результат, но если распределение этого дохода происходит неравномерно, то социаль-

ные проблемы могут не только не снижаться, но ещё и усугубляться.

Конечно, технологическая структура, знания [2], системная организация экономики [5] имеют высокое значение, поскольку определяют возможность экономики развиваться на уровне или ниже своих потенциальных возможностей, причём последнее состояние иногда рассматривается как новый вид современной депрессии [3], хотя измерение этого потенциала и его использование является весьма нетривиальной научной задачей, в связи с чем, оказывается, непросто для разных стран утверждать, какая из них развивается на пределе, а какая — ниже своих возможностей. Если исходить из оценок национального богатства, то, видимо, все страны в той или иной степени развиваются ниже уровня полной загрузки национального богатства, но одни создают наибольший ВВП с меньшей общей величины богатства, другие — значительно меньший ВВП с куда более высокой величины национального богатства. При этом более динамичные страны могут обнаружить относительно низкий уровень социального благополучия, чем менее динамичные. Организация социальной жизни сильно отличается, и зависит она не только от среднедушевого дохода, но и от того, какими рутинными, процедурами, функционалом создана, организована эта жизнь и какие возможности имеют в ней различные слои населения [2]. Имеется в виду доступ к образованию, здравоохранению, их качество, обеспечение социальной защиты, пенсий,

¹ В работах автора подробно теоретически введены и показаны режимы роста, когда заработную плату вполне возможно повышать вне всякой привязки к производительности труда. Более того, производительность труда не может быть сведена только к одному фактору — труду, сильно завися от капитала, формирующего технологичность. См. Сухарев О. С. Элементы теории саморазвития экономических систем. М.: Ленанд, 2018. С. 161–174.

возможность изменить свой профессиональный уровень и повысить квалификацию, быть занятым, творчески развиваться, обеспеченность жильём, чистым питанием, возможностью продолжать свой род на фоне увеличивающейся продолжительности активной и здоровой жизни. Названные цели составляют основное содержание социальной политики, придают ей смысл как системе воздействий на экономику и социальные отношения, которые позволяли бы достигать поставленных целей в широком ключе как обеспечения благосостояния для всех [10], а не в рамках подчинения благосостояния равновесной доктрине функционирующих рынков и элиминирования внешних эффектов [6]. Доктрина «благосостояния для всех» исходит из необходимости превращения ростовой тенденции во всеобщее улучшение социальной жизни, в связи с чем проблемы распределения созданного дохода [8], структуры рынков труда, минимальной заработной платы, пенсионного обеспечения становятся центральными [11–14].

Учитывая сказанное, рассмотрим основные императивы социальной политики как условия новой модели роста экономики России, оценив полученные до 2021 года её результаты. Целью исследования выступает выяснение того, являлась ли социальная политика детерминантной роста либо формировалась по остаточному принципу, сдерживая тем самым рост следующих периодов. Кроме того, рассмотрим и вопрос относительно вероятного потенциала этой политики и её различных институциональных форм для обеспечения будущего роста российской экономики. Методологию исследования составляет эмпирико-статистический и сравнительный метод анализа, классификационный подход, применённый к инструментам и мерам социальной политики, метод обобщений и элементы факторного анализа.

Исследование проведём в два этапа, рассмотрев основные социальные императивы развития российской экономики [4], с оценкой итоговых данных по наиболее значимым параметрам (реальные располагаемые доходы населения, пенсии, продолжительность жизни). Затем в обобщённом виде оценим потенциал социальной политики роста с акцентом на снятие институциональных огра-

ничений, которые воспроизвела не вполне обоснованная социальная политика, в частности пенсионная реформа, а также реформирование образования и науки в России.

1. Императивы социальной политики и российская реальность. Многие социально важные функции в современной капиталистической системе детерминированы величиной индивидуального дохода. Более обеспеченный агент имеет значимый доступ к образованию, медицине, возможности отдохнуть, получить юридическую защиту и т.д., нежели тот, доход которого многократно ниже. Таким образом, наращение дохода (задача роста) имеет центральное значение, но и распределение дохода выступает не менее весомой задачей. Эта вторая составляющая и определяет социальную политику, которая представляется набором инструментов, воздействующих на распределение дохода:

- социальные пособия и пенсии;
- установление прожиточного минимума жизни;
- налоговые льготы и субсидии;
- социальное страхование.

Кроме того, применяются меры социальной политики, не влияющие напрямую на величину дохода и его распределение, в частности институциональные коррекции в области образования и медицины, предоставление льгот на лекарства, добавочный набор в школы, вузы и детские сады, в том числе за счёт бюджетных мест и т.д. Не только налоговая шкала, например, прогрессивная, влияет на распределение дохода, но и функционирующие институты в различных видах деятельности и отраслях, регулирующих как генерацию дохода, так и использование его по различным направлениям расходов. Именно это обстоятельство обычно уходит из области рассмотрения вариантов социальной политики, представляясь на самом деле центральной темой при организации социального развития государства.

Институциональная организация рынков труда, а также нормативы, задающие оплату труда, построенные на них процедуры получения и распределения дохода в существенной мере влияют и на возможность генерирования дохода, и на дальнейшее его распределение.

Проводимая социальная политика, имеющая целью снижение несправедливости распределения созданного в стране дохода, по идее, должна отходить от инструментального латания дыр в этом распределении. Её подлинная цель и назначение — изменять каналы и фундаментальные принципы не только самого распределения дохода, но и его создания, от чего зависит и то, как он аккумулируется и приобретает разными слоями населения в экономике. Поэтому такие институты, как единая тарифно-квалификационная сетка при выстраивании оплаты труда, либо некие ориентиры в установлении заработной платы (принцип солидарной заработной платы — равной оплаты за равный труд) являются имманентными инструментами реализации социальной политики. Сильное влияние на социальное развитие оказывают проводимые реформы, затрагивающие базовые социальные институты, такие как пенсии, пособия, налоги, субсидии, а также сферы — образования, науки, медицины.

Созданные в экономике условия и предоставляемые государством права должны быть равным образом обеспечены населению вне зависимости от уровня индивидуального дохода, а те из них, которые детерминируются доходом (таких немало), следует подвергнуть координации, в том числе за счёт институциональных коррекций, чтобы элиминировать складывающуюся негативную привязку, увеличивая социальное равноправие граждан. Это и составляет, на взгляд автора, основной социальный императив и фундаментальный принцип социальной политики в современном мире. Экзистенциальная цель развития — это увеличение продолжительности здоровой жизни населения, причём рост дохода, распределение, иные социальные принимаемые меры действуют в направлении движения к этой цели. Увеличение уровня, качества жизни², формирование образа жизни становятся главным атрибутом в реализации указанной цели. Ростовая динамика экономики выступает своеобразным условием для наращивания социальных результатов,

хотя даже при весьма скромном темпе роста за счёт хорошо выстроенной системы распределения дохода и относительно низком неравенстве вполне удастся создать весьма приемлемые социальные условия функционирования экономики.

Сформулированная экзистенциальная цель явно подрывается, если увеличивается пенсионный возраст граждан (срок времени выхода на пенсию и получения социального пособия в виде пенсии от государства) при условии, что продолжительность здоровой жизни существенно не возрастает. Более того, такая пенсионная реформа дискриминирует слои граждан, которые вынуждены работать большее число лет, не получая пенсии от государства. Именно отсутствие этих платежей идёт на увеличение пенсий оставшимся гражданам. Тем самым на увеличение этих пособий работает не повышение эффективности хозяйственной системы, а вводимый распределительный механизм сугубо институционального содержания. Если при этом реальные располагаемые доходы сильно не возрастают, да и увеличение пенсий, несмотря на индексацию по инфляции, также не покрывает с запасом рост цен, то получается, что значительные слои населения при такой реформе получают ухудшение социальных условий своей жизни, испытывая увеличение трудностей и рисков³.

Социальная политика, реализуемая на практике, обретает форму конкретных задач, в частности обеспечения людей детскими садами, школьным образованием, доступом к высшему образованию или медицинскому обслуживанию. При этом институциональные нормативы крайне важны, поскольку задают планку так называемого минимального обеспечения. Если при высоком неравенстве решение указанных вопросов предоставить частному сектору, то есть свести к величине реального индивидуального дохода, то многие граждане будут отрезаны высокой ценой от доступа к указанным важнейшим социальным функциям. В связи с этим императивность социальной поли-

² Наиболее фундаментально применительно к современной России первой половины 2000-х гг. данные проблемы раскрыты член-корр. РАН Е. И. Капустиным в его посмертно изданной книге «Уровень, качество и образ жизни населения России» (М.: Наука, 2006. 324 с.).

³ Именно такой результат можно констатировать по данным российской экономики, где была проведена пенсионная реформа, начиная с 2018 года.

тики проистекает ещё из функций и задач существования самого государства, являясь его неотъемлемой компонентой.

Поскольку в глобальном мире в силу распространения информационных технологий наблюдаются быстрые изменения, приводящие к стиранию значимой разницы между людьми в интеллектуальных способностях, знаниях, постольку чувство несправедливого вознаграждения за труд становится более рельефным, а задача адекватного распределения созданного дохода — крайне актуальной. К тому же изменяющиеся формы эксплуатации обретают новые институциональные формы в так называемой «экономике знаний» по причине крушения объективных критериев интеллектуальной оценки и конкретного вклада сотрудников. Нивелирование разницы в способностях и в образовании приводит к множественным искажениям при взятии сотрудников на работу и продвижении их по службе, причём даже в высокотехнологичных и наукоёмких видах деятельности. Здесь ярко выражен эффект отрицательного отбо-

ра, в ряде случаев камуфлируемый ширмой демократических выборов и конкурсного отбора. Это, безусловно, выступает ослаблением «экономики знаний», нарушая механизм конкурентного отбора наилучших результатов, влияя на несправедливое, несоразмерное вкладу распределение дохода и приобретение высокого социального статуса не самыми лучшими или вложившими свои усилия агентами⁴. Эти явления также должны купироваться институциональными модификациями, осуществляемыми в экономике и обществе.

Однако, насколько прогресс в «экономике знаний» связан с улучшением социальной жизни, в частности увеличением душевого продукта или дохода, — вопрос остаётся и требует своего разрешения. Дадим количественную оценку соотношения душевого ВВП и доли «экономики знаний». Общество может в социальном плане сильно изменяться, в том числе по причине информационных трансформаций, но при этом уровень благополучия будет преобразовываться не в силу этих изменений, а вопреки им или независимо от них.

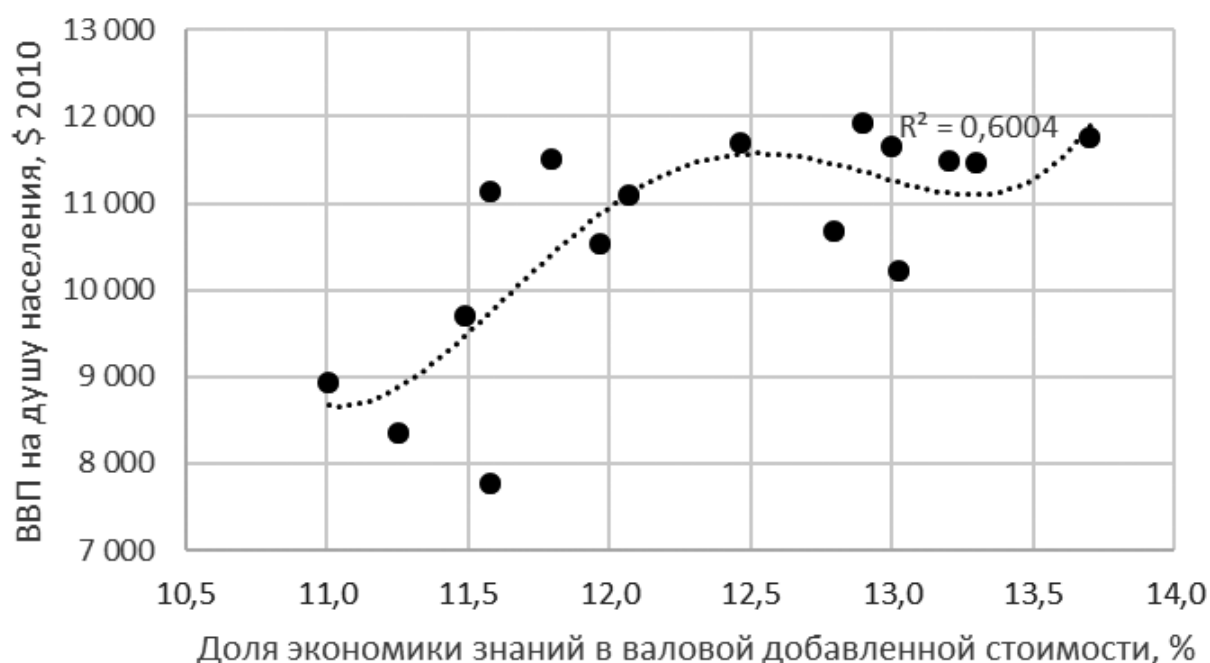

Рис. 1. Доля «экономики знаний» и душевой ВВП РФ в ценах 2010 г., 2003–2018 гг.
Fig. 1. The share of the «knowledge economy» and the per capita GDP of the Russian Federation in prices of 2010, 2003–2018

⁴ Такие исходы широко известны в области науки и образования, двух важнейших социальных сфер жизни современного общества.

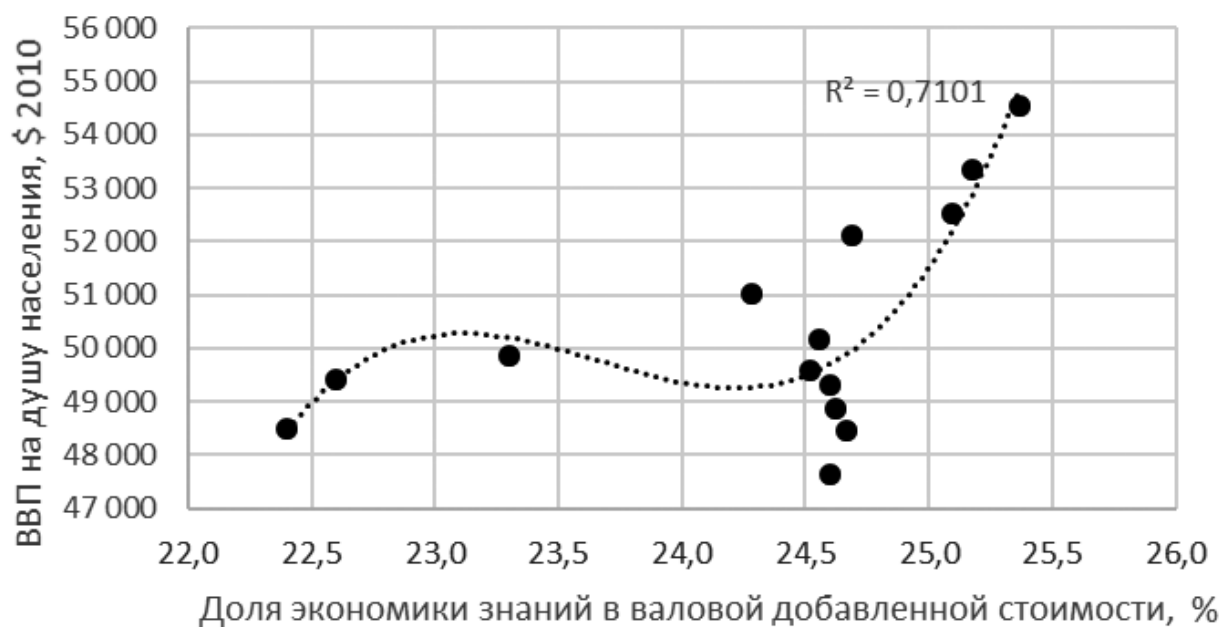

Рис. 2. Доля «экономики знаний» и душевой ВВП США в ценах 2010 г., 2005–2018 гг.

Fig. 2. The share of the «knowledge economy» and the US per capita GDP in prices of 2010, 2005–2018

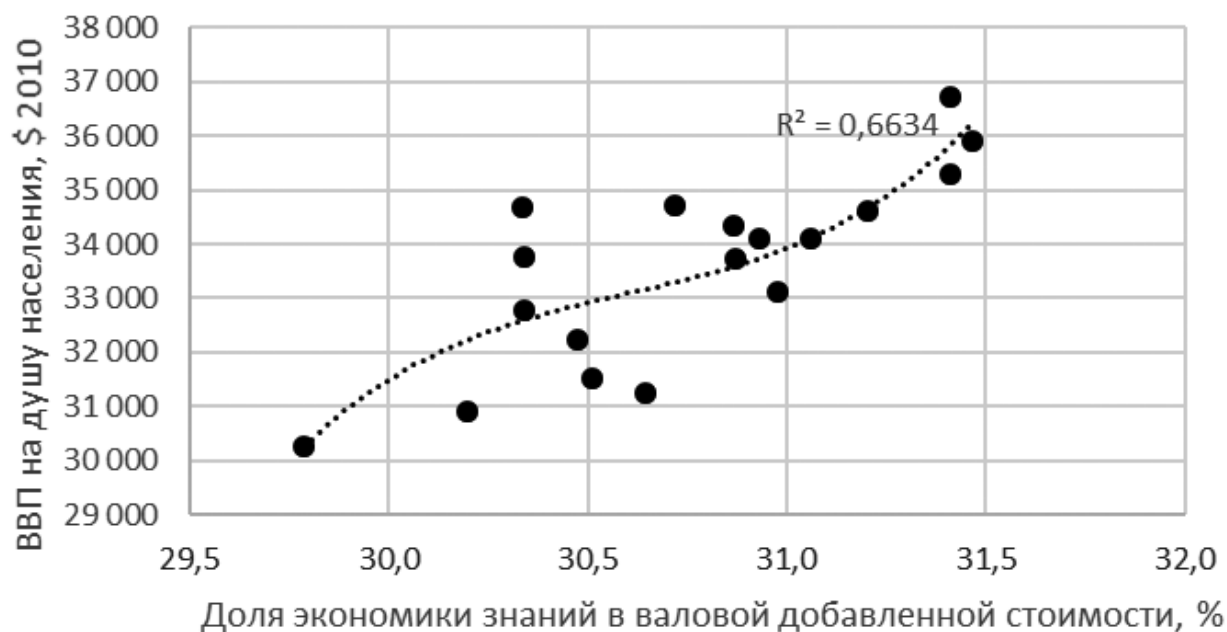

Рис. 3. Доля «экономики знаний» и душевой ВВП, Европейский Союз в ценах 2010 г., 2000–2017 гг.

Fig. 3. The share of the «knowledge economy» and per capita GDP, the European Union in prices 2010, 2000–2017

На рисунках 1–3 показано изменение доли «экономики знаний» в валовой добавленной стоимости России, США и Европейского Союза в зависимости от душевого ВВП этих стран в ценах 2010 года⁵.

Обратим внимание, что душевой ВВП в России почти в пять раз ниже, чем в США, и в три раза ниже, чем в Европе. «Экономика знаний» в два раза масштабнее в США и в три раза в Европе, чем в России (рисунок 1–3). Тем самым стоит предположить, что уровень богатства и жизни влияет на распространение «экономики знаний», выступая и её условием, и одновременно знание выступает фактором обеспечения такого уровня социального благополучия.

Однако, отметим и такую весьма важную деталь. Увеличение доли экономики знаний в России происходило соразмерно с торможением роста душевого ВВП (отсутствие роста — рисунок 1), в то время как в США и ЕС все-таки рост «экономики знаний» сопровождался ростом душевого продукта (рисунок 2–3).

Таким образом, можно предположить, что развитие «экономики знаний» как нового образа социальной жизни в одних странах приводит к генерации нового продукта и соответствующего ему дохода, а в других аналогичного исхода не наблюдается либо он менее значим. В России аналогичный процесс, по существу, был свернут в силу проводимой макроэкономической и социальной политики роста. Укрепление секторов «экономики знаний» (ИТ-сектор, высокотехнологичные отрасли, наука, образование) происходило при перманентном снижении темпа роста, кризисе реальных располагаемых доходов населения и инвестиционном кризисе 2013–2016 годов (отрицательная динамика валово-

го накопления). Следовательно, «экономика знаний» как форма социальной организации не определяла в значимой степени развитие российской экономики, тем более не зависимой от внешних центров базы.

Конечно, несмотря на сдержанный рост российской экономики, нельзя не отметить и некоторый прогресс в решении задач социального обеспечения граждан России, особенно в части увеличения пенсий, реальных доходов и увеличения продолжительности жизни, хотя значимыми по этим параметрам успехи также назвать не представляется возможным. Дадим количественную оценку реального состояния указанного вопроса.

На рисунке 4⁶ отражена динамика среднедушевого дохода населения России за двадцатилетие 2000–2020 гг. в ценах 2000 года⁷.

Как видим, рост среднедушевого дохода наблюдался до 2007 года, затем произошло торможение роста, но все-таки до 2021 года он возростал, хотя плановость этого увеличения была поколеблена (видно по рисунку 4). Однако с 2013–2014 годов происходит снижение данного показателя, продолжающееся до 2017 года. В итоге с учётом кризиса 2020 года, вызванного распространением инфекции, по уровню среднедушевого дохода Россия к началу 2021 года оказалась на уровне 2010 года, хотя в 2021 году впервые за указанное десятилетие реальные доходы населения возросли существенно выше 3%.

Из рисунка 5 видно, что рост пенсий в ценах 2000 года происходил неуклонно до 2014 года, затем только в 2018 году удалось выйти на уровень 2014 года, а в 2019 году и в кризисный 2020 год только по причине массивной поддержки населения в «ковидный» кризис получилось обеспечить её увеличение в реальном измерении. Это была

5 Источник трёх рисунков: рассчитано автором на основе данных: Всемирный банк [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?view=chart>; Росстат [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru/accounts>; Bureau of Economic Analysis (U.S. Department of Commerce) [Электронный ресурс]. URL: <https://apps.bea.gov/iTable/iTable.cfm?ReqID=51&step=1>; Eurostat [Электронный ресурс]. URL: <https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/submitViewTableAction.do>. ВДС приведена к ценам 2010 г. с использованием дефлятора ВВП по каждой стране. Период времени для стран взят исходя из имеющейся статистики по каждой из стран. Лимитирующим параметром для этого является оцениваемая по авторской методике доля «экономики знаний». См.: Сухарев О. С. Экономика знаний» и её вклад в формирование темпов экономического роста. Общество и экономика. 2020. №1. С. 22–37.

6 Источник: рассчитано автором по данным Росстат [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/urov_11g.xlsx, [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/urov_11kv-nm\(1\).xls](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/urov_11kv-nm(1).xls).

7 Приведение к ценам 2000 года осуществлялось по индексу потребительских цен за период. Если расчёт производить по дефлятору ВВП, то величина среднедушевого дохода населения в ценах 2000 года будет существенно ниже, а площадка стагнации или тоннель колебаний дохода будет измеряться величиной 4000–5000 рублей.

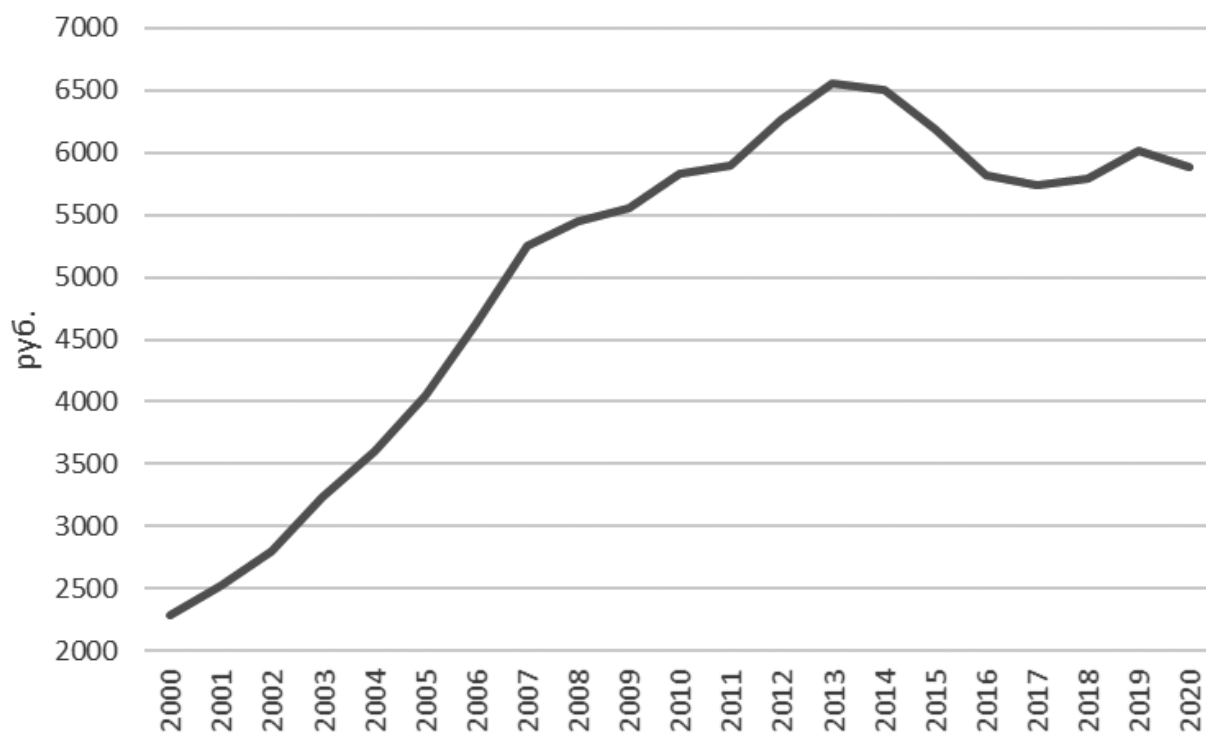

Рис. 4. Среднедушевой доход в России в ценах 2000 г., 2000–2020 гг., руб.
Fig. 4. Average per capita income in Russia in the prices of 2000, 2000–2020, rubles

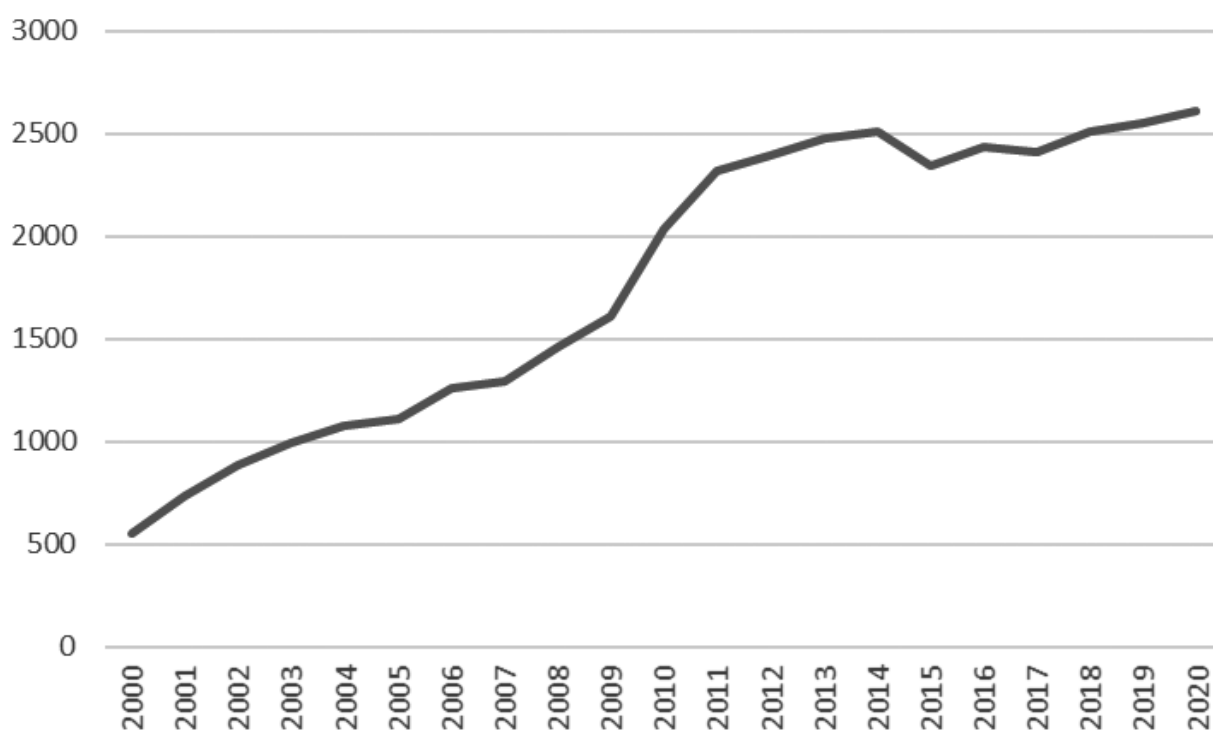

Рис. 5. Средний размер пенсий по старости в ценах 2000 года, 2000–2020 гг., руб.⁸
Fig. 5. The average size of old-age pensions in the prices of 2000, 2000–2020, rubles⁸

⁸ Источник: рассчитано автором по данным к рисунку 4.

экспансия социальной политики, которая оправдала себя в период нормативных ограничений на экономику в ходе распространения опасной инфекции, хотя реальные доходы населения ощутимо понизились.

Возрастала и ожидаемая продолжительность жизни при рождении, но сохранялся гендерный разрыв по этому параметру между мужским и женским населением страны. Этот показатель снизился в кризис 2020 года, естественный прирост населения опять стал отрицательным. Однако рост пенсий сопровождал увеличение продолжительности жизни, как и рост реального дохода, что подтверждается регрессионным анализом для российской экономики.

Таким образом, реальная ситуация в области социальной политики для России может быть оценена как стагнация доходов при несправедливом их распределении, относительно высоком неравенстве и бедности. Это выступает системным ограничением роста, который в свою очередь не работает на более значимое повышение пенсий, пособий, хотя он и сдерживал ещё больший рост неравенства и бедности. В отдельные годы неравенство и бедность даже несколько понизились. При этом инструменты социальной политики оказывались сильно ограничены низкой величиной роста. Относительно бедные слои населения не только отстранены от его результатов, но и не обеспечивают должной динамики дохода, а парадигма роста сводилась к тому, что за счёт значительных сбережений обеспеченных кругов следует добиться активизации инвестиций, включая и привлечение внешнего капитала. Изначально такой подход не являлся обоснованным, что подтверждалось высоким оттоком капитала и инвестиционным спадом 2013–2016 годов.

Социальная политика может влиять на увеличение занятости за счёт расширения числа рабочих мест либо демпфировать безработицу, в том числе увеличивая пособие по потере работы⁹.

Стандартный метод социальной политики обычно рассматривается как второй вари-

ант, а создание рабочих мест и расширение возможностей для труда — как итог общей экономической политики развития, определяемой многими обстоятельствами по различным отраслям. Однако следует принимать во внимание складывающийся в экономике общий эффект социальной политики, который охватывает различные слои населения — от детей до пенсионеров, работающих, безработных, инвалидов и т.д. Имеется в виду, что различный набор нормативов, условия организации работы социальных служб будут влиять на обеспечение социальных прав граждан, сильно сказываясь на социальном благополучии. Именно процедурные вопросы, институциональная организация становятся определяющими при реализации социальной политики по различным её направлениям, что находит отражение в проводимых изменениях правил и норм (прожиточный минимум, индексация пенсий).

2. Институциональный потенциал социальной политики. Совместная детерминация социальной политики и политики роста обусловлена тем, что многие социальные функции зависят от величины созданного дохода, распределяемого между различными слоями населения. Но механизм распределения представляет собой совокупность правил, к тому же многие социальные условия заданы нормативно, то есть установленными правилами. Именно они формируют институциональный потенциал социальной политики, ибо изменение таких институтов (правил) способно влиять на то, как именно обеспечиваются важнейшие социальные функции. Повышение эффективности правил, улучшение условий реализации социальных функций будут инструментом проведения социальной политики. Тем самым она вполне способна не только сводиться к воздействиям на величину дохода, но и может быть сведена к социальной организации жизни в виде правил, норм, кодексов и прочих институтов.

Конечно, структура налогов, величина душевого дохода, соотношение образованного

⁹ Вместе с тем имелись исследования, якобы подтверждающие возможность увеличения безработицы при росте пособий по ней, так как величина пособия пролонгирует поиск работы, сохраняя агента без работы, когда он не соглашается на те варианты, которые имеются. В подобных архаичных исследованиях не учитываются мотивационные эффекты и предпочтения, которые уже складывает новый социальный ландшафт «общества знаний».

и необразованного населения, уровень технологичности экономики, определяемый развитием науки, величина неравенства и бедности, число безработных вполне влияют на темп экономического роста как целевую функцию развития. Однако распределённая динамика экономики по различным видам деятельности в некоторой степени также задаёт уровень дохода с вытекающими эффектами в области занятости и функционирования этих сфер.

Обычно институциональный потенциал социальной политики уходит из зоны пристального внимания исследователей, несмотря на то, что предопределяет далее возможность наращивать доход и его распределять. Он включает набор правил и процедур, которые способны отдельно и в совокупности обеспечить решение основного социального вопроса, сводимого к снижению уровня бедности и неравенства по доходу и общественному функционалу, что и даёт общее улучшение жизни, повышение её комфорта.

Экономический рост будет происходить тогда, когда в хозяйстве присутствуют движущие его факторы и их легко раскрыть и применить, то есть имеются возможности беспрепятственного вовлечения. Если правилами, регулирующими работу в разных видах деятельности, создаются условия, увеличивающие издержки такого вовлечения, то рост, вне всяких сомнений, будет тормозиться, какими бы благородными намерениями выравнивания доходов или обеспечения справедливости это не было продиктовано.

Применительно к России рассмотрим с качественной точки зрения следующие базисные институциональные изменения.

Во-первых, введение пропорциональной налоговой шкалы оказывало весьма низкое влияние на распределение дохода, никак не способствуя выравниванию и понижению уровня неравенства. По всей видимости, это консервировало и уровень бедности либо не позволяло ощутимо его снизить. Если вести речь о прогрессивных ставках налогов, то вопрос шкалы налогов сохраняет свою острую актуальность с позиции обоснования и введения соответствующих изменений в налоговое законодательство.

Во-вторых, проведение пенсионной реформы 2018 года, продиктованной необходимостью увеличения пенсии, величина которой

позитивно, как и величина среднедушевого дохода, влияет на продолжительность жизни населения, привело к тому, что значительные слои населения остались без ежемесячных социальных выплат в виде пенсий. Это женщины в возрасте от 55 до 60 лет, мужчины в возрастах от 60 до 65 лет. Их срок выхода на пенсию возрос, следовательно, трудовая нагрузка, а также риски стать безработным в таком возрасте увеличились. Подобное изменение вряд ли можно считать улучшающим социальное благополучие граждан. Причём ситуация становится ещё более негативной при условии отсутствия должного роста реальных располагаемых доходов населения, особенно затрагивающего указанные возрастные группы населения. Обычная статистика даёт среднюю динамику роста реального располагаемого дохода, но она отличается по возрастным группам и занятым, как и величина безработицы отличается для молодого и пожилого населения почти пенсионного возраста.

В-третьих, индексация пенсий и повышение прожиточного минимума, выступая позитивным инструментом социальной политики, поскольку расширяют возможности потребления наиболее не защищённых в социальном плане слоёв населения, тем не менее, детерминированы процедурами. Имеется в виду то, насколько и как осуществляется индексация. Если по средней инфляции, рассчитанной по индексу потребительских цен, то она не даёт равнозначной индексации для пенсионеров, поскольку по «пенсионному» набору продуктов, как правило, инфляция оказывается выше. Следовательно, является разумным вводить специальные индексы цен для корректировки пенсий и социальных пособий. Потребуется изменения и подход, реализующий повышение прожиточного минимума, причём эти изменения затрагивают правила подсчёта данного показателя.

В-четвёртых, значение имеют и правила производства социальных выплат в социальных управлениях страны, поскольку социально не защищённые слои населения должны быть отодвинуты от необходимости каких-то доказательств своей правоты или необходимости себе пособия, практика «выбивания пособий» должна уйти в прошлое как слишком архаичная и неэффективная процедура. При вводе цифровых технологий в социаль-

ное управление следует наблюдать эффект нормативного начисления пособий и помощи людям, чтобы от них не требовалось никаких усилий, поскольку учётные базы данных существуют и должны развиваться в государстве именно таким образом. Это и понизит издержки социальной политики, и придаст широкие возможности применять информационные базы данных, улучшая так называемую адресную помощь населению, испытывающему социальные трудности.

В-пятых, важнейшим институциональным направлением социальной политики выступает организация образования, науки и здравоохранения, то есть наиболее значимых социальных сфер. Речь следует вести не только о доступе в эти сферы, но и о качестве их функционирования, учитывая общественный эффект от занятий данной деятельностью, насколько велики затраты отдельных категорий граждан на получение равнозначного образования и медицинских услуг, можно ли в принципе получить тот или иной вид медицинской помощи бесплатно и за какое время (так как быстрота оказания медицинской помощи является залогом хорошего лечения). Ухудшения работы указанных отраслей скажутся на качестве развития человеческого потенциала с наложением всех социальных

проблем, усиливающих в негативном эффекте. Необходимо подчеркнуть особый характер развития науки, проблемные свойства организации которой проявляются в социальном смысле далеко не сразу (помимо оплаты труда и условий жизни учёных), а с течением длительного времени, в связи с чем конкурентное поражение системы науки, привязанной в своём развитии к внешним центрам, контурам, правилам, которые введены в социальную структуру данной страны, может привести к длительному снижению качества человеческого потенциала, сказавшись на системе образования и медицине.

Это приведёт к ухудшению индекса человеческого развития, обострив социальные проблемы. В принципе, институциональный потенциал социальной политики имеет назначение обеспечить, как минимум, не снижение, а лучше — увеличение индекса человеческого развития — как магистральной цели социального функционирования.

Отметим, что на протяжении 20 лет в период 2000–2020 годов в России неуклонно сокращалась безработица, за исключением лет рецессии 2009, 2015 и 2020 годов. Однако связь уровня неравенства по коэффициенту Джини и безработицы была такой, как отражена на рисунке 6. Большей величине безрабо-

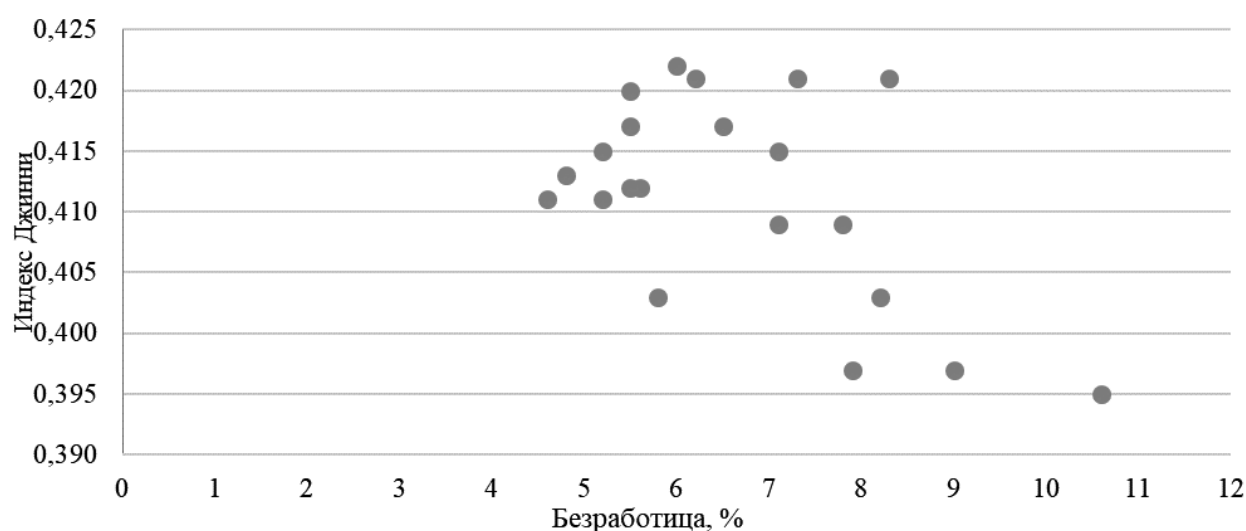

Рис. 6. Безработица и уровень неравенства (по индексу Джини) в России, 2000–2020 гг.¹⁰
Figure 6. Unemployment and the level of inequality (according to the Gini index) in Russia, 2000–2020

¹⁰ Источник: построено автором на базе данных Росстат [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force, ЕМИСС <https://fedstat.ru/indicator/31165>.

тицы отвечало меньшее неравенство, а меньшей — большее неравенство. Следовательно, политика обеспечения полной занятости сопровождалась ростом неравенства, что могло достигаться за счёт низкой оплаты наёмного труда при расширении числа вакансий (рабочих мест). Это явление можно обозначить и как «работающие бедные», поскольку оплата труда остаётся довольно низкой. Конечно, эмпирические точки на рисунке 6 расположены так, что имеется участок (на интервале от 5 до 6% уровня безработицы), на котором с ростом безработицы растёт неравенство. При более высокой безработице неравенство было ощутимо меньше по величине.

Регрессионный анализ для российской экономики в период 2000–2019 годов показал, что индекс человеческого развития понижался при росте бедности, расширении финансовых возможностей — увеличении финансового богатства и давлении финансового рынка. Кроме того, более высокому темпу роста отвечал более низкий показатель индекса человеческого развития, что характерно для начала 2000 годов. Далее развитие экономики знаний происходило при замед-

лении темпа роста дохода (рисунок 1) Для проведения эконометрического анализа были приняты следующие обозначения: Y — ВВП России, млрд. долл. США, в ценах 2010 года; y — темп роста ВВП РФ,%; X_1 — индекс человеческого развития; X_2 — индекс Джини,%; X_3 — уровень бедности,%; X_4, X_5 — финансовое и нефинансовое богатство России, млрд. долл. США, в ценах 2010 года; X_6 и X_7 — соответственно доля финансового и нефинансового богатства в общей величине богатства,%. После исключения мультиколлинеарных факторов с линейными коэффициентами парной корреляции больше, чем 0,7, была получена наиболее адекватная регрессионная модель в виде:

$$X_1 = 0,86 - 0,0007 \times X_3 - 0,08 \times X_6 - 0,002 \times y. \quad (1)$$

Как видим из формулы (1), уровень бедности и темп роста тормозили развитие человеческого капитала. В таблицу 1 сведены основные статистики — характеристики полученной модели.

Более высокий темп роста работал на увеличение душевого ВВП, высокий уро-

Таблица 1
Table 1

**Характеристики модели индекса человеческого развития России
 (метод наименьших квадратов, использованы наблюдения 2000–2019 гг. ($T = 20$))¹¹
 Characteristics of the Russian Human Development Index model
 (least squares method, observations 2000–2019 were used ($T = 20$))**

	<i>Коэффициент</i>	<i>Ст. ошибка</i>	<i>t-статистика</i>	<i>P-значение</i>	
const	0,858	0,042	20,2	<0,0001	
X_3	-0,000689425	0,001	-0,6368	0,533	
X_6	-0,0789765	0,006	-13,97	<0,0001	
y	-0,00201693	0,001	-3,973	0,001	
Среднее зав. перемен			0,779	Ст. откл. зав. перемен	0,033
Сумма кв. остатков			0,001	Ст. ошибка модели	0,008
R -квадрат			0,950	Испр. R -квадрат	0,940
$F(3, 16)$			100,551	P -значение (F)	1,35E-10
Лог. правдоподобие			70,081	Крит. Акаике	-132,1621
Крит. Шварца			-128,1791	Крит. Хеннана-Куинна	-131,3846
Параметр ρ			0,324	Стат. Дарбина-Вотсона	1,115

¹¹ Источник: составлено автором на базе программы Gretl 2020b.

вень бедности и неравенства понижали душевой продукт в России в 2000–2019 годах. Однако темп роста был связан с ростом бедности, а уровень неравенства поддерживался растущей бедностью¹² [7].

Таким образом, изучение институционального потенциала социальной политики позволяет утверждать, что только система инструментов, преследующих цель решения социальных задач развития, способна значимо к лучшему изменить ситуацию, причём условия роста во многом будут заданы социальными обстоятельствами и самой институциональной организацией и в свою очередь детерминировать наращивание дохода. Поэтому адресная помощь [7] при всей необходимости является недостаточным инструментом для ликвидации бедности, если не происходит изменений в налоговой структуре и базовых институтах распределения дохода, включая правила распоряжения собственностью и даже передачи по наследству.

Заключение. Подводя итог проведенному анализу, сформулируем основные выводы.

Во-первых, социальные успехи развития определяются не только ростом продукта/дохода, но и тем, каким образом он распределяется. Это зависит от созданных и действующих правил, установленных процедур, от того, как организованы социально значимые сферы деятельности людей в своём функционировании — образование, медицина, наука, социальная помощь, пенсионная система, трудовые отношения и др.

Во-вторых, для российской экономики выявлен эффект развития новых социальных отношений в системе «экономики знаний» при торможении дохода, а также то, что высокая занятость была обеспечена при высоком уровне неравенства, а это вытекающим образом означает недооценку труда, низкий уровень его оплаты, выступающий также фактором-ограничителем для развития «общества знаний», которое в России в 2–3 раза уступает аналогичной величине в США и ЕС. Поэтому важнейшим направлением структурных изменений является трансформация соотношения в ценах факторов производства,

изменение стоимостного соотношения между материальными затратами — капиталом и трудом.

В-третьих, социальные императивы развития могут быть связаны только с развитием человека, индекс которого ниже, чем выше уровень бедности, давление финансового рынка и высокая динамика, которая, видимо, подавляла в России развитие человеческого капитала, ориентируя его на весьма жёсткую эксплуатацию на рассматриваемом интервале времени.

Тем самым повышаются требования к институциональной координации социальных сфер жизни: образования, науки, медицины, социальной защиты и пенсионного обеспечения, рынков труда и трудовых отношений. Анализ ввода и изменения каждого правила в каждой из названных подсистем может оказаться весьма значимым при движении в решении социальных проблем преодоления кризисных ситуаций в экономике и выхода на качественно иную траекторию экономического роста. При этом рост социального благополучия может замедлять экономическую динамику в силу изменяющихся мотивационных факторов населения. Следовательно, при планировании социальной политики, интенсифицирующей экономический рост, необходимо исходить из нормативно установленных критериев социального благополучия либо иметь чёткие представления о функции социального успеха развития, точные формулировки по поддержанию уровня неравенства, размера бедности и допустимой эксплуатации по капиталистическим схемам использования монопольной власти. Нормативный характер социальной политики, однако, не отменяет того, что она может сильно повлиять на экономическую динамику, причём на мотивационном уровне, который весьма трудно отразить или учесть в каких-либо макроэкономических моделях роста по причине не только системной сложности, но и низкой формализации, а также высокой изменчивости возникающих обстоятельств и связности многих инструментов друг с другом.

¹² Подробнее данный анализ и регрессионное моделирование проведено в работе: Сухарев О.С. Экономический рост и неравенство: пересмотр экономической политики. Экономические стратегии. 2021. №2.

Список источников

1. Анчишкин А.И. Прогнозирование темпов и факторов экономического роста. М.: Макс-Пресс, 2003. 300 с.
2. Глазьев С.Ю. Битва за лидерство в XXI веке. Россия, США, Китай. Семь вариантов ближайшего будущего. М.: Книжный мир, 2017. 352 с.
3. Кругман П. Депрессии — это нечто иное // Экономика для любознательных: о чём размышляют нобелевские лауреаты. М.: Издательство института Гайдара, 2017. С. 26–27.
4. Львов Д.С. Экономика развития. М.: Экзамен, 2002. 512 с.
5. Микульский К.И. Россия в поисках модели экономического роста // Общество и экономика. 2017. №3-4. С. 5–15.
6. Пигу А.С. Экономическая теория благосостояния. В 2 т. Т. 1, 2. М.: Прогресс, 1985. 512 с., 454 с.
7. Сухарев О.С. Социальная политика в решении проблемы неравенства и бедности // Экономика. Налоги. Право. 2021. №2. С. 16–31.
8. Фогель Й. Европейский Welfare mix. Перераспределение общественного продукта в странах ЕС и Швеции: эволюция и перспективы // Politeconom. 2000. №2. С. 74–93.
9. Хелпман Э. Загадка экономического роста. М.: Издательство института Гайдара, 2011. 240 с.
10. Эрхард Л. Благосостояние для всех. М.: Дело, 2001. 352 с.
11. Adeley B.N., Gershon O., Ogundipe A., Owolabi O., Ogunrinola I., Adediran O. Comparative investigation of the growth-poverty-inequality trilemma in Sub-Saharan Africa and Latin // Heliyon. December 2020. №6(12). P. 05631.
12. Brancaccio E., Garbellini N., Giammetti R. Structural labour market reforms, GDP growth and the functional distribution of income // Structural Change and Economic Dynamics. 2018. №44. P. 34–45.
13. Breunig R., Majeed O. Inequality, poverty and economic growth // International Economics. May 2020. №161. P. 83–99.
14. Sotomayor O.J. Can the minimum wage reduce poverty and inequality in the developing world? Evidence from Brazil // World Development. 2021. №138. P. 105182.

15. Sukharev O.S. Technological Development in the Knowledge Economy // PaKSoM, Research and Development Center «IRC AL-FATEC», Niš, Serbia Complex System Research Centre, Niš, Serbia. 2020. P. 17–21.

References

1. Anchishkin A. I. Prognozirovanie tempov i faktorov jekonomicheskogo rosta [Forecasting rates and factors of economic growth]. Moscow: Maks-Press, 2003. 300 p. (In Russ.).
2. Glaz'ev S. Ju. Bitva za liderstvo v XXI veke. Rossija, SShA, Kitaj. Sem' variantov blizhajshego budushhego [The battle for leadership in the XXI century. Russia, USA, China. Seven options for the near future]. Moscow: Knizhnyj mir, 2017. 352 p. (In Russ.).
3. Krugman P. Depressii — jeto nechto inoe [Depression is something else]. Jekonomika dlja ljuboznatel'nyh: o chjom razmyshljajut nobelevskie laureaty [Economics for the curious: what Nobel laureates think about]. Moscow: Izdatel'stvo instituta Gajdara, 2017. P. 26–27. (In Russ.).
4. L'vov D. S. Jekonomika razvitija [Development Economics]. Moscow: Jekzamen, 2002. 512 p. (In Russ.).
5. Mikul'skij K. I. Rossija v poiskah modeli jekonomicheskogo rosta [Russia in search of a model of economic growth]. *Obshhestvo i jekonomika* [Society and Economics]. 2017; (3-4): 5–15. (In Russ.).
6. Pigu A. S. Jekonomicheskaja teorija blagosostojanija V 2 t. [Economic theory of welfare. In 2 vol.] Vol. 1, 2. Moscow: Progress, 1985. 512 p., 454 p. (In Russ.).
7. Suharev O. S. Social'naja politika v reshenii problemy neravenstva i bednosti [Social policy in solving the problem of inequality and poverty]. *Jekonomika. Nalogi. Pravo* [Economy. Taxes. Law]. 2021; (2): 16–31. (In Russ.).
8. Fogel' J. Evropejskij Welfare mix. Pereraspredelenie obshhestvennogo produkta v stranah ES i Shvecii: jevoljucija i perspektivy [European Welfare mix. Redistribution of the social product in the EU countries and Sweden: evolution and prospects]. *Politeconom*. 2000; (2): 74–93. (In Russ.).
9. Helpman Je. Zagadka jekonomicheskogo rosta [The riddle of economic growth]. Moscow: Izdatel'stvo instituta Gajdara, 2011. 240 p. (In Russ.).

10. Jerhard L. Blagosostojanie dlja vseh [Welfare for all]. Moscow: Delo, 2001. 352 p. (In Russ.).

11. Adeley B. N., Gershon O., Ogundipe A., Owolabi O., Ogunrinola I., Adediran O. Comparative investigation of the growth-poverty-inequality trilemma in Sub-Saharan Africa and Latin // Heliyon. December 2020. №6(12). P. 05631.

12. Brancaccio E., Garbellini N., Giammetti R. Structural labour market reforms, GDP growth and the functional distribution of income // Structural Change and Economic Dynamics. 2018. №44. P. 34–45.

13. Breunig R., Majeed O. Inequality, poverty and economic growth // International Economics. May 2020. №161. P. 83–99.

14. Sotomayor O.J. Can the minimum wage reduce poverty and inequality in the developing world? Evidence from Brazil // World Development. 2021. №138. P. 105182.

15. Sukharev O.S. Technological Development in the Knowledge Economy // PaKSoM, Research and Development Center «IRC ALFATEC», Niš, Serbia Complex System Research Centre, Niš, Serbia. 2020. P. 17–21.

Статья поступила в редакцию 21.05.2022; одобрена после рецензирования 15.06.2022; принята к публикации 18.06.2022.

The article was submitted on 21.05.2022; approved after reviewing on 15.06.2022; accepted for publication on 18.06.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сухарев Олег Сергеевич — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономики Российской академии наук.

Россия, г. Москва, Нахимовский пр., 32

Oleg S. Sukharev — Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences.

32 Nakhimovskiy ln., Moscow, Russia

Научная статья

УДК 334

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-3-213-222

ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Станислав Станиславович Яцечко

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия
mail.yatsechko@gmail.com, ORCID: 0000-0002-5238-4873,
AuthorID Scopus: 56685816400, SPIN-код: 9571-8995

Аннотация. Целью статьи является идентификация особенностей и определение перспектив развития института государственно-частного партнерства в цифровую эпоху.

Методология. Поставленная цель достигается с помощью метода регрессионного анализа, благодаря которому устанавливаются причинно-следственные связи между уровнем развития государственно-частного партнерства и различными параметрами цифровой экономики. Исследование проводится на примере ведущих цифровых экономик мира в 2021 г. — как развитых, так и динамично развивающихся.

Результаты исследования. В результате с опорой на эконометрические модели выявлены особенности развития института государственно-частного партнерства в цифровую эпоху. Установлены последствия оптимизации влияющих факторов цифровой экономики для института государственно-частного партнерства в России. Оригинальность статьи заключается в учете нового — цифрового — контекста на институт государственно-частного партнерства. Теоретическая значимость полученных результатов заключается в том, что система выявленных факторов цифровой экономики, влияющих на институт государственно-частного партнерства, уточняет сущность данного института и более достоверно объясняет логику его развития в цифровую эпоху.

Перспективы исследования. Практическая значимость сделанных в статье авторских выводов состоит в том, что проанализированный международный опыт полезен для России — он позволяет наиболее точно прогнозировать и открывает широкие возможности для управления развитием института государственно-частного партнерства в отечественной хозяйственной системе.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство (ГЧП), социальный институт, цифровая эпоха, цифровая экономика, особенности, перспективы, Россия

Для цитирования: Яцечко С. С. Особенности и перспективы развития института государственно-частного партнерства в цифровую эпоху // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 3. С. 213–222. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-213-222>.

Original article

FEATURES AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN THE DIGITAL AGE

Stanislav S. Yatsechko

*Financial University under the Government of Russia, Moscow, Russia
mail.yatsechko@gmail.com, ORCID: 0000-0002-5238-4873,
AuthorID Scopus: 56685816400, SPIN: 9571-8995*

Abstract. *The purpose of the article is to identify the features and determine the prospects for the development of the institution of public-private partnership in the digital age.*

Methodology. *This goal is achieved using the regression analysis method, which establishes causal relationships between the level of development of public-private partnership and various parameters of the digital economy. The study is conducted on the example of the world's leading digital economies in 2021 — both developed and dynamically developing.*

The results of the study. *As a result, based on econometric models, the features of the development of the institute of public-private partnership in the digital age are revealed. The consequences of optimizing the influencing factors of the digital economy for the institution of public-private partnership in Russia are established. The originality of the article lies in taking into account the new — digital — context on the institute of public-private partnership. The theoretical significance of the results obtained lies in the fact that the system of identified factors of the digital economy affecting the institution of public-private partnership clarifies the essence of this institution and more reliably explains the logic of its development in the digital age.*

Research prospects. *The practical significance of the author's conclusions made in the article is that the analyzed international experience is useful for Russia — it allows the most accurate forecasting and opens up wide opportunities for managing the development of the institution of public-private partnership in the domestic economic system.*

Keywords: *public-private partnership (PPP), social institution, digital era, digital economy, features, prospects, Russia*

For citation: *Yatsechko S. S. Features and prospects of development of the institute of public-private partnership in the digital age // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(3): 213–222. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-213-222>.*

Введение. Государственно-частное партнерство (ГЧП) представляет собой уникальный механизм косвенного государственного регулирования экономики, позволяющий стимулировать соблюдение социальных приоритетов в бизнесе и одновременно с этим сохранять конкуренцию и поддерживать свободу и эффективность рыночного механизма. Еще одним преимуществом рассматриваемого механизма выступает то, что он предоставляет государству гибкие возможности корректировки деятельности бизнеса, привлекая его в те отрасли, в которые его не позволяют

перенаправить механизмы прямого регулирования, к примеру, в развитие общественной инфраструктуры, социальное обеспечение и т.п. В связи с этим расширением возможностей государственного управления и преодолением «провалов рынка» определяется высокая прикладная ценность ГЧП.

В существующей литературе вопросам ГЧП уделяется большое внимание. Вопросы ГЧП также проработаны в предыдущих публикациях автора этой статьи [14; 15]. В своих трудах А.Д. Краснов [5; 6], Л.В. Ларченко, Д.Г. Родионов, Х.В. Жарская [7], С.Д. На-

деждина, Н.И. Воронина, Л.М. Пьянкова [8], И.А. Морозова [17], Т.Н. Литвинова, О.В. Кониная, И.А. Мордвинцев [16] указывают на то, что в ГЧП реализуются особые социально-экономические отношения между государством и частным бизнесом.

Поэтому сущность ГЧП не может раскрыть его трактовка как обезличенного правового механизма — вместо этого необходимо рассмотрение ГЧП как социального института. Институциональная природа ГЧП раскрывается в ряде имеющихся публикаций, среди которых работы Э.Р. Ахметшиной, С.Д. Мокичева [1], К.М. Джабарова, Д.Б. Искяева [2], И.Ш. Исмаилова [4], О.О. Савельевой [10], А.В. Савиной [11], А.А. Улугназарова [12] и Е.Б. Шмаковой [13].

Однако, в имеющейся литературе недостаточно полно учитывается современный контекст функционирования института ГЧП. Становление цифровой экономики в России наряду с другими наиболее прогрессивными странами мира коренным образом изменило характер социально-экономических отношений, что неизбежно трансформировало социальные институты [3]. Об этом пишут в своей работе Е.Г. Попкова, А.А. Созинова и В.И. Меньшикова [10]. Малоизученность и в силу этого неопределенность влияния нового — цифрового — контекста на институт ГЧП является пробелом в литературе. Эта статья призвана заполнить выявленный пробел и нацелена на идентификацию особенностей и определение перспектив развития института ГЧП в цифровую эпоху.

Материалы и методы. Это исследование проводится с опорой на метод регрессионного анализа, с помощью которого устанавливаются причинно-следственные связи между уровнем развития ГЧП и различными параметрами цифровой экономики. Для исследования по критерию темпа экономического роста сформирована выборка из топ-10 развитых стран с умеренным темпом экономического роста и топ-10 динамично развивающихся стран с быстрым темпом экономического роста в рейтинге цифровой конкурентоспособности IMD в 2021 г. [18]. Исследование проводится по данным на 2021 г. Эмпирическая база исследования сведена в таблицу 1, где приведены как оригинальные

названия показателей, так и их экономический смысл на русском языке, а также введены обозначения показателей.

На базе установленных зависимостей определяются преимущества развития цифровой экономики для раскрытия потенциала института ГЧП в России.

Результаты. В результате анализа данных из таблицы 1 выявлены следующие особенности развития института ГЧП в цифровую эпоху. Первая особенность: необходимость и значимая роль цифровых кадров в развитии института ГЧП. Цифровые кадры необходимы как государству, так и бизнесу для их непрерывного взаимодействия и успешного сотрудничества. Эту особенность отражает полученная модель линейной регрессии:

$$I_{ppp} = 1,94 + 0,72dg_1. \quad (1)$$

В соответствии с моделью (1) при повышении доступности цифровых кадров на 1 место уровень развития ГЧП возрастает на 0,72 места. О тесной связи рассматриваемых показателей свидетельствует их высокая корреляция: 94,31%. Значимость $F = 3,1 \times 10^{-0,6}$. Это позволяет протестировать достоверность модели на уровне значимости 0,01. На заданном уровне значимости при 20 наблюдениях и 1 переменной ($k_1 = 20 - 2 = 18$; $k_2 = 1$) табличное $F = 8,285$. Расчетное F составило 44,2356 и превысило табличное. F -тест пройден, и модель надежна на заданном уровне значимости.

Вторая особенность: потребность в создании благоприятного нормативно-правового поля, а также установлении, контроле и поддержании справедливых и эффективных «правил игры» на рынках цифровой экономики, где реализуется ГЧП. Эту особенность отражает полученная модель линейной регрессии:

$$I_{ppp} = 1,42 + 0,79dg_2. \quad (2)$$

В соответствии с моделью (2) при повышении эффективности государственного регулирования цифровой экономики на 1 место уровень развития ГЧП возрастает на 0,79 места. О тесной связи рассматриваемых показателей свидетельствует их высокая кор-

Таблица 1
 Table 1

**Статистика ГЧП и цифровой экономики
 в ведущих цифровых экономиках мира в 2021 г., место 1–64¹
 PPP and Digital Economy statistics in the world's Leading Digital Economies in 2021,
 place 1–64**

Категория стран	Место в рейтинге IMD	Страна	Доступность цифровых кадров	Эффективность гос. регулирования цифровой экономики	Уровень развития телекоммуникационной инфраструктуры	Уровень кибербезопасности	Прогрессивность бизнеса	Уровень развития ГЧП
			Digital/ Technological skills	Development & application of technology	Communications technology	Cyber security	Business agility	Public-private partnerships
			dg ₁	dg ₂	dg ₃	dg ₄	dg ₅	Ippp
Развитые страны с умеренным темпом экономического роста	1	США	9	7	15	22	1	11
	3	Швеция	2	2	5	19	13	13
	4	Дания	3	3	2	16	7	1
	5	Сингапур	8	1	10	8	12	3
	6	Швейцария	11	6	8	7	4	5
	7	Нидерланды	6	8	6	21	8	2
	9	Норвегия	7	5	3	18	11	7
	11	Финляндия	1	4	1	5	21	6
	12	Южная Корея	33	45	12	23	5	38
	13	Канада	12	10	29	15	20	12
Динамично развивающиеся страны с быстрым темпом экономического роста	10	ОАЭ	10	9	23	1	10	10
	15	Китай	16	16	13	12	3	4
	26	Малайзия	28	23	43	27	27	17
	30	Катар	12	12	16	4	17	9
	32	Казахстан	50	33	51	43	6	28
	36	Саудовская Аравия	17	19	18	3	35	18
	38	Таиланд	42	30	22	29	34	22
	39	Чили	32	40	30	48	54	24
	42	Россия	49	52	26	45	56	53
	46	Индия	21	26	36	32	36	23

¹ Источник: составлено автором на основе материалов IMD [17].

реляция: 92,29%. Значимость $F = 6,9 \times 10^{-0,9}$. Это позволяет протестировать достоверность модели на уровне значимости 0,01. Расчетное F составило 103,463 и превысило табличное. F -тест пройден, и модель надежна на заданном уровне значимости.

Третья особенность: важное значение телекоммуникационной инфраструктуры для организации и реализации проектов ГЧП. Она необходима как для функционирования системы электронного правительства, так и для осуществления электронных аукционов, в форме которых реализуется ГЧП в условиях цифровой экономики. Эту особенность отражает полученная модель линейной регрессии:

$$I_{ppp} = 6,29 + 0,49dg_3. \quad (3)$$

В соответствии с моделью (3) при повышении уровня развития телекоммуникационной инфраструктуры на 1 место уровень развития ГЧП возрастает на 0,49 места. О тесной связи рассматриваемых показателей свидетельствует их высокая корреляция: 51,77%. Значимость $F = 0,0194$. Это позволяет протестировать достоверность модели на уровне значимости 0,05. На заданном уровне значимости при 20 наблюдениях и 1 переменной ($k_1 = 20 - 2 = 18$; $k_2 = 1$) табличное $F = 4,41$. Расчетное F составило 6,58932 и превысило табличное. F -тест пройден, и модель надежна на заданном уровне значимости.

Четвертая особенность: наличие дополнительного критерия безопасности проектов ГЧП — кибербезопасности. Эту особенность отражает полученная модель линейной регрессии:

$$I_{ppp} = 2,41 + 0,65dg_4. \quad (4)$$

В соответствии с моделью (4) при повышении уровня кибербезопасности на 1 место уровень развития ГЧП возрастает на 0,65 места. О тесной связи рассматриваемых показателей свидетельствует их высокая корреляция: 69,20%. Значимость $F = 0,00072$. Это позволяет протестировать достоверность модели на уровне значимости 0,01. Расчетное F составило 16,5427 и превысило табличное. F -тест пройден, и модель надежна на заданном уровне значимости.

Пятая особенность: новые критерии отбора бизнес-структур для участия в проектах ГЧП. Среди них гибкость бизнеса, склонность и допустимый уровень делового риска, а также активность использования передовых цифровых технологий, так как многие проекты ГЧП направлены на освоение данных технологий. Эту особенность отражает полученная модель линейной регрессии:

$$I_{ppp} = 6,21 + 0,48dg_5. \quad (5)$$

В соответствии с моделью (5) при повышении прогрессивности бизнеса на 1 место уровень развития ГЧП возрастает на 0,48 места. О тесной связи рассматриваемых показателей свидетельствует их высокая корреляция: 59,36%. Значимость $F = 0,0058$. Это позволяет протестировать достоверность модели на уровне значимости 0,01. Расчетное F составило 9,79099 и превысило табличное. F -тест пройден, и модель надежна на заданном уровне значимости.

С опорой на выявленные причинно-следственные связи, описываемые моделями (1)–(5) определены перспективы развития института государственно-частного партнерства в цифровую эпоху (рис. 1–2).

Рисунок 1 свидетельствует о том, что в 2021 г. институт ГЧП в России находится на 53-м месте в мире и, следовательно, обладает потенциалом и нуждается в развитии. Среди влияющих на него факторов цифровой экономики наибольшую поддержку ГЧП оказывает высокий уровень развития телекоммуникационной инфраструктуры (26-е место). Последствия оптимизации влияющих факторов (их приведение к 1-му месту) для института ГЧП в России отражает рисунок 2.

На рисунке 2 продемонстрировано, что при оптимальном влиянии факторов цифровой экономики институт ГЧП в России может получить значительное развитие. Уровень развития института ГЧП может возрасти:

— за счет повышения прогрессивности бизнеса на 79,72% (до 6,69 места);

— за счет роста уровня кибербезопасности на 90,32% (до 3,06 места);

— за счет наращивания уровня развития телекоммуникационной инфраструктуры на 64,29% (до 6,78 места);

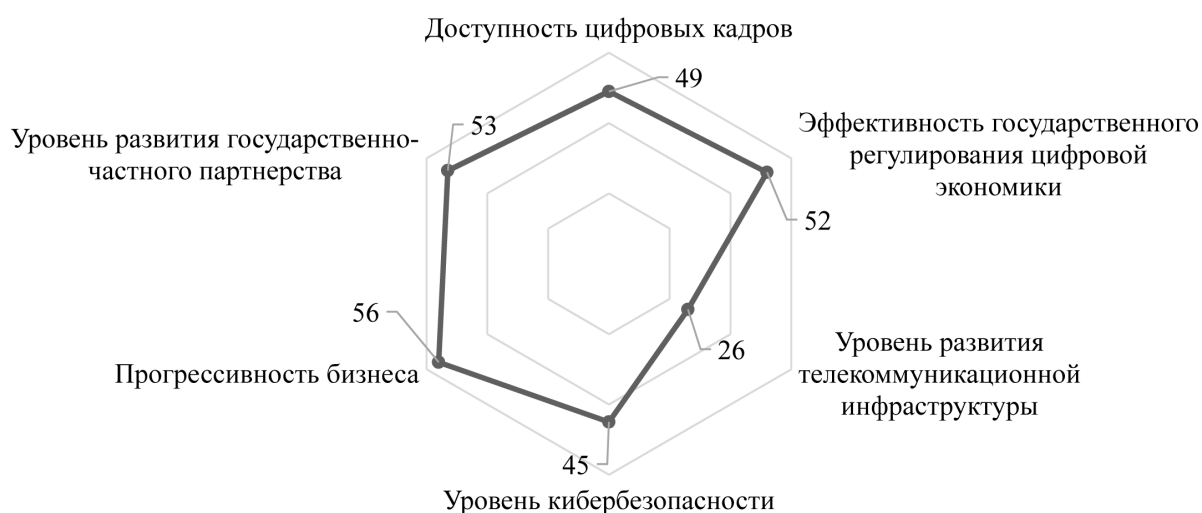

Рис. 1. Уровень развития института ГЧП и влияющие на него факторы в России в 2021 г.²

Fig. 1. The level of development of the PPP institute and the factors influencing it in Russia in 2021

Рис. 2. Перспективы развития института государственно-частного партнерства в цифровую эпоху на базе оптимизации влияющих на него факторов в России³

Fig. 2. Prospects for the development of the institute of public-private partnership in the digital age based on the optimization of factors affecting it in Russia

² Источник: составлено автором на основе материалов IMD [17].

³ Источник: подсчитано и построено автором.

— за счет повышения эффективности государственного регулирования цифровой экономики на 94,81% (до 2,21 места);

— за счет роста доступности цифровых кадров на 92,87% (до 2,67 места).

Заключение. Итак, по итогам проведенного исследования выявлен ряд особенностей института государственно-частного партнерства в цифровую эпоху: значимая роль цифровых кадров, потребность в создании благоприятного нормативно-правового поля на рынках цифровой экономики, важное значение телекоммуникационной инфраструктуры, необходимость обеспечения кибербезопасности, новые критерии отбора бизнес-структур для участия в проектах ГЧП.

Отмеченные особенности выявлены с опорой на международный опыт передовых цифровых экономик, они очертили систему факторов, детерминирующих функционирование института ГЧП в цифровую эпоху. Перспективы развития исследуемого института связаны с обеспечением благоприятного влияния на него установленных факторов. При изолированной оптимизации факторы цифровой экономики позволяют довести уровень развития института ГЧП в России до 2-го места (по сравнению с 53-м местом в 2021 г.), а при системной оптимизации можно ожидать глобального лидерства России по уровню развития института ГЧП.

Вклад статьи в литературу состоит в уточнении сущности и логики развития института ГЧП в цифровую эпоху. Прикладная ценность полученных результатов состоит в том, что учет факторов цифровой экономики позволяет достичь высокой управляемости развития института ГЧП, что востребовано в современной России. Говоря об ограничениях этого исследования, следует обратить внимание на то, что цифровая экономика динамично развивается, в связи с чем вполне можно ожидать, что по мере ее эволюции особенности влияния обусловленных ей факторов на институт ГЧП будут изменяться как по своей природе, так и по составу. Учитывая это, в дальнейших исследованиях целесообразно продолжить изучение причинно-следственных связей развития института ГЧП в цифровую эпоху.

Список источников

1. Ахметшина Э.Р. Теоретический анализ института государственно-частного партнерства и других форм взаимодействия государства и бизнеса // Вестник экономики, права и социологии. 2021. №4. С. 18–21.

2. Джабаров К.М. Развитие института государственно-частного партнерства в целях стимулирования экономического роста дотационного региона России // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2020. №3(48). С. 31–37.

3. Дятлов А.В., Чигрин В.А. Социокультурные основания для модели «сити-менеджмента» в системе российского муниципального управления // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. Т. 4(70). №1. С. 3–9.

4. Исмаилов И.Ш. Институт государственно-частного партнерства в Российской Федерации: проблемы формирования дефинитивной базы и нормативного регулирования // Экономика и предпринимательство. 2020. №3(116). С. 777–780.

5. Краснов А.Д. Государственно-частное партнерство в Российской Федерации в условиях пандемии // Креативная экономика. 2021. Т. 15. №9. С. 3523–3534.

6. Краснов А.Д. Государственно-частное партнерство как механизм предотвращения конфликта интересов бизнеса и власти // Креативная экономика. 2021. Т. 15. №8. С. 3195–3206.

7. Ларченко Л.В. Государственно-частное партнерство как форма реализации крупных инвестиционных проектов городского развития // Инновации. 2021. №6(272). С. 61–67.

8. Надеждина С.Д. Государственно-частное партнерство как резерв развития инфраструктуры территорий // Вестник НГУЭУ. 2021. №2. С. 35–45.

9. Попкова Е.Г. Управление адаптацией современного общества к Индустрии 4.0 на базе информационных волн и импульсов // Вопросы теории и практики журналистики. 2019. Т. 8. №2. С. 438–446.

10. Савельева О.О. О некоторых аспектах проблематики развития института государственно-частного партнерства в России // Colloquium-journal. 2019. №13-13(37). С. 110–111.

11. Савина А.В. К вопросу о публичном и частном интересе в институте государственно-частного партнерства // Актуальные проблемы государства и права. 2019. Т. 3. №11. С. 346–353.

12. Улугназаров А.А. Перспективы института государственно-частного партнерства в условиях пандемии COVID-19 // Бизнес. Общество. Власть. 2020. №4(38). С. 64–68.

13. Шмакова Е.Б. Институт государственно-частного партнерства по законодательству России и зарубежных стран: сравнительный аспект // Образование и право. 2019. №10. С. 279–284.

14. Яцечко С.С. Институт государственно-частного партнерства как фактор развития инвестиционной привлекательности национальных территорий // В сборнике: Устойчивое развитие социально-экономической системы Российской Федерации. Сборник трудов XX Всероссийской научно-практической конференции. Науч. ред. В.М. Ячменевой. 2018. С. 58–62.

15. Яцечко С.С. Подходы к определению сущности понятия «государственно-частное партнерство»: российская практика // Экономика устойчивого развития. 2019. №3(39). С. 91–93.

16. Morozova I. Using public-private partnership for stimulating innovational developments in the infrastructural sphere // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2018. Vol. 9. №4(34). P. 1382–1386.

17. Morozova I.A. Application of new information and communication technologies as a key criterion of highly effective public-private partnership // Perspectives on the Use of New Information and Communication Technology (ICT) in the Modern Economy. Cham, 2019. P. 393–398.

18. World Digital Competitiveness Ranking — 2021 [Electronic resource] // IMD. URL: <https://www.imd.org/centers/world-competitiveness-center/rankings/world-digital-competitiveness/> (date accessed: 13.04.2022).

References

1. Ahmetshina Je. R. Teoreticheskij analiz instituta gosudarstvenno-chastnogo partnerstva i drugih form vzaimodejstvija gosudarstva i biznesa [Theoretical analysis of the institute of

public-private partnership and other forms of interaction between the state and business]. *Vestnik jekonomiki, prava i sociologii* [Bulletin of Economics, Law and Sociology]. 2021; (4): 18–21. (In Russ.).

2. Dzhabarov K.M. Razvitie instituta gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v celjah stimulirovanija jekonomicheskogo rosta dotacionnogo regiona Rossii [Development of the institute of public-private partnership in order to stimulate economic growth of the subsidized region of Russia]. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'nyh tehnologij)* [Bulletin of the BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)]. 2020; 3(48): 31–37. (In Russ.).

3. Djatlov A.V., Chigrin V.A. Sociokul'turnye osnovanija dlja modeli «siti-menedzhmenta» v sisteme rossijskogo municipal'nogo upravlenija [Socio-cultural foundations for the model of «city management» in the system of Russian municipal administration]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Sociologija. Pedagogika. Psihologija* [Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology]. 2018; 4(70)(1): 3–9. (In Russ.).

4. Ismailov I. Sh. Institut gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v Rossijskoj Federacii: problemy formirovanija definitivnoj bazy i normativnogo regulirovanija [Institute of Public-private Partnership in the Russian Federation: problems of formation of a definitive framework and regulatory regulation]. *Jekonomika i predprinimatel'stvo* [Economics and entrepreneurship]. 2020; 3(116): 777–780. (In Russ.).

5. Krasnov A.D. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v Rossijskoj Federacii v uslovijah pandemii [Public-private partnership in the Russian Federation in the conditions of a pandemic]. *Kreativnaja jekonomika* [Creative Economy]. 2021; 15(9): 3523–3534. (In Russ.).

6. Krasnov A.D. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo kak mehanizm predotvrashhenija konflikta interesov biznesa i vlasti [Public-private partnership as a mechanism for preventing conflict of interests between business and government]. *Kreativnaja jekonomika* [Creative Economy]. 2021; 15(8): 3195–3206. (In Russ.).

7. Larchenko L.V. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo kak forma realizacii krupnyh investicionnyh proektov gorodskogo razvitiya [Public-private partnership as a form of imple-

mentation of large investment projects of urban development]. *Innovacii [Innovation]*. 2021; 6(272): 61–67. (In Russ.).

8. Nadezhdina S. D. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo kak rezerv razvitiya infrastruktury territorij [Public-private partnership as a reserve for the development of infrastructure of territories]. *Vestnik NGUJeU [Bulletin of Novosibirsk State University of Economics and Management]*. 2021; (2): 35–45. (In Russ.).

9. Popkova E. G. Upravlenie adaptaciej sovremennogo obshhestva k Industrii 4.0 na baze informacionnyh voln i impul'sov [Management of adaptation of modern society to Industry 4.0 on the basis of information waves and impulses]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki [Questions of theory and practice of journalism]*. 2019; 8(2): 438–446. (In Russ.).

10. Savel'eva O. O. O nekotoryh aspektah problematiki razvitiya instituta gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v Rossii [On some aspects of the development of the Institute of public-private partnership in Russia]. *Colloquium-journal*. 2019; 13-13(37): 110–111. (In Russ.).

11. Savina A. V. K voprosu o publicnom i chastnom interese v institute gosudarstvenno-chastnogo partnerstva [On the issue of public and private interest in the Institute of Public-private Partnership]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava [Actual problems of the state and law]*. 2019; 3(11): 346–353. (In Russ.).

12. Ulugnazarov A. A. Perspektivy instituta gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v uslovijah pandemii COVID-19 [Prospects of the Institute of public-private partnership in the conditions of the COVID-19 pandemic]. *Biznes. Obshhestvo. Vlast' [Business. Society. Power]*. 2020; 4(38): 64–68. (In Russ.).

13. Shmakova E. B. Institut gosudarstvenno-chastnogo partnerstva po zakonodatel'stvu Rossii i zarubezhnyh stran: sravnitel'nyj aspekt [Institute of public-private partnership on the legislation of Russia and foreign countries: com-

parative aspect]. *Obrazovanie i pravo [Education and Law]*. 2019; (10): 279–284. (In Russ.).

14. Jacechko S. S. Institut gosudarstvenno-chastnogo partnerstva kak faktor razvitiya investicionnoj privlekatel'nosti nacional'nyh territorij [Institute of Public-Private Partnership as a factor in the development of investment attractiveness of national territories]. V sbornike: Ustojchivoe razvitie social'no-jekonomicheskoy sistemy Rossijskoj Federacii. Sbornik trudov XX Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Nauch. red. V. M. Jachmenevoj [In the collection: Sustainable development of the socio-economic system of the Russian Federation. Proceedings of the XX All-Russian Scientific and Practical Conference. In V. M. Yachmeneva (eds.)]. 2018. P. 58–62. (In Russ.).

15. Jacechko S. S. Podhody k opredeleniju sushhnosti ponjatija «gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo»: rossijskaja praktika [Approaches to defining the essence of the concept of «public-private partnership»: Russian practice]. *Jekonomika ustojchivogo razvitiya [Economics of sustainable development]*. 2019; 3(39): 91–93. (In Russ.).

16. Morozova I. Using public-private partnership for stimulating innovational developments in the infrastructural sphere // *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. 2018. Vol. 9. №4(34). P. 1382–1386.

17. Morozova I. A. Application of new information and communication technologies as a key criterion of highly effective public-private partnership // *Perspectives on the Use of New Information and Communication Technology (ICT) in the Modern Economy*. Cham, 2019. P. 393–398.

18. World Digital Competitiveness Ranking — 2021 [Electronic resource] // IMD. URL: <https://www.imd.org/centers/world-competitiveness-center/rankings/world-digital-competitiveness/> (date accessed: 13.04.2022).

Статья поступила в редакцию 12.06.2022; одобрена после рецензирования 25.06.2022; принята к публикации 27.06.2022.

The article was submitted on 12.06.2022; approved after reviewing on 25.06.2022; accepted for publication on 27.06.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Яцечко Станислав Станиславович — аспирант Департамента экономической теории, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.

Россия, г. Москва, Ленинградский пр., 49/2

Stanislav S. Yatsechko — Postgraduate Student on Economic Theory Department, Financial University under the Government of Russian Federation.

49/2 Leningradsky av., Moscow, Russia

ФИЛОСОФСКАЯ ИННОВАТИКА PHILOSOPHICAL INNOVATION

Научная статья

УДК 316

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-3-223-232

ДЕНАЦИФИКАЦИЯ УКРАИНЫ: ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКИЙ КОНТЕКСТ

Владимир Николаевич Гурба

*Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
social_rostov@mail.ru, AuthorID Scopus: 57217098825*

Аннотация. *Целью статьи* является анализ содержания и перспектив денацификации Украины как системного процесса «оздоровления» общества, государства и массового сознания на основе преодоления рецидивов нацизма и национализма, критики старых и новых мифов, связанных со становлением украинского государства и нации, а также преодоление культурной травмированности массового сознания под влиянием постмодернистского либерального дискурса декоммунизации и дерусификации украинского общества. На основе реализации методологического принципа единства исторического и логического в статье определяются концептуальные и социально-практические параметры денацификации. Делается вывод о том, что денацификация украинского общества является длительным процессом, связанным с результатами демилитаризации правовых и политических процедур, направленных на формирование ответственного гражданского общества, развития системы самоуправления, реформированием сферы медиа, культуры и образования.

Ключевые слова: денацификация, украинское общество, массовое сознание, культура, мифология, историческая память, антироссийское государство, декоммунизация, дерусификация

Для цитирования: Гурба В.Н. Денацификация Украины: политико-философский контекст // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 3. С. 223–232. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-223-232>.

Original article

DENAZIFICATION OF UKRAINE: POLITICAL AND PHILOSOPHICAL CONTEXT

Vladimir N. Gurba

*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
social_rostov@mail.ru, AuthorID Scopus: 57217098825*

Abstract. *The purpose of the article* is to analyze the content and prospects of denazification of Ukraine as a systemic process of «recovery» of society, state and mass consciousness on the basis

of overcoming relapses of Nazism and nationalism, criticism of old and new myths associated with the formation of the Ukrainian state and nation, as well as overcoming the cultural traumatization of mass consciousness under the influence of postmodern liberal discourse of decommunization and de-russification of Ukrainian society.. Based on the implementation of the methodological principle of the unity of historical and logical, the article defines the conceptual and socio-practical parameters of denazification. It is concluded that the denazification of Ukrainian society is a long process associated with the results of the demilitarization of legal and political procedures aimed at the formation of a responsible civil society, the development of the self-government system, the reform of the media, culture and education.

Keywords: denazification, Ukrainian society, mass consciousness, culture, mythology, historical memory, anti-Russian state, decommunization, de-Russification

For citation: Gurba V. N. Denazification of Ukraine: political and philosophical context // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(3): 223–232. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-223-232>.

Актуальность темы исследования.

Казалось бы, денацификация прочно вошла в общественно-политический дискурс в период после Второй мировой войны как результат урока человечества о неприятии, нетерпимости и постоянной борьбы с человеконенавистнической идеологией, содержащей комплекс идей расового превосходства геноцида и преследования социальных и этнических групп по признаку «неполноценности». Нюрнбергский трибунал 1945 г. был призван положить начало искоренению нацизма, запрета в различных формах и проявлениях, утверждению формулы «это никогда не должно повториться». Однако, как свидетельствует новейшая история, нацизм актуализируется и наполняется действием и смыслом не только в политических и социально-маргинальных группах, движимых интересом к заповедям «третьего рейха», но и становится идеологией государств и обществ [8]. Современная Украина тому очевидное подтверждение.

«Коллективный Запад» выражает недоумение и негодование относительно целей и содержания денацификации Украины, провозглашенной в процессе проведения специальной военной операции, как решающий аргумент используется якобы почти нулевая популярность структур ультрарадикалов, «успехи» молодой украинской демократии, процесс интеграции с западными экономическими и политическими институтами и миссия Украины быть форпостом западной цивилизации на рубежах России. Ясно, что в «новом глобальном порядке», доминирую-

щем на Западе, проявляется качество либерализма быть рассадником леокионных фашистских, а как теперь выявляется, и нацистских идей [3]. Украина, которая стала притчей во языцех с начала обретения суверенности, последовательно определялась как антироссийское государство, где под видом декоммунизации происходила грандиозная по масштабам и затратам работа по реформатированию общественного сознания, по созданию украинской политической нации не столько в качестве аналога европейства, в равной степени воплотившего идеи классического интегрального украинского национализма, входящего истоками в идеологию голичанства, но и «опыта третьего рейха» [1].

В этом смысле денацификация Украины характеризуется как долгосрочный процесс, определяемый и внешними факторами (принуждение Украины к миру, ее демилитаризации), и внутренними (катарсис общественного сознания, возвращение к духовным историческим истокам, недопустимость этнической, этноязыковой, этнокультурной дискриминации, федерализация общественно-политического устройства). Но, признавая приоритет поставленных задач, требуется определиться с тем, что собой представляет украинский нацизм, в каких сферах общественной жизни его проявление аксиоматично. И если дать диагноз «наличному нацизму», у нас возникает уверенность в поиске и обретении инструментов «лечения» украинского общества, которое, как свидетельствуют свежие события, не просто «оболванено и одур-

манено» (к сожалению, активная часть населения принимает безоговорочно постулаты западной и украинской пропаганды), но и нацелено принимать непобедимость украинской армии и уникальность украинской нации как воплотившей идеи «украарийства». Таким образом, для исследователя стоит сложная, но безальтернативная задача концептуально осмыслить украинский нацизм и на основании выверенных выводов надеяться на достижимость заявленной главной цели¹.

Методология исследования. Изучение нацизма имеет давнюю традицию, но ощущаю влияние приходящих политических и идеологических факторов, ведь по существу работа по искоренению нацизма не была завершена полностью. Можно сослаться и на наступление периода «холодной войны», и на снисходительность Соединенных Штатов и их послевоенных союзников к планам возрождения немецкого реваншизма, также неоспоримы уже факты сотрудничества с бывшими «нацистами» в реализации «господства» свободного мира от Советского Союза. Не менее важна последовательная политика оправдания коллаборационизма в странах Прибалтики и Восточноевропейских государств [6]. Это неудивительно в контексте того обстоятельства, что нацизм задумывался и поощрялся Западом, и это очевидно по траектории немецкого нацизма как противодействия к наступлению коммунизму. Можно сказать, немецкий нацизм так и не вышел бы из зародышевого состояния, если бы не помощь американского капитала (Форд, Детердинг). В той же степени к укреплению нацизма и выходу на политическую арену сначала внутри Германии, а затем и в Европе руку приложили антикоммунистические политические элиты Германии и Франции.

Поэтому есть «запрет» на объективное исследование нацизма и как идеологии, и как политической практики. Для нас важно исходить из того, что нацизм в современной Украине является политико-идеологическим феноменом и обладает рычагами реального воздействия на внутривнутриполитическую жизнь,

на общественные настроения, на формирование в украинском обществе массовой агрессии по отношению к «инакомыслящим», просто не согласным с политикой насильственной культурно-языковой ассимиляции, с ревизией исторической памяти, с привлечением языка вражды и ненависти в отношении славянских народов.

Таким образом, определяя методологию исследования темы как принятия позиции объективно-субъективного анализа, мы обязаны, во-первых, согласиться с тенденциозностью и односторонностью понимания нацизма в западной официальной традиции. Во-вторых, признавая ценность эмпирических обобщений, сделанных квалифицированными зарубежными исследователями нацизма, попытаться в рамках советского и современного опыта оценки нацизма проявить методологическую принципиальность, следовать системности и непротиворечивости, рассматривать украинский нацизм в контексте его генезиса и логики [10]. Это важно потому, что вне истории (генезиса) украинский нацизм представляется как эпизод сотрудничества украинских националистов с нацистской Германией во времена Второй мировой войны и имеет риск ассоциироваться с возможностями героизации и реабилитации нацистских пособников в современный период. Также логика исследования должна основываться на принятии социально-философских принципов системности и критичности в связи с действующими идеологическими схемами и наслоениями предшествующей эпохи. Необходимо отметить, что, формулируя вопрос о методологическом выборе в контексте денацификации украинского общества, следует не только ожидать «подозрения» в эпистемологической неполноте, но и признать, что денацификация всегда является горячим политическим моментом на ее причинах и пониманиях конфликта противоположных политических интересов на внутреннем и внешнем уровнях.

Поэтому в рамках исследования есть повод еще раз вспомнить о классическом философском наследии, о том, что денацификация есть предмет рационального философского

¹ Сорокин Н. Денацификация: необходимость очищения украинского общества [Электронный ресурс] // Сообщество «Схватка за Украину». Завтра.ру. 28.02.2022. URL: <https://zavtra.ru/blogs/denatcifikatciya>.

истолкования, нацеленного на обоснованность и достоверность результатов [11]. Вероятно, чтобы избежать тенденциозности, мы в этом ключе опираемся на труды отечественных историков, юристов, социальных психологов, имеющих уникальный опыт осмысления денацификации Германии и Австрии в послевоенный период. При этом денацификация Украины есть повторение ошибок и достижений прошлого. С конца 90х гг. XX в. в либеральной мысли проявился интерес к оценке зарубежной схемы денацификации, особенно американской: обращая внимание на особенность и различия процессов денацификации в Западной и Восточной Германии [5], мы определяем различия целей и способов, когда для наших бывших союзников денацификация Германии характеризовалась ее реконструкцией как либерального государства, и как следствие — мобилизационный проект о воссоздании системы правосудия, образования, кадровой подготовки, включающий денационализацию государственных структур общественного сознания, перевод системы образования в рамки либеральной концепции и главное — прохождение точки невозврата в Германии как самостоятельного субъекта международной политики.

В настоящий момент Россия имеет дело с бывшей советской республикой, входившей в состав СССР и прошедшей период борьбы с нацизмом. Это уже накладывает ограничения методологического характера с актуализацией только критического метода общеидейного наследия, хотя и формировалось в течении тридцати лет украинскими элитами, сохраняется на коллективном уровне в качестве архетипов массового сознания. Но сложность момента состоит в том, что произошла манипуляция общественным сознанием на Украине по двум основаниям: это была якобы чужая война, в которую украинский народ был втянут помимо собственной воли, реально являясь жертвой большевизма и нацизма; честь украинской нации поддерживалась героями бандеровского сопротивления и мучениками совести в послевоенный период в среде украинской диссидентской интеллигенции.

Мы можем вспомнить, что украинский национальный ренессанс в 90-е г. XX в. начался воздаянием по заслугам «узникам»

совести стараниями киевских идеологов возрождения украинского духа и культуры. Возникли массовые националистические движения, которые не проповедовали открыто культ Бандеры, Шухевича, Коновальца, но уже работали исключительно в контексте формулы «Украина — не Россия» и десятилетней борьбы украинского народа за свободу и независимость. На политической сцене позднесоветской Украины под национально-либеральными лозунгами появилась такая организация, как «Рух», в ее программе проводилась идея украинской государственности и украинской нации, противодействия русификации и обращения к истокам украинской культуры и мысли. Самобытный украинский философ Г. Сковорода, который воспринимается националистами подобно Н. Гоголю не персонажем украинской истории в силу духовного родства с русской культурой и русским православием, включается в пантеон украинских мыслителей, а если обратиться к творчеству Тараса Шевченко, то из трагической судьбы поэта был сконструирован образ борца с русским самодержавием как носителем украинской национальной идеи, с русофобией, скрываемой под видом освобождения от имперского гнета.

Таким образом, в методологии исследования признается необходимость разброса оценок и толкований исследуемого объекта, но при этом учитывается классический тип рациональности и движения научного исследования от модерна в постмодерн. Иными словами, для нас важной становится оценка постмодернистского либерального дискурса [4], так как проводниками нацистской политики и нацистской идеологии на Украине являются представители так называемого креативного класса, кстати, происхождением из центральной и восточной Украины в традиционном смысле регионов с российским и «малороссийским» культурным наследием. Если вспомнить, что по заключению Л. Кравчука, президенты Украины Кучма и Ющенко имели формы Малороссии и Новороссии, ясным является понимание симбиозности бандеровского национализма и приятие русофобии как инструмента субъектности правящих элит.

В противоположность философскому модерну внедряемая нацистская идеология отвергает нарратив неприятия нацизма и ле-

гитимирует многообразные националистические, нацистские группировки, принимая их в качестве носителей украинской идеи, украинских патриотов, как на практике, так и в теории, как объяснение нового постсоветского единения, позволяющего освободиться от схем российского неоимператорского мышления, переключения в мировую глобальную цивилизацию. Денацификация украинского общества в силу отмеченных обстоятельств является процессом, требующим перестройки интернациональных основ сфер образования, культуры, массмедиа, политики, катарсиса общественного сознания и соответственно выявления с одной стороны особенностей денацификации по сравнению с демилитаризацией, с другой — их интегрированности. Денацификация Германии началась с поражения под Сталинградом, так же и успех денацификации на Украине будет нарастать с завершением текущих военных операций, с утратой боеспособности украинской армии, уничтожением нацистских военных формирований, блокированием помощи со стороны западных спонсоров нацистского режима и так называемых добровольцев, движимых идеей ненависти к России [6].

Материалы исследования. В опубликованных статьях российских журналистов Н. Сорокина и Г. Бовта отмечается, что эксперимент по денацификации Украины в освобожденных районах Донбасса и Северной Таврии пока ограничивается пропагандистской работой, возвращением к традиционным «томам» советского периода, что рассчитано на историческую память старшего и среднего поколений. Это можно понять в связи с тем, что сложившаяся ситуация не позволяет приступить к решению многих задач, определяемых институциональной структурой в системе социального и политического управления. Для этого используется уже послесоветский опыт по преодолению последствий этносепаратизма на Северном Кавказе и в Поволжье. Вопрос состоит в том, что пока еще рано говорить о политической составляющей денацификации и наиболее достижимый вариант — смена состава администраций, точнее, создание военно-гражданских администраций по типу режима послевоенной Восточной Германии с ближайшей перспективой

подготовки мест и кадров из оппозиционных режиму Киева сил [2]. И здесь не следует обольщаться, что можно использовать опытных, занимающихся не только политической деятельностью, но и включенных непосредственно в процессы управления людей. За истекшее восьмилетие Майдана украинский политический ландшафт изменился не в лучшую сторону: действующие оппозиционные силы были ориентированы на овладение ресурсом власти, основываясь на собственных политических и групповых интересах, часто связанных с финансово-политическими и экономическими группировками, которые являлись спонсорами, если не националистических, то откровенно антироссийских сил, заинтересованных во вступлении в «мировой глобальный порядок» и особенно в «европейскую семью».

Реально на Украине никогда после тридцатилетия независимости не была создана жизнеспособная массовая организация, которая поддерживала бы политику реинтеграции с Россией на постсоветском пространстве с целью нового политического и экономического проекта. Об этом свидетельствует и то, что на протяжении этого периода Украина последовательно сокращала свое участие в различных структурах политической и экономической кооперации с Россией и другими постсоветскими государствами: целенаправленная работа американских «специалистов» по организации «цветных» революций, содействию масштабных ресурсов по финансированию НПО под вывеской «гражданского общества», внешне не могла быть квалифицирована как поддержка нацификации и могла быть сведена только к достижению разрыва с Россией. Но для прояснения момента требуется отметить, что роль националистических организаций была отнюдь не символической: занимая скромные позиции на электоральном поприще, их деятели диктовали политико-идеологические ориентиры партиям первого плана, а влияние оппозиционеров ограничивалось освоением ресурса недовольства населения Востока и Юго-Востока Украины. В конечном счете это привело к тому, что на последних выборах верх одержала партия «Слуга народа», возглавляемая В. Зеленским, идеально подходившим как кандидат, владеющий приемами политического постмо-

дерна, множественности политических элит с претензиями на популизм, патриотизм и откровенной демагогией. Фактически успех В. Зеленского, как и созданной ускоренным темпом партии, определялся тем, что не посягая на привилегию националистов быть идейными и политическими законодателями украинского общества, Зеленский как ставленник украинских олигархов и западных политических сил показывал себя либералом, демократом, но при этом готовым стать ярким патриотом. Очевидно, что страх перед национализмом не являлся причиной внешней принципиальной несовместимости политических позиций, гораздо убедительнее, что Зеленский следовал политике предшествующих президентов в реализации антироссийского проекта. По сравнению с Порошенко, Турчаниновым, Арсенюком и другими деятелями Майдана он демонстрировал готовность угодить и сохранял надежды на восстановление, если не честных, то консультативных отношений с Россией. Но при этом необходимо осознавать, что, действуя формально в рамках конституции украинского законодательства, Зеленский и его команда настойчиво проводили политику уничтожения Донбасса под видом борьбы с сепаратистами и в этом смысле безоговорочно подчинялись националистическим и нацистским формированиям, управляющим деятельностью СБУ, ВСУ и других силовых структур.

Поэтому можно сделать вывод о том, что за истекшее восьмилетие был достигнут «прогресс» по зачищению политического и информационного пространства в Украине, когда под видом борьбы с сепаратизмом за сохранение территориальной целостности страны и украинской конституции путем явных репрессий, террора и угрозы судебного преследования противники киевского режима были без суда и следствия убиты или изгнаны из страны.

Практически был воскрешен опыт германского нацизма, конституционного переворота нацистами с приходом к власти в 1933 г., с созданием концлагерей, запретом оппозиционных партий и развязыванием откровенно антидемократической пропаганды в обществе. Но при этом нацистская Германия сохраняла внешние демократические атрибуты, действовала судебная система,

органы юстиции и правопорядка, взявшие на себя ответственность за национальную и гражданскую безопасность [9]. Украинское правосудие как ни старалось найти виновников одесской трагедии, не сделало ничего для прояснения событий на Майдане в 2014 г., возложив ответственность на Януковича и его окружение. Очевидно, что использование националистических мобильных групп и футбольных ультрас помогли подавить сопротивление в Одессе, Харькове, Днепропетровске и преследовали целью операции зачистку населения Донбасса.

В сложившейся ситуации денацификация Украины на примере северной Таврии показывает всю сложность начатого процесса, где для налаживания нормальной работы пока нет ни соответствующих структур, ни кадров. С этим доводом российских журналистов из издания «Коммерсант» можно согласиться и понять, что активная информационная работа с населением при использовании российских информационных ресурсов является приемлемой в нынешних условиях. Но здесь следует сделать оговорку о том, что часто временное грозит стать постоянным. Имеется в виду, что процесс денацификации может считаться состоявшимся при условии налаживания работы в наиболее прорывных направлениях в сфере школьного и высшего образования, где есть наработки российских образовательных структур, формировании системы исторического воспитания молодежи, создании работоспособных команд на местах. Также есть оптимизм по налаживанию работы региональных правовых и силовых структур, сопровождаемых нейтрализацией деятельности СБУ, которая продолжает политику террора по отношению к «коллораборационистам» (журналистам, хозяйственным управленцам). Для населения по всей Украине важно определиться с судьбой, быть уверенным в том, что Россия пришла на Украину надолго, что подобно советскому опыту денацификации перспективно создание массовых структур, аналога «Свободной Германии», объединяющих независимо от политических координат людей, способных работать на благо Украины.

Как пишет известный американский исследователь Н. Хомский, создавая будущее, война имеет противоположный смысл:

не гарантируя долгосрочного мира, являясь агрессивным милитаризмом на примере Соединенных Штатов, это есть порождение национализма как безразличия к реальности. Хомский проводит блестящий анализ грузинской операции по восстановлению территориальной целостности путем вторжения в Южную Осетию и Абхазию и подтверждает вывод о том, что осуждение России Западом за проведение специальной военной операции разделяет ответственность киевского режима за то, что нацизм на Украине несет многочисленные жертвы и злодеяния. Поэтому денацификация со стороны России есть необходимое условие для перехода к мирной жизни с устранением угрозы постоянных конфликтов со стороны киевского режима, который выполняет в Европе наряду с Польшей и Прибалтикой роль сателлитов американского гегемонизма. Интересно отметить, что идеология украинства, которая сформировалась на протяжении длительного периода украинской истории, является продуктом ассимиляции разнообразных «хтонических» и иррациональных элементов.

В контексте «галичанства» становится ясным, что этнонационализм как достояние духовного провинциализма имеет одинаковые корни на периферии европейской и мировой мысли. Действительно, «галичанство» не может гордиться вкладом в культуру. Практикуемые киевской властью обычаи и обряды являются «изобретенной» традицией, как «вышиванка»: подобное наблюдалось и наблюдается в маргинальных идейных движениях (яркий пример — хорватские усташи, которые приняли формулу геноцида по отношению к сербскому народу, только чтобы показать свою «цивилизованность» и приверженность к германскому нацизму [7]).

Важно также подчеркнуть, что в современной Украине, где культура стала заложником нацификации, проявляется деградация культуры и просвещения, так как постмодернистский проект характеризуется актуализацией националистического дискурса (постулат простоты как идеала украинской красоты в сочетании с нарративом «плавающего означющего», релятивизма культурных значений и смыслов [4]). Это выражается в том, что украинская культура декларируется как свободная от тоталитаристских влияний, на этом

основании от процесса «декоммунизации» придается размах акциям уничтожения «все-го русского» (война с памятниками) и транслируются старые и новые националистические мифы. Аналогично тому, что германский нацизм воспел культ «Валгаллы» и сформировал идеологию «ордена» (СС), в националистической среде поощрялся «Азов» как символ brutального национализма, практика языческих культов с включением нацистской символики характеризовала последовательное завершение нацификации украинской культуры. И это не противоречило и не противоречит постмодернистскому дискурсу «толерантности» с тем существенным замечанием, что толерантность провозглашается как инструмент репрессии против инакомыслия, несогласия с политикой украинизации (сложная судьба РПЦ на Украине). Это, вероятно, связано с проектом «украинского православия» подобно тому, как в нацистской Германии возник и поддерживался государством культ «немецкого христианства».

Если определять денацификацию как постоянный и длительный процесс, целесообразно расставить ключевые моменты, исходя из того, что культура нуждается в защите, что следует формировать в украинском обществе чувство принадлежности к гуманистической традиции и тем самым отстаивать православные и светские ценности на принципах гуманизма и солидарности. Необходимо понимать, что в настоящей ситуации общество на Украине находится в состоянии «толпы», ею движут псевдопророки и акционисты. Не зря поддержку и солидарность с киевским режимом проявляют те, кто провозглашает себя в России совестью интеллигенции, но в реальности являлись и являются русофобами, внедряющими постмодерн для диффамации русской культуры (не случайны нападки на православие со стороны «гельманов»). Таким образом, отстаивая Пушкина и Суворова, мы делаем свою уверенность в денацификации братства народа выражением отношения к совместному будущему, где прослеживается решение двух взаимосвязанных аспектов.

С одной стороны, есть необходимость преодоления культурной травмы, которая, на первый взгляд, является патологией общественного сознания, утратой нормативной

культуры, но, если исходить из тождественных оснований, определяется стереотипами и предрассудками как податливый материал для целенаправленных манипуляций. Фактически денацификация как освобождение от национализма и нацизма означает демифологизацию, включающую как старые, так и новые мифы (история «Голодомора») [14]: вызванное в украинском обществе чувство агрессии и зависти к русскому и российскому реализует сформулированную еще в 90-е г. XX в. концепцию украинской духовности, в которой естественным объектом ненависти и вражды становится все, что связано с Россией, с нашей общей исторической памятью. Критика сотворенных в украинском обществе мифов, и это нужно понимать однозначно, не сводится только к разоблачению «изобретенной» традиции: идеализация насилия, нетерпимости, культуры отмены замаскирована из западной мысли.

Как пишет российский исследователь О.Ю. Пленков, нацизм в Германии имел в качестве предшественника критику духовного состояния немецкой нации, обращение к созерцательной жизни прошлых времен, проповедь демодернизации [9]. Это парадоксально, так как Германия в конце XIX в. являла образец успехов модернизации, но проявлялись опасения по поводу лишения естественного единства нации и народа, и это нашло выражение в нацистской идеологии вины демократии, либерализма и модернизма [12]. Таким образом, победа мифа над разумом означала жажду преодоления распада духовной жизни и возвращения к целостности на основе отвержения современности и рационализма.

В контексте предпринимаемого исследования этот интеллектуальный опыт полезен для понимания логики денацификации, включения механизмов «терапии культурной травмы», что на начальном этапе означает возвращение к событиям совместной жизни на протяжении длительной истории, но уже в ближайшем будущем требует поддержки культурных инициатив по укреплению духовной жизни, направленной на замещение нынешней аморфной массы народом как субъектом политического и социального действия [13].

Речь идет о включении как традиционных механизмов, связанных с ответственно-

стью интеллигенции, защитой культуры Гоголя и Сквороды, так и интеллектуальной базы для принятия новой политической культуры, содержащей перспективу переустройства гражданского общества, способного распознать рецидивы национализма и дать ответ на вызовы, неизбежные для сценариев будущего Украины. Денацификация сферы духовной жизни определяется и тем, в какой степени деятели российской культуры будут осознавать свою ответственность за проведение специальной военной операции, которая является не войной в классическом смысле, а гуманитарной миссией, и в отличие от гуманитарных интервенций НАТО в конце XX в. обладает убеждающей силой антитоталитарного консенсуса, отклонением современного либерального тоталитаризма, порождающего нарратив постмодернистского нацизма [3].

Резюме. Отмечая, что денацификация Украины, имея в виду общество, государство и массовое сознание, является системным долгосрочным процессом. Мы должны осознавать, что в контексте политико-философского анализа денацификация как процесс содержит объективный и субъективный аспекты. Объективно украинское государство сформировалось как этнократическая модель с процедурами имитации демократических институтов, что повторяет опыт нацификации Германии, где нацисты пришли к власти, используя несовершенство Веймарской Республики и способы политической демагогии и популизма. В украинском контексте денацификация имеет определенные особенности, связанные с тем, что на опыт нацификации накладываются присущие украинскому национализму претензии на тысячелетнюю историю Украины и освободительную миссию украинского народа от наземного гнета и порабощения, что являлось и является условием антироссийской модели украинской государственности. В этом смысле денацификация означает перестройку институциональной системы, содержащей блокираторы националистических и олигархических ресурсов. Начало денацификации в освобожденных районах Украины показывает трудности, связанные с дефицитом квалифицированных кадров, саботажем принимаемых военно-гражданской администрацией решений,

некоторой неясностью логики институционализации системы управления и самоуправления при поддержке гражданского общества.

Тем не менее, и это можно сделать в качестве вывода, происходит слом структуры репрессивных органов, работавших в режиме постмодернистского тоталитаризма. Действительно, денацификация характеризуется устранением порождённых в длительном процессе украинскими элитами антироссийского консенсуса и овладения ресурсами власти патриотическими силами.

В субъективном аспекте важно подчеркнуть, что верное решение о формировании нового культурно-информационного пространства не ограничивает перспективы только пропагандой и обращениями к традициям совместной жизни народов России и Украины. Необходимо реализовать дифференцированный подход, отражающий позиции и оценки различного украинского населения (интеллигенция, военнослужащие, управленцы, молодежь, сельские жители): это выражается в том, что, основываясь в принципе на верные идеи исторического братства народов, не следует, исходя из логики разумных компромиссов, внедрять модель ситуативного реагирования и избегать рисков бюрократизации. Поэтому, обращаясь к сфере культуры, медиа, образования, стоит объединить усилия на выработке решений, способных нейтрализовать постмодернистский либеральный дискурс, который стараниями киевских властей сформировал в украинском обществе атмосферу «демократической нетерпимости» к инакомыслию и распространению постправды как нарратива ненависти к вражде, к России и к русскому. Остановить процесс зачистки исторической памяти и «войны с памятниками» можно, если за этим последует кропотливая работа российских общественных и государственных институтов по формированию системы воспитания молодежи и налаживания диалога людей через принятие общих целей по созданию лучшего будущего для Украины.

Список источников

1. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2000. 367 с.

2. В Северной Таврии Россия проводит эксперимент по денацификации // Независимая газета. 29 апреля 2022 г.

3. Голдберг Дж. Либеральный фашизм: история левых сил от Муссолини до Обамы. М.: Рид Групп, 2012. 512 с.

4. Ильин И. Постмодернизм. М.: ИНИОН РАН, 2001. 384 с.

5. Лоу К. Жестокий континент. М.: Центрполиграф, 2013. 477 с.

6. Меттан Г. Запад — Россия: тысячелетняя война. М.: Паулсен, 2016. 464 с.

7. Моссе Дж. Нацизм и культура. М.: Центрполиграф, 2003. 446 с.

8. Мюнкер Г. Империализм. Логика господство над миром. М.: Кучково поле, 2015. 400 с.

9. Пленков О. Ю. Триумф Мифа над разумом. СПб.: Владимир Даль, 2011. 608 с.

10. Социальная эпистемология. М.: Канон+, 2010. 712 с.

11. Тощенко Ж. Т. Этнократия. История и современность (социологические очерки). М.: РОССПЭН, 2003. 432 с.

12. Флад К. Политический миф. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 264 с.

13. Хабермас Ю. Политические работы. М.: Праксис, 2005. 368 с.

14. Шевцов Ю. Новая идеология: голодомор. М.: Европа, 2009. 184 с.

References

1. Al'termatt U. Jetnonacionalizm v Evrope [Ethnonationalism in Europe]. Moscow: Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, 2000. 367 p. (In Russ.).

2. V Severnoj Tavrii Rossija provodit jeksperiment po denacifikacii [In Northern Tavia, Russia is conducting an experiment on denazification]. Nezavisimaja gazeta. 29 aprelja 2022 g. [Independent newspaper. April 29, 2022]. (In Russ.).

3. Goldberg Dzh. Liberal'nyj fashizm: istorija levyh sil ot Mussolini do Obamy [Liberal Fascism: The History of the Left from Mussolini to Obama]. Moscow: Rid Grupp, 2012. 512 p. (In Russ.).

4. Il'in I. Postmodernizm [Postmodernism]. Moscow: INION RAN, 2001. 384 p. (In Russ.).

5. Lou K. Zhestokij kontinent [Cruel continent]. Moscow: Centropoligraf, 2013. 477 p. (In Russ.).

6. Mettan G. Zapad — Rossija: tysjacheletnaja vojna [West — Russia: the Millennial War]. Moscow: Paulsen, 2016. 464 p. (In Russ.).

7. Mosse Dzh. Nacizm i kul'tura [Nazism and culture]. Moscow: Centropoligraf, 2003. 446 p. (In Russ.).

8. Mjunker G. Imperiizm. Logika gospodstvo nad mirom [Imperialism. Logic dominates the world]. Moscow: Kuchkovo pole, 2015. 400 p. (In Russ.).

9. Plenkov O. Ju. Triumf Mifa nad razumom [The Triumph of Myth over reason]. Saint Petersburg: Vladimir Dal', 2011. 608 p. (In Russ.).

10. Social'naja jepistemologija [Social epistemology]. Moscow: Kanon+, 2010. 712 p. (In Russ.).

11. Toshhenko Zh. T. Jetnokratija. Istorija i sovremennost' (sociologicheskie ocherki) [Ethnocracy. History and modernity (sociological essays)]. Moscow: ROSSPJeN, 2003. 432 p. (In Russ.).

12. Flad K. Politicheskij mif [Political myth]. Moscow: Progress-Tradicija, 2004. 264 p. (In Russ.).

13. Habermas Ju. Politicheskie raboty [Political works]. Moscow: Praksis, 2005. 368 p. (In Russ.).

14. Shevcov Ju. Novaja ideologija: golodomor [New ideology: Holodomor]. Moscow: Evropa, 2009. 184 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 06.05.2022; одобрена после рецензирования 22.05.2022; принята к публикации 18.06.2022.

The article was submitted on 06.05.2022; approved after reviewing on 22.05.2022; accepted for publication on 18.06.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гурба Владимир Николаевич — доктор социологических наук, профессор, заместитель полномочного представителя Президента РФ в ЮФО, заведующий кафедрой «Конфликтология и национальная безопасность», Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160, оф. 303

Vladimir N. Gurba — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in the Southern Federal District, Head of the Department of Conflictology and National Security, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.

160 Pushkinskaya st., of. 303, Rostov-on-Don, Russia

Научная статья
УДК 174.4
DOI: 10.17213/2075-2067-2022-3-233-241

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ УНИВЕРСИТЕТА: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Марина Александровна Дидык^{1✉}, Олеся Александровна Мурадян²

^{1,2}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹madidyk@sfedu.ru[✉], SPIN-код: 1975-3571

²oamuradyan@sfedu.ru, SPIN-код: 9528-5955

Аннотация. Целью исследования является рассмотрение актуальных вопросов образовательной системы на современном этапе в эпоху пандемического и постпандемического пространства, перевернувшей представление об образовании, Университете, его месте и роли в ситуации глобализирующегося мира.

Методология. В представленной статье мы использовали методы анализа, сравнения и классификации. В выведении основных положений мы апеллировали к методу мозгового штурма.

Результаты исследования. Трансформационный слом в соотношении национальных и глобальных университетов создает новое представление о миссии последних, а также о тех представлениях о структуре внутри Университета, которые оказываются наиболее актуальными в современном мире тотальной цифровизации. Выделяя этический и философский компоненты в этой схеме как связующее звено в процессе формирования образования нового и лучшего образца для студента, как ключевую единицу культурного и образовательного процесса, мы показали их неоспоримую значимость в формировании специалиста будущего.

Перспективы исследования. Представленные положения, к которым мы приходим в статье, позволяют использовать их на практической основе в современной модели обучения в Университете.

Ключевые слова: образование, современная культура, университет, глобальный университет, цифровая этика, soft skills, hard skills

Для цитирования: Дидык М. А., Мурадян О. А. Образовательная модель университета: вызовы современного мира // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 3. С. 233–241. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-233-241>.

Original article

EDUCATIONAL MODEL OF THE UNIVERSITY: CHALLENGES OF THE MODERN WORLD

Marina A. Didyk^{1✉}, Olesya A. Muradyan²

^{1,2}*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

¹*madidyk@sfedu.ru*✉, SPIN: 1975-3571

²*oamuradyan@sfedu.ru*, SPIN: 9528-5955

Abstract. *The purpose of the study is to consider the topical issues of the educational system at the present stage in the era of pandemic and post-pandemic space, which has turned the idea of education, the University, its place and role in the situation of a globalizing world.*

Methodology. *In the presented article, we used methods of analysis, comparison and classification. In deducing the main provisions, we appealed to the method of brainstorming.*

The results of the study. *The transformational breakdown in the ratio of national and global universities creates a new idea about the mission of the latter, as well as about those ideas about the structure within the University that are most relevant in the modern world of total digitalization. Highlighting the ethical and philosophical components in this scheme as a link in the process of forming a new and better model of education for the student, as a key unit of the cultural and educational process, we have shown their indisputable importance in the formation of a specialist of the future.*

Research prospects. *The presented provisions, which we come to in the article, allow us to use them on a practical basis in the modern model of teaching at the University.*

Keywords: *education, modern culture, university, global university, digital ethics, soft skills, hard skills*

For citation: *Didyk M. A., Muradyan O. A. Educational model of the University: challenges of the modern world // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(3): 233–241. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-233-241>.*

Введение. Восприятие культурной идентичности в соединении с понятием глобализации оказывается в сложном положении в эпоху цифровизации в культуре, когда все чаще употребляют термин «цифровая идентичность» по отношению к индивиду. Не обошла эта проблема и образовательную среду, а также те волнующие нас проблемы этического характера, которые являются наиболее актуальными в постоянно меняющемся пандемическом и постпандемическом мире. К этим событиям сейчас добавляется еще и рефлексия на специальную военную операцию, в связи с которой мы наблюдаем еще более значительные изменения в мире в целом и по отношению к науке и образованию в частности. Особенно это касается России и ее образовательной среды. «В современном мире коммуникации выступают основой конструирования идентичности как на социальном, так и на личном уровнях» [4, с. 67], именно это и стимулирует нас к постановке проблемы и решению тех вопросов, которые отражают современную ситуацию

в процессе общения, воспитания и, конечно, образования в едином ключе. В этом смысле совершенно не случайно именно в «Год науки и технологий» (2021 год) обозначилась потребность в формировании группы университетов-лидеров, создающих новое научное знание и технологии, транслирующих лучшие образцы и практики инновационной образовательной и научно-исследовательской деятельности, а главное — формирующих у выпускников «навыки и умения, необходимые для их успеха на современном рынке труда и в будущем в условиях стремительного научно-технологического прогресса», о чем говорится в программе «Приоритет 2030».

В этом контексте стратегическая цель современного университета — «стать глобальным исследовательским университетом по ключевым направлениям актуальной научной повестки, ведущим интегратором инноваций в сфере знаний, высоких технологий и социального конструирования, обеспечивающим инновационное развитие», а также

национальную безопасность и конкурентоспособность страны. То есть, можно сказать, что такая постановка цели отражает пункты, позволяющие назвать университет «глобальным»¹, показывает, что его «ориентация на достижение международной конкурентоспособности и открытость для абитуриентов из самых разных стран»² является одной из приоритетных, поскольку демонстрирует включенность университета в международную образовательную среду. Однако, на наш взгляд, успех будет зависеть от того, каким главным смыслом будет наполнен концепт «глобальный университет» для каждого национального университета, вступившего на этот путь преобразования.

Обсуждение проблемы. В представленных в 2019 году этических проблемах [1] говорится о том, что сейчас происходит «размывание культурной идентичности» [5, с. 25], и в этом ключе особо выделяются этические проблемы цифрового образования. Современная цифровая трансформация образовательной системы, благодаря которой происходит развитие самостоятельности обучающихся, устранение бумажных и канцелярских вопросов, снижает процесс социализации, внимания и усидчивости обучаемых, их физическое развитие, демонстрирует зависимость от технической базы и ее качества, что выводит на первый план проблемы, решаемые цифровой этикой как частью информационной этики, а также процессы обновления и сохранения внутри самого Университета.

Еще в 1938 году реформатор в сфере образования Джон Дьюи считал, что главным в Университете является студент, так как именно он находится в центре всего научного сообщества [10], а, следовательно, на него следует обращать пристальное внимание и создавать модель образования, максимально раскрывающую потенциал и будущее встраивание в поле науки. Студент — это бывший абитуриент, только что окончивший школу с так называемым универсальным

портфелем знаний, навыков и умений. Поступление в Университет распределяет абитуриентов по дисциплинарным терминалам. В учебных планах заложены как общие курсы, знакомые студенту из школьной программы, поддерживающие его образовательную компетентность и остаточные знания, без которых невозможно обойтись в меняющемся мире, а также специальные курсы, представление о которых у студентов будет формироваться именно в стенах университета. По нашему мнению, главной и первой новацией здесь для студента выступает «философия», отличающаяся, однако, по длительности чтения курса на различных специальностях, так как именно она была (имея в виду историко-культурный европейский университетский контекст) и является основным тренажером разума, коучем мыслительного процесса, определителем формирующегося современного субъекта, адаптирующегося к современности, инновационно мыслящего, креативного, мобильного и способного принимать решения в критических ситуациях. На втором этапе, получая специализированную часть информативной базы, наполняющую дисциплинарный портфель, направленный на создание профессионала в конкретном терминале, философия также действует, создавая рефлексию и позволяя студенту лучше воспринимать новые знания. Иными словами, мы видим, что, сопрягая образовательную работу с научной, студент попадает в ситуацию стресса, так как еще не научился ставить проблему, задавать вопросы, искать причины, обнаруживать тайну, созерцать и умозаключать. Он не всегда дружен с логическим построением и не всегда понимает то, ради чего. В итоге вместо творческого исследователя мы получаем, за редким исключением, лишь винтик механизма, не способный быть самостоятельным. Это лишь запрограммированный исполнитель своей роли.

Еще в античности прозвучали слова Гераклита, помогающие понять главную проблему образования: «Многознание уму не научает». Поэтому все имеющиеся на сегодня

1 Российское образование мирового класса! [Электронный ресурс] // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. URL: <https://www.stop100.ru/about/more-about/>.

2 Галажинский Э. «Постпандемические» модели вузов: Новый глобальный университет [Электронный ресурс] // Слово — ректору. Сайт Томского государственного университета. URL: https://www.tsu.ru/university/rector_page/postpandemicheskie-modeli-vuzov-novyy-globalnyy-universitet/.

три уровня образовательной траектории (бакалавриат, магистратура, аспирантура), остающиеся без мозгового штурма, тренажера, даже при соблюдении последовательного погружения в терминал дисциплинарности не способны сделать взрывные новации. Что говорить о миграционной корреляции, когда вторая и третья ступень наполняется «чужими» выпускниками? Это ведет к шаблонированию и утрате индивидуальности, чреватой размыванию ядра — центра, без которого наука не сможет продолжить развитие, а то, что окажется в ее архиве, останется невостребованным или бесследно исчезнет. «В академическом мире философия находит свое место, профессионально способствуя дисциплине и формулированию целей» [11, р. 225], такой взгляд подтверждает нашу идею о роли философии, и она становится особенно очевидной, несмотря на стремительное расширение вопросов использования искусственного интеллекта и устранения необходимости человека как творца. Философия, напротив, возвращает нас к истокам, позволяющим не сбрасывать возможности человеческого разума даже в этих условиях. Однако чаще мы видим, что ее роль остается недооцененной. Так, например, современная акторно-сетевая теория [9], например, в лице Б. Латура, сводящая все к единому основанию, где и человек, и нечеловеки (а это вся материальная база и технологии) воспринимаются на одном уровне значимости для получения знания. Здесь мы конкретно видим уход и от приоритета творческой активности человека-ученого, и от его реальной значимости для будущего мира — создаются роботы, «умная» техника, которые очевидно заменяют людей и создают ситуацию атрофированного мышления. Человек становится лишь такой же частью системы отношений, как и любой другой объект. Да, он все еще присутствует в мире, но не играет той решающей роли и, можно сказать, не воспринимается венцом Творения, как было раньше. В то же время проявить свою творческую сущность мы можем лишь тогда, когда находимся в определенной среде, позволяющей взаимодействовать с ней и получать результат. «Пираты» [6], о кото-

рых говорит в своих культур-философских работах русский мыслитель М.К. Петров, универсальные люди европейского мира, смогли показать себя и свою особенность, отклонение от нормы, нестабильность именно благодаря тому, что соединили свои возможности со средой, необходимостью изменения и способностью к творчеству в своей человеческой сущности. «АНТ лишила человека (“меру всех вещей”) привилегированного положения. В результате представление людей и опредмеченной сферы превратилось в гибридную социально-материальную форму существования пространства знания» [7, с. 49].

Тогда кажется, что достаточно остановиться на технологиях как некой совокупности методов и инструментов для достижения желаемого результата без научного вмешательства. Здесь мы сойдемся во взглядах с обозначенной выше акторно-сетевой теорией, которая не делает различий между науками и технологиями, а сама наука представляется в ней как сеть гетерогенных элементов, соединенных набором разнообразных практик. Однако, так как одно без другого вряд ли вероятно, решения практических задач невозможны без обращения к научному знанию, мы добавим, что необходимо не просто связующее или подчиняющее звено, но направляющее и позволяющее добиваться лучших результатов. Разумеется, здесь идет речь об обновленной философии, так называемой метафилософии. В принятии такого рулевого мы расходимся в главном с акторно-сетевой теорией и оставляем человеческое мышление в основе угла будущего развития. Однако, это не отрицает факт того, что «распространение и популярность технологий помогут обществу в целом осознать необходимость пересмотра миссии университета и, следовательно, философии образования»³, как комментирует эту проблематику марокканский профессор сравнительной культурологии Дж. Бенхайун, автор теории «Нового глобального университета».

На какие навыки тогда необходимо ориентироваться сегодня в создании выпускника? Само собой разумеется, что в противовес «жестким» профессиональным навыкам Hard

3 Jamal Eddine Benhayoun. The new global university in the post-COVID-19 world [Electronic resource] // University world news. 04 July 2020. URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20200704092348232//>.

Skills становятся все более востребованными гибкие навыки Soft Skills. «Система 4К», выведенная из десяти компетенций Клауса Шваба и его представлений о мире в рамках «четвертой промышленной революции» [8], наиболее популярная сегодня в образовательной среде, полностью вписывается в ту итоговую базу, которую необходимо предложить в университете на каждом этапе завершения обучения. Здесь мы имеем в виду формирование критического мышления, креативности, коммуникации и координации, причем абсолютно очевидно, что первые три полностью закрываются философией, и даже четвертый навык идет на стыке философии и психологии.

Таким образом, современный глобальный Университет должен представлять собой активное научно-исследовательское, образовательное и интерактивное ядро подготовки, обеспечивающее становление духовно и физически здорового, высокоинтеллектуального, социально адаптированного, креативного, критически мыслящего, стремящегося к активной самостоятельной деятельности, конкурентоспособного специалиста, готового генерировать и реализовывать новые идеи в различных областях знаний, обладающего необходимыми компетенциями для успешной реализации в профессиональной деятельности и социокультурной адаптации. То есть это полностью коррелирует с его определением на мировой арене: «университет должен представлять собой источник интеллектуальной изобретательности, гражданской культуры и социальной интеграции»⁴.

В то же время в наиболее актуальном варианте представления основных признаков глобального университета относят гораздо больше пунктов, которые позволяют максимально очертить круг охваченных этим понятием вопросов. Сюда относят: «международные (трансконтинентальные, в пределах — глобальные) географические параметры деятельности, включая наличие филиалов в нескольких/многих странах и/или значительную долю студентов, преподавателей и исследователей из разных стран; большой контингент обучающихся; использование

в образовательной и научно-исследовательской деятельности глобальных информационных ресурсов и свободу доступа к собственным информационным и прежде всего учебно-методическим ресурсам; мировой уровень осуществляемой научно-исследовательской деятельности; глобальную известность, значимость и высокий международный авторитет» [3]. То есть мы видим, что здесь делается упор не на саму суть «нового университета», а именно на его встраиваемость в повсеместный процесс глобализации и место национального кода в этом процессе. Данная схема демонстрирует современное настроение в науке, которое в ближайшее время выйдет на более существенный уровень, а, следовательно, нам необходимо реагировать и рефлексировать, занимаясь вопросами усовершенствования модели пока еще национального университета.

Возвращаясь к высказанным трехчленной системе, можно сказать: первое, что позволит осуществить научно-исследовательскую часть, — это создание исследовательского научного центра, ориентированного на встраивание в глобальность современного «Университета» с сохранением, стабилизацией и трансляцией «университетского кода» каждого частного университета в системе научной кооперации. Во второй, образовательной части, это создание философского адаптивного образовательного центра креативного и критического мышления как базовой модели интегративных технологий (STEAM) в преодолении глобальных проблем. Наконец, третий пункт — создание этико-прогностического центра как современного коммуникатора и регулятора социальной жизни субъекта в условиях цифровизации.

По сути, мы выходим на три центра мобильности, сформированные на традиционных основаниях, но по динамическим технологиям, взаимозависимые, взаимодействующие и взаимосвязанные в системе меж- и метадисциплинарности. В этом контексте важно соединение воспитания и образования как этики и философии, так как «нравственное воспитание, как оно существует в сфере образования, является проявлением обучения

⁴ Jamal Eddine Benhayoun. The new global university in the post-COVID-19 world [Electronic resource] // University world news. 04 July 2020. URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20200704092348232//>.

аспектам мудрости» [11, р. 216]. Это особенно актуально в эпоху цифровизации, о которой мы уже говорили ранее. При создании возможности глобального образования, столкновении с огромными потоками информации, взаимодействии с большим количеством людей появляется потребность формировать правила этикета в сетевом пространстве, которые позволят не потерять себя, сохранить свою культурную идентичность и в то же время максимально проявить талант. Мы видим, что «в связи с современными изменениями контекста культуры происходит трансформация и всей идентификационной парадигмы, влекущей за собой изменения в понимании индивидуальности» [4, с. 68]. Отсюда становятся очевидными сложности и в проекте персонализации образования, и вообще в тех пунктах, которые выделяются в цифровой этике. Сегодня все чаще говорят о том, что идентичность формируется самим человеком, устанавливающим ценности и границы, отражающиеся в культурных феноменах [4]. Однако, изменяется роль традиции в рамках образовательных учреждений, выходящих на всеобщий уровень в процессе обучения [2], поэтому предложенная выше трехчленная схема позволит встать на метауровень цифровой этики, которая поможет максимально реализовать механизм коммуникации студентов с преподавателями, преподавателей с преподавателями, студентов со студентами и обеспечить выход за рамки университета, который будет проецироваться благодаря тому, что они получили в модуле коммуникации. Этот ключевой Центр прогностическим образом поможет выявлять основные проблематики и актуальные вопросы, существующие на сегодняшний день, и те, которые могут появиться в ближайшем будущем, учитывая скорость и непрерывность меняющегося мира. Все это предполагает активное внедрение этики в помощь решения актуальных уже на данном этапе тем⁵. Новый глобальный университет

должен разрешать противоречие между универсальностью и индивидуальностью, сохраняя преимущества обоих векторов, а это безусловно ставит под вопрос личные границы студентов и преподавателей, что и ведет к актуализации новых этических проблем образовательной сферы. Однако, мы понимаем, что оба процесса перспективны, и основная задача — примерить их и направить на качественное улучшение образования с одной стороны, а с другой — на благоприятную его реализацию.

Заключение. Таким образом, мы приходим к выводу о том, что глобальный университет или, как сейчас уже начинают говорить, «новый глобальный университет» — это открытый университет, но со своим «лицом», своими традициями, требующий сохранения и приумножения накопленных ценностей в системе генерации и трансфера научных знаний и технологий. «Университет, который нам нужен для будущего, — это тот, который сохраняет традиции академического превосходства, но также продвигается вперед, чтобы заставить существующие традиции приспосабливаться к новым разработанным подходам к образованию, продиктованным давлением и изменениями настоящего»⁶.

Прогнозирование деятельности Университетов как ключевого звена в образовании в будущем приводит к выводам и о том, что из них уйдут те формы хранения данных, к которым мы привыкли в традиционном формате, а также контроль за образовательным процессом, не позволяющий формировать студенческую ответственность, ну и, конечно, образовательные стандарты, не позволяющие двигаться по индивидуальной траектории, как описала эту ситуацию ректор первого сетевого Университета 20.35 Нина Яныкина⁷.

В контексте ситуации «вызова-ответа» и необходимости определения стратегий со-

5 Коршунова С. В., Потапова Е. Г., Ткачева К. А., Туманова М. В. Этика и «цифра»: от проблем к решениям [Электронный ресурс] // Аналитический доклад. Сумма технологий. 2021. URL: <https://ethics.cdto.center/2021/1-vvedenie-zachem-ehitika-gossluzhashchim>.

6 Jamal Eddine Benhayoun. The new global university in the post-COVID-19 world [Electronic resource] // University world news. 04 July 2020. URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20200704092348232//>.

7 Нина Яныкина: Цифровизация вокруг человека должна быть заложена в идеальной модели цифрового университета [Электронный ресурс] // Интервью Нины Яныкиной журналу «Education Export Magazine» (№4, март-апрель 2021 г.). Деловой Альянс. URL: <https://technobroker.group/news/Nina-Yanykina-EEMagazine>.

циально-экономического развития региона, вписывающегося в инновационное пространственное развитие страны с целью обеспечения присутствия РФ в числе 10 ведущих стран мира по объему исследований и разработок национальной цели «Возможности для самореализации и развития талантов», Университет спроектировал целевую модель развития, ключевые характеристики которой вполне определяют будущее структурных подразделений, логически вписывающихся в инновационную систему взаимодействия. Тем более что сегодня мы все чаще говорим о трансформации не только в научном и технологическом ключе, но также в культурном, социальном и географическом. Все чаще качество образования связывают с условиями его получения, не с улучшением изолированных университетов, а созданием «инновационных кварталов»⁸, которые демонстрируют мировой уровень восприятия образования, включенного в жизнь каждого члена общества.

Список источников

1. Материалы XI международной конференции «Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы — 2019. К грядущему цифровому обществу. Опыт этического прогнозирования (100 лет со дня рождения Д. Белла — 19.19.2019)» (Санкт-Петербургский государственный университет, 21–23 ноября 2019 г.) / Отв. ред. В. Ю. Перов. СПб.: ООО «Сборка», 2019. 188 с.

2. Валеева Г. В. Этические проблемы цифровизации высшего образования (аналитический обзор современных исследований) // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2021. №2(38). С. 51–60.

3. Елецкий Н. Д. Риски академической и организационной онлайн-мобильности. Идея «глобальных университетов» и практика трансформации высшего образования [Электронный ресурс] // Независимая. 09.11.2021. URL: https://www.ng.ru/science/2021-11-09/14_8296_idea.html.

4. Лисенкова А. А. Трансформация идентичности в цифровую эпоху // Вопросы философии. 2020. №3. С. 65–74.

5. Назарова Ю. В. Новая цифровая этика в виртуальном пространстве: дилеммы контроля и этической экспертизы // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2019. Т. 1. №4(32). С. 23–30.

6. Петров М. К. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. М.: РОССПЭН, 1995. 238 с.

7. Руденко Н. И. Сети, знание и реальность: проблематика социальной топологии в концепции Джона Ло // Социология власти. 2012. №6-7(1). С. 38–51.

8. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: «Эксмо», 2018. 285 с.

9. Латур Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими усложнениями // Логос. 2017. Т. 27. №1. С. 173–200.

10. Dewey J. Experience and Education. N. Y.: Macmillan, 1938. 91 p.

11. Mammen Asha Sara «Engaging with influential thinkers: educational philosophies» [Electronic resource] // Wisdom. 2020; 3(16): 216. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/engaging-with-influential-thinkers-educational-philosophies-and-policies-enduring-the-test-of-time/viewer>.

References

1. Materialy XI mezhdunarodnoj konferencii «Teoreticheskaja i prikladnaja jetika: Tradicii i perspektivy — 2019. K gradushhemu cifrovomu obshhestvu. Opyt jeticheskogo prognozirovanija (100 let so dnja rozhdenija D. Bella — 19.19.2019)» (Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet, 21–23 nojabrja 2019 g.) [Materials of the XI International Conference «Theoretical and Applied Ethics: Traditions and prospects — 2019. Towards the coming digital society. The experience of ethical forecasting (100 years since the birth of D. Bell — 19.19.2019)» (St. Petersburg State University, November 21–23, 2019)]. Otv. red. V. Ju. Perov [In V. Yu. Perov (eds.)]. Saint Petersburg: ООО «Sborka», 2019. 188 p. (In Russ.).

2. Valeeva G. V. Jeticheskie problemy cifrovizacii vysshego obrazovanija (analiticheskij obzor sovremennyh issledovanij) [Ethi-

⁸ В России построят 30 кампусов мирового уровня. Какими они будут? [Электронный ресурс] // Skillbox media. 23.09.2021. URL: <https://skillbox.ru/media/education/v-rossii-postroyat-30-kampusov-mirovogo-urovnya/>.

cal problems of digitalization of higher education (analytical review of modern research)]. *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo* [Humanities Bulletin of Tolstoy State Pedagogical University]. 2021; 2(38): 51–60. (In Russ.).

3. Eleckij N.D. Riski akademicheskoj i organizacionnoj onlajn-mobil'nosti. Ideja «global'nyh universitetov» i praktika transformacii vysshego obrazovanija [Risks of academic and organizational online mobility. The idea of «global universities» and the practice of transformation of higher education] [Elektronnyj resurs]. *Nezavisimaja*. 09.11.2021. URL: https://www.ng.ru/science/2021-11-09/14_8296_idea.html. (In Russ.).

4. Lisenkova A.A. Transformacija identichnosti v cifrovuju jepohu [Transformation of identity in the digital age]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. 2020; (3): 65–74. (In Russ.).

5. Nazarova Ju. V. Novaja cifrovaja jetika v virtual'nom prostranstve: dilemmy kontrolja i jeticheskoj jekspertizy [New digital ethics in the virtual space: dilemmas of control and ethical expertise]. *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo* [Humanities Bulletin of Tolstoy State Pedagogical University]. 2019; 1(4(32)): 23–30. (In Russ.).

6. Petrov M.K. *Iskusstvo i nauka. Piraty Jegejskogo morja i lichnost'* [Art and science. Pirates of the Aegean Sea and personality]. Moscow: ROSSPJeN, 1995. 238 p. (In Russ.).

7. Rudenko N.I. Seti, znanie i real'nost': problematika social'noj topologii v koncepcii Dzhona Lo [Networks, knowledge and reality: problems of social topology in the concept of John Lo]. *Sociologija vlasti* [Sociology of Power]. 2012; 6-7(1): 38–51. (In Russ.).

8. Shvab K. *Chetvertaja promyshlennaja revoljucija* [The Fourth Industrial Revolution]. Moscow: «Jeksmo», 2018. 285 p. (In Russ.).

9. Latur B. Ob aktorno-setevoj teorii. Nekotorye raz'jasnenija, dopolnennye eshhe bol'shimi uslozhnenijami [On actor-network theory. Some clarifications supplemented with even greater complications]. *Logos*. 2017; 27(1): 173–200. (In Russ.).

10. Dewey J. *Experience and Education*. N.Y.: Macmillan, 1938. 91 p.

11. Mammen Asha Sara «Engaging with influential thinkers: educational philosophies» [Electronic resource] // *Wisdom*. 2020; 3(16): 216. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/engaging-with-influential-thinkers-educational-philosophies-and-policies-enduring-the-test-of-time/viewer>.

Статья поступила в редакцию 16.05.2022; одобрена после рецензирования 26.05.2022; принята к публикации 18.06.2022.

The article was submitted on 16.05.2022; approved after reviewing on 26.05.2022; accepted for publication on 18.06.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дидык Марина Александровна — кандидат философских наук, доцент кафедры «История зарубежной и отечественной философии», Южный федеральный университет (ЮФУ).

Россия, г. Ростов-на-Дону, Днепроvский пер., 116

Marina A. Didyk — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of «History of Foreign and Domestic Philosophy» Department, Southern Federal University.

116 Dneprovsky ln., Rostov-on-Don, Russia

Мурадян Олеся Александровна — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры «Теория культуры, этики и эстетики», Южный федеральный университет (ЮФУ).
Россия, г. Ростов-на-Дону, Днепроvский пер., 116

Olesya A. Muradyan — Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer of «Theory of Culture, Ethics and Aesthetics» Department, Southern Federal University.
116 Dneprovsky ln., Rostov-on-Don, Russia

Вклад авторов:

Дидык М. А. — написание исходного текста; итоговые выводы.

Мурадян О. А. — написание исходного текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Didyk M. A. — writing the source text; final conclusions.

Muradyan O. A. — writing the source text; final conclusions.

Научная статья
УДК. 304.2
DOI: 10.17213/2075-2067-2022-3-242-248

ЛИЧНОСТЬ ПЕТРА ПЕРВОГО В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРНОГО КОДА ДОНСКОГО РЕГИОНА

Ирина Александровна Левандина¹✉, Ирина Анатольевна Чеботурова²

¹*Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия*

²*Старочеркасский историко-архитектурный музей-заповедник,
ст. Старочеркасская, Россия*

¹*ilevandina@inbox.ru* ✉, *ORCID: 0000-0002-0387-4147, AuthorID РИНЦ: 889522*

²*siamz2008@yandex.ru*

Аннотация. *Целью исследования является культурный код Донского региона — уникальное культурное бессознательное, позволяющее сохранять самобытность, самосознание, особенности донского казачества и связанное с личностью Петра Первого.*

Методологическую базу исследования *представляют подходы, сформировавшиеся в рамках философского и культурологического знания, в частности труды Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Дж. Тойнби, К. Рапая. К используемым научным методам относятся: социально-философский, историко-культурный, биографический, метод музейного источниковедения.*

Результаты исследования. *Кризис духовности в мировом и общероссийском масштабах привел к катастрофическим последствиям, ставящим под угрозу само существование Русского Мира — цивилизационного пространства духовных и материальных ценностей славянских народов. В ситуации распространения искажений, фальсификаций, ненаучных интерпретаций российской истории, противостояния «империи лжи» чрезвычайно важно поднимать уровень исторической грамотности, национального достоинства и самосознания народов, считающих себя частью российской истории и культуры.*

Перспективы исследования. *Данная научная работа продолжает традиции социокультурных исследований культурного кода территорий Донского края, способствующих реализации базовых положений Стратегии национальной безопасности Российской Федерации в части защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти.*

Ключевые слова: *Петр Первый, культурный код, станция Старочеркасская, город Черкасск, донское казачество, вторая печать Войска Донского*

Для цитирования: *Левандина И. А., Чеботурова И. А. Личность Петра Первого в формировании культурного кода Донского региона // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 3. С. 242–248. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-242-248>.*

Original article

THE PERSONALITY OF PETER THE GREAT IN THE FORMATION OF THE CULTURAL CODE OF THE DON REGION

Irina A. Levandina¹✉, Irina A. Cheboturova²

¹*Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia*

²*Starocherkassk Historical and Architectural Museum-Reserve, st. Starocherkasskaya, Russia*

¹*ilevandina@inbox.ru* ✉, ORCID: 0000-0002-0387-4147, AuthorID RSCI: 889522

²*siamz2008@yandex.ru*

Abstract. *The purpose of the research is the cultural code of the Don region — a unique cultural unconscious that allows preserving the identity, self-awareness, features of the Don Cossacks, and associated with the personality of Peter the Great.*

The methodological basis of the research is provided The approaches formed within the framework of philosophical and cultural knowledge, in particular, the works of N. Y. Danilevsky, O. Spengler, A.J. Toynbee, K. Rapai, the scientific methods used include: socio-philosophical, historical-cultural, biographical, museum source studies.

Research result. *The crisis of spirituality on a global and all-Russian scale has led to catastrophic consequences that threaten the very existence of the Russian World — the civilizational space of spiritual and material values of the Slavic peoples. In the situation of the spread of distortions, falsifications, unscientific interpretations of Russian history, opposition to the «empire of lies», it is extremely important to raise the level of historical literacy, national dignity and self-consciousness of peoples who consider themselves part of Russian history and culture.*

The prospects of the research. *This scientific work continues the traditions of socio-cultural studies of the cultural code of the territories of the Don Region, contributing to the implementation of the basic provisions of the National Security Strategy of the Russian Federation in terms of protecting traditional Russian spiritual and moral values, culture and historical memory.*

Key words: *Peter the Great, cultural code, Starocherkasskaya stanitsa, Cherkassk city, Don Cossacks, the second seal of the Don Army*

For citation: *Levandina I.A., Cheboturova I.A. The personality of Peter the Great in the formation of the cultural code of the Don Region // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(3): 242–248. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-242-248>.*

Введение. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации в качестве важнейших интересов и приоритетов развития указывает укрепление и защиту традиционных российских духовно-нравственных ценностей и сохранение культурного наследия и исторической памяти народа России. В год 350-летия первого Российского Императора, когда повторяются вековые нарративы борьбы с Россией, невероятная мощь личности Петра Первого вновь и вновь заставляет нас обращаться

к его наследию. Начинания и реформы Петра Великого оказали существенное влияние на ход российской истории и стали мощным импульсом развития государства российского. Представляется актуальным культурно-этнографический анализ наследия Петра Великого на донской земле, его участия в формировании культурного кода территории станицы Старочеркасской — бывшего города Черкаска — столицы донского казачества. Это важно, поскольку так нужны сейчас историческая правда и объективное,

основанное на проверенной источниковой базе, изложение событий прошлого.

Методология и методы исследования.

О петровском периоде в истории казачьей столицы известно из работ профессора Петербургского университета Николая Герасимовича Устрялова (1805–1870). Его шеститомный труд «История царствования Петра Великого» стал результатом двадцатитрехлетнего исследования государственного архива и других исторических документов. О визитах Петра в казачью столицу повествует второй том [9].

Протоиерей Григорий Андреевич Левитский был первым на донской земле автором научного исторического труда, посвященного храму — Воскресенскому войсковому собору Черкаска, в служении которому прошла жизнь священника [7].

Российский историк М. П. Астапенко внес бесценный вклад в исследование истории казачества, его сын Е. М. Астапенко продолжает эту работу. Следует также отметить научные труды А. И. Агафонова, А. В. Венкова и других признанных специалистов по истории казачества [1; 2; 5].

По праву называют жемчужиной донской земли станицу Старочеркасскую (Черкасск). В 1570 году на берегу реки Дон был основан казачий городок Черкасский. В течение 161 года — с 1644 по 1805 годы — город являлся столицей донского казачества [8]. Сюда с визитами приезжали царские особы: Петр I, Александр I, наследник российского престола, сын Александра II — Николай (умер в возрасте 21 года, не став императором), Михаил Павлович Романов (самый младший ребёнок, единственный порфирородный из сыновей Павла I, то есть родившийся в период его правления, младший брат императоров Александра I, Николая I и великого князя Константина), а также великие писатели А. С. Пушкин, М. А. Шолохов, великие полководцы А. В. Суворов, М. И. Платов и др.

XVIII век — период расцвета города. Черкасск в это время — военно-политический центр казачества. Он олицетворяет для большинства казаков принципы демократическо-

го устройства казачьих общин. Отсюда управляется все войско Донское, уходят к местам службы в Европу, на Кавказ, на Балканы многоопытные, прославившие свои имена и донское казачество полковники и генералы: Краснощеков, Ефремовы, Иловайские, Орловы, Платовы, Карповы и многие другие. История станицы — одного из старейших поселений на Дону — неразрывно связана с историческими судьбами донского казачества, прошедшего вековой, сложный и своеобразный путь [10]. Черкасск почти двести лет был военно-стратегическим и торгово-экономическим узлом Юга России в нижнем течении реки Дон и сыграл важную роль в борьбе Российского государства за выход в Азовское и Черное море¹.

Именно здесь в 1970 году по инициативе донского писателя М. А. Шолохова был основан Старочеркасский историко-архитектурный музей-заповедник (в настоящий момент включен в туристические справочники ЮНЕСКО) [6].

Результаты. Петр I сыграл большую роль в истории города Черкаска. За годы своего правления он четыре раза посетил донскую столицу (в 1695, 1696, 1704 и 1709 годах) и оказал большое влияние на историю и культурный код этого замечательного места. Многие в жизни монарха было связано с казачеством. Казаки всегда были отличными воинами, которых царь очень ценил. Именно Петр Алексеевич поспособствовал тому, что Черкасск стал официальной и духовной столицей казачества. Монарх любил это место, что-то всегда заставляло его вернуться назад. Город навсегда запомнился в истории грандиозным петровским салютом и самым древним храмом всего Дона — Войсковым Воскресенским собором. Истории о Петре передаются из уст в уста на протяжении нескольких столетий, что делает великого монарха неразрывно связанным с Черкасском.

Молодой царь Петр I в феврале 1695 года принимает решение о взятии турецкого Азова. Он направляет в Черкасск атамана Флору Минаеву грамоту с требованием готовить казачье войско в поход под Азов. Петр I при-

¹ Памятные дни календаря донского казака (июль 2013 г.) // Донские войсковые ведомости. 2013. №6(217). С. 4–12.

был в Черкасск 25 июня этого года. Атаман с ближними старшинами встретил царя хлебом-солью и орудийным салютом. Историк XIX века Николай Устрялов так описывает первое посещение города Черкаска Петром: «8 июля 1695 года в пять часов пополудни петровская флотилия во главе с самим царем появилась в Черкасской пристани» [9, с. 102]. Донские казаки из Черкаска двинулись в первый Азовский поход Петра I. К сожалению, этот поход закончился неудачей. Царь не оставил задумки овладеть Азовом. Основательно за зиму подготовившись к очередной осаде Азова, Петр I весной 1696 года снова появился на Дону, в Черкасске. И отсюда ушло войско во второй Азовский поход. 18 июля 1696 года турки сдались на условиях свободного выхода из крепости. Азов стал русским городом, Россия получила выход в Азовское море.

Второй раз Император посетил донскую столицу 18 августа 1696 года, возвращаясь с победой из второго Азовского похода в Москву. Овладение Азовом решило основную стратегическую задачу, поставленную Петром в данной кампании: свободный выход России в Азовское море был завоеван [5]. По случаю этой значимой для России победы по приказу императора Петра I в августе 1696 года в городе Черкасске был дан первый в истории России салют в честь победы русского оружия. Так в своей книге «Старинные фейерверки в России...» описал это событие В.Г. Васильев: «Известный и ранее в русском государстве обычай отмечать отдельные события салютными выстрелами был исполнен тогда с особой торжественностью. В этот день, после обеда, который давал Петру I донской атаман Фрол Минаев, в г. Черкасске был сожжен фейерверк, продолжавшийся до полуночи. Это был первый в истории России случай, когда наряду с салютными выстрелами был специально устроен фейерверк в честь военной победы» [4, с. 16].

Фейерверк был дан 18 августа 1696 года на берегу реки Дон, недалеко от Черкасской пристани. В этом же году город Черкасск посетили известные деятели Петровской эпохи: генералиссимусы А.С. Шеин и А.Д. Меншиков, генерал-фельдмаршалы Я.В. Брюс, М.М. Голицын и Б.П. Шереметьев, адмира-

лы русского флота Ф.А. Головин, И.М. Головин, Ф.М. Апраксин и К.И. Крюйс [2].

Не остались донские казаки в стороне и во время изнурительной Северной войны (1700–1721 годов), которая завершилась полной победой России. Донские казаки, показавшие в сражениях этой тяжелейшей войны доблесть и мужество, получили серебряные медали с изображением Петра Великого и знаки ордена Андрея Первозванного, донские старшины были жалованы специальными золотыми медалями и серебряными ковшами с персональными надписями [11].

Войско Донское было награждено царским знаменем с государственным гербом посередине и надписью по краям: «Верным подданным Войску Донскому за оказанную их во время войны со шведами службу и для учиненного с короною шведского вечного мира» [2, с. 67].

Посещение Петром I казачьей столицы в 1704 году привело к появлению у донских казаков второй печати с изображением голого казака на бочке. Существует предание, что, гуляя по торговым рядам города Черкаска, Петр I обратил внимание на обнаженного казака с оружием в руках, сидящего верхом на бочке. Петр предложил казаку продать ему его оружие и на вырученные деньги купить себе одежду. На что казак ответил: «С оружием в руках я смогу защитить своего государя, войско донское и добуду себе одежду». Этот эпизод дал повод царю пожаловать донцам новую печать с изображением сидящего на бочке казака, обнаженного, но держащего в руках оружие. Вид этой печати изображен на фасаде здания торговой лавки XVIII века, которая сохранилась на территории станицы Старочеркасской.

В 1704 году казаки обратились к Петру I за разрешением постройки каменного храма. Это время в истории Российского государства совпало с продолжительными событиями Северной войны. Было начато строительство северной столицы — Санкт-Петербурга. По всей территории Российского государства был введен негласный запрет на градостроение из камня (официально закон был подписан в 1714 году), но казакам Петр I разрешил строить храм. Более того, Петр I выступает инициатором строительства в городе Черкасске первого каменного храма на Дону —

Войскового Воскресенского собора. Собор начали строить в 1706 году. Из Москвы были присланы мастера, план, два колокола, вязное железо и 100 рублей денег. Петр I контролировал в течение всего периода строительства храма выполнение строительных работ. «В бытность же свою в Черкасске в 1709 году, когда этот собор уже строился, Петр I лично поощрял народ к прочному и скорейшему окончанию его, причем сам с кн. Долгоруким носил кирпич на соборную постройку и собственными руками положил на алтарном среднем окне несколько камней и залил их известью, что вслед за ним повторили войскового атаман Петр Рамазанов и другие старшины» [3, с. 6]. В 1719 году собор в городе Черкасске был освящен.

Сегодня Войсковой Воскресенский собор со своим уникальным резным шестиярусным иконостасом середины XVIII века, самый древний девятиглавый каменный храм Дона в станице Старочеркасской, руку к строительству которого приложил сам Петр I, является «визитной карточкой» всего донского края. Григорий Левитский назвал Войсковой Воскресенский собор в станице Старочеркасской «знаменем, к которому теснились донцы, черпая в нем любовь к отечеству, возбуждаемую священным памятником победы, как бы завещанием героев Азова» [7].

Заключение. За свою многовековую историю город Черкасск, ныне станица Старочеркасская, был и остается тем местом, где проявились воинская доблесть, героизм и мужество донских казаков, которые внесли огромный вклад в историю государства Российского. Благодаря Петру I город Черкасск стал городом, где был дан первый салют в честь победы русского оружия, благодаря Петру I у донских казаков появилась вторая печать, история появления которой хранит множество тайн и легенд, благодаря Петру I в станице Старочеркасской стоит самый древний каменный храм Дона — Войсковой Воскресенский собор. Культурный код территории Донского региона — целый пласт культурных особенностей, дошедший до нас от предков и позволяющий нам идентифицировать самих себя, нашу культуру. Как видим, Петр I сыграл огромную роль в формировании культурного кода города Черкаска, ныне

станции Старочеркасской. Личность этого великого человека по-прежнему остается маяком, по которому страна сверяет часы и направление развития.

Список источников

1. Агафонов А.И. Донское казачество в современной научной литературе: проблемы, поиски, решения // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2018. №1(197). С. 52–70.
2. Астапенко Е.М. Старочеркасск — колыбель казачества. Историко-краеведческое повествование. Ростов н/Д: Изд-во Артель, 2011. 302 с.
3. Богаевский Л.В. Старочеркасский собор. 1719–1919 гг.: Краткий исторический очерк. Новочеркасск: Типография Управления артиллерией Всевеликого войска Донского, 1919. 20 с.
4. Васильев В.Г. Старинные фейерверки в России (XVII — первая четверть XVIII века). Ленинград: Изд-во: Государственный Эрмитаж, 1960. 58 с.
5. Венков А.В. Влияние современного казачьего движения на формирование исторической памяти в регионе // Новое прошлое. The new past. 2019. №4. С. 172–185.
6. Левандина И.А., Шалков Д.Ю. Музей истории образовательного учреждения и его роль в формировании этнокультурной и национальной идентичности современной молодежи // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2020. Т. 13. №4. С. 180–187.
7. Левитский Г.А. Краткое историческое описание Старочеркасской соборной церкви во имя Обновления Храма Воскресения Христова [Электронный ресурс] // Донской временник. Ростов н/Д, 2015. Вып. 24. С. 130–142. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m8/2/art.aspx?art_id=1454 (дата обращения: 12.06.2022).
8. Небрятенко Г.Г. История Древнего казачьего права. Ростов н/Д: Изд-во РЮИ МВД, 2020. 308 с.
9. Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб.: Типография II-го Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1858. 493 с.

10. Bonneuil N., Fursa E. Nuptiality to regulate the commons? The case of the Don Cossacks (South Russia). 1867–1916 // Oxford Economic Papers. Oxford University Press. 2000. Vol. 73(2). P. 698–717.

11. Bonneuil N., Fursa E. Learning Hygiene: Mortality Patterns by Religion in the Don Army Territory (Southern Russia). 1867–1916 // Journal of Interdisciplinary History. November 2016. №47(3). P. 287–332.

References

1. Agafonov A.I. Donskoe kazachestvo v sovremennoj nauchnoj literature: problemy, poiski, reshenija [Don Cossacks in modern scientific literature: problems, searches, solutions]. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshhestvennye nauki* [News of higher educational institutions. The North Caucasus region. Social sciences]. 2018; 1(197): 52–70. (In Russ.).

2. Astapenko E.M. Staroherkassk — kolybel' kazachestva. Istoriko-kraevedcheskoe povestvovanie [Staroherkassk — the cradle of the Cossacks. Historical and local history narrative]. Rostov-on-Don: Izd-vo Artel', 2011. 302 p. (In Russ.).

3. Bogaevskij L.V. Staroherkasskij sobor. 1719–1919 gg.: Kratkij istoricheskij ocherk [Staroherkassky Cathedral. 1719–1919: A brief historical sketch]. Novoherkassk: Tipografija Upravlenija artilleriej Vsevelikogo vojska Donskogo, 1919. 20 p. (In Russ.).

4. Vasil'ev V.G. Starinnye fejervertki v Rossii (XVII — pervaja chetvert' XVIII veka) [Ancient fireworks in Russia (XVII — the first quarter of the XVIII century)]. Leningrad: Izd-vo: Gosudarstvennyj Jermitazh, 1960. 58 p. (In Russ.).

5. Venkov A.V. Vlijanie sovremennogo kazach'ego dvizhenija na formirovanie istoricheskoy pamjati v regione [The influence of the modern Cossack movement on the formation of historical memory in the region]. *Novoe*

proshloe. The new past. 2019; (4): 172–185. (In Russ.).

6. Levandina I.A., Shalkov D. Ju. Muzej istorii obrazovatel'nogo uchrezhdenija i ego rol' v formirovanii jetnokul'turnoj i nacional'noj identichnosti sovremennoj molodezhi [The museum of the history of an educational institution and its role in the formation of ethnocultural and national identity of modern youth]. *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki* [Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences]. 2020; 13(4): 180–187. (In Russ.).

7. Levitskij G.A. Kratkoe istoricheskoe opisanie Staroherkasskoj sobornoj cerkvi vo imja Obnovlenija Hrama Voskresenija Hristova [A brief historical description of the Staroherkassk Cathedral Church in the name of the Renewal of the Church of the Resurrection of Christ] [Elektronnyj resurs]. Donskoj vremennik. Rostov-on-Don, 2015. Issue 24. P. 130–142. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m8/2/art.aspx?art_id=1454 (data obrashhenija: 12.06.2022). (In Russ.).

8. Nebratenko G.G. Istorija Drevnego kazach'ego prava [History of Ancient Cossack law]. Rostov-on-Don: Izd-vo RJuI MVD, 2020. 308 p. (In Russ.).

9. Ustrjalov N.G. Istorija carstvovanija Petra Velikogo [The history of the reign of Peter the Great]. Saint Petersburg: Tipografija II-go Otdelenija Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kanceljarii, 1858. 493 p. (In Russ.).

10. Bonneuil N., Fursa E. Nuptiality to regulate the commons? The case of the Don Cossacks (South Russia). 1867–1916 // Oxford Economic Papers. Oxford University Press. 2000. Vol. 73(2). P. 698–717.

11. Bonneuil N., Fursa E. Learning Hygiene: Mortality Patterns by Religion in the Don Army Territory (Southern Russia). 1867–1916 // Journal of Interdisciplinary History. November 2016. №47(3). P. 287–332.

Статья поступила в редакцию 19.06.2022; одобрена после рецензирования 25.06.2022; принята к публикации 27.06.2022.

The article was submitted on 19.06.2022; approved after reviewing on 25.06.2022; accepted for publication on 27.06.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Левандина Ирина Александровна — кандидат философских наук, доцент кафедры «Гуманитарные и социально-экономические дисциплины», Ростовского юридического института МВД России. Специалист в области статистики, менеджмента, экономической теории, профессиональной этики и служебного этикета, проблем отчуждения и идентичности человека, миграционных процессов, духовно-нравственных проблем современной молодежи.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83

Irina A. Levandina — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Humanities and Socio-economic Sciences, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Specialist in statistics, management, economic theory, professional ethics and official etiquette, problems of alienation and human identity, migration processes, spiritual and moral problems of modern youth.

83 Eremenko st., Rostov-on-Don, Russia

Чеботурова Ирина Анатольевна — специалист по истории донского казачества, заместитель директора по развитию Старочеркасского историко-архитектурного музея-заповедника.

Россия, ст. Старочеркасская, ул. Почтовая, 6

Irina A. Cheboturova — Specialist in the history of the Don Cossacks, Associate Director of Starocherkassk Historical and Architectural Museum-Reserve.

6 Pochtovaya st., Starocherkasskaya v., Russia

Вклад авторов:

Левандина И. А. — концепция исследования; развитие методологии; доработка текста; итоговые выводы.

Чеботурова И. А. — научное руководство; написание исходного текста; научное консультирование.

Contribution of the authors:

Levandina I. A. — research concept; development of methodology; follow-on version of the text; final conclusions.

Cheboturova I. A. — scientific guidance; writing the source text; scientific consulting.

Научная статья

УДК 316.614: 373.1.02: 7

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-3-249-264

ФРАКТАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ИСКУССТВА И СОЗНАНИЕ МОЛОДЁЖИ

Елена Витальевна Поликарпова^{1✉}, Виталий Семенович Поликарпов²,
Ирина Вячеславовна Крылова³

^{1,2}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

³Лицей-интернат комплексного формирования личности детей и подростков,
Геленджик, Россия

¹evpolikarpova@sfedu.ru✉, ORCID: 0000-0003-1084-6061, AuthorID РИНЦ: 411608,
AuthorID Scopus: 57212110285, WoS Research ID: C-2285-2017

²vspolikarpov2022@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-9364-108X,
WoS Research ID: C-2847-2017

³iren_888@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0321-0842, AuthorID РИНЦ: 761415,
AuthorID Scopus: 57225466323

Аннотация. Цель статьи заключается в выяснении значения фрактального подхода в раскрытии механизмов воздействия искусства, особенно цифрового (мультимедийного), на сознание молодёжи. В настоящее время происходит эстетизация многих сфер жизни общества, прежде всего это касается системы образования. Данное обстоятельство актуализирует проблему влияния искусства на изменение сознания молодежи в процессе ее социализации.

Методология. Нами используются методы философского анализа, положения о диалектической неисчерпаемости мозга и сознания человека с целью выявления механизмов воздействия искусства на сознание молодёжи, определенных ментальных моделей и формирования соответствующих ценностных установок. В качестве теоретико-методологической базы используется категориальный аппарат социальной философии, фрактальный подход как ключевая концепция синергетической парадигмы, которая лежит в основании новой фрактальной педагогики.

Результаты исследования. В результате нами впервые в философской и педагогической литературе показана роль фрактального подхода в качестве методологического и логического объяснения значимости искусства, пронизывающего все сферы деятельности человека, в формировании сознания молодёжи. Значимость фрактального подхода в решении проблемы воздействия искусства на сознание человека, в том числе и души молодого человека, обусловлена тем, что социоприродная реальность носит «шероховатый», фрактальный характер, что произведение искусства, которое содержит в себе весь мир, всю скрытую гармонию и связь человека с обществом и природой, является по своей природе фрактальным, что вся психика человека как «микрокосм», выражающий в себе «макркосм», тоже фрактальна.

Перспективы исследования. Именно исследуемые с позиции фрактальной методологии механизмы воздействия искусства на формирование моделей мира, на генезис ментальных моделей в ландшафте души молодого человека позволяют выявить в перспективе значимость исцеляющей и корректирующей в случае психопатологии функции искусства,

обеспечения «безопасности пространства» сознания молодого человека, формирования традиционных ценностных установок, моделей отечественной ментальности и развития творческого потенциала личности.

Ключевые слова: искусство, фрактальный подход, ментальная война, социализация, сознание, мораль, методология, ментальность, ценностная установка, дудлинг, молодёжь

Для цитирования: Поликарпова Е. В., Поликарпов В. С., Крылова И. В. Фрактальный характер искусства и сознание молодёжи // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 3. С. 249–264. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-249-264>.

Original article

FRACTAL NATURE OF ART AND THE CONSCIOUSNESS OF YOUNG PEOPLE

Elena V. Polikarpova¹✉, Vitaly S. Polikarpov², Irina V. Krylova³

^{1,2}*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

³*Boarding School for the Complex Personality Formation of Children and Teenagers, Gelendzhik, Russia*

¹*evpolikarpova@sfedu.ru✉, ORCID: 0000-0003-1084-6061, AuthorID RSCI: 411608, AuthorID Scopus: 57212110285, WoS Research ID: C-2285-2017*

²*vspolikarpov2022@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-9364-108X, WoS Research ID: C-2847-2017*

³*iren_888@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0321-0842, AuthorID RSCI: 761415, AuthorID Scopus: 57225466323*

Abstract. *The purpose of the research is to clarify the significance of the fractal approach in revealing the mechanisms of the impact of art, especially digital (multimedia) art, on the consciousness of young people. Currently, there is an aestheticization of many spheres of society, first of all, it concerns the education system. This circumstance actualizes the problem of the influence of art on the change in the consciousness of young people in the process of their socialization.*

Methodology. *We use the methods of philosophical analysis, the provisions on the dialectical inexhaustibility of the brain and human consciousness in order to identify the mechanisms of the impact of art on the consciousness of young people, certain mental models and the formation of appropriate value systems. As a theoretical and methodological base, the categorical apparatus of social philosophy is used, the fractal approach as the key concept of the synergetic paradigm, which underlies the new fractal pedagogy.*

Research results. *As a result, for the first time in philosophical and pedagogical literature, we have shown the role of the fractal approach as a methodological and logical explanation of the significance of art, penetrating all spheres of human activity, in shaping the consciousness of young people. The significance of the fractal approach in solving the problem of the impact of art on the consciousness of a person, including the soul of a young person, is due to the fact that the socio-natural reality is «rough», fractal in nature, that a work of art that contains the whole world, all the hidden harmony and connection of a person with society and nature, is fractal in nature, that the entire human psyche as a «microcosm», expressing the «macrocosm» in itself, is also fractal.*

The prospects of the research. *It is the mechanisms of art influence on the formation of models of the world, on the genesis of mental models in the landscape of the soul of a young person, studied from the standpoint of fractal methodology, that make it possible to reveal in the future the significance of the healing and corrective function of art in the case of psychopathology, ensuring the «security of space» of the consciousness of a young person, and the formation of traditional value attitudes, models of domestic mentality and the development of the creative potential of the individual.*

Keywords: *art, fractal approach, mental warfare, socialization, consciousness, morality, methodology, mentality, value orientation, dudling, youth*

For citation: *Polikarpova E. V., Polikarpov V. S., Krylova I. V. Fractal nature of art and the consciousness of young people // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(3): 249–264. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-249-264>.*

Введение. По утверждению советника министра обороны Российской Федерации А. Ильницкого, разворачивающаяся Западом против России информационно-психологическая (ментальная и концентриальная) война нацелена прежде всего на кардинальную трансформацию сознания молодёжи [14]. Здесь весьма эффективным средством преобразования сознания российской молодёжи (особенно поколения Z или так называемых «зумеров», тех, кто родились после 1996 года) является искусство. В данном случае следует принимать во внимание две противоположных тенденции в современной педагогике, психологии, психотерапии и социальной работе с детской душой на Западе и в России: авторитарный подход (он преимущественно используется в Северной Америке) и демократичный подход (в основном характерен для России).

В этом плане значительный интерес представляет монография Дж. Аллана «Ландшафт детской души. Юнгианское консультирование в школах и клиниках», характеризующая эти тенденции [1]. Автор акцентирует внимание на том, что в отличие от концепций Платона и романтиков о ведущей роли искусства в воспитании, в формировании ландшафта детской души западные теории считают ребенка источником недугов цивилизации, потому что он является носителем «дурного семени». По этой причине ему оказывают помощь, начиная с детского массажа и заканчивая игровой терапией и корректирующими занятиями. Считается, что душа ребенка в нашем мире приобретает форму

«адаптивных расстройств», в том числе форму аутизма. В действительности же, отмечает Дж. Аллан, у ребенка имеется потребность в красоте, следовательно, основную роль в его развитии играет искусство. Однако психология, образование и социальная работа не принимают это во внимание, игнорируя исключительное значение красоты, которая воздействует на глубины души, вследствие чего в сфере профессионального образования консультантов (воспитателей) доминирует жесткий реализм. Значимость искусства состоит также и в том, что оно соединяет первичный мир воображения ребенка с действительным миром, обеспечивая тем самым фундаментальные психопатологии ребенка [1]. Значение искусства состоит в том, что оно «не воспроизводит видимого мира, оно делает его видимым» [32, с. 8]. Существенно следующее: искусство пронизывает все стороны деятельности человека, в том числе знания и сознания [32].

Тенденция значимости искусства в ландшафте детской души (молодёжи, чьи лобные доли, ответственные за принятие решения, созревают только к 22 годам) просматривается в ряде трудов западных исследователей. Прежде всего, заслуживает внимания классический труд К. Д. Джуула, в котором дан обзор европейских практик в отношении искусства в специальном образовании и терапии как основы для их применения в групповой помощи. Он начинается с некоторых исторических перспектив и описания искусства в контексте шести основных теоретических моделей: развивающей, психоаналитической,

гуманистической, поведенческой, экологической и трансцендентальной. Затем в нем описывается терапевтическое использование музыки, изобразительного искусства, творческих движений и интегрированных искусств для воспитания молодежи [37].

Немалый интерес представляют исследования группы исследователей (Р. Райт, И. Джон, Р. Алладжиа и др.), в которых дана комплексная оценка национальной программы по искусству, проводимой в течение трех лет в ряде провинций Канады. Статистический анализ включает моделирование кривой роста пяти волн данных и интервью с участвующей молодежью и её родителями. Результаты показывают, что высококачественные художественные программы оказывают значительное влияние на поведение детей в рамках программ и эмоциональные проблемы. Результаты качественных интервью показывают, что отбор участников, устранение барьеров для участия и высокая степень вовлеченности родителей способствовали привлечению молодежи в данную программу. Предполагаемые достижения молодежи включают повышение уверенности в себе, формирование художественных навыков, улучшение социальных навыков и навыков разрешения конфликтов [43]. О возрастании в образовании детей и молодежи роли музеев и галерей, дополняющих школьное, идёт речь в работе Т. Фукс. Движение по обучению искусству стремится приобщить молодежь к художественному образованию, развитию профессиональных навыков и т.д. [36]. Наконец, весьма интересным является применение разработанной Дж. Каном, Р. Когеном, А. Тюбиан универсальной программы по укреплению психического здоровья и профилактике самоубийств в школах «Youth Aware of Mental Health» (YAM), которая значительно снижает число попыток самоубийства и серьезных суицидальных мыслей. Исследование направлено на выяснение психологических механизмов, лежащих в основе эффективности YAM. Выдвинутая в статье гипотеза состоит в том, что YAM использует стратегии выживания, направленные на снижение суицидальных мыслей. Эти стратегии выживания были оценены на исходном уровне (T0) и через 12 месяцев последующего наблюдения (T12): «обучение»,

«обращение за помощью», «искусство», «спорт» и «борьба». Полученные результаты показали, что социализация, сопровождаемая YAM, повышает эффективность предотвращения суицида [38].

Проблема воздействия искусства на сознание человека, в том числе и сознание молодёжи, находится в центре отечественных исследований, достаточно назвать труды В.П. Бранского, В.Я. Проппа, Л.С. Выготского, А. Постригай, Т. Григорьян, Л.В. Петрановской, Н.Д. Кортунова, Т.В. Черниговской и др. [5; 7; 30; 25; 29]. Весьма оригинальным в концептуальном плане является подход биолога и филолога Т.В. Черниговской, которая в статье «Нейронаука в поисках смыслов: мозг как барокко?» рассматривает мозг человека не с позиции современной науки, а с точки зрения искусства: что он видит и как он видит мир, благодаря чему он создал шедевры цивилизации, как он слышит, как организует мир? Ведь деятельность мозга человека отнюдь не исчерпывается только процедурами вычислительной техники, ибо её высшие проявления в искусстве и науке не являются алгоритмическими: «Хороший мозг, как мне думается, устроен по аналогии с барокко... Мозг высвечивает необычные, нетривиальные черты мира, борется с тьмой» [33, с. 22].

Следует отметить, что до сих пор идут исследования человеческого мозга и многое непонятно в его функционировании, не раскрыт код мыслительной деятельности человека, неизвестны многие механизмы воздействия, имеющего фрактальный характер искусства на сознание человека, особенно на ландшафт детской души. По этой причине цель настоящей статьи состоит в том, чтобы выяснить значение фрактального подхода в раскрытии механизмов воздействия искусства, особенно цифрового (мультимедийного) искусства, на сознание молодёжи. Решение данной цели достигается путем целостного анализа многомерного мира молодого человека, его сложности и неоднозначности, раскрытия природы искусства. В данном случае авторы исходят из нового подхода к искусству как средства выживания человека, которое активизирует скрытые резервы организма в экстремальных ситуациях, а также концепцию новой фрактальной педагогики [40; 22]. К тому же авторы принимают во внимание

происходящие кардинальные изменения в научной картине мира, требующие пересмотреть существующее мировоззрение, особенно его социально-гуманитарную компоненту.

Методология. В качестве теоретико-методологической базы нами используется категориальный аппарат социальной философии, фрактальный подход как ключевая концепция синергетической парадигмы, который дает возможность в новом ракурсе раскрыть механизмы воздействия искусства на ландшафт души (сознание) молодёжи. Методологической основой исследования являются концептуальные положения фрактальной педагогики, идеи гуманистической педагогики, идеи Н. Лумана об искусстве как ауто-поэзисе, взгляды У. Эко о множественности смыслов в искусстве. Существенным в ходе раскрытия механизмов воздействия искусства на ландшафт детской души (и сознания молодёжи) являются синтетический и аксиологический методы, изменение парадигмы познания с аналитической на синтетическую, стирающее узкие междисциплинарные границы, что обусловлено ростом значимости нано-, био-, инфо-, когно- и социально-гуманитарных технологий (НБИКС-технологий), которые породили тезисы о диалектической неисчерпаемости мозга и сознания человека [2]. Именно конвергентные НБИКС-технологии выступают инструментом решения проблемы единства естественных и гуманитарных наук, а также единства науки и искусства, которые оказывают влияние на формирование определенных ментальных моделей и адекватных им ценностных установок. Запад использует выработанный им ряд способов и форм поражения и разрушения ментальных — цивилизационных — оснований общества России, к которым относятся информационные технологии, медиаискусство, цифровые мультимедиа, постмодернизм, плюрализм ценностей и др. Для этого Запад исходит из особенностей российской цивилизации, ценностных, психологических, культурных и концептуальных установок, чтобы переформатировать сознание и ценностные ориентации молодёжи в контексте парадигмы западной цивилизации.

Действительно, одни социологические исследования [31] свидетельствуют об уни-

версализме ценностей студенческой молодежи России, которая оказывается весьма гибкой как в отношении процессов модернизации, так и сохранении российской специфики. Заслуживает внимания тот факт, что для сознания нашей студенческой молодёжи характерно совмещение разных ценностных оснований и уход от патерналистских установок (здесь универсализм имеет разную степень для молодежи столичных и региональных вузов). Другие исследования [12; 19] свидетельствуют о противостоянии правовой цивилизации Запада и силовой цивилизации России в процессе их столкновения и институциональной конкуренции, когда в процессе модернизации делается попытка заменить институты силовой цивилизации институтами правовой цивилизации, что влечет за собой смену цивилизационных парадигм. Однако сейчас происходит девестернизация России по сравнению с 1990-ми годами и трансформация командной экономики в рыночный сталинизм. В таком качестве начинается новый виток противостояния Западу. Социокультурная система России находится в неполном взаимодействии и подчас противоречит конкуренции, поэтому государство должно формировать активную и творческую личность молодого человека, а не человека-потребителя. Избранная 30 июня 2021 года на должность президента РФ О. Ю. Васильева в интервью Радио «Вести FM» 29 июля 2021 года подчеркнула, что вся наша система образования в условиях гибридной войны должна готовить к Большой жизни человека-творца.

Существенно то, что западные ценности противоречат таким базовым ценностям культуры России, как коллективизм, социальное равенство, справедливость, народовластие, патриотизм, приоритет духовных ценностей над материальными. В Америке как ведущей державе Запада культивируются принципиально совсем другие ценности: в школьном учебнике перечисляются такие основополагающие ценности, как достижение личного успеха любой ценой, эффективность, исключительность американской нации, прагматизм, выгода, мобильность (в среднем американцы 4–5 раз меняют свое местожительство). Америка использует интернет и социальные сети для формирования своих ценностей и менталитета у поколения «миллениалов» («детей

цифровой эпохи») Запада и России, используя сходные у них черты [28]. В связи с этим возникает фундаментальная проблема защиты сознания нашей молодёжи от воздействия средств и форм влияния, используемых социальными институтами и организациями Запада, таких как продукция Голливуда, многопользовательские компьютерные игры, произведения этически «непристойного» искусства и пр.

Искусство, по Н. Луману, это «коммуникация, использующая восприятие» [39, p. 18]. Во фрактальном характере состоит аутопоэзис искусства. Искусство обладает способностью осуществлять самонаблюдение общества. Оно включает в себя элементы самоподобия, самовоспроизведения. Культура в целом — это самореферентная система.

Искусство передает множество смыслов, поэтому мотивирует человека на их поиск. Искусство создает воображаемый мир и «предлагает позицию, из которой еще что-то можно определить как реальность» [39, p. 142]. Создавая воображаемую реальность, искусство удваивает мир. Тем самым у человека появляется возможность наблюдать за собою со стороны, исправляя в определенных случаях свои деяния. В этом случае искусство выполняет воспитательную функцию.

Взгляд на искусство как особый вид коммуникации, создающий вымышленный мир и имеющий фрактальный характер благодаря множественности смыслов, близок высказыванию У Эко. Он отмечал, что искусство представляет собой «принципиально неоднозначное сообщение, множественность означаемых, которые существуют в одном означаемом» [34, с. 5].

Поскольку искусство выполняет функцию создания «дублера» реальности, то человек, приобщаясь к искусству, приобретает навык самонаблюдения. Оно, в свою очередь, способствует формированию креативности. Развитие креативности, как показано в исследовании Г. С. Остапенко и Р. И. Остапенко, «является необходимым фактором когнитивного развития, познавательной активности подростков, так как оно связано с открытием нового знания самим подростком» [23, с. 124]. Следует отметить, что существующие парадигмы научных исследований

уже не вполне адекватно описывают новые феномены информационно-сетевого общества, становящейся НБИКС-цивилизации. В этом плане заслуживает внимания то, что отечественные специалисты в области биомедицины и философии науки В. М. Еськов, А. А. Хадарцев, В. В. Еськов, Т. В. Гавриленко и М. А. Филатов в статье «Complexity — особый тип биомедицинских и социальных систем» показывают ограниченность первой детерминистской и второй стохастической парадигм научных исследований и выдвигают третью хаотически-организованную парадигму, адекватно описывающую непрерывное хаотическое движение в фазовом пространстве состояний. Именно эта третья парадигма, или теория хаоса и самоорганизации, адекватна описанию постоянно эволюционирующих сложных (complexity) уникальных, неповторимых и невозпроизводимых систем (И. Р. Пригожин), она составляет методологические основания биологии, экологии, медицины, психологии, фрактального (самоподобного) развития сложных систем [11]. Здесь существенным является то обстоятельство, что динамика поведения человека как отдельного элемента отличается от молекул частично управляемой системы (частично управляемой также может выступать государство) [11].

В общем плане В. М. Еськов, В. В. Еськов, Л. Б. Джумагалиева и С. В. Гудкова подчеркивают, что системам третьего типа присущ постоянный динамический хаос, поэтому вектор состояния систем описывает в фазовом пространстве неповторимые и невозпроизводимые траектории движения. Именно к таким системам они относят Вселенную, Галактику, биосферу нашей планеты, общество, человека, его организм, психическое состояние, его физиологические процессы и поведение [10]. В нашей монографии «Философия фрактального мира» рассматривается малоисследованная проблема философского осмысления фрактальной парадигмы современной науки, показываются особенности данной парадигмы, описывающей иерархическое строение мира — от Вселенной до микромира, её значимость в развитии современной цивилизации [27].

В данном случае существенной является возникающая фрактальная педагогика, значе-

ние которой показано в статье «Концептуально-теоретические основы фрактальной педагогики как новой области социально-гуманитарного знания». Здесь речь идет о философско-методологических основаниях принципиально новой области социально-гуманитарного знания — фрактальной педагогики. Она возникла в русле постнеклассической парадигмы, что позволяет проектировать современные модели обучения, отличающиеся значительным потенциалом творчества. Фрактальная педагогика, подчеркивают авторы статьи, дает возможность интеграции фрактально-синергетического и системно-синергетического подходов, необходимой для решения проблемы взаимоотношения естественнонаучной и гуманитарной культур. Решение данной проблемы способствует изменению системы образования таким образом, чтобы можно было обучать, воспитывать и формировать подрастающее поколение [22]. Иными словами, категориальный аппарат фрактальной педагогики выступает основанием образования и культуры. Именно на этом принципе возможно формирование и развитие вероятностного стиля мышления, адекватного решению задач цифровой экономики и цифровых технологий [9]. Все это дает возможность показать значимость фрактального подхода как методологии в выяснении механизмов воздействия искусства на сознание молодёжи.

Результаты исследования. Впервые в философской литературе, прежде всего в философии образования, показана роль фрактального подхода в качестве методологического и логического объяснения механизмов воздействия искусства на сознание молодёжи, что позволяет выявить их значимость в условиях ментальной войны Запада против России. Впервые обоснована гипотеза, согласно которой в своем генезисе искусство представляет собой средство выживания вида *Homo sapiens*, потому что оно было нераздельно связано с магией и религией, носило сакральное (священное) характер, так как входило в архаический ритуал, культ (здесь биологические цели достигаются отнюдь не биологическими средствами) [26; 40].

Анализ специальных работ в области философии искусства свидетельствует о том,

что искусство и религия, согласно психобиологу Дж. Янгу, являются программами деятельности человеческого мозга, которым подчиняется функционирование его нейронов [44]. В свое время выдающийся польский специалист в области философии искусства М. Собеский в книге «Экзотическое искусство» подверг тщательному анализу искусство первобытных народов, которое находится за рамками высоких культур Европы и Ближнего Востока. Заслуживают внимания его размышления о детском искусстве, специфика которого состоит в том, что ребенок рисует не по модели, но исключительно по памяти и воображению, рисует то, что его заинтересовало интеллектуально в предмете, и то, что он о нем знает, рисует идеопластично [42]. При помощи рисунка ребенок говорит о себе и о мире, в котором он живет, причем этот рисунок не имеет ничего общего с натуралистической иллюзией, потому что он является интеллектуальным символическим выражением зримой (знаниевой) действительности. Ребенок знает, что человек не теряет своего размера в ходе удаления от него, поэтому он использует перспективы в рисунке, его рисунок относится к рентгеновскому стилю [42]. Рентгеновский стиль в искусстве характерен не только для первобытного искусства, он присущ искусству австралийских аборигенов, древнеегипетскому искусству, искусству экспрессионизма, не имеющего ничего общего с первобытным искусством [42].

Отметим тот интересный факт, что древнеегипетское искусство почти полностью было сакральным и погребальным и выполняло функцию преобразования жизни в вечность [35]. Как известно, в религии Древнего Египта немалое место занимает бог-ремесленник с головой быка Хнум, который вылепил Вселенную и все живое на гончарном круге. Здесь искусство связано с процессом создания Вселенной, что определило его практическую функцию: оно нужно не для наслаждения человека, а для задабривания или нейтрализации потусторонних сил (мышление древних египтян носило магический характер) [17]. Аналогично древнеегипетскому искусству в своем происхождении имеет сакральное и погребальное характер и искусство Древнего Китая, специфика которого определяется принципами даосизма, что при-

нципиально отличает концепцию восточного искусства от концепции западного искусства. Исследования показывают, что в кругу этой древнекитайской культуры художник принадлежал к слою образованных бюрократов, причем роскошь любоваться произведениями искусства была привилегией множества умерших и только немногочисленных живых [41]. Другими словами, художественные произведения (бронзовые сосуды-треножки и бронзовые зеркала) предназначались для почитания умерших, тогда как предназначенные для живых людей произведения искусства представляли собой единство поэзии, каллиграфии и живописи.

В плане нашего исследования существенное значение имеет то обстоятельство, что искусство вырастает из детского рисунка и архаического ритуала, дающих возможности выжить человеку и обществу в экстремальных ситуациях. Этот генезис искусства (не следует забывать того фундаментального методологического положения, что природа любого явления есть его свернутый генезис) ярко проявился в условиях блокадного Ленинграда, когда ряд социокультурных факторов — социальный статус, этические и художественные ценности — в опоре на нейробиологические механизмы мозга позволили выжить человеку в тяжелых ситуациях [40].

Существенным является то, что именно детский рисунок в виде каракулей лежит в основании происходящей сейчас так называемой дудлинг-революции, о чем идет речь в книге С. Браун «Креативные каракули», которая посвящена визуальной грамотности, направлена против невежества и помогает раздвинуть горизонты возможностей, нацелена на упрощение чрезмерной сложности, выступает в качестве медитации или игры в поиске озарения или открытия. Все эти возможности можно реализовать на практике посредством «дудлинга» (первоначально термин означает машинальное рисование — черканье). С. Браун придает ему революционный смысл — зарисовки, спонтанные метки как важный элемент обработки информации, способствующие творческому мышлению и озарению [6]. Сам дудлинг вырастает из детских каракулей, представляющих собой случайные абстрактные линии, которые обусловлены развитием зрительно-моторной

координации ребенка. Дудлинг не обязательно представляет собой визуальные формы, он может быть в виде кинестических форм, жестов рук, музыки, ментальных меток, появляющихся в процессе мыслительной деятельности. В качестве примеров С. Браун приводит С. Джобса (кинестический дудлер), А. Эйнштейна (музыкальный дудлер), Н. Теслу (ментальный дудлер).

Заслуживает внимания то обстоятельство, согласно которому детский рисунок лежит в основании ряда фундаментальных разделов современной математики, используемых в НБИКС-технологиях и НБИКС-науке. В своих лекциях математик А. Звонков излагает математическую «теорию детских рисунков», в которой очень простой комбинаторный двумерный граф связан с весьма богатым и разнообразным набором математических структур — группы перестановок, римановы поверхности, алгебраические кривые, разветвленные накрытия (накрывающие системы дифференциальных уравнений), рациональные функции, полиномы и пр., алгебраическая теория чисел (теория Галуа), топологические структуры и пр. Математик А. Гротендик назвал всю эту совокупность связей и теорий теорией детских рисунков, потому что существует глубокая связь простых картинок (рисунков детей и подростков) с весьма глубокими разделами математики. Эта связь была выявлена благодаря теореме Белого, которая объясняет рисунки группы Матьё (карты, графы, направления на поверхности и пр.) [13].

В общем плане все это вполне укладывается в выдвинутую Т.В. Черниговской оригинальную гипотезу о необходимости изучать человеческий мозг с позиции искусства барокко [33]. Данная гипотеза вполне адекватна концепции У. Эко, согласно которой «... каждая деталь барочного мира в свернутом — и то же время развернутом — виде заключает в себе весь космос» [16, с. 234]. В данном случае красота барокко выражает весьма сложное взаимопереплетение целого и детали, которое не имеет своего иерархического взаимоотношения. Фактически речь идет о фрактальной природе красоты в искусстве, что объясняет механизмы воздействия искусства на сознание молодёжи (и любого человека). Неслучайно Г. Айленбергер

сравнивает занятия естественными науками со строительством готического собора (Научной картины Мира), который благодаря революционным открытиям фрактального исчисления оказался преобразенным: «утратив готическую холодность, он приобретет причудливые барочные очертания!» [24, с. 155]. Таким образом, научная картина мира носит фрактальный характер, что объясняет значимость в современном мире произведений искусства, использующих НБИКС-технологии.

Цифровое (мультимедийное) искусство отличается от традиционного искусства как законченного целого тем, что оно позволяет не только оцифровывать действительность, но и подвергать обработке (так называемому морфированию и упрощению), тем самым изменяя конечный вид произведения. Другими словами, и художник, и реципиент могут неограниченно трансформировать произведение искусства, что оказывает значительное воздействие на психику человека. Таким образом, сложилась обусловленная применением компьютеров и Интернета принципиально новая ситуация, которая дает возможность совершить немало открытий, в том числе связанных с лечебными целями [21]. Все изложенное выше позволяет считать фрактальный подход новым методологическим и логическим средством решения проблемы выяснения механизмов воздействия искусства на сознание молодежи, чтобы можно было обеспечить эффективное противодействие в ходе ментальной войны против России.

Обсуждение результатов. Значение полученных данных вытекает из того эмпирического факта, согласно которому широко применяемые в современной науке детерминистская и стохастическая парадигмы не вполне адекватны в решении проблемы выяснения механизмов воздействия искусства на сознание молодежи. Именно в рамках детерминистской и стохастической парадигм сейчас происходит выдвижение академиком К.В. Анохиным гипотетических оснований будущей фундаментальной теории мозга [4]. Здесь предполагается, что существующие методы нейронауки дают возможность выдвинуть положение, согласно которому мыслящий характер мозга человека объясняется тем, что «в нем сконцентрированы мы

сами» [4, с. 34]. Именно на этом построена выдвинутая К.В. Анохиным нейронная гиперсетевая теория мозга, которая позволяет связать психику человека со сложным предметным миром [4]. Нейронную гиперсеть в данной теории обозначают понятием «когнитом» (когнитом каждого человека является индивидуальным, уникальным). Узлы в этой нейронной гиперсети являются гранулами когнитивной информации, нашего знания о мире — именно они позволяют протекать в ней процессам, делая наш мозг мыслящим: «Мышление — это трафик в нейронной гиперсети разума... наш мозг — это одновременно и разум, то, что делает нас уникальными личностями» [4, с. 36].

Предложенная К.В. Анохиным гиперсетевая теория заслуживает внимания, однако она является неполной, потому что не принимает во внимание фрактальный подход (синергетическую парадигму), игнорируя тем самым значимость искусства в изучении мозга. Мы согласны с фундаментальным положением Т.В. Черниговской, согласно которому созданное человеком искусство способно показать, как функционирует эта гигантская нейронная гиперсеть, как человек создает мир. «Продолжая идти по принятому в нейрофизиологии пути, мы продолжаем делать критические ошибки и заведомо не достигнем цели» [33, с. 21]. Полученные нами данные согласуются с концепцией Т.В. Черниговской о барочном характере деятельности человеческого мозга, потому что именно в искусстве барокко воплощены представления о единстве, безграничности, многообразии, сложности и изменчивой вечности мира, иррациональный и рациональный характер стихий природы, совмещение реального и иллюзорного, контрасты масштабов и ритмов, динамичность [15].

Наш фрактальный подход к проблеме выяснения механизмов воздействия искусства на сознание молодежи подтверждается действующим в Линце с 1979 года по настоящее время фестивалем «Ars Electronica», произведения искусства которого создаются на стыке культуры и науки. В 2009 году в Линце был открыт уже центр современного искусства Ars Electronica, имеющий научную лабораторию и круглогодичную выставочную программу [20]. Ars Electronica пока-

зывает любому посетителю успехи в сфере медиаискусства, генной инженерии, робототехники, биотехнологии и протезирования, обладающие доведенной до совершенства интерактивностью (все представленные произведения можно трогать руками). Главная задача центра Ars Electronica и лаборатории Futurelab состоит в стирании границ между наукой и искусством и нацелена на создание междисциплинарных проектов [20]. Коллектив медиахудожников, дизайнеров, ученых и инженеров создают познавательные фильмы и арт-проекты в 3D-формате, позволяя зрителям погружаться и в глубины космоса, и в дивный мир «Весны священной». Значимость деятельности центра Ars Electronica и лаборатории Futurelab состоит в том, что достижения взаимодействия науки и искусства теперь оказались доступными для широкого круга людей, погружающихся в виртуальную реальность. Именно эта доступность объясняет, почему погружение человека, прежде всего молодых людей, в виртуальный мир и возможность путешествовать в нем способны кардинально изменять существующую социальную реальность, создавать новую реальность, причем существенным здесь является использование синергетической парадигмы (фрактального подхода).

В компьютерной индустрии создается многообразие VR-девайсов, которые позволяют молодым людям путешествовать в виртуальной реальности, в том числе внутри картин знаменитых художников и фантастических фильмов, а также внутри изучаемых в системе образования физики, химии, биологии и пр. В этом плане заслуживает внимания девайс Oculus Go, дающий возможность осваивать химию путем путешествия внутри вещества на уровне атомов: «Детей не оторвать, и все сложные законы отпечатываются в мозгу навсегда» [8, с. 47]. Таким образом, виртуальная реальность оказывает воздействие на зону творчества молодого человека. Этот феномен может использовать и наш противник, внедряя в формирующееся сознание молодого поколения свои западные ценности и идеи, воплощенные в яркие художественные образы виртуальной реальности.

Фрактальный подход дает возможность в условиях ментальной войны внести в законодательство России необходимые нормы

для обеспечения гуманитарной составляющей информационной безопасности поколения зумеров. В данном случае адекватным является введенное А.Н. Колмогоровым понятие «невероятностной», «алгоритмической» и «комбинаторной» информации с его понятием сложности (простая колмогоровская энтропия индивидуального объекта) [18, с. 137–140, 143–145]. Именно такое понятие «невероятностной» информации позволяет понимать механизмы воздействия произведений искусства на сознание молодёжи, потому что они имеют дело с колоссальной ёмкостью смысловой информации. Существенным здесь является то, что колмогоровская «невероятностная» информация приложима к сложным индивидуальным произведениям искусства. В применении к проблеме обеспечения безопасности молодого цифрового поколения в условиях ментальной войны, когда содержащийся в произведениях искусства смертоносный информационный вирус действует на самоощущение и эмоции [3], это означает разработку средств блокирования вредоносной художественной информации, идущей с Запада.

Заключение. Впервые выявлено значение фрактального подхода как методологии и логики научного познания в раскрытии механизмов воздействия искусств на сознание молодёжи (ландшафт детской души) в ходе освоения ею культурного наследия цивилизации России с её традиционными ценностными установками, моделями ментальности, нацеленными на развитие творческого потенциала молодого цифрового поколения. Впервые на основе аксиологической и нейробиологической методологии и логики показаны возможности использования наряду с социальным статусом этических и художественных ценностей, что позволяет минимизировать последствия идущей со стороны Запада ментальной войны против России, экстремальных ситуаций для человека. Выдвинута гипотеза о том, что в своем генезисе искусство представляет собой средство выживания вида Homo sapiens, потому что оно имело сакральный (священный) характер и было неотъемлемой частью архаического ритуала, когда биологические цели осуществляются социокультурными средствами.

Существенным здесь является то фундаментальное положение, согласно которому действенность искусства в социализации молодого цифрового поколения обусловлена фрактальным характером самого искусства, психики и организма человека, всего окружающего мира, потому что природа человека носит многомерный, нелинейный, многоэтажный характер, выраженный в формуле «человек как микрокосм» содержит в себе «макркосм» (Вселенную и общество). Именно фрактальная методология, исходящая из особенностей нейронной гиперсети и понимания деятельности мозга в соответствии с принципами барочного искусства, позволяет в процессе социализации молодого поколения формировать вписанные в контекст отечественной цивилизации присущие ей ментальные модели мира. Именно эти модели при помощи механизмов искусства способны исцелять и корректировать психопатологические явления, что дает возможность создать «безопасное пространство» сознания молодого поколения в условиях ментальной войны Запада против России.

Фрактальная педагогика, образование и искусство совпадают по своим основным функциям. Во-первых, фрактальная педагогика, способствуя саморазвитию личности, формирует «фрактально-голографический тип мышления» [22, с. 457]. Однако и искусство способно сформировать фрактально-голографическое мышление у обучающихся. Во-вторых, идеалы гуманизма являются ведущими для системы образования и фрактальной педагогики. Гуманизм, являясь основным свойством искусства, предполагает свободное духовное развитие человека. Также гуманизм относится к числу аутентичных российских ценностей.

Наконец, следует эстетизировать, насыщать произведениями искусства школы, колледжи, вузы, придать нашему образованию художественные формы, чтобы воспитывать эстетический вкус у молодого цифрового поколения России в контексте нашего культурного кода. Необходимо также ввести во все учебные пособия, учебники и монографии по социально-гуманитарным, естественнонаучным и техническим наукам разделы, посвященные искусству.

Список источников

1. Аллан Дж. Ландшафт детской души. Юнгианское консультирование в школах и клиниках. М.: «Когнито-Центр», 2006. 224 с.
2. Баксанский О.Е. Конвергентная нано-, био-, инфо-, когнитивная парадигма, трансдисциплинарность и современное образование // Биомедицинская радиоэлектроника. 2017. №3. С. 71–76.
3. Балановский В., Подъяконов В. Специфические особенности оценки уязвимости общественной безопасности в условиях «управляемого хаоса» // Системы безопасности. 2021. Апрель-май. С. 8–9.
4. Беленицкая О. Интервью с академиком К.В. Анохиным. Мыслящая гиперсеть // В мире науки. 2021. №5/6. С. 32–41.
5. Бранский В.П. Искусство и философия. Роль философии в формировании и восприятии художественного произведения на примере истории живописи. Калининград: Янтарный сказ, 2000. 704 с.
6. Браун С. Креативные каракули. Минск: Попурри, 2021. 320 с.
7. Выготский Л.С. Психология искусства. М.: АСТ, 2019. 480 с.
8. Грек А. Виртуальная нереальность // Популярная механика. 2020. Июнь-август. С. 44–49.
9. Дворяткина С.Н., Щербатых С.В. Концептуальные положения фрактального развития вероятностного мышления в обучении математике и инструменты их реализации // Перспективы науки и образования. 2020. №2(44). С. 195–2009.
10. Еськов В.М., Еськов В.В., Джумагалиева Л.Б., Гудкова С.В. Медицина и теория хаоса в описании единичного и случайного // Вестник новых медицинских технологий. 2014. Т. 21. №3. С. 28–34.
11. Еськов В.М., Хадарцев А.А., Еськов В.В., Гавриленко Т.В., Филатов М.А. Complexity — особый тип биомедицинских и социальных систем // Вестник новых медицинских технологий. 2013. Т. XX. №1. С. 17–22.
12. Заостровцев А. Институциональная конкуренция и столкновение цивилизаций в процессе модернизации // Экономическая политика. 2019. Т. 14. №5. С. 150–171.

13. Звонков А.К. Теория детских рисунков [Электронный ресурс] // Кафедра им. Габриэля Ламе. Санкт-Петербургская лаборатория им. Чебышева. Сентябрь-ноябрь 2014 г. URL: www.lektorium.tv.
14. Ильницкий А. Ментальная война и будущее России // Еженедельник «Звезда». 21.04.2021.
15. История искусства: художники, памятники, стили. М.: Астрель, АСТ, 2006. 393 с.
16. История Красоты / Под ред. У. Эко. М.: СЛОВО/SLOVO, 2005. 440 с.
17. История мирового искусства. М.: БММ АО, 2006. 718 с.
18. Колмогоров. Юбилейное издание в 3-х книгах. Книга 1. Истина — благо. М.: Физматлит, 2003. 400 с.
19. Костина В. Общество потребления и ценности российской цивилизации // Знание. Понимание. Умение. 2016. №4. С. 45–55.
20. Крамар М. Электротheater // Harper's Baazar ART. 2016/2017. Специальный выпуск. С. 177.
21. Кулка И. Психология искусства. Х.: Изд-во Гуманитарный центр, 2019. 556 с.
22. Маджуга А.Г. Концептуально-теоретические основы фрактальной педагогики как новой области социально-гуманитарного знания // Научный диалог. 2015. №12(48). С. 450–459.
23. Остапенко Г.С., Остапенко Р.И. Исследование креативности в структуре когнитивного развития в гетерохронной подростковой среде // Перспективы Науки и Образования. 2014. №4(10). С. 115–126.
24. Пайтген Х.-О., Рихтер П.Х. Красота фракталов. Образы комплексных динамических систем. М.: Мир, 1993. 176 с.
25. Петрановская Л.В. Кое-что о воспитании детей. М.: АСТ, 2020. 512 с.
26. Поликарпов В.С. Поликарпова В.А., Пономаренко Е.Г. Искусство, религия и природа человека. Ростов н/Д: Институт по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук при Ростовском государственном университете, 1994. 93 с.
27. Поликарпов В.С., Обуховец В.А. Философия фрактального мира. Таганрог: Изд-во ТТИ ЮФУ, 2010. 100 с.
28. Попов Н.В. Российские и американские поколения XX века: откуда пришли миллионеры? // Мониторинг общественной мысли: экономические и социальные перемены. 2018. №4. С. 309–323.
29. Постригай А. Большое искусство детям: от барокко до Ван Гога. М.: АСТ, 2021. 208 с.
30. Пропп В. Морфология сказки. Исторические корни волшебной сказки. СПб.: Питер, 2020. 560 с.
31. Рязанцев И.П., Подлесная М.А., Богдан И.В. Универсализм ценностей студенческой молодежи и развитие российского общества // Вестник РУДН. Серия: социология. 2021. Т. 21. №1. С. 97–109.
32. Фронтизи К. История изобразительного искусства. М.: БММ АО, 2005. 516 с.
33. Черниговская Т.В. Нейронаука в поисках смыслов: мозг как барокко? // Вопросы философии. 2021. №1. С. 17–26.
34. Эко У. Открытое произведение: форма и неопределенность в современной поэтике. СПб.: Академический проект, 2004. 384 с.
35. Daumas F. Od Narmera do Kleopatry. Cywilizacja Starożytnego Egipta. W-wa: PWN, 1973. 483 s.
36. Fuchs T. Ecologies of Youth Art Apprenticeship // Anderson D., Cosson A.D., McIntosh L. (eds.) Research Informing the Practice of Museum Educators. SensePublishers, Rotterdam. 2015.
37. Juul K.D. The role of the arts in group care work with children and youth: A European perspective // Child Youth Care Forum. 1989. Vol. 18. P. 193–208.
38. Kahn J.P., Cohen R.F., Tubiana A. et al. Influence of coping strategies on the efficacy of YAM (Youth Aware of Mental Health): a universal school-based suicide preventive program // Eur Child Adolesc Psychiatry. 2020. Vol. 29. P. 1671–1681.
39. Luhmann N. Art as a Social System (originally published in German in 1995 under the title Die Kunst der Gesellschaft) / Transl. by E.M. Knodt. Stanford, California: Stanford University Press, 2000. 422 p.
40. Polikarpov V.S., Polikarpova V.A., Polikarpova E.V. Sociocultural Factories of Human Surviving under the conditions of the Leningrad Blockade. // Cardiometry. 2017. Vol. 11. P. 102–107.
41. Prodan M. Sztuka chinska. Wprowadzenie. W-wa: PWN, 1975. 198 s.

42. Sobeski M. Sztuka egzotyczna. W-wa: Arkady, 1971. 518 s.

43. Wright R., John L., Alaggia R. et al. Community-based Arts Program for Youth in Low-Income Communities: A Multi-Method Evaluation // Child Adolesc Soc Work. 2006. №23. P. 635–652.

44. Young J.Z. Programy mozgu. W-wa: PWN, 1984. P. 420.

References

1. Allan Dzh. Landshaft detskoj dushi. Jungianskoe konsul'tirovanie v shkolah i klinikah [The landscape of a child's soul. Jungian counseling in schools and clinics]. Moscow: «Kognito-Centr», 2006. 224 p. (In Russ.).

2. Baksanskij O.E. Konvergentnaja nano-, bio-, info-, kognitivnaja paradigma, transdisciplinarnost' i sovremennoe obrazovanie [Convergent nano-, bio-, info-, cognitive paradigm, transdisciplinarity and modern education]. *Biomedicinskaja radioelektronika [Biomedical radioelectronics]*. 2017; (3): 71–76. (In Russ.).

3. Balanovskij V., Pod'jakonov V. Specificheskie osobennosti ocenki ujazvimosti obshhestvennoj bezopasnosti v uslovijah «upravljajemogo haosa» [Specific features of assessing the vulnerability of public security in conditions of «controlled chaos»]. *Sistemy bezopasnosti [Security systems]*. 2021; (April-May): 8–9. (In Russ.).

4. Belenickaja O. Interv'ju s akademikom K.V. Anohinym. Mysljashhaja giperset' [Interview with academician K.V. Anokhin. Thinking hypernet]. *V mire nauki [In the world of science]*. 2021; (5/6): 32–41. (In Russ.).

5. Branskij V.P. Iskusstvo i filosofija. Rol' filosofii v formirovanii i vospriyatii hudozhestvennogo proizvedenija na primere istorii zhivopisi [Art and philosophy. The role of philosophy in the formation and perception of a work of art on the example of the history of painting]. Kalininograd: Jantarnyj skaz, 2000. 704 p. (In Russ.).

6. Braun S. Kreativnye karakuli [Creative doodles]. Minsk: Popurri, 2021. 320 p. (In Russ.).

7. Vygotskij L.S. Psihologija iskusstva [Psychology of art]. Moscow: AST, 2019. 480 p. (In Russ.).

8. Grek A. Virtual'naja nereal'nost' [Virtual unreality]. *Populjarnaja mehanika [Popular mechanics]*. 2020; (June-August): 44–49. (In Russ.).

9. Dvorjatkina S.N., Shherbatyh S.V. Konceptual'nye polozenija fraktal'nogo razvitija verojatnostnogo myshlenija v obuchenii matematike i instrumenty ih realizacii [Conceptual provisions of fractal development of probabilistic thinking in teaching mathematics and tools for their implementation]. *Perspektivy nauki i obrazovanija [Prospects of science and education]*. 2020; 2(44): 195–2009. (In Russ.).

10. Es'kov V. M., Es'kov V. V., Dzhumagalieva L. B., Gudkova S. V. Medicina i teorija haosa v opisanii edinichnogo i sluchajnogo [Medicine and chaos theory in the description of the singular and random]. *Vestnik novyh medicinskih tehnologij [Bulletin of New Medical Technologies]*. 2014; 21(3): 28–34. (In Russ.).

11. Es'kov V. M., Hadarcev A.A., Es'kov V. V., Gavrilenko T.V., Filatov M.A. Complexity — osobyj tip biomedicinskih i social'nyh sistem [Complexity is a special type of biomedical and social systems]. *Vestnik novyh medicinskih tehnologij [Bulletin of New Medical Technologies]*. 2013; XX(1): 17–22. (In Russ.).

12. Zaostrovcev A. Institucional'naja konkurencija i stolknovenie civilizacij v processe modernizacii [Institutional competition and clash of civilizations in the process of modernization]. *Jekonomicheskaja politika [Economic policy]*. 2019; 14(5): 150–171. (In Russ.).

13. Zvonkov A.K. Teorija detskih risunkov [Theory of children's drawings] [Elektronnyj resurs] // Kafedra im. Gabrijelja Lame. Sankt-Peterburgskaja laboratorija im. Chebysheva. Sentjabr'-nojabr' 2014 g. URL: www.lektorium.tv. (In Russ.).

14. Il'nickij A. Mental'naja vojna i budushhee Rossii [Mental war and the future of Russia]. *Ezhenedel'nik «Zvezda»*. 21.04.2021. (In Russ.).

15. Istorija iskusstva: hudozhniki, pamjatniki, stili [History of art: artists, monuments, styles]. Moscow: Astrel', AST, 2006. 393 p. (In Russ.).

16. Istorija Krasoty [History of Beauty]. Pod red. U. Jeko [In U. Eco (eds.)]. Moscow: SLOVO/SLOVO, 2005. 440 p. (In Russ.).

17. Istorija mirovogo iskusstva [History of world art]. Moscow: BMM AO, 2006. 718 p. (In Russ.).

18. Kolmogorov. Jubilejnoe izdanie v 3-h knigah. Kniga 1. Istina — blago [Kolmogorov. Jubilee edition in 3 books. Book 1. Truth — good].

Anniversary edition in 3 books. Book 1. The Truth is good]. Moscow: Fizmatlit, 2003. 400 p. (In Russ.).

19. Kostina V. Obshestvo potreblenija i cennosti rossijskoj civilizacii [Consumer society and values of the Russian civilization]. *Znanie. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Ability]*. 2016; (4): 45–55. (In Russ.).

20. Kramar M. Jelektroteatr [Electrotheater]. *Harper's Baazar ART*. 2016/2017; (Special issue): 177. (In Russ.).

21. Kulka I. Psihologija iskusstva [Psychology of Art]. Kharkov: Izd-vo Gumanitarnyj centr, 2019. 556 p. (In Russ.).

22. Madzhuga A. G. Konceptual'no-teoreticheskie osnovy fraktal'noj pedagogiki kak novoj oblasti social'no-gumanitarnogo znaniya [Conceptual and theoretical foundations of fractal pedagogy as a new field of social and humanitarian knowledge]. *Nauchnyj dialog [Scientific Dialogue]*. 2015; 12 (48): 450–459. (In Russ.).

23. Ostapenko G. S., Ostapenko R. I. Issledovanie kreativnosti v strukture kognitivnogo razvitija v geterohronnoj podrostkovoju srede [The study of creativity in the structure of cognitive development in a heterochronic adolescent environment]. *Perspektivy Nauki i Obrazovanija [Prospects of Science and Education]*. 2014; 4(10): 115–126. (In Russ.).

24. Pajtgen H.-O., Rihter P. H. Krasota fraktalov. Obrazy kompleksnyh dinamicheskikh sistem [The beauty of fractals. Images of complex dynamic systems]. Moscow: Mir, 1993. 176 p. (In Russ.).

25. Petranovskaja L. V. Koe-čto o vospitanii detej [Something about the upbringing of children]. Moscow: AST, 2020. 512 p. (In Russ.).

26. Polikarpov V. S. Polikarpova V. A., Ponomarenko E. G. Iskusstvo, religija i priroda čeloveka [Art, religion and human nature]. Rostov-on-Don: Institut po perepodgotovke i povsheniju kvalifikacii prepodavatelej gumanitarnyh i social'nyh nauk pri Rostovskom gosudarstvennom universitete, 1994. 93 p. (In Russ.).

27. Polikarpov V. S., Obuhovec V. A. Filosofija fraktal'nogo mira [Philosophy of the fractal world]. Taganrog: Izd-vo TTI JuFU, 2010. 100 p. (In Russ.).

28. Popov N. V. Rossijskie i amerikanske pokolenija XX veka: otkuda prishli millenialy? [Russian and American generations of the XX century: where did millennials come from?].

Monitoring obshhestvennoj mysli: jekonomicheskie i social'nye peremeny [Monitoring of public thought: Economic and social changes]. 2018; (4): 309–323. (In Russ.).

29. Postrigaj A. Bol'shoe iskusstvo detjam: ot barokko do Van Goga [Great art for children: from Baroque to Van Gogh]. Moscow: AST, 2021. 208 p. (In Russ.).

30. Propp V. Morfologija skazki. Istoricheskie korni volshebnoj skazki [Morphology of fairy tales. The historical roots of the fairy tale]. Saint Petersburg: Piter, 2020. 560 p. (In Russ.).

31. Rjazancev I. P., Podlesnaja M. A., Bogdan I. V. Universalizm cennostej studencheskoj molodjozhi i razvitie rossijskogo obshhestva [Universalism of student youth values and the development of Russian society]. *Vestnik RUDN. Serija: sociologija [Bulletin of the RUDN. Series: Sociology]*. 2021; 21(1): 97–109. (In Russ.).

32. Frontizi K. Istorija izobrazitel'nogo iskusstva [History of Fine art]. Moscow: BMM AO, 2005. 516 p. (In Russ.).

33. Chernigovskaja T. V. Nejronauka v poiskah smyslov: mozg kak barokko? [Neuroscience in search of meanings: the brain as Baroque?]. *Voprosy filosofii [Questions of philosophy]*. 2021; (1): 17–26. (In Russ.).

34. Jeko U. Otkrytoe proizvedenie: forma i neopredelennost' v sovremennoj pojetike [An Open Work: Form and Uncertainty in Modern Poetics]. Saint Petersburg: Akademicheskij proekt, 2004. 384 p. (In Russ.).

35. Daumas F. Od Narmera do Kleopatry. Cywilizacija Starozytnego Egipta. W-wa: PWN, 1973. 483 s.

36. Fuchs T. Ecologies of Youth Art Apprenticeship // Anderson D., Cosson A. D., McIntosh L. (eds.) *Research Informing the Practice of Museum Educators*. SensePublishers, Rotterdam. 2015.

37. Juul K. D. The role of the arts in group care work with children and youth: A European perspective // *Child Youth Care Forum*. 1989. Vol. 18. P. 193–208.

38. Kahn J. P., Cohen R. F., Tubiana A. et al. Influence of coping strategies on the efficacy of YAM (Youth Aware of Mental Health): a universal school-based suicide preventive program // *Eur Child Adolesc Psychiatry*. 2020. Vol. 29. P. 1671–1681.

39. Luhmann N. Art as a Social System (originally published in German in 1995 under

the title *Die Kunst der Gesellschaft*) / Transl. by E.M. Knodt. Standford, California: Standford University Press, 2000. 422 p.

40. Polikarpov V.S., Polikarpova V.A., Polikarpova E.V. Sociocultural Factories of Human Surviving under the conditions of the Leningrad Blockade. // *Cardiometry*. 2017. Vol. 11. P. 102–107.

41. Prodan M. *Sztuka chiniska. Wprowadzenie*. W-wa: PWN, 1975. 198 s.

42. Sobeski M. *Sztuka egzotyczna*. W-wa: Arkady, 1971. 518 s.

43. Wright R., John L., Alaggia R. et al. Community-based Arts Program for Youth in Low-Income Communities: A Multi-Method Evaluation // *Child Adolesc Soc Work*. 2006. №23. P. 635–652.

44. Young J.Z. *Programy mozgu*. W-wa: PWN, 1984. P. 420.

Статья поступила в редакцию 10.06.2022; одобрена после рецензирования 22.06.2022; принята к публикации 25.06.2022.

The article was submitted on 10.06.2022; approved after reviewing on 22.06.2022; accepted for publication on 25.06.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Поликарпова Елена Витальевна — доктор философских наук, профессор кафедры «Философия», Институт управления в экономических, экологических и социальных системах, Южный федеральный университет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42

Elena V. Polikarpova — Doctor of Philosophical Science, Professor of the Department of Philosophy, Institute of Management in Economic, Ecological and Social Systems, Southern Federal University.

105/42 Bolshaya Sadovaya st., Rostov-on-Don, Russia

Поликарпов Виталий Семенович — доктор философских наук, профессор, сотрудник Военного учебного центра, Южный федеральный университет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42

Vitaly S. Polikarpov — Doctor of Philosophical Science, Professor, Military Training Center employee, Southern Federal University.

105/42 Bolshaya Sadovaya st., Rostov-on-Don, Russia

Крылова Ирина Вячеславовна — экс-заместитель директора, Лицей-интернат комплексного формирования личности детей и подростков.

Россия, г. Геленджик, с. Текос, ул. Лесная, 5

Irina V. Krylova — Ex-Deputy Director for Science, Boarding School for the Complex Personality Formation of Children and Teenagers.

5 Lesnaya st., v. Tekos, Gelendzhik, Russia

Вклад авторов:

Поликарпова Е. В. — научное руководство; концепция исследования; написание исходного текста; итоговые выводы.

Поликарпов В. С. — развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Крылова И. В. — доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Polikarpova E. V. — scientific management; research concept; writing the source text; final conclusions.

Polikarpov V. S. — development of methodology; writing the source text; final conclusions.

Krylova I. V. — participation in development of curricula and their implementation; follow-on version of the text; final conclusions.

Научная статья
УДК 314.6
DOI: 10.17213/2075-2067-2022-3-265-273

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКОЙ СЕМЬИ

Андрей Федорович Поломошнов^{1✉}, Александр Владимирович Паныхчик²

¹Донской государственный аграрный университет, Персиановский, Россия

²Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Ростов-на-Дону, Россия

¹raf1@mail.ru ✉, ORCID: 0000-0001-6312-9440, AuthorID РИНЦ: 629425

²alexprg@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-2959-9358, AuthorID РИНЦ: 19048997

Аннотация. Целью исследования является определение архетипических цивилизационных особенностей российской семьи.

Методологическую базу исследования представляют современные отечественные концепции российской цивилизационной идентичности и семьеведения. К используемым научным методам относятся культурологический и социально-философский анализ, исторический метод.

Результаты исследования. В результате сравнительного анализа концепций модернизации и кризиса современной семьи сформулированы базовые ценностные доминанты, выступающие залогом устойчивого развития института семьи как гаранта сохранности российской цивилизационной, культурной и гражданской идентичности. По итогам исследования российского массового, художественного, философского самосознания идеалов и образов семьи и семейно-брачных отношений, а также современных отечественных работ в области семьеведения установлено, что такие цивилизационные принципы идентификационной матрицы российской культуры, как державность, соборность и духовность находят отражение в плоскости семейных традиций и отношений, несмотря на историческую изменчивость. Авторы предлагают некоторые направления по адаптации духовных констант и ориентаций в национальной семейной политике к социально-экономическим и культурно-историческим условиям современной России.

Перспективы исследования заключаются в установлении основных направлений и методов восстановления и укрепления традиционных самобытных особенностей российской семьи в условиях современного глобального кризиса семейных ценностей и семейно-брачных отношений.

Ключевые слова: философия семьи, культурология семьи, российская семья, социокультурная идентичность, духовность, соборность, кризис семьи

Для цитирования: Поломошнов А. Ф., Паныхчик А. В. Социокультурная идентичность российской семьи // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 3. С. 265–273. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-265-273>.

Original article

SOCIO-CULTURAL IDENTITY OF THE RUSSIAN FAMILY

Andrey F. Polomoshnov¹✉, Alexander V. Panychik²

¹Don State Agrarian University, Persianovsky v., Russia

²Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia

¹pafi@mail.ru✉, ORCID: 0000-0001-6312-9440, AuthorID RSCI: 629425

²alexpgpr@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-2959-9358, AuthorID RSCI: 19048997

Abstract. *The purpose of the study is to determine the archetypal civilizational features of the Russian family.*

The methodological basis of the study is represented by modern domestic concepts of Russian civilizational identity and family science. The scientific methods used include cultural and socio-philosophical analysis, the historical method.

Research results. *As a result of a comparative analysis of the concepts of modernization and the crisis of the modern family, the basic value dominants are formulated, which are the key to the sustainable development of the family institution as a guarantor of the preservation of Russian civilizational, cultural and civic identity. Based on the results of the study of the Russian mass, artistic, philosophical self-awareness of the ideals and images of the family and family and marriage relations, as well as modern domestic work in the field of family science, it has been established that such civilizational principles of the identification matrix of Russian culture as sovereignty, catholicity and spirituality are reflected in the plane family traditions and relationships, despite historical variability. The authors offer some directions for the adaptation of spiritual constants and orientations in the national family policy to the socio-economic and cultural-historical conditions of modern Russia.*

The prospects of the study are to establish the main directions and methods for restoring and strengthening the traditional distinctive features of the Russian family in the current global crisis of family values and family-marriage relations.

Keywords: *family philosophy, family culturology, Russian family, sociocultural identity, spirituality, catholicity, family crisis*

For citation: *Polomoshnov A. F., Panychik A. V. Socio-cultural identity of the russian family // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(3): 265–273. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-273-273>.*

Введение. Кризис семьи в современном обществе является общепризнанным фактом, но, к сожалению, ему не уделяется должное внимание в контексте связи его с фундаментальными характеристиками российской цивилизационной идентичности. Кризис семейных ценностей в данном контексте гораздо важнее, чем феноменальные статистические проявления деградации института и статуса семьи в российском обществе. Рассматривая семью как основополагающую культурную ценность, М. Бутаева констатирует: «В сов-

ременном обществе наблюдается девальвация института семьи как ценности... Ценностный кризис приобрел глобальный характер в обществе в целом и в семье в частности» [1, с. 35]. Одним из проявлений ценностного кризиса семьи, по мнению М. Бутаевой, является разрушение фундаментальных традиционных функций семьи — репродуктивной, воспитательной и других [1].

Можно вести речь о двух базовых факторах, негативно влияющих на традиционную социокультурную идентичность российской

семьи. Одним из таких факторов является противоречивая модернизация российского общества, которая ведет к многочисленным проявлениям материального кризиса российской семьи. «К ним относятся прежде всего такие объективные факторы, как изменение социальной инфраструктуры, ухудшение материального положения большинства населения, высокая смертность, диспропорция полов, снижение брачности (числа вступающих в брак), рост количества разводящихся пар, снижение рождаемости, рост доли однополовых и бездетных семей, увеличение числа внебрачных рождений, рост безнадзорности детей» [10, с. 283–284].

Вторым деструктивным фактором является западническая глобализация, разрушающая духовные основы идентичности традиционной российской семьи. Впрочем, влияние глобализации неоднозначно оценивается в отечественном дискурсе. Так, например, А. В. Верещагина и М. М. Шахбанова видят в этом процессе скорее положительные моменты, чем отрицательные. По их мнению, «формирование новых семейных отношений и ценностей в России невозможно рассматривать в отрыве от общемировых тенденций эгалитаризации, индивидуализации и гуманизации человеческих отношений, и в сфере семьи в том числе» [3, с. 65].

Однако, вопреки столь оптимистичным оценкам необходимо поставить вопрос, насколько вышеназванные процессы соответствуют логике развития российской цивилизации? Существует позиция, согласно которой происходящие трансформации российской семьи носят не естественный, закономерный характер, а являются результатом влияния противоречивых, часто деструктивных социокультурных тенденций, связанных с тотальной, ускоренной и притом догоняющей модернизацией и вестернизацией общественных отношений.

Будучи воспринятой со всем энтузиазмом неофита, буквально и без должной аккомодации, западная модель социальности ставит российское общество в невыгодное положение, формирует психологические и экономические трудности и неустроенность. Некритическое заимствование и эксплуатация образцов и ценностных ориентаций, соответствующих структуре социального поряд-

ка западных обществ, находящихся в иной социально-экономической и культурно-исторической реальности, вызывает сомнение и актуализирует потребность в понимании собственных коренных паттернов социальных и культурных взаимодействий, которые могут быть определенным образом адаптированы к требованиям эпохи.

Методика. Методологическую базу исследования составил анализ публикаций отечественных ученых, посвященных трансформациям социокультурного статуса и цивилизационной идентичности российской семьи. Системно-структурный подход к проблеме идентичности современной российской семьи направлен на выяснение основных параметров идентичности российской семьи и связи их с общими традиционными параметрами российской цивилизационной идентичности.

Результаты. Каковы же основные параметры социокультурной идентичности современной российской семьи? В какой степени они сохраняют свою устойчивость перед воздействием деструктивных факторов? Е. П. Галкина и М. И. Кадничанская, обсуждая проблему социокультурной трансформации современной российской семьи, выстраивают следующую логику ее динамики: «К началу XXI в. семья прошла несколько ступеней развития: патриархальная или традиционная, детоцентристская или современная, супружеская или постсовременная, а также неполная и внебрачная» [4, с. 199].

Однако данный тезис является весьма абстрактной, произвольной и бездоказательной характеристикой динамики социокультурной идентичности российской семьи. Гораздо важнее обратиться к выяснению фундаментальных параметров традиционной российской семьи. Подобный подход демонстрирует В. Ф. Шаповалов, который при характеристике российского социокультурного типа семьи исходит из признания российских цивилизационных семейных инвариантов, сохраняющихся и модифицирующихся на всех стадиях существования и развития российской цивилизации. Он связывает эти российские культурные семейные инварианты с цивилизационными доминантами российского общества и рассматривает семейные ценности

как один из важных элементов российской цивилизационной самобытности. Пытаясь установить эти российские семейные инварианты, В.Ф. Шаповалов использует метод реконструкции на основе обобщающего авторского анализа российского массового, художественного, философского самосознания идеалов и образов семьи и семейно-брачных отношений [11]. В национальной литературе и философии, как и в массовом, народном сознании, действительно получает идеализированное отражение реальная социокультурная специфика российской семьи.

Для российской семьи в аспекте сексуальной культуры, как устанавливает В.Ф. Шаповалов, характерны глубокая интимность, скрытость отношений от посторонних глаз и публичных демонстраций, сострадательное участие любящих, сопереживательность и сердечность. Исследователь отмечает, что такой моральный смысл секса является своеобразной национальной, российской акцентуацией, далеко не преодоленной в рамках российской культуры [11]. Если говорить об отношении российской семьи к обществу, то, по мысли В.Ф. Шаповалова, его можно определить как оптимальный баланс, компромисс противоположных ориентаций семьи по отношению к обществу — социальной экстравертности, социоцентризма и сервиллизма семьи по отношению к обществу с одной стороны и семьецентризма с другой [11]. Основой этого культурного компромисса является, по мысли ученого, принципиальная сочетаемость интересов семьи и интересов общества: «Установка на заботу о семейном очаге в целом не является альтернативной установкой на служение общественному целому, человечеству и родине» [11, с. 371]. Отличительной социокультурной особенностью гендерной диспозиции российской семьи является доминирующая роль женщины в семье [11]. Четвертой особенностью российского социокультурного типа семьи является коллективистский тип семьи, выстраиваемой как «домашний очаг», объединяющий всех членов семьи в единый, сплоченный коллектив [11].

Традиционные ценности русской культуры, такие как служение Родине, патриотизм, общественный долг, духовность, добродетель, нравственность, находятся в естественной корреляции с семейными. А. Егорычев

выделяет следующие матримониальные духовные инварианты: крепкий брачный союз, многодетность, взаимная любовь, супружеская верность, взаимопонимание и уважение, почтение к родителям и старшим, взаимопомощь, ответственность по отношению к семье, высокий престиж материнства и отцовства, повышенная ответственность мужчины за судьбу семьи в решающих ситуациях, принятие женщиной функции матери и самореализация через рождение, воспитание детей и поддержание уюта [12].

Особая роль семейных традиций состоит в том, что через них члены семьи получают чувство единства, стабильности, надежности, ответственности и заботы друг о друге, мотивацию служения: «Прошли века и семейные традиции сложились в генетическую социокультурную матрицу, необходимую не только для выживания российского государства и общества, но и для его успешного развития и сохранения национальной и гражданской идентичности русского народа» [12, р. 174]. Можно сказать, что любовь, верность и сплоченность в семье — это базисная, естественно воспроизводимая форма подлинного патриотизма и служения Отечеству, обеспечивающая устойчивость и безопасность общества и государства.

Определение инвариантного цивилизационного культурного типа российской семьи связано с тем, что искомые общие особенности российской семьи, присущие ей на каждом этапе ее развития, но проявляющиеся в специфических формах, являются продуктом и отражением в сфере семейно-брачных отношений фундаментальных особенностей социокультурной идентичности российской цивилизации и русского народа, российских цивилизационных инвариантов, выделенных национальным самосознанием в XIX веке, но по-разному интерпретируемых: державности, соборности и духовности [8]. Соответственно можно выделить три цивилизационные особенности социокультурного типа российской семьи: 1) семейная державность; 2) семейный коллективизм (соборность); 3) семейная духовность.

Российская семейная державность проявляется преимущественно в ее просоциальной и прогосударственной направленности, сочетании интересов государства и общества

с внутрисемейными интересами, открытости семьи к общественным, государственным интересам, служении семьи обществу и государству. При этом важным компонентом российской семейной державности является реальное покровительство государства семье, материальная и моральная поддержка семьи. Также особенностью российской семейного суверенитета является построение семьи как микросоциальной системы по образцу российского общества и государства.

Семейная соборность российской семьи выражается тем, что она выступает как коллективистская ячейка, в которой общественные ценности приоритетны над индивидуальными, личными целями и ценностями. Поэтому в России семья проявляет себя как коллективная личность, а не утилитарный союз независимых личностей как в Западной культуре.

Семейная духовность российской семьи состоит в том, что это всегда ментально санкционированный и мотивированный союз, регламентируемый не только внешне, но и в сознании членов семьи некими высокими идеалами, нормами и образцами, а не индивидуальным, утилитарным соглашением сторон, или компромиссом взаимных эгоистических интересов, как это имеет место в Западной культуре. Идеологическая санкция российской семьи исторически носила религиозный характер, но место таковой может занимать какая-либо социально-политическая идеология (как например, государственная коммунистическая идеология в Советской России). Российская семейная духовность проявляется также в неизменном приоритете духовных основ подлинной любви и гуманизма и духовных функций семьи над утилитарными и материальными.

Агрегирование рассмотренных аспектов изменений социологического и духовного облика современной российской семьи с точки зрения социокультурной динамики позволяет выделить амбивалентность факторов трансформации семейных ценностей. Стремительное изменение характера и условий труда вкупе с вестернизацией системы ценностей, эмансипацией нравов, торжествующим в мировоззренческих ориентациях личности индивидуализмом, сужающейся гендерной асимметрией и перераспределением соци-

альных ролей между мужчиной и женщиной приводят к активной трансформации духовного облика семьи. С другой стороны, вариативность семейной идентичности балансируется стабилизирующими факторами. Семья сохраняется как ценность и образ жизни, условие достижения счастья и самореализации независимо от представлений о ее устройстве. Культурным статусам присуща меньшая подвижность, инерционность в сравнении с социально-экономическими, что позволяет говорить об устойчивом и преемственном характере культурных и этических ценностных инвариантов российской семьи, общества, цивилизации.

Обсуждение. Ценностный кризис российской семейной идентичности получает различную интерпретацию в отечественном дискурсе. Т.А. Гурко рассматривает современную ситуацию с российской семьей как конфликт ценностных систем: «В настоящий период нормы аграрного, а затем индустриального образа жизни сосуществуют с новой системой норм постиндустриального образа жизни» [6, с. 27].

А.В. Верещагина рассматривает трансформацию традиционной российской семьи как позитивный в целом процесс: «Процесс перехода к современному типу семьи на основе разрушения традиционных основ функционирования семьи, сформированных на протяжении исторического, по своей сути авторитарного, развития российского общества, представляется совершенно закономерным и позитивным явлением в условиях демократизации всей общественной жизни» [3, с. 66].

Однако, с подобной интерпретацией трудно согласиться. Она противоречит традициям и устоям российской семейной философии. Изучая взгляды на природу семьи и брака в русской религиозной философии, М.В. Гурджиян указывает, что, несмотря на исторические трансформации семейно-брачных отношений, семейного устройства и традиций, в российской духовной культуре, за редким исключением, семья оставалась самой высокой ценностью. В представлении Вл. Соловьева, В. Розанова, Н. Бердяева, П. Флоренского, И. Ильина, С. Франка культура семейно-брачных отношений основывалась на неизменных понятиях любви, вер-

ности, надежности брака, взаимоуважения, прощения, сбалансированного единства мужского и женского начал, счастья материнства и отцовства, послушания и добровольного ответственного служения друг другу и обществу, что выражается в том числе в принятии миссии деторождения. Для этих принципов в отечественной религиозной философии возводится основание через трансцендирование любовной связи в браке за пределы субъективной человеческой жизни, в соединении нравственного и плотского измерения отношений в одухотворенной цельности личности и общества с целью ее полной самореализации [5]. Проанализировав взгляд отечественной философско-культурологической мысли на уклад семейной жизни в контексте эволюции российского общества, А.Ю. Дмитриичук приходит к сходным выводам: «Русские мыслители видели цель семьи, брака не только в продолжении рода, но и в духовном совершенствовании супругов» [7, с. 97].

Отражена в традиции философской рефлексии и идея тесной взаимозависимости благосостояния семьи и нравственного положения всего общества, что должно быть предметом осознанной государственной заботы, ведь идея и практика семейного союза, основанного на любви, вызывает к жизни высокие чувства и по отношению к Родине [5].

В контексте интересов сохранения самобытной социокультурной идентичности российской семьи важно сформулировать задачи и направления соответствующей семейной политики российского общества и государства. Озаботившись судьбой семьи как основы государства и общества, определяющей сохранность национальной идентичности, А. Егорычев предлагает сосредоточиться на идентификации принципов их возрождения. Основанием их является идеология традиционных российских семейных ценностей, которые могут быть обозначены как надэтнический, цивилизационный тип: «Укрепление и защита российской семьи сегодня возможна только через исторические смыслы и ценности, которые веками создавались русским народом, бережно поддерживались и использовались для сохранения и развития семьи и передавались из поколения в поколение» [12, р. 169]. Е.П. Галкина и М.И. Кадничанская предлагают в некоторые конкретные меры:

1) улучшение социально-экономических условий существования семьи; 2) организация эффективной социальной и психологической помощи семье; 3) восстановление и активизация традиционного семейного воспитания в образовательных и воспитательных учреждениях; 4) повышение социального престижа семьи [4].

Заключение. Как современная государственная семейная политика, так и мировоззренческая социальная рефлексия смысловой и ценностной сферы семейной жизни имеют две возможности: 1) приспособляться ментально и идейно к сиюминутным, конъюнктурным, переходным, социально-экономическим и культурно-историческим условиям существования родственных союзов, сопряженным с неизбежными ограничениями их функционирования и развития; 2) мировоззренческие ориентации будут носить проективный характер, адаптировать к требованиям времени ключевые, проверенные культурные и нравственные ценности, гарантирующие сохранность духовной, гражданской и цивилизационной самобытности в условиях идеологического многообразия. Вероятно, этот экзистенциальный выбор должен соответствовать нравственным константам подлинного гуманизма, являющимся основанием устойчивого культурного развития и национальной безопасности. Перспективы воссоздать архаику, идеализируя прошлое, традиционную семью эпохи «Домостроя» как некий статичный, неизменный и непревзойденный идеал сомнительны. При этом нужно критически переосмыслить нарративы, легализующие распад, ослабление семьи как фундаментальной социальной общности, выстраивая некий срединный путь между этими крайностями.

Предполагаемые прикладные меры в направлении семейной политики должны быть изучены и впоследствии реализованы в двух плоскостях: духовной и материальной. Восстановление престижа семейного образа жизни и операционализация традиционных мировоззренческих установок, гарантирующих устойчивое демографическое и культурное развитие, предполагает несколько треков. Необходима активная информационная и рекламная популяризация полно-

ценного семейного образа жизни и традиционных семейных ценностей [9]. Важно наладить консультирование семейных пар в специальных центрах социальной и психологической помощи и поддержки, разработку терапевтических программ, направленных на сохранение семейных отношений и предотвращение разводов. Гуманизация и гуманитаризация образовательной среды с точки зрения содержательного наполнения и формы реализации должны в полной мере отвечать целям трансляции подлинных семейных ценностей.

Необходимо прямое материальное стимулирование многодетности вместо фактической поддержки малодетности с помощью трансформации государственных финансовых программ «материнского капитала». Чувствительным, возможно, основополагающим механизмом такой материальной поддержки должно быть продолжение и расширение эффективных жилищных проектов. Законодательное обеспечение социальных и материальных гарантий защиты благополучия детства и родительства может быть воплощено в ощутимых мерах материальной стимуляции в виде возможных налоговых привилегий, льготных продовольственных, образовательных и рекреационных программ, нацеленных на крепкую, дружную, многодетную семью как надежную опору гражданского общества.

Список источников

1. Бутаева М. А. Семья в контексте современных проблем трансформации России // *Власть*. 2011. №4. С. 34–37.
2. Верещагина А. В., Шахбанова М. М. Формирование новых семейных ценностей и отношений в современном российском обществе // *Вестник Дагестанского научного центра РАН*. 2013. №50. С. 65–71.
3. Галкина Е. П., Кадничанская М. И. Трансформация института семьи в условиях современных модернизационных процессов // *Вестник Омского университета*. Серия: Экономика. 2015. №3. С. 193–200.
4. Гурджиян М. В. Русская философия о природе семьи и брака // *Теория и практика общественного развития*. 2015. №22. С. 200–203.

5. Гурко Т. А. Институт семьи в постиндустриальных обществах // *Ценности и смыслы*. 2011. №13(4). С. 26–44.

6. Дмитриичук А. Ю. Представление о семье в русской философско-культурологической мысли // *Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого*. 2018. №1(25). С. 85–100.

7. Мельникова Л. В., Поломошнов А. Ф. Российская социокультурная идентичность в исторической перспективе. Персиановский, 2012. 186 с.

8. Новоселова Е. Н. Добровольная бездетность как угроза демографической безопасности России // *Вестник Московского университета*. Серия 18. Социология и политология. 2012. №1. С. 99–110.

9. Романова Е. С. Трансформация семьи как социального института в условиях изменения государства и собственности // *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской Академии наук*. 2010. Вып. 10. С. 271–287.

10. Шаповалов В. Ф. Истоки и смысл российской цивилизации. М.: ФАИР ПРЕСС, 2003. 24 с.

11. Egorychev A., Mardakhaev L., Akhtyan, A., Shimanovskaya Ya. V., Archakov R., Bykovskaya T. Traditional Russian Family as a Basis for Sustainable Development of the State and Society // *Academic Journal of Interdisciplinary Studies*. 2019. №8. P. 168–175.

References

1. Butaeva M. A. Sem'ja v kontekste sovremennyh problem transformacii Rossii [Family in the context of modern problems of transformation of Russia]. *Vlast' [Power]*. 2011; (4): 34–37. (In Russ.).
2. Vereshhagina A. V., Shahbanova M. M. Formirovanie novyh semejnyh cennostej i otnoshenij v sovremennom rossijskom obshhestve [Formation of new family values and relationships in modern Russian society]. *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo centra RAN [Bulletin of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]*. 2013; (50): 65–71. (In Russ.).
3. Galkina E. P., Kadnichanskaja M. I. Transformacija instituta sem'i v uslovijah sovremennyh modernizacionnyh processov [Transformation of the family institute in the conditions of modern modernization processes]. *Vestnik Om-*

skogo universiteta. Serija: Jekonomika [Bulletin of Omsk University. Series: Economics]. 2015; (3): 193–200. (In Russ.).

4. Gurdzhijan M. V. Russkaja filosofija o prirode sem'i i braka [Russian philosophy on the nature of family and marriage]. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. 2015; (22): 200–203. (In Russ.).

5. Gurko T. A. Institut sem'i v postindustrial'nyh obshhestvah [Institute of family in post-industrial societies]. *Cennosti i smysly* [Values and meanings]. 2011; 13 (4): 26–44. (In Russ.).

6. Dmitriychuk A. Ju. Predstavlenie o sem'e v ruskoj filosofsko-kul'turologicheskoj mysli [The idea of the family in Russian philosophical and cultural thought]. *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo* [Humanities Bulletin of the Tolstoy State Pedagogical University]. 2018; 1(25): 85–100. (In Russ.).

7. Mel'nikova L. V., Polomoshnov A. F. Rossijskaja sociokul'turnaja identichnost' v istoricheskoj perspektive [Russian socio-cultural identity in historical perspective]. *Persianovskij*, 2012. 186 p. (In Russ.).

8. Novoselova E. N. Dobrovol'naja bezdetnost' kak ugroza demograficheskoj bezopasnosti

Rossii [Voluntary childlessness as a threat to demographic security of Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija* [Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science]. 2012; (1): 99–110. (In Russ.).

9. Romanova E. S. Transformacija sem'i kak social'nogo instituta v uslovijah izmenenija gosudarstva i sobstvennosti [Romanova E. S. Transformation of the family as a social institution in the conditions of state and property change]. *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdelenija Rossijskoj Akademii nauk* [Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]. 2010; (10): 271–287. (In Russ.).

10. Shapovalov V. F. Istoki i smysl rossijskoj civilizacii [The origins and meaning of Russian civilization]. Moscow: FAIR PRESS, 2003. 24 p. (In Russ.).

11. Egorychev A., Mardakhaev L., Akhtyan, A., Shimanovskaya Ya. V., Archakov R., Bykovskaya T. Traditional Russian Family as a Basis for Sustainable Development of the State and Society // *Academic Journal of Interdisciplinary Studies*. 2019. №8. P. 168–175.

Статья поступила в редакцию 06.05.2022; одобрена после рецензирования 22.05.2022; принята к публикации 18.06.2022.

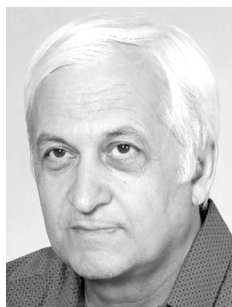
The article was submitted on 06.05.2022; approved after reviewing on 22.05.2022; accepted for publication on 18.06.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Поломошнов Андрей Федорович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «Философия и история Отечества», Донской государственной аграрной университет. Россия, п. Персиановский, ул. Кривошлыкова, 24

Andrey F. Polomoshnov — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department «Philosophy and History of the Fatherland», Don State Agrarian University. 24 Krivoshlykova st., Persianovsky v., Russia

Панычик Александр Владимирович — философ, доцент кафедры «Философия и культурология», Ростовский государственный экономический университет (РИНХ). Стаж работы в научно-исследовательской сфере — 20 лет. Сфера научных интересов: философия религии и философские проблемы эзотеризма.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Alexander V. Panychik — Philosopher, Associate Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies of the Rostov State University of Economics (RSUE). Work experience in the research field is 20 years. Research interests: philosophy of religion, philosophical problems of esotericism.

69 B. Sadovaya st., Rostov-on-Don, Russia

Вклад авторов:

Поломошнов А. Ф. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Панычик А. В. — концепция исследования; развитие методологии; доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Polomoshnov A. F. — scientific management; research concept; development of methodology; writing the source text; final conclusions.

Panychik A. V. — research concept; development of methodology; follow-on version of the text; final conclusions.

Научная статья
УДК 173:316.356.2
DOI: 10.17213/2075-2067-2022-3-274-283

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЬИ

Платон Андреевич Поломошнов^{1✉}, Анастасия Михайловна Кравцова²

*¹Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Ростов-на-Дону, Россия*

²Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия

¹_platon_@list.ru ✉, ORCID: 0000-0002-7970-7468, AuthorID РИНЦ: 659657

²punja1@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-0920-8759

Аннотация. *Целью исследования является анализ современных трансформаций российской семьи в условиях либеральных реформ.*

Методологическую базу исследования *представляют отечественные исследования, посвященные особенностям трансформации семейных ценностей и практик в современной России, и метод сравнительного теоретического анализа характеристик семьи.*

Результаты исследования. *Статья посвящена изучению духовных ценностей российской семьи в контексте современных трансформаций демографической динамики и семейного поведения. Исследование ставит целью изобразить адекватный социокультурный портрет современной российской семьи с точки зрения ее мировоззренческих ориентаций, проанализировать трансформации и преемственность ее духовных детерминант, обсудить возможности эволюции института семьи. Обосновывается, что изменения облика российской семьи являются результатом влияния противоречивых, часто деструктивных, тенденций, связанных с усвоением мужчинами и женщинами, вступающими в брак, ценностей прагматизма и индивидуализма в духе ускоренной догоняющей модернизации и вестернизации общественных отношений. Авторы ставят под сомнение заимствование ценностных ориентаций модерна и постмодерна и постулируют потребность в понимании коренных социокультурных семейных паттернов, которые могут быть адаптированы к требованиям эпохи.*

Перспективы исследования *заключаются в установлении баланса позитивных и негативных трансформаций российской семьи в условиях модернизации российского общества и определении рекомендаций по совершенствованию национальной семейной политики.*

Ключевые слова: *российская семья, современная семья, традиционная семья, трансформации семейных отношений, кризис семьи, семейные ценности, семейные традиции*

Для цитирования: *Поломошнов П. А., Кравцова А. М. Социокультурные трансформации современной российской семьи // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 3. С. 274–283. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-274-283>.*

Original article

SOCIO-CULTURAL TRANSFORMATIONS OF THE MODERN RUSSIAN FAMILY

Platon A. Polomoshnov¹✉, Anastasiya M. Kravtsova²

¹Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia

²Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia

¹_platon_@list.ru✉, ORCID: 0000-0002-7970-7468, AuthorID RSCI: 659657

²punja1@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-0920-8759

Abstract. *The aim of the study is to analyze the modern transformations of the of the Russian family in the context of liberal reforms.*

The methodological basis of the study is represented by domestic studies on the peculiarities of the transformation of family values and practices in modern Russia and the method of comparative theoretical analysis of the characteristics of the family.

Research results. *The article is devoted to the study of the spiritual values of the Russian family in the context of modern transformations of demographic dynamics and family behavior. The study aims to portray an adequate socio-cultural portrait of the modern Russian family in terms of its worldview orientations, to analyze the transformation and continuity of its spiritual determinants, and to discuss the possibilities for the evolution of the family institution. It is substantiated that changes in the appearance of the Russian family are the result of the influence of contradictory, often destructive tendencies associated with the assimilation of men and women entering into marriage, the values of pragmatism and individualism in the spirit of accelerated catching up modernization and Westernization of social relations. The authors question the borrowing of the value orientations of modernity and postmodernity, and postulate the need to understand the indigenous sociocultural family patterns that can be adapted to the requirements of the era.*

The prospects of the study *are to establish a balance of positive and negative transformations of the Russian family in the context of the modernization of Russian society and to identify recommendations for improving the national family policy.*

Keywords: *Russian family, modern family, traditional family, transformation of family relations, family crisis, family values, family traditions*

For citation: *Polomoshnov P.A., Kravtsova A.M. Socio-cultural transformations of the modern russian family// Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(3): 274–283. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-274-283>.*

Введение. В гуманитарном дискурсе существуют темы, актуальность которых не подлежит сомнению, но нередко они не получают необходимого приоритетного внимания научной общественности. К ним, в частности, относится тема культуры семейно-брачных отношений и семьи как важнейшего социокультурного института не только демографического воспроизводства населения, но и социокультурного воспроизводства личности. Каждый уникальный тип общества, каждая цивилизация в процессе своего

исторического существования формирует свой специфический тип культуры семейно-брачных отношений и социокультурный тип семьи, которые обеспечивают межпоколенческую трансляцию и стабильность цивилизационных параметров общества.

В контексте современных глобальных трансформаций института семьи и культуры семейно-брачных отношений, а также в связи с неоднозначными последствиями радикальных российских реформ на рубеже тысячелетий для российской гуманитарной мысли

необычайно остро встает вопрос о судьбе российской семьи как самобытного социокультурного типа, от которого зависит и судьба самой российской цивилизации.

В отечественном дискурсе по данной проблеме существует согласие только в том, что российская семья находится сегодня в ситуации качественных трансформаций, сопровождающейся изменением духовных основ и нравственного потенциала современной семьи. Проблематическое положение в изучении современной российской семьи связано с одной стороны со сложным комплексным характером фактических трансформаций института семьи в современном социокультурном пространстве, а с другой — с неоднозначностью и даже противоречивостью оценок в различных исследованиях этих изменений. В данной статье предпринимается попытка отразить социокультурный портрет современной российской семьи в контексте ее изменений в нынешнюю эпоху с точки зрения, прежде всего, ценностно-мировоззренческих ориентаций, проанализировать ее динамику, выявить ее духовные доминанты, обсудить ее дальнейшие перспективы.

Методика. В основе работы лежит изучение отечественных исследований, посвященных проблемам семьи и особенностям трансформации семейных ценностей и практик в современной России в виде сравнительного теоретического анализа характеристик семьи, агрегирования материалов исследований и статистики по выбранной тематике. В качестве целей исследования ставились концептуализация цивилизационных духовных инвариантов семейной жизни на основе обобщения результатов рефлексии российского народного, художественного самосознания, а также отечественной философии семьи и семействования, прогнозирование перспектив института семьи в России и разработка рекомендаций в области национальной семейной политики.

Результаты. Попытку дать развернутый социокультурный портрет современной российской семьи можно предпринять на основе ряда черт, отмеченных согласованным мнением ученых, схоже интерпретирующих статистические и качественные исследования.

В данном контексте частым лейтмотивом выступает идея модификации семейных практик, обосновывающая появление новых ориентиров, суть которых заключается в «свободе выбора жизненных стилей, путей реализации целей и стратегий достижения успеха, а также реализации личности в семье» [2, с. 79]. С целью выявления специфики и распространенности в социуме новых форм семьи, ценностных трансформаций семейно-брачной сферы отношений можно выделить набор критериев, дающих в итоге развернутую характеристику признаков современной российской семьи.

В плане ролевой структуры межличностных отношений — это доминирование нуклеарной, однопоколенной семьи, что связано с преобладанием, особенно в городской среде, постсовременного супружеского типа семьи в противовес архаичному кровнородственному и современному детоцентристскому [2]. Ускоренная либерализация и демократизация общественных процессов и механизмов приводит к трансформации семьи по критерию власти, но на смену патриархальному типу приходит не эгалитарная, демократическая, как на Западе, а матриархальная по существу семья, в которой на женщину ложатся и основные семейные функции, и семейное лидерство. Отмечается во многом вынужденный характер этой неоматриархальности, обусловленный традициями народной ментальности, исторически склонной больше к авторитарному, а не демократическому стилю руководства, с которым в свою очередь ассоциируется эгалитарная, партнерская модель супружества. Соответственно, это предопределяет доминирование в семье системы материнского воспитания, искажающего ролевое поведение воспитываемого потомства [2]. В данном контексте Н. Н. Цветаева показательно сравнивает сценарии семейной жизни старшего и младшего поколения женщин. Если для первых преобладает целостный нарратив традиции и долга, в котором семья и работа рассматриваются как самоочевидные ценности, то для вторых характерна уже амбивалентность ценностного дискурса, в котором традиционно-романтический образ семьи как духовной связи, основанной на любви, сопрягается с современным рационально-эгоистическим поведением. Не-

смотря на подчеркиваемую инерционность социокультурных процессов и сохраняющееся преобладание традиционных ценностей в российском обществе, происходят серьезные сдвиги в плане усиления прагматизма и индивидуализма в сценариях семейной жизни молодых женщин, интерпретируемые как одна из определяющих тенденций демографической модернизации [12].

Ситуация гендерно непропорционального распределения ролей в семье усугубляется подавляющим превосходством и фактическим институциональным закреплением института неполных семей материнского типа и внебрачного материнства. В 2019 году в России было 6,2 млн. неполных семей (30% от общего числа), из них 5,6 млн. матерей-одиночек¹. Соответственно, в связи с изменением ценностных и поведенческих установок в духе безответственной свободы и индивидуализма женщин, эгоизма и слабохарактерности мужчин отмечается распространение внебрачной формы семьи, сожительствующей без регистрации отношений, что косвенно отражается в статистике детей, родившихся у женщин, не состоявших в официальном браке. На 2020 год этот показатель в России составил 21,7%².

В репродуктивном аспекте выделяется преобладание для большинства населения страны тенденции низкой рождаемости, и в результате — малодетности как образу и практике современной жизни. Суммарный коэффициент рождаемости детей в расчете на 1 женщину в 2020 году составил лишь 1,5³. Таким образом, преобладающий тип демографического поведения приводит к снижению количественных демографических показателей и качества семейной жизни в смысле

ответственности в родительских и супружеских отношениях.

В современной России отмечается уменьшение числа браков и рост количества разводов и повторных семей. За 2020 год на тысячу человек зарегистрировалось 5,3 браков и 3,9 развода⁴. Тут мы имеем порочный круг: такая тенденция связана с вступлением в возраст заключения браков малочисленных молодых людей, выросших в неблагополучные времена, которые наблюдали в детстве тяжелую нагрузку родительства и семейной жизни в условиях радикальной перестройки общественно-экономического уклада, поэтому они испытывают страх перед супружеской и родительской ответственностью.

Еще одной отличительной особенностью современной типологии семей в России является рост числа неблагополучных семей. Так, общая доля детей, проживающих в семьях со среднедушевыми денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, на 2019 год составляет 23,6%⁵. Более 66% родителей уклоняются от уплаты положенных алиментов. Около 10 млн. российских детей живут в неполных семьях и должны получать алименты, но по экспертным оценкам, только десятая часть из них получают денежную помощь от ушедшего из семьи родителя⁶. Очевидно, данный процесс связывается с крайне сложной, неустойчивой социально-экономической обстановкой в стране и радикальным изменением формата семейной и социальной политики государства на первом этапе рыночных либеральных реформ, фактически снявших ответственность за судьбу семьи с государства и полностью переложивших ее на плечи самих граждан, морально и финансово к этому не подготовленных, воспитанных на идейных

1 Статистические данные неполных семей в России 2020 [Электронный ресурс] // Лучшие юристы тут. URL: <https://besturisty.ru/statisticheskie-dannye-v-rossii-nepolnyh-semej-v-rossii-2020-rosstat.html> (дата обращения: 25.04.2022).

2 Естественное движение населения Российской Федерации [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13269> (дата обращения: 25.04.2022).

3 Семья, материнство и детство [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13807> (дата обращения: 25.04.2022).

4 Семья, материнство и детство [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13807> (дата обращения: 25.04.2022).

5 Статистические данные неполных семей в России 2020 [Электронный ресурс] // Лучшие юристы тут. URL: <https://besturisty.ru/statisticheskie-dannye-v-rossii-nepolnyh-semej-v-rossii-2020-rosstat.html> (дата обращения: 25.04.2022).

6 Семья, материнство и детство [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13807> (дата обращения: 25.04.2022).

и гражданских установках социально-ответственного государственного управления.

Собственно, социальная автономизация семьи, выражающаяся в разрыве связей семьи и общества, в отказе государства от существенной материальной и моральной ответственности за семьи, может быть обозначена как самостоятельная значимая типологическая черта. Подобную мысль высказывает В.В. Солодников. В силу того, что семья оказалась не готова к драматическим трансформациям социально-экономических и политических реалий, возникает феномен социально дезадаптированной семьи, не способной удовлетворить запросам государства и общества на определенный тип личности, который она должна воспроизводить. Такая семья, симуляционная, разобщенная, индивидуалистическая, кризисная, построенная как средство реализации личных интересов, превращается в лишней, дисфункциональный социальный институт [11].

Оценка тенденций трансформации современной российской семьи подтверждается в работе М.Н. Клинцовой. Ее вывод о последствиях обозначенных процессов для трансляции духовных основ общества выглядит логичным и неутешительным: «В современном российском обществе наблюдается сокращение численности семей и упрощение их состава, ограничение числа внутрисемейных и семейно-родственных связей, демократизация принципов организации семейной жизни, рост автономии поколений, нарушение межпоколенных связей, преемственности поколений» [8, с. 23].

В области межпоколенной связи все чаще фиксируется раздельное проживание родительской и репродуктивной семей. Собственно, нуклеарная семья не является пределом деления в условиях трансформации экономической основы семейных ролей. Как отмечает Е.Л. Галкина, если семья состоит из самостоятельно работающих индивидов, ее интегративные функции переходят к другим институтам, а взамен предлагаются фрагментарные модели социального взаимодействия, что приводит к появлению социального феномена одиночества: «Ослабление роли семьи как посредника во взаимодействии личности и общества усиливает внесемейные ценностные ориентации членов семьи на личные до-

стижения, ведет к перевесу их над ценностью семейного образа жизни и ценностью детей» [4, с. 194]. Трансформация семьи из функционального института в малую группу отражает смену преобладающих в обществе духовных ценностей фамилизма (моногамный брак как общественная необходимость и безальтернативная форма легитимации сексуальных отношений, недопустимость развода, многодетность, расширенный характер семьи, сильный родительский авторитет, функциональная многомерность) на нормы индивидуализма (свобода выбора в принятии решения о браке, плюрализм форм семейной жизни, различной степени свободы от сожительства до одиночества, легитимация развода, функциональная нуклеарность).

В оптимистичном варианте противоречивое сосуществование различных, зачастую неблагоприятных, неустойчивых и нетрадиционных для российской культуры типов семьи оценивается как закономерный процесс в рамках мировой тенденции либерализации, демократизации, гуманизации и индивидуализации социальной сферы. Естественный отбор и саморегуляция новых семейных практик могут привести к формированию пусть функционально слабых с точки зрения реализации экономических и политических аспектов, недолговременных, но зато более здоровых и комфортных в плане межличностных отношений семейных союзов, построенных на прагматизме и стремлении к личному комфорту.

Однако, к разряду выпадающих из задач семьи, помимо служения обществу, поддержания его физического существования в виде производства новых людей, обеспечения культурной преемственности и самобытности, относится также и воспроизводство общественной морали. В такой социальной ячейке будет воспроизведена фрагментарная и неустойчивая фактура самосознания личности. Утрата воспитательного потенциала семьи становится следствием материальных и психологических трудностей старшего поколения, их неуверенности и неспособности приноровиться к суровым конкурентным условиям и обстоятельствам, что приводит к кризису доверия детей к родителям, потере авторитета старших. Происходящие трансформации семейной структуры проявились

как результат принятия и закрепления в российском обществе ценностей культуры потребления, одномерной и плоской трактовки индивидуализма. Возникшие таким образом модели семьи предельно адаптируют искаженные социокультурные потребности, усугубленные текущими социально-экономическими условиями, драматически обостряя несовпадение потребительского идеала максимизации личного удовольствия и недостатка ресурсов для их получения.

Обсуждение. Смысл масштабных трансформаций семейных практик и ценностей интерпретируется в литературе по-разному, что создает концептуальную поляризацию исследовательских позиций, выражающихся в противостоянии теоретико-лингвистических моделей «модернизации семьи» и «кризиса семьи». Западные модели «семейной пластичности» и «второго демографического перехода» [15; 16] отражают тенденции диверсификации и фрагментации семейных практик, сопровождающие культурные аспекты становления унифицированного демократического социального порядка в эпоху фукуямовского конца истории.

Адепты либеральных рыночных реформ, ориентирующиеся на западные ценности и образцы, в том числе и в сфере семейно-брачных отношений, утверждают, что российская семья претерпевает неизбежный и в целом позитивный культурный переход от единообразного, устаревшего на сегодняшний день, с их точки зрения, типа традиционной семьи к передовому и адекватному, многоликому образу европейской эгалитарной семьи. Так, по мнению А.В. Верещагиной, изменения семейных отношений и ценностей представляются закономерным следствием трансформации системных социально-экономических и социокультурных условий существования семьи, определяющих в конечном итоге ее облик. Небывалый плюрализм типов, даже хаотизация семейных практик характеризуются как естественная для транзитивного общества ситуация отбора их наиболее эффективных институциональных форм с позиции решения основной задачи

семьи — достижения личного счастья в условиях свободы выбора [3]. Ряд отечественных исследователей, в числе которых С.И. Голод [5], Т.А. Гурко [6], С.В. Захаров [7], склонные оценивать трансформации института семьи как нормальные последствия социокультурной модернизации, считают, что семья как трудовое звено в вертикальной структуре воспроизводства сильных и преобладающих «сильных» социальных связей (экономических, политических, религиозных, национальных, демографических) уступит место семье, обслуживающей исключительно интересы ее членов, основанной на «слабых» социальных связях (сексуальное партнерство, увлечения, психологические связи, эстетические предпочтения), что подразумевает коммуникацию в горизонтальной социокультурной плоскости, частичное и временное совпадение вариативных и многомерных жизненных стратегий его участников.

Противоположную точку зрения отстаивают традиционалисты. Совпадая со своими оппонентами в концептуальной характеристике объективности социальных и культурных трансформаций в современном российском обществе, они дают негативную мировоззренческую и аксиологическую интерпретацию происходящего. Индивидуализм, потребительская направленность, многообразие жизненных паттернов в условиях низких темпов экономического роста приводят к уравниванию социальных ролей членов семьи, их разобщению, конфликтности и впоследствии фактически фиксируемых в высоком уровне разводимости, росту количества неполных семей, материнству вне брака, малодетности, что затрудняет выполнение фундаментальных социально значимых функций семьи — репродуктивной и воспитательной. Основываясь на данных исследования «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ»⁷, А.Б. Синельников делает вывод о демографической несостоятельности «прогрессивных» семейных союзов, их неспособности решения задач по воспроизводству населения, воспитанию детей и обеспечению психологического комфорта для всех членов семьи. Альтерна-

⁷ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ RLMS-HSE [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hse.ru/rlms> (дата обращения: 25.04.2022).

тивной он видит материальную и моральную поддержку законных браков с несколькими детьми, повышение престижа традиционной семьи [10]. Исследователи данной категории, такие как М. А. Бутаева [1], М. Н. Клинцева [8], стремятся обосновать необходимость сохранения традиционного социокультурного типа российской семьи и противостоять тенденциям ее разрушения в культурном контексте западной глобализации. А. Х. Сатаева, Р. И. Якупов оценивают современную ситуацию в сфере семейно-брачных отношений еще острее — как утрату и полное разрушение семейных ценностей и связанных с ними нравственных норм, что представляется иррациональными и опасными деструктивными тенденциями, которые необходимо предотвратить [10]. Аксиологической и концептуальной легализации фрагментации института семьи противопоставляется принцип возрождения традиционных смыслов и ценностей российской семьи, которую А. Егорычев видит залогом последовательного устойчивого развития в условиях суровой современной социально-политической обстановки [14].

При всем разнообразии оценок трансформации современной российской семьи существует общее понимание глубины и чрезвычайной значимости этих трансформаций для стабильности и будущего российского общества. Очевидна также необходимость разработки системной гуманистической семейной политики в интересах сохранения и укрепления российской семьи и эффективного противостояния деструктивным процессам в ее современном существовании.

Заключение. Либеральные реформы российского общества привели к существенным социокультурным трансформациям российской семьи. На смену патриархальному, детоцентристскому, традиционному российскому типу семьи приходит не эгалитарная, демократическая семья западного типа, а нуклеарная, однопоколенная, матриархальная семья, в которой на женщину ложатся и основные семейные функции, и семейное лидерство.

Несмотря на сохраняющееся преобладание традиционных ценностей в российском обществе, в системе ценностных ориентаций российской семьи наблюдается усиление

прагматизма и индивидуализма в сценариях семейной жизни. Вследствие этого происходит деформация внутрисемейных отношений и утрата воспитательного потенциала семьи.

Отказ государства от существенной материальной и моральной ответственности за семью нередко ведет к формированию симуляционной, разобщенной, индивидуалистической, кризисной семьи, построенной как средство реализации личных интересов, не способной удовлетворить запросы государства и общества. В контексте противоречивых трансформаций российской семьи российское общество нуждается в разработке и реализации эффективной семейной политики, которая обеспечила бы, с одной стороны, сохранение фундаментальных параметров и конструктивных социальных функций традиционной российской семьи, а с другой стороны, способствовала бы успешной адаптации российской семьи к процессам модернизации российского общества.

Список источников

1. Бутаева М. А. Семья в контексте современных проблем трансформации России // Власть. 2011. №4. С. 34–37.
2. Верещагина А. В. Типологическая характеристика семьи в современном российском обществе // ИАЭЖ. 2012. №2(30). С. 79–91.
3. Верещагина А. В., Шахбанова М. М. Формирование новых семейных ценностей и отношений в современном российском обществе // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2013. №50. С. 65–71.
4. Галкина Е. П., Кадничанская М. И. Трансформация института семьи в условиях современных модернизационных процессов // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2015. №3. С. 193–200.
5. Голод С. И. Современная семья: плюрализм моделей [Электронный ресурс]. 8 с. URL: <http://jour.isras.ru/index.php/socjour/article/viewFile/291/285> (дата обращения: 25.04.2022).
6. Гурко Т. А. Институт семьи в постиндустриальных обществах // Ценности и смыслы. 2011. №13(4). С. 26–44.
7. Захаров С. В. Трансформация брачно-партнерских отношений в России: «золотой

век» традиционного брака близится к закату? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. М.: НИСП, 2007. С. 75–126.

8. Клинцева М. Н. Современная российская семья: основные тренды // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2018. №1. С. 20–24.

9. Сатаева А. Х., Якупов Р. И. Особенности традиционных отношений в мусульманской семье: ислам и современное общество // Общество: философия, история, культура. 2019. №9(65). С. 13–19.

10. Синельников А. Б. Семья и брак: кризис или модернизация? // Социологический журнал. 2018. Т. 24. №1. С. 95–113.

11. Солодников В. В. Социология социально дезадаптированной семьи. СПб.: Питер, 2007. 378 с.

12. Цветаева Н. Н. Сценарии семейной жизни в автобиографических нарративах женщин: эволюция ценностных ориентаций // Петербургская социология сегодня. 2019. №12. С. 154–172.

13. Bengson V. L., Biblarz T. J., Roberts R. E. How families still matter: A longitudinal study of youth in two generations. New York: Cambridge University Press. 2002. 240 p.

14. Egorychev A., Mardakhaev L., Akhtyan, A., Shimanovskaya Ya. V., Archakov R., Bykovskaya T. Traditional Russian Family as a Basis for Sustainable Development of the State and Society. Academic Journal of Interdisciplinary Studies. 2019. №8. P. 168–175.

15. Lesthaeghe R., Surkyn J. Value Orientations and the Second Demographic Transition (SDT) in Northern, Western and Southern Europe: An Update // Demographic Research. Max Planck Institute for Demographic Research. Rostock. April 17. 2004. Special Collection 3. №3. P. 45–86.

16. Van de Kaa D. J. Demographic transitions // Encyclopedia of life support systems (EOLSS). Demography. Oxford: EOLSS Publishers, 2010. Vol. 1. P. 65–103.

References

1. Butaeva M. A. Sem'ja v kontekste sovremennyh problem transformacii Rossii [Family in the context of modern problems of transformation of Russia]. *Vlast'* [Power]. 2011; (4): 34–37. (In Russ.).

2. Vereshhagina A. V. Tipologicheskaja harakteristika sem'i v sovremennom rossijskom obshhestve [Typological characteristics of the family in modern Russian society]. *IAJeK*. 2012; 2(30): 79–91. (In Russ.).

3. Vereshhagina A. V., Shahbanova M. M. Formirovanie novyh semejnyh cennostej i otnoshenij v sovremennom rossijskom obshhestve [Formation of new family values and relationships in modern Russian society]. *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo centra RAN [Bulletin of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]*. 2013; (50): 65–71. (In Russ.).

4. Galkina E. P., Kadnichanskaja M. I. Transformacija instituta sem'i v uslovijah sovremennyh modernizacionnyh processov [Transformation of the family institute in the conditions of modern modernization processes]. *Vestnik Omskogo universiteta. Serija: Jekonomika [Bulletin of Omsk University. Series: Economics]*. 2015; (3): 193–200. (In Russ.).

5. Golod S. I. Sovremennaja sem'ja: pljuralizm modelej [Modern family: pluralism of models] [Elektronnyj resurs]. 8 p. URL: <http://jour.isras.ru/index.php/socjour/article/view-File/291/285> (data obrashhenija: 25.04.2022). (In Russ.).

6. Gurko T. A. Institut sem'i v postindustrial'nyh obshhestvah [Institute of family in post-industrial societies]. *Cennosti i smysly [Values and meanings]*. 2011; 13(4): 26–44. (In Russ.).

7. Zaharov S. V. Transformacija brachno-partnerskih otnoshenij v Rossii: «zolotoj vek» tradicionnogo braka blizitsja k zakatu? [Transformation of marriage and partnership relations in Russia: is the «golden age» of traditional marriage nearing its end?]. *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshhiny v sem'e i obshhestve [Parents and children, men and women in the family and society]*. Moscow: NISP, 2007. P. 75–126. (In Russ.).

8. Klincova M. N. Sovremennaja rossijskaja sem'ja: osnovnye trendy [Modern Russian family: main trends]. *Izvestija vuzov. Severo-Kavkazskij region. Obshhestvennye nauki [News of universities. The North Caucasus region. Social sciences]*. 2018; (1): 20–24. (In Russ.).

9. Sataeva A. H., Jakupov R. I. Osobennosti tradicionnyh otnoshenij v musul'manskoj sem'e: islam i sovremennoe obshhestvo [Features of

traditional relations in the Muslim family: Islam and modern society]. *Obshchestvo: filosofija, istorija, kul'tura* [Society: philosophy, history, culture]. 2019; 9(65): 13–19. (In Russ.).

10. Sinel'nikov A.B. Sem'ja i brak: krizis ili modernizacija? [Family and marriage: crisis or modernization?]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal]. 2018; 24(1): 95–113. (In Russ.).

11. Solodnikov V.V. Sociologija social'no dezadaptirovannoj sem'i [Sociology of a socially maladapted family]. Saint Petersburg: Piter, 2007. 378 p. (In Russ.).

12. Cvetaeva N.N. Scenarii semejnoj zhizni v avtobiograficheskikh narrativah zhenshhin: jevoljucija cennostnyh orientacij [Scenarios of family life in autobiographical narratives of women: the evolution of value orientations]. *Peterburgskaja sociologija segodnja* [St. Petersburg Sociology today]. 2019; (12): 154–172. (In Russ.).

13. Bengson V.L., Biblarz T.J., Roberts R.E. How families still matter: A longitudinal study of youth in two generations. New York: Cambridge University Press. 2002. 240 p.

14. Egorychev A., Mardakhaev L., Akhtyan, A., Shimanovskaya Ya.V., Archakov R., Bykovskaya T. Traditional Russian Family as a Basis for Sustainable Development of the State and Society. *Academic Journal of Interdisciplinary Studies*. 2019. №8. P. 168–175.

15. Lesthaeghe R., Surkyn J. Value Orientations and the Second Demographic Transition (SDT) in Northern, Western and Southern Europe: An Update // *Demographic Research*. Max Planck Institute for Demographic Research. Rostock. April 17. 2004. Special Collection 3. №3. P. 45–86.

16. Van de Kaa D.J. Demographic transitions // *Encyclopedia of life support systems (EOLSS)*. Demography. Oxford: EOLSS Publishers, 2010. Vol. 1. P. 65–103.

Статья поступила в редакцию 10.05.2022; одобрена после рецензирования 25.05.2022; принята к публикации 18.06.2022.

The article was submitted on 10.05.2022; approved after reviewing on 25.05.2022; accepted for publication on 18.06.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Поломошнов Платон Андреевич — кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия и культурология», Ростовский государственный экономический университет (РИНХ). Россия, г. Ростов-на-Дону, уул. Большая Садовая, 69

Platon A. Polomoshnov — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Rostov State University of Economics (RSUE). 69 Bolshaya Sadovaya st., Rostov-on-Don, Russia

Кравцова Анастасия Михайловна — преподаватель кафедры Иностранные языки, Ростовский юридический институт МВД России. Сфера научных интересов: концептосфера русского языка, юрислингвистика. Стаж научной работы — 3 года.
Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83

Anastasiya M. Kravtsova — Lecturer, Department of Foreign Languages, Rostov Law Institute, Ministry of Internal Affairs of Russia. The sphere of scientific interests: the conceptosphere of the Russian language, legilinguistics. Scientific work experience 15 years.

83 Eremenko st., Rostov-on-Don, Russia

Вклад авторов:

Поломошнов П. А. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Кравцова А. М. — участие в разработке учебных программ; доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Polomoshnov P. A. — scientific management; research concept; development of methodology; writing the source text; final conclusions.

Kravtsova A. M. — participation in development of curricula and their implementation; follow-on version of the text; final conclusions.

Научная статья

УДК 130.2

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-3-284-293

ТРЕНДЫ СОВРЕМЕННОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ КАК УГРОЗЫ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА

Мария Петровна Тихоновскова

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)

имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

tikhonovskova.maria@yandex.ru, ORCID: 000-0001-8616-5532, AuthorID РИНЦ: 1096051

Аннотация. *Цель исследования* заключается в анализе основных тенденций современного социокультурного развития, которые несут риски духовной безопасности личности и общества.

Методологической основой исследования выступают концепции массовой культуры, теории общества потребления и духовного отчуждения человека.

Результаты исследования. Симбиоз массовой культуры, фетишизированной идеологии потребления, и интенсификация процесса цифровизации общества актуализируют деструктивные тенденции, несущие угрозы духовной безопасности личности и общества, проявляющиеся в замещении подлинных познавательных, эстетических и этических потребностей потребностями сугубо материальными. Усиливающиеся тенденции духовного отчуждения делают практически невозможным освоение личностью духовного измерения бытия, воспроизводства и реализации традиционных гуманистических духовных ценностей в социальной жизни.

Перспективы исследования. Работа открывает перспективы для дальнейшего исследования угроз духовной безопасности личности и общества.

Ключевые слова: *духовная безопасность, массовая культура, общество потребления, духовное отчуждение, цифровая культура, цифровая идентичность*

Для цитирования: Тихоновскова М. П. Тренды современного социокультурного развития как угрозы духовной безопасности личности и общества // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 3. С. 284–293. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-284-293>.

Original article

TRENDS OF MODERN SOCIO-CULTURAL DEVELOPMENT AS A THREAT TO THE SPIRITUAL SECURITY OF THE INDIVIDUAL AND SOCIETY

Maria P. Tikhonovskova

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

tikhonovskova.maria@yandex.ru, ORCID: 000-0001-8616-5532, AuthorID RSCI: 1096051

Abstract. *The purpose of the study is to analyze the main trends of modern socio-cultural development, which carry risks to the spiritual security of the individual and society.*

The methodological basis of the research is the concepts of mass culture, the theory of consumer society and spiritual alienation of a person.

The results of the study. The symbiosis of mass culture, which fetishized the ideology of consumption, and the intensification of the process of digitalization of society actualize destructive tendencies that pose threats to the spiritual security of the individual and society, manifested in the replacement of genuine cognitive, aesthetic and ethical needs with purely material needs. The increasing tendencies of spiritual alienation make it almost impossible for a person to master the spiritual dimension of being, reproduction and realization of traditional humanistic spiritual values in social life.

Research prospects. The work opens up prospects for further research of threats to the spiritual security of the individual and society.

Keywords: *spiritual security, mass culture, consumer society, spiritual alienation, digital culture, digital identity*

For citation: *Tikhonovskova M. P. Trends of modern socio-cultural development as a threat to the spiritual security of the individual and society // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(3): 284–293. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-284-293>.*

Введение. Анализ кризисных тенденций XXI века позволяет утверждать, что они вышли за рамки сугубо политико-экономических, приобретя антропологический характер. Масштаб происходящего побуждает задуматься как о судьбах человечества в целом, так и о проблемах локальных национальных общностей.

Борьба за влияние уже давно не ограничивается военным противостоянием. Все большую роль приобретает духовная экспансия. Её цель — оказать влияние на культуру в целом и её значимые сферы — религиозную, информационно-психологическую, научно-образовательную, идеологическую. Средством борьбы выступает комплекс культурно-просветительских, информационно-пропагандистских, идеолого-психологических методов. Совокупность вышеназванных целей и средств направлена на усиление позиций государства в геостратегическом как реальном, так и виртуальном пространстве, а борьба за доминирование в мировой политической системе сопровождается столкновением ценностных систем, приобретает характер аксиологического геополитического противоборства [24]. Такая ситуация формирует запрос на теоретическое осмысление угроз духовной безопасности личности и общества.

Методология и методы исследования.

Теоретико-методологической основой исследования основных тенденций социокультурного развития общества, сопряженных с угрозами духовной безопасности личности, являются идеи теоретиков утилитарно-прагматического подхода — И. Бентама, У. Джеймса, Дж. Дьюи, Д. С. Милля, Ч. Пирса [4; 10; 11; 5; 21]. Сторонники данного подхода полагают, что в основе идеологии потребления лежит стремление человека к удовольствию и выгоде, именно эти желания составляют суть человеческой природы.

В статье используются положения концепции массовой культуры и теории общества потребления Ж. Бодрийяра, Г. Маркузе, Х. Ортега-и-Гассета, Э. Фромма и др. [6; 17; 20; 25]. Теоретическим основанием для анализа угроз духовной безопасности личности является концепция духовного отчуждения человека, представленная в работах Г. Маркузе, Э. Фромма, М. Хайдеггера и др. [17; 25; 26].

Совокупность этих подходов выступает методологической основой для исследования специфики современных тенденций социокультурного развития общества, которые несут угрозы духовной безопасности как личности, так и обществу в целом.

Результаты. В условиях появления новых информационных технологий духовная экспансия является не менее эффективным средством подавления сопротивления противника, чем военно-технологическая мощь. Понимание этого привело к признанию того, что духовная экспансия является одним из способов реализации геополитических интересов стран, претендующих на лидерство в мировой системе, поскольку притязание на мировое господство сопровождается установлением контроля не только за территорией государства, его политической и экономической сферами, но и над культурой общества. Разрушение последней идет по вектору девальвации национальных духовных ценностей и внедрения деструктивных идей и представлений, которые нацелены на забвение истории страны, ее достижений и внедрение в общественное сознание ценностей, чуждых российской ментальности — индивидуализма, эгоизма, потребительства, гедонизма и пр.

Исследователи отмечают, что «системы ценностей, ценностные ориентации всегда выступают в качестве наиболее высокого уровня социальной регуляции. На их основе разворачиваются и эффективно функционируют конкретные и специализированные системы нормативного контроля, общественные институты и эффективно осуществляются действия людей, направленные на достижение личного и общественного блага» [7, с.10]. Поэтому внедрение определенных ценностей в общественное сознание позволяет управлять поведением людей и трансформировать институциональную систему страны в необходимом направлении.

В связи с вышесказанным можно сделать вывод, что среди факторов, угрожающих духовной безопасности общества, первое место по праву занимают массовая культура и её беспрепятственное распространение, а также идеология «общества потребления», базирующиеся на индивидуалистически-эгоистических ориентациях и гедонистически-потребительском культе.

Сама направленность массовой культуры, связанная с удовлетворением любых, в том числе и низменных, потребностей людей, влияющая посредством количества и скорости обновления предлагаемого «духовного»

продукта, оценивающая результативность в экономических категориях (прибыль, выгода), способствует усреднению духовных запросов и коммерциализации культуротворческой деятельности. Её унифицирующее воздействие направлено, прежде всего, против традиционных ценностей, лежащих в основании национальных культур. Как результат, конвейер массовой культуры, по мнению исследователей, ведет в тупик, ввергая общество в состояние духовного кризиса [13].

Общей участи, связанной с распространением массовой культуры, не избежала и Россия. Исследователи выделяют несколько этапов её развития в нашей стране. Поскольку становление массовой культуры традиционно связывают с появлением массового общества и распространением средств массовой информации и коммуникации на рубеже XIX–XX веков, в России генезис данного явления приходится на начало XX века.

Следующий этап связан с 20–30-ми годами XX века, строительством нового советского общества, которому требовалась культура, адресованная массам трудящихся, строящих коммунизм и мечтающих о победе мировой революции. Как результат, советская массовая культура с необходимостью была идеологически нагружена, поскольку преследовала цель формирования новой советской системы ценностей и моделей поведения, принципиально отличных от дореволюционных, дворянски-буржуазных.

Третий период развития массовой культуры связан с последним десятилетием XX века. В 90-е годы постсоветская Россия столкнулась не только с политико-экономическим кризисом, приведшим к распаду государства и деградации экономики, но и с отказом от прежней системы ценностей. Поиск новых ценностно-мировоззренческих оснований в условиях духовного вакуума и отсутствия цензурных ограничений привел «к резкому падению общего культурного уровня населения страны, вызванному не в последнюю очередь потоком низкокачественной западной массовой культуры и её некритическим восприятием» [1, с. 192].

В ценностно-мировоззренческом отношении массовая культура тесно связана с развитием идеологии потребления. Значимый вклад в осмысление идеологии

потребления в XX веке внес Ж. Бодрийяр. По мнению французского мыслителя, основой идеологии потребления выступает симулякр — образ иллюзорной реальности, выдающий себя за подлинную ценность. Не имея отношения ни к качеству, ни к полезности товара, в идеологии потребления данный образ тем не менее участвует в создании имиджа определенного продукта, формируя потребности людей.

Взаимосвязь между массовой культурой и обществом потребления нашла отражение в работах испанского мыслителя Х. Ортеги-и-Гассета. Поскольку в обществе потребления человек сконцентрирован исключительно на собственном благополучии, ориентирован лишь на свои интересы и желания, носителя идеологии потребления характеризует подчеркнутая автономность и эгоцентричность, безразличие ко всему внешнему, неспособность понять принципы, на которых основана человеческая цивилизация [20].

По общему мнению, идеология потребления стала продуктом развития западной цивилизационной модели. Её ценностное основание — либерализм, понимаемый как универсальное аксиологическое основание для всех стран и регионов, в том числе тех, для которых исторически была характерна принципиально иная система ценностей. Ориентация на потребление демонстрирует приоритет индивидуальной свободы над коллективистскими установками, выступает вариациями на тему самоутверждающегося эго, что характерно для личности западного типа.

Однако в условиях распространения массовой культуры, транслирующей западные ценности в глобальном масштабе, «общество потребления» и его аксиологическое основание давно вышли за рамки стран золотого миллиарда. Философское осмысление проблемы сводится к тому, что межличностные отношения утрачивают ценность, отходят на второй план, а первое место начинают занимать вещи как таковые и обладание ими. Уже упомянутый Ж. Бодрийяр подчеркивает значимость такого элемента массовой культуры, как реклама, поскольку именно благодаря рекламе люди соприкасаются с визуализированными и эффектно презентрованными материальными благами, которые отныне составляют окружение сов-

ременного человека. Вывод Ж. Бодрийяра неутешителен: мир современного человека — это мир бестелесных и безмолвных форм, а не мир себе подобных [6].

В подобной ситуации с необходимостью происходят радикальные по своим последствиям изменения в образе жизни и потребностях человека: потребности высокого духовного порядка вытесняются «низовым», физически-материальным уровнем, приоритетом становятся внешние формы престижа, позиционирование себя в качестве успешного человека (высокооплачиваемая работа, карьерный рост, дешевая популярность), в то время как сущностные вещи (самореализация в профессиональной деятельности, творческий характер труда, радость человеческого общения, глубина и сила истинного чувства и т. д.) отходят на второй план [28].

В настоящее время деградирует сама сфера духовных потребностей, незаметно происходит подмена понятий: высшие смыслы заменяются достижением личного благополучия, счастье начинает отождествляться с неограниченным потреблением разнообразных материальных благ, идеалы вытесняются практицизмом, а духовность — сухим рационализмом. Следствие подобной тенденции — неизбежная духовная деградация личности, а также девальвирование фундаментальных и наиболее универсальных ценностей: любви, дружбы, уважения, справедливости, милосердия, солидарности, патриотизма.

Столь активно разрушаемые ныне духовные потребности познавательного, эстетического и этического характера, стремление массовой культуры их обесценить без преувеличения ведут к «оживотниванию» человека, в то время как исторически сложившаяся структура духовных ценностей успешно решала иную фундаментальную задачу — вывести человека за рамки сугубо биологического существования, раскрыть его потенциал как уникального социокультурного существа.

Так потребность в познании открывала человеку мир, давала знание действующих в нем объективных законов. При этом потребность в деятельности, направленной на получение нового знания и стремление участвовать в ней, никогда не ограничивалась утилитарно-прагматическими, технологическими задачами, а включала способность получать

от нее удовольствие [18]. Взаимосвязь между жадной познания и движением человека по духовной лестнице, увеличивающей духовную силу общества, подчеркивал еще В.И. Вернадский [8].

Эстетическая потребность человека была связана с его стремлением постигать мир по законам красоты, гармонии, «глубоко чувствовать музыку, живопись, поэзию, совершенствовать человеческие отношения...» [12, с. 237]. В философской литературе эстетическая потребность традиционно рассматривалась как «... сознательное стремление человека к прекрасному, к красоте, к восприятию и творчеству красивых предметов» [3, с. 51]; как «стремление к красоте и творчеству по законам красоты» [14, с. 42]; как потребность «отражения человеческого смысла природы и общества путем соотношения меры предмета и меры человека с целью гармонизации мира и человека» [23, с. 54]. Великие достижения мировой культуры в области живописи, скульптуры, музыки создавались на основе исторических представлений о прекрасном, порождая у человека эмоции, которые связаны с катарсисом — очищением страданием и приобщением таким образом к высшим ценностям и смыслам.

Что касается этической потребности, то она отражала стремление человека не только нормировать и регламентировать социальное бытие посредством морально-нравственных императивов, но осуществлять нравственный выбор и нести за него ответственность в качестве существа, свободного в духовном отношении. Выбор системы ценностей, влияющий на представление о добре и зле, задавал параметры модели поведения человека в обществе, определял в конечном итоге меру человеческого в человеке. При этом потребность не только чувствовать, понимать, но и творить добро требовала творческо-волевых усилий, целью которых выступало самосовершенствование личности. Становление индивидуальной нравственности представляло сложный процесс самовоспитания, в рамках которого собственная совесть должна была найти корреляты с общечеловеческими моральными ценностями [12].

Как было отмечено ранее, трансформация ценностных ориентаций современного человека демонстрирует изменение приори-

тетов: материальные потребности начинают доминировать над познавательными, этическими и эстетическими.

Анализ состояния сегодняшних массовых потребностей людей побуждает говорить об угрозе духовной безопасности личности, поскольку «всё, что связано с жадностью, корыстолюбием, неумеренностью в удовлетворении человеческих потребностей, все, что идет вразрез с всесторонним и гармоничным развитием личности и потому причиняет вред человеку и обществу в целом, в народном представлении издавна именуется неразумными потребностями» [9, с. 98].

Помимо этого, демонстративный характер потребления начинает преследовать специфическую цель: вызвать у окружающих негативные и деструктивные чувства злобы и зависти, разрушающие социальное единство и подрывающие духовные основания общественного бытия.

Мы являемся свидетелями процесса замены потребностей человека в творчестве, в самореализации, в подлинной коммуникации ложными потребностями, связанными с приобретательством, жадной наживы, стремлением к чувственным удовольствиям. Такие установки, господствующие в современном обществе, ведут к ослаблению межличностных связей, а также к отчужденности человека от истинных культурных ценностей.

Проявления духовного отчуждения у Г. Маркузе сводятся к тому, что «люди живут не своей собственной жизнью, но исполняют предустановленные господствующим аппаратом функции. Время их работы, отнятое у реализации их потребностей и способностей, — отчужденное время» [17, с. 39]. В результате современный труд перестает быть для индивида процессом творчества, средством его самореализации, напротив, он усугубляет состояние отчуждения и одиночества современного человека.

Э. Фромм видит тенденцию духовного отчуждения человека в утрате людьми как социальными существами чувства солидарности и взаимопомощи [25]. Подобная ситуация, по мнению исследователя, порождена рутинизацией современной жизни, подавляющей в человеке потребность к творчеству, к взаимодействию с другими людьми, к осмыслению экзистенциальных проблем своего су-

ществования, к проявлению высоких чувств любви, участия и сострадания.

В философии М. Хайдеггера духовное отчуждение рассматривается как бытие человека в условиях повседневности, его погруженность в текущие проблемы и заботы, что ведет к «обезличиванию человека, превращению его в функциональную единицу общества; происходит растворение человеческой экзистенции в отчужденных общественных нормах поведения и образе мыслей» [26, с. 217]. Немецкий мыслитель указывал на то, что именно влияние научно-технического развития общества способствует превращению людей в обезличенную массу.

Таким образом, несмотря на имеющиеся отличия, данные мыслители связывают процесс отчуждения с процессами обезличивания и омассовления человека, рутинизации его повседневного существования, не последнюю роль в которых сыграло развитие технико-технологического прогресса.

Амбивалентность процессов, связанных с тотальной цифровизацией всех сфер жизни общества, порождена технологическими возможностями современной цивилизации. Последние открывают не только новые перспективы, но и несут серьезные риски, связанные с духовной безопасностью как личности, так и общества. Формирующаяся новая цифровая культура основана на стремительно увеличивающихся объемах цифровых устройств и соответствующих площадок для коммуникации. Уже сегодня, по мнению исследователей, «цифровая среда задает параметры повседневных практик и профессиональной деятельности, кардинально меняя не только их формы, но и сознание людей» [27, с. 282].

Становление новой цифровой культуры обусловлено появлением глобальной сети Интернет, которая «соединяет в себе огромный поток информации, формирует вокруг себя определенную информационную среду, погружившись в которую, люди начинают по-другому воспринимать окружающую их реальность» [2, с. 18]. Появление виртуальной реальности начинает оказывать непосредственное влияние на процессы социализации личности, поскольку большую часть своей жизни люди проводят в киберпространстве. Последнее существенно трансформирует их образ жизни, способы общения, стиль мыш-

ления, формы поведения. Изменения среды социализации влекут за собой трансформации в идентичности человека, которая начинает приобретать цифровой характер. Если в предшествующие периоды развития процесс самоидентификации был связан с осознанием человека своей принадлежности к той или иной группе (этнической, религиозной, сословно-классовой, профессиональной), то в настоящее время субъект начинает осознавать и переживать себя как неотъемлемую часть глобального виртуального пространства и новой информационной реальности [22]. Современные технологические возможности фактически позволяют современному человеку преодолеть ограниченность своего реального мира и погрузиться в безграничность мира виртуального.

Новая цифровая идентичность безусловно является следствием не просто пассивной включенности человека в информационную реальность, а осознания им себя в качестве актора виртуального пространства. Если традиционная идентичность с необходимостью предполагала наличие определенных символических границ, посредством которых происходило самоотождествление с группой и её культурой, формирование образа мира, имеющего устойчивый ценностный «каркас», то цифровая идентичность, напротив, не имеет никаких границ. Во-первых, конструирование идентичности в новой цифровой реальности происходит ситуативно, являясь результатом выбора актора здесь и сейчас. Во-вторых, сакральные ценности, придающие устойчивость традиционной культуре и человеку традиционного общества, отбрасываются. В-третьих, сама цифровая идентичность — это публичный образ, который сконструирован актором из текстов, цитат, ссылок, за которыми уже нет ни подлинной личности, ни реального мира.

Прогноз неутешителен: поскольку цифровизация тотальна, она создает прямую угрозу сложившемуся порядку вещей, моделям отношений и формам идентичности. Прежде всего имеет место уничтожение приватности как фундаментального принципа культуры и беспрецедентное наступление на личное пространство [15].

Справедливости ради следует заметить, что цифровое конструирование собственного

образа подчас некритически воспринимается как позитивный фактор: возможным становится такое позиционирование себя, которое отражает не действительное, а желаемое представление актора о себе и своей жизни. Среди причин обычно называют неудовлетворенность субъекта своей реальной идентичностью и объективную невозможность презентовать себя желаемым образом. Отсюда вытекает стремление самореализоваться в новом образе, включая социальную роль, выполнение которой в реальном мире по той или иной причине неосуществимо.

Следует обратить внимание на то, что управление своими виртуальными образами свидетельствует о новой тенденции в процессе личностного самоопределения: исторически сложившаяся эмоциональная основа идентификации в новой цифровой реальности вытесняется демонстративно-репрезентативными практиками. При этом процесс замещения «Я-реального» на «Я-виртуальное» знаменует не только потерю подлинной идентичности, традиционно обеспечивающей индивиду устойчивость в меняющемся мире, но и восприятие виртуального мира как единственной подлинной реальности.

Так, являясь неотъемлемой частью современной реальности, киберпространство бросает серьезный вызов духовной безопасности как личности, так и общества.

Межличностное общение все в большей степени приобретает анонимно-обезличенный характер. Анонимная сеть создается для оперативности обмена информацией, а не для долговременной совместной деятельности и уж тем более не для реализации общих жизненных целей. Иллюзорно и качество общения: его интенсивность не имеет отношения к сущностной стороне коммуникации, как результат — отсутствие подлинных человеческих отношений и усиление чувства одиночества [16].

Современная коммуникативная среда создает иллюзию общности, заполняя сознание человека различными симулякрами, подчиняя себе его субъектность. Целью социальных технологий духовного отчуждения выступает целенаправленное преобразование традиционных субъектов (личности, социальных групп и общество в целом) в объект путем изменения сознания (индивидуального, группо-

вого, общественного) посредством создания в нем хаоса, либо системы псевдоценностей.

Контент развлекательного и деструктивно-информационного характера начинает доминировать над созидательно-гуманистическим. Под влиянием виртуальной игровой деятельности либо происходит уничтожение традиционных нравственных установок, либо развивается принципиальное непонимание ценностей добра и его следствие — демонизация сознания [19]. Последнее особенно трагично для формирующегося нравственного сознания молодого поколения. Наконец, зависимость современного человека от цифровой среды приобретает болезненные, а иногда и откровенно патологические черты.

Заключение. Подводя итоги наших рассуждений об угрозах духовной безопасности личности и общества в современном мире, можно прийти к ряду выводов.

Симбиоз массовой культуры, фетишизированной идеологию потребления, и интенсификация процесса цифровизации общества актуализируют следующие деструктивные тенденции.

Интенсифицируются процессы дегуманизации человека: от пассивного обесценивания их жизни до откровенных симпатий по отношению к экстремизму и социальному насилию.

Познавательные, эстетические и этические потребности замещаются потребностями материальными. Смыслоразрушающие ориентации сводятся к стремлению присвоить как можно больший объем вещей и идентифицировать себя посредством самоотождествления с объектами обладания.

Усиливающиеся тенденции духовного отчуждения делают практически невозможным освоение личностью духовного измерения бытия, воспроизводства и реализации традиционных гуманистических духовных ценностей в социальной жизни.

Список источников

1. Арефьев М. А., Давыденкова А. Г. Массовая культура как доминантная культура глобализирующегося общества // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры и искусств. 2015. Т. 206. С. 190–196.

2. Багдасарян Р.Х., Гребеник А.В. Информационная культура личности и ее становление в современном обществе // *Культура и время перемен*. 2021. №2(33). С. 17–24.
3. Белик А.П. Эстетика и современность. 2-е изд. М.: Политиздат, 1967. 224 с.
4. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М.: РОССПЭН, 1998. 415 с.
5. Блауг М. Джон Стюарт Милль // *Экономическая мысль в ретроспективе*. М.: Дело, 1994. 687 с.
6. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Культурная революция; Республика, 2006. 269 с.
7. Бурцев С.А. Современная Россия и система ценностей Западной цивилизации // *СЕРВИС plus*. 2010. №2. С. 9–15.
8. Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // *Научная мысль как планетное явление*. М.: Наука, 1994. 270 с.
9. Гусейнов О.М., Гусейнова Ж.О. К вопросу о соотношении материальных и духовных потребностей в нравственном развитии личности // *Социально-гуманитарные знания*. 2017. №4. С. 89–101.
10. Джемс У. Прагматизм: новое название для некоторых старых методов мышления: Популярная лекция по философии. Пер. с англ. Изд. 3-е. М.: ЛКИ, 2011. 238 с.
11. Дьюи Дж. Общество и его проблемы // Пер. с англ. И.И. Мюрберг, А.Б. Толстова, Е.Н. Косиловой. М.: Идея-Пресс, 2002. 160 с.
12. Зелинская Е.Ю. Духовные потребности с точки зрения русской философии // *Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова*. 2007. №1. С. 62–68.
13. Ильичев И.Е. Безопасность в духовной сфере // *Управление городом: теория и практика*. 2012. №1(4). С. 28–40.
14. Ковалев С.М. Психология личности. М.: Просвещение, 1970. 391 с.
15. Конева А.В., Лисенкова А.А. Матрица идентичности в цифровую эпоху: социальные вызовы преодоления анонимности // *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*. 2019. №35. С. 14–28.
16. Мантатова Л.В., Мануева И.П. Духовное одиночество человека в современном информационном обществе // *Вестник Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления*. 2012. №1(36). С. 8–12.
17. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: Изд-во АСТ, 2009. 331 с.
18. Меньшикова Е.А. О психолого-педагогической природе любопытства и любознательности детей // *Вестник ТГПУ*. 2009. №1(79). С. 88–92.
19. Молчан Э.М. Влияние цифровизации на формирование духовно-нравственных ценностей субъектов взаимодействия в эпоху глобализации // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки*. 2019. №2. С. 55–66.
20. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. М.: Радуга, 1991. 639 с.
21. Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. М.: Логос, 2000. 448 с.
22. Соловьева Л.Н. Цифровая идентичность как новый вид идентичности человека информационной эпохи // *Общество: философия, история, культура*. 2018. №12(56). С. 40–43.
23. Сысоева Л.С. Специфика эстетической потребности // *Известия Томского политехнического института*. 1972. Т. 256. С. 42–54.
24. Тонконогов А.В. Духовная экспансия как фактор современной геополитики // *Социально-гуманитарные знания*. 2014. №2. С. 141–153.
25. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Флинта, 2006. 246 с.
26. Хайдеггер М. Время картины мира // *Новая технократическая волна на Западе*. М.: Прогресс, 1986. С. 93–118.
27. Шевченко О.М., Штофер Л.Л. Перспективы и риски цифровизации как тренда социального развития: культура и образование // *Вестник ЮРГТУ (НПИ)*. 2022. Т. 15. №2. С. 281–290.
28. Юсупова Е.А. Духовные потребности личности в контексте современного гуманитарного знания // *Наука. Общество. Государство*. 2013. №1(1). С. 190–195.

References

1. Aref'ev M. A., Davydenkova A. G. Massovaja kul'tura kak dominantnaja kul'tura globalizirujushhegosja obshhestva [Mass culture as the dominant culture of a globalizing society]. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo*

instituta kul'tury i iskusstv [Proceedings of the St. Petersburg State Institute of Culture and Arts]. 2015; 206: 190–196. (In Russ.).

2. Bagdasarjan R.H., Grebenik A.V. Informacionnaja kul'tura lichnosti i ee stanovlenie v sovremennom obshhestve [Information culture of personality and its formation in modern society]. *Kul'tura i vremja peremen* [Culture and time of change]. 2021; 2(33): 17–24. (In Russ.).

3. Belik A.P. Jestetika i sovremennost'. 2-e izd. [Aesthetics and modernity. 2nd ed.]. Moscow: Politizdat, 1967. 224 p. (In Russ.).

4. Bentam I. Vvedenie v osnovanija npravstvennosti i zakonodatel'stva [Introduction to the foundations of morality and legislation]. Moscow: ROSSPJeN, 1998. 415 p. (In Russ.).

5. Blaug M. Dzhon Stjuart Mill' [John Stuart Mill]. Jekonomicheskaja mysl' v retrospektive [Economic thought in retrospect]. Moscow: Delo, 1994. 687 p. (In Russ.).

6. Bodrijjar Zh. Obshhestvo potreblenija. Ego mify i struktury [Consumer society. His myths and structures]. Moscow: Kul'turnaja revoljucija; Respublika, 2006. 269 p. (In Russ.).

7. Burcev S.A. Sovremennaja Rossija i sistema cennostej Zapadnoj civilizacii [Modern Russia and the system of values of Western civilization]. *SERVIS plus*. 2010; (2): 9–15. (In Russ.).

8. Vernadskij V.I. Neskol'ko slov o noosfere [A few words about the noosphere]. *Nauchnaja mysl' kak planetnoe javlenie* [Scientific thought as a planetary phenomenon]. Moscow: Nauka, 1994. 270 p. (In Russ.).

9. Gusejnov O.M., Gusejnova Zh. O. K vo-prosu o sootnoshenii material'nyh i duhovnyh potrebnoej v npravstvennom razvitii lichnosti [On the question of the correlation of material and spiritual needs in the moral development of the individual]. *Social'no-gumanitarnye znanija* [Social and humanitarian knowledge]. 2017; (4): 89–101. (In Russ.).

10. Dzheims U. Pragmatizm: novoe nazvanie dlja nekotoryh staryh metodov myshlenija: Populjarnye lekcii po filosofii. Per. s angl. [Pragmatism: a new name for some old methods of thinking: Popular lectures on Philosophy. Trans. from English]. Izd. 3-e. Moscow: LKI, 2011. 238 p. (In Russ.).

11. D'jui Dzh. Obshhestvo i ego problemy [Society and its problems]. Per. s angl. I.I. Mjurberg, A.B. Tolstova, E.N. Kosilovoj. Moscow: Ideja-Press, 2002. 160 p. (In Russ.).

12. Zelinskaja E. Ju. Duhovnye potrebnosti s tochki zrenija russkoj filosofii [Spiritual needs from the point of view of Russian philosophy]. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova* [Bulletin of the N.A. Nekrasov KSU]. 2007; (1): 62–68. (In Russ.).

13. Il'ichev I.E. Bezopasnost' v duhovnoj sfere [Security in the spiritual sphere]. *Upravlenie gorodom: teorija i praktika* [City management: theory and practice]. 2012; 1(4): 28–40. (In Russ.).

14. Kovalev S.M. Psihologija lichnosti [Psychology of personality]. Moscow: Prosveshhenie, 1970. 391 p. (In Russ.).

15. Koneva A.V., Lisenkova A.A. Matrica identichnosti v cifrovuju jepohu: social'nye vyzovy preodolenija anonimnosti [Identity matrix in the digital age: social challenges of overcoming anonymity]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologija i iskusstvovedenie* [Bulletin of Tomsk State University. Cultural studies and art history]. 2019; (35): 14–28. (In Russ.).

16. Mantatova L.V., Manueva I.P. Duhovnoe odinochestvo cheloveka v sovremennom informacionnom obshhestve [Spiritual loneliness of a person in a modern information society]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta tehnologij i upravlenija* [Bulletin of the East Siberian State University of Technologies and Management]. 2012; 1(36): 8–12. (In Russ.).

17. Markuze G. Odnomernyj chelovek [One-dimensional man]. Moscow: Izd-vo ACT, 2009. 331 p. (In Russ.).

18. Men'shikova E.A. Opsihologo-pedagogicheskoj prirode ljubopytstva i ljuboznatel'nosti detej [On the psychological and pedagogical nature of curiosity and curiosity of children]. *Vestnik TGPU* [Bulletin of TSPU]. 2009; 1(79): 88–92. (In Russ.).

19. Molchan Je. M. Vlijanie cifrovizacii na formirovanie duhovno-npravstvennyh cennostej sub'ektov vzaimodejstvija v jepohu globalizacii [The influence of digitalization on the formation of spiritual and moral values of subjects of interaction in the era of globalization]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Filosofskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences]. 2019; (2): 55–66. (In Russ.).

20. Ortega-i-Gasset H. Degumanizacija iskusstva [Dehumanization of art]. Moscow: Raduga, 1991. 639 p. (In Russ.).
21. Pirs Ch. S. Izbrannye filosofskie proizvedenija [Selected philosophical works]. Moscow: Logos, 2000. 448 p. (In Russ.).
22. Solov'eva L.N. Cifrovaja identichnost' kak novyj vid identichnosti cheloveka informacionnoj jepohi [Digital identity as a new kind of identity of a person of the information age]. *Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura* [Society: philosophy, history, culture]. 2018; 12(56): 40–43. (In Russ.).
23. Sysoeva L.S. Specifika jesteticheskoy potrebnosti [The specifics of aesthetic needs]. *Izvestija Tomskogo politehnicheskogo instituta* [Proceedings of the Tomsk Polytechnic Institute]. 1972; 256: 42–54. (In Russ.).
24. Tonkonogov A.V. Duhovnaja jekspanzija kak faktor sovremennoj geopolitiki [Spiritual expansion as a factor of modern geopolitics]. *Social'no-gumanitarnye znaniya* [Socio-humanitarian knowledge]. 2014; (2): 141–153. (In Russ.).
25. Fromm Je. Begstvo ot svobody [Flight from freedom]. Moscow: Flinta, 2006. 246 p. (In Russ.).
26. Hajdegger M. Vremja kartiny mira [The time of the picture of the world]. *Novaja tehnokraticeskaja volna na Zapade* [The new technocratic wave in the West]. Moscow: Progress, 1986. P. 93–118. (In Russ.).
27. Shevchenko O.M., Shtofer L.L. Perspektivy i riski cifrovizacii kak trenda social'nogo razvitiya: kul'tura i obrazovanie [Prospects and risks of digitalization as a trend of social development: culture and education]. *Vestnik JuRG-TU (NPI)* [Bulletin of the YURSTU (NPI)]. 2022; 15(2): 281–290. (In Russ.).
28. Jusupova E.A. Duhovnye potrebnosti lichnosti v kontekste sovremennogo gumanitarnogo znaniya [Spiritual needs of the individual in the context of modern humanitarian knowledge]. *Nauka. Obshhestvo. Gosudarstvo* [Science. Society. State]. 2013; 1(1): 190–195. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 19.06.2022; одобрена после рецензирования 25.05.2022; принята к публикации 27.06.2022.
The article was submitted on 19.06.2022; approved after reviewing on 25.05.2022; accepted for publication on 27.06.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тихоновскова Мария Петровна — младший научный сотрудник, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Maria P. Tikhonovskova — Junior Researcher, Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya st., Novochoerkassk, Russia

Научная статья
УДК 3.321
DOI: 10.17213/2075-2067-2022-3-294-301

ГРАЖДАНСКАЯ КУЛЬТУРА КАК РЕСУРС ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Лариса Владимировна Шевченко

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия
larishilton89@mail.ru, ORCID: 0000-0002-4473-1978, AuthorID РИНЦ: 1140131*

Аннотация. *Цель исследования* заключается в рассмотрении специфики и потенциала гражданской культуры в инновационном развитии современной России.

Методологической основой исследования является социокультурный подход к пониманию гражданской культуры, который позволяет охарактеризовать специфику параметров отношения человека и государства.

Результаты исследования. В научном дискурсе и политической практике сложилось два основных подхода в понимании сущности гражданской культуры — либерально-демократический и государственно-патриотический. В рамках либерально-демократического подхода гражданская культура рассматривается через призму коммуникативных практик между личностью и государством и представляет собой результат эволюционирования социально-политических институтов, характерных для западной цивилизационной модели. С позиций государственно-патриотического подхода гражданская культура неразрывно связана с патриотизмом и служением Отечеству. Такое понимание гражданской культуры характерно для русской философской мысли и политической традиций. Для инновационного развития России необходима реализация интегративной модели гражданской культуры.

Перспективы исследования. Работа открывает перспективы для дальнейшего исследования специфики гражданской культуры и ее возможностей в развитии российского общества.

Ключевые слова: гражданская культура, либерально-демократический подход, государственно-патриотический подход, гражданское общество, патриотизм, гражданственность, инновационное развитие

Для цитирования: Шевченко Л. В. Гражданская культура как ресурс инновационного развития российского общества // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 3. С. 294–301. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-294-301>.

Original article

CIVIL CULTURE AS A RESOURCE OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF RUSSIAN SOCIETY

Larisa V. Shevchenko

**Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
larishilton89@mail.ru, ORCID: 0000-0002-4473-1978, AuthorID RSCI: 1140131**

Abstract. *The purpose of the study is to consider the specifics and potential of civic culture in the innovative development of modern Russia.*

The methodological basis of the study is a socio-cultural approach to understanding civic culture, which allows us to characterize the specifics of the parameters of the relationship between a person and the state.

Research results. *In scientific discourse and political practice, there are two main approaches to understanding the essence of civic culture — liberal-democratic and state-patriotic. Within the framework of the liberal-democratic approach, civic culture is viewed through the prism of communicative practices between the individual and the state, and is the result of the evolution of socio-political institutions characteristic of the Western civilizational model. From the standpoint of the state-patriotic approach, civic culture is inextricably linked with patriotism and service to the Fatherland. Such an understanding of civic culture is characteristic of Russian philosophical and political traditions. For the innovative development of Russia, it is necessary to implement an integrative model of civic culture.*

Research prospects. *The work opens up prospects for further research into the specifics of civic culture and its possibilities in the development of Russian society.*

Keywords: *civic culture, liberal democratic approach, state-patriotic approach, civil society, patriotism, citizenship, innovative development*

For citation: *Shevchenko L. V. Civil culture as a resource of innovative development of russian society // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(3): 294–301. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-294-301>.*

Введение. В настоящее время российское общество сталкивается со значительным количеством проблем, обусловленных как внешними, так и внутренними вызовами. В этих условиях особую актуальность приобретает интегративный потенциал социума, основой которого может выступать гражданская культура. Формирование последней способно как обеспечить безопасность страны, так и стать основой её инновационного развития. Уровень развития гражданской культуры во многом определяет эффективность функционирования политических и экономических институтов государства, обеспечивая социальную стабильность внутри страны и её конкурентоспособность на международной арене. От уровня развития гражданской культуры во многом зависит национальный человеческий капитал, готовность россиян противостоять вариативным угрозам, с которыми страна все чаще сталкивается в последнее время.

Речь идет о вызовах, обусловленных личной геополитической ситуацией, прежде

всего ужесточением конкуренции, а также стремлением ряда стран, прежде всего западных, дестабилизировать обстановку в государствах, имеющих общую с РФ границу. Цель подобных действий очевидна: ослабить Россию и установить контроль над территориями бывшего СССР, превратить постсоветское пространство в зону своих национальных (политических, экономических, культурных и пр. интересов). В подобной ситуации чрезвычайную важность приобретает сплочение российского общества на гражданской основе.

В настоящее время Россия сталкивается не только с внешними вызовами, но и с серьезными внутренними проблемами: затянувшийся кризис в экономической и социально-политической сферах объективно препятствует эффективному развитию страны. В подобной ситуации гражданская культура способна стать ресурсом модернизации социальных институтов, а следовательно, открыть перспективы для инновационного развития страны.

Методология исследования. Поскольку понятие «гражданская культура» является многозначным, это затрудняет его контекстуальное понимание, которое имеет культурно-историческую специфику. Это определяет необходимость анализа соответствующих теоретико-методологических подходов, которые сложились к настоящему моменту в социально-гуманитарном знании.

В исследовании гражданской культуры наличествуют два ключевых направления, диаметрально противоположных в ценностно-мировоззренческом отношении: либерально-демократическое и государственно-патриотическое.

Либерально-демократическое направление оформляется в Новое время в трудах Т. Гоббса, Дж. Локка, Л. Монтескье [6; 10; 11]. Их философские размышления посвящены проблеме отношения гражданского общества и государства, гармонизации личного интереса и общественного блага. Различия состоят лишь в том, что в учении Дж. Локка гражданское общество предшествует государству, а у Т. Гоббса они возникают одновременно как результат договора, основой которого выступают нормы правового характера. Закон защищает права граждан, государство контролирует его исполнение, а граждане в свою очередь ограничивают авторитаризм власти и обеспечивают тем самым развитие демократических общественных институтов. Подобно Т. Гоббсу Ш.-Л. Монтескье не противопоставляет гражданское общество и государство: гражданская деятельность связана с деятельностью политической, поскольку и та, и другая решают задачи, относящиеся к сфере управления государством.

Вышеназванные подходы стремятся решить проблему человеческой свободы, исходя из того, что свобода выступает естественным правом человека, даром, данным человеку от рождения, а не предоставляемым государством. Однако в своем наличном бытии человек находится в политическом пространстве, предполагающем наличие запретов, ограничений, контроля, носящих системный характер. Как результат — проблема личной свободы, реализации её индивидом в рамках государственного бытия рассматривается в нормативно-правовой плоскости. Государство посредством законов устанавливает и поддерживает

определенные правила социальной жизни, в которых человек должен «довольствоваться такой степенью свободы по отношению к другим людям, какую он допустил бы у других людей по отношению к себе» [5].

Идеи, связанные со свободой личности, представлении о её гражданских правах, договорном типе взаимоотношений человека и государства, стали основой развития либерально-демократического направления в понимании специфики гражданской культуры.

Последнее получило развитие в работах Г. Альмонда, С. Вербы, Э. Шилза, Э. Хейвуда и др. [1; 2; 18; 15]. Гражданская культура соотносится ими с определенным типом политической системы, которая в свою очередь задается параметрами гражданской культуры общества. Фактически гражданская культура выступает своеобразной формой культуры политической, а её основным проявлением — политическая активность граждан, которые отстаивают свои интересы. Связывая гражданскую культуру с политической системой государства, авторы выделяют три основных модели политической культуры: «патриархальную», «подданническую» и «активистскую».

К специфическим особенностям «патриархальной» политической культуры исследователи относят её ориентацию на традиционные ценности, которые задают параметры отношений человека и властных структур. Подобный тип культуры характерен для обществ, находящихся на догосударственной стадии развития, в них политическая власть не институционализована, а основана на исторически сложившихся авторитете и традициях. «Подданническую» политическую культуру отличает пассивный характер отношений между индивидом и властью, при котором индивид безоговорочно принимает существующую политическую систему. Что касается «активистской» политической культуры, то она определяется деятельным участием людей в политической жизни государства. Люди понимают свою роль в жизни страны, осознают не только свои права, но и обязанности в качестве граждан. По мнению Г. Альмонда и С. Вербы, именно этот тип политической культуры отражает уровень гражданского самосознания людей. У них «гражданская культура — это участническая политическая куль-

тура, где политическая культура конгруэнтна политической структуре» [1, с. 211].

В реальной социальной жизни политическая культура обычно не встречается в своих чистых модельных типах. Она предстает в типах смешанных (патриархально-подданическая, подданически-участническая и патриархально-участническая), которые отражают реальную политическую ситуацию [2]. Даже обществам с высоким уровнем гражданской культуры населения обычно присущи синтетические типы политической культуры, поскольку далеко не все проявляют гражданскую активность, наличествуют и те, чья политическая позиция носит пассивный характер.

В ракурсе социальной активности гражданская культура анализируется Э. Хейвудом. По мнению исследователя, именно гражданская культура выступает основой социальной активности, условием стабильной демократической системы, способной «объединить в себе широкое участие общества в политической жизни и правительство, выполняющее свои обязательства перед данным обществом» [15, с. 48]. Поскольку гражданская культура отождествляется с инициативным поведением людей в политической сфере, она оказывается неразрывно связана с развитием институтов демократии и гражданского общества.

Сходное понимание гражданской культуры можно встретить у Р. Инглхарта и К. Вельцеля, которые рассматривают проблему гражданской культуры через призму определенных ценностей и их влияния на развитие демократических институтов в различных странах [9]. Среди наиболее значимых ценностей исследователи выделяют доверие и сотрудничество, благодаря которым граждане объединяются в сообщества на основе общих интересов. Наличие в обществе возможностей для позиционирования и отстаивания своих интересов определяет развитие демократической системы общественного устройства. По мнению авторов, гражданская культура тесно связана с реализацией права свободного выбора и возможностями для самореализации людей.

Т. Бриджес усматривает в гражданской культуре уравнительное начало, способное нивелировать объективно существующие различия (классовые, этнические, социальные),

объединить общество на универсальной основе гражданского самосознания и, соответственно, гражданской идентичности [17]. В подобной интерпретации гражданская культура является способом осознания индивидом своей принадлежности к политическому сообществу и идентификации себя в качестве его свободного и равноправного члена.

Результаты. Резюмируя вышесказанное, можно прийти к выводу, что западная философская мысль традиционно рассматривает гражданскую культуру через призму коммуникативных практик между личностью и государством, личностью и обществом, усматривает в ней результат эволюционирования социально-политических институтов, характерных для определенной (западной) цивилизационной модели.

Государственно-патриотический подход в контексте осмысления гражданской культуры оформляется в русской философской и общественной мысли и представлен в работах А.Н. Радищева, В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, И.А. Ильина [12; 14; 3; 7; 8]. В рамках данного подхода представления о гражданской культуре оказываются неразрывно связаны с патриотизмом и служением Отечеству, гражданственность понимается как качество личности, которое проявляется в стремлении жить и действовать во благо своего государства. По мнению А.Н. Радищева, жертвенность во имя народа и Родины есть наивысшее проявление гражданственности. У В.С. Соловьева формой проявления гражданственности выступает патриотизм, сущность которого сводится к «ясному осознанию своих обязанностей по отношению к Отечеству и верное их исполнение» [13, с. 187]. С точки зрения философа, гражданственность имеет и отчетливо выраженное нравственное измерение, поскольку человек, который ориентирован исключительно на личные интересы, не способен к моральному самосовершенствованию. Размышления о патриотизме Н.А. Бердяева сводятся к тому, что патриотизм — это прежде всего великая школа гражданственности, которая проявляется в драматичные для страны моменты. Зрелость России «прямо пропорциональна проявленному ею сознательному гражданскому патриотизму...» [3, с. 96]. Та-

ким образом, для отечественных мыслителей основными характеристиками гражданской культуры выступают ориентация на общественное благо и благополучие государства.

Государственно-патриотический подход в понимании гражданской культуры содержит дилемму. Её суть сводится к тому, что с одной стороны гражданская культура тождественна служению государству, вменяется в обязанность, следовательно, имеет внешнюю детерминацию, с другой — выступает нравственным долгом перед Отечеством, а значит, предполагает детерминацию внутреннюю, связанную с моральным выбором и индивидуально-личностным самоопределением.

Наличие подобной дилеммы обусловлено спецификой отношения к государству, сложившейся в отечественной традиции. Исторически для россиянина государство — это не столько обезличенная властная система, выполняющая полезные для общества функции, сколько эмоционально переживаемое ощущение Родины. В мировоззрении русского человека понятие «государство» духовно наполнено, что очень точно выразил И. А. Ильин: все граждане государства помимо интересов частных имеют интерес общий, кроме индивидуальных целей, — единую цель, «ибо государство есть некая духовная община» [8, с. 262]. Понимание государства как духовной общности определяет и специфику гражданской культуры, которая рассматривается как служение человека, как его нравственная миссия перед обществом: «русский гражданин повинен своему отечеству служением и жертвенностью; он повинен своим согражданам уважением, миролюбием и сотрудничеством» [7].

На данный аспект гражданской культуры обращали внимание не только философы, но и политические деятели. В частности, П. А. Столыпин видел смысл жизни в служении России, причем «служения настолько жертвенно чистого, что малейшая мысль о личной выгоде омрачает душу и парализует работу»¹.

Таким образом, в рамках государственно-патриотического подхода сущность гражданской культуры заключается в отождествлении понятий «государство» и «Родина», эмоцио-

нально окрашенному отношению к Отечеству, сопричастности его исторической судьбе и подвижническому духовно-нравственному служению. Русская философская мысль (В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, И. А. Ильин) в качестве основополагающего принципа отношения человека к государству выделила принцип солидарности, который привнес в политико-правовую сферу православные идеи всеединства и соборности. Очевидно, подобное понимание гражданской культуры, несмотря на наличие духовно-нравственной составляющей, способствовало формированию ее подданнического типа.

Справедливости ради надо сказать, что государственно-патриотический подход не был единственным в русской философской мысли. Наряду с ним сформировались еще два направления: а) революционно-демократическое (П. Я. Чаадаев, В. Г. Белинский, А. И. Герцен), в рамках которого гражданская культура отождествлялась с активной гражданской позицией личности, апеллировала к идее всеобщего равенства, предполагала необходимость радикальных преобразований в российской политической системе; б) либеральное направление (Б. Н. Чичерин, М. И. Туган-Барановский, П. И. Новгородцев и др.), сторонники которого ратовали за ценность свободы (политической, экономической, культурной), развитие гражданского общества и создание правового государства.

Различные подходы к интерпретации понятия «гражданская культура», сложившиеся в отечественной философии, свидетельствуют о напряженном интеллектуальном поиске вектора развития страны, выборе модели политической модернизации, приемлемой для российского общества (с учетом его ментальности). Несмотря на то, что с момента появления данных идей на рубеже XIX–XX веков прошло более ста лет, современная Россия продолжает находиться в поиске оптимальной стратегии развития.

Либеральный выбор, сделанный после распада СССР, привел к неожиданным результатам: вместо правового государства с эффективной рыночной экономикой возник системный кризис, затронувший все значи-

¹ Биография Петра Аркадьевича Столыпина [Электронный ресурс] / Афоризмы и цитаты. URL: http://www.foxdesign.ru/aphorism/author/a_stolipin.html (дата обращения: 20.12. 2021).

мые сферы — политику, экономику, культуру. Страна погрузилась в затяжной духовно-мировоззренческий кризис, причиной которого выступила исчерпанность советских идеологических ценностей и чужеродность западного индивидуализма и либерализма.

Ситуацию усугубило социально-экономическое неравенство, которое приобрело невиданные масштабы. Результатом реформ в области экономики стала поляризация доходов и её неизбежное следствие — социальный разлом. В рамках одного государства возникли «две России», которые различаются не только уровнем материального достатка, но и системой ценностей, предпочтениями и приоритетами [4].

В подобной ситуации даже при относительно стабильной политической ситуации внутри страны поиск гражданских оснований для консолидации общества крайне затруднен. В условиях ужесточения геополитического соперничества и нарастания экономической конкуренции расколота изнутри страна имеет немного шансов для сохранения политического суверенитета и цивилизационной идентичности.

По мнению специалистов, социальная структура российского государства в настоящее время приобрела специфические черты: «в постсоветской России сохранился в преобразованном виде этакратизм, который приобрел форму государственно-монополистического корпоративистского (номенклатурно-бюрократического) квазикапитализма, а не демократического, социально-ориентированного капитализма... В этой социально-экономической системе сложился своеобразный тип социальной стратификации в виде переплетения сословной иерархии и элементов классовой дифференциации, устойчиво воспроизводящийся в течение последних лет» [16, с. 3].

Подобная модель консервирует сложившуюся еще в советский период систему, при которой государство владеет всем ресурсным потенциалом и управляется всевластной бюрократией, усугубленную возникновением сословных групп, монополизировавших в своих руках политическую власть и национальные богатства. Перед современной Россией остро стоит вопрос модернизации государственной системы и внесении существенных изменений в управление страной.

Среди возможных путей решения возникшей проблемы не последнюю роль играет гражданская культура, развитие которой может стать социальным ресурсом инновационных изменений.

В последнее время в отечественном научном дискурсе проблематика, связанная с гражданской культурой современного российского общества, актуализируется, формируется её плюралистическое понимание. Фактически имеют место две парадигмы, одна из которых связана с западной версией интерпретации гражданской культуры, другая — с отечественной. В связи с этим одни исследователи апеллируют к либерально-демократическим концепциям, соотнося гражданскую культуру с пониманием индивидом своих гражданских обязанностей, свободой выбора и личной ответственностью, осознанием принадлежности к государству и уважением его законов. Другие сосредотачивают свое внимание на ценностно-смысловом аспекте гражданской культуры. Последняя рассматривается через уровень нравственной культуры общества, его приближенность к идеалам долга, ответственности, патриотизма, гуманности и т.д. Что касается личностного уровня гражданственности, то он сводится к нравственному подвижничеству. Таким образом в рамках второго концепта гражданской культуры акцентируется её моральный аспект.

Заключение. В последнее время начал оформляться интегративный подход, в ракурсе которого делаются попытки соединения западного и российского подходов к пониманию гражданской культуры. Он позволяет комплексно приблизиться к пониманию типа гражданской культуры, необходимого современному российскому обществу. Как нам представляется, интегративная модель должна включать наиболее универсальные рациональные установки, связанные с пониманием человеком своих гражданских прав и обязанностей, знанием легитимных способов защиты как личных, так и общественных интересов; присущие российской ментальности нравственно окрашенные чувственно-эмоциональные установки, выражающиеся в любви к Родине, причастности её исторической судьбе, приверженности национальной культуре и исконным ценностям; деятельностное начало, связанное

с проявлениями гражданской активности, прежде всего с возможностями решения социально значимых проблем и контроля над политическими структурами государства.

Подводя итоги, можно констатировать, что в современном российском обществе сложился запрос на изменение действующей системы политического управления, которая объективно препятствует развитию гражданской культуры и становлению правового государства. От того, сможет ли Россия посредством актуализации гражданской культуры создать правовое государство, в конечном итоге зависит экономическое и культурное процветание страны.

Список источников

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: подход к изучению политической культуры // *Полития*. 2010. №3-4(58-59). С. 122–144.

2. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура. Политические установки и демократии пяти наций. М.: Мысль, 2014. 500 с.

3. Бердяев Н. А. Судьба России. Опыты психологии войны и национальности. М.: Изд-во МГУ, 1990. 240 с.

4. Воейков М. И., Анисимова Г. В. Социально-экономическое неравенство: российские тенденции // *Россия и современный мир*. 2017. №1(94). С. 46–61.

5. Гоббс Т. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского [Электронный ресурс] / Электронная библиотека. Гражданское общество России. 182 с. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs_Leviafan.pdf (дата обращения: 27.01.2022).

6. Гоббс Т. О гражданине // Гоббс Т. Собрание сочинений в 2-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. 622 с.

7. Ильин И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России [Электронный ресурс] / Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. Философия, этика, религиоведение. URL: <http://gpb22.narod.ru/html/ilin.html> (дата обращения: 15.12.2021).

8. Ильин И. А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. 432 с.

9. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.

10. Локк Д. Сочинения: в 3-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. 560 с.

11. Монтескье Ш. Л. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955. 803 с.

12. Радищев А. Н. Избранные философские сочинения. М.: Издательство Юрайт, 2018. 559 с.

13. Русская идея: антология. М.: Республика, 1992. 496 с.

14. Соловьев В. С. Национальный вопрос в России. М.: Юрайт, 2016. 904 с.

15. Хейвуд Э. Политология. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. 544 с.

16. Шкаратан О. И. Социальное расслоение в современной России: драма расколотого общества // *Мир России*. 2004. №1. С. 3–48.

17. Bridges Th. The culture of citizenship: inventing postmodern civic culture. Albany: State University of New York Press, 1994. 267 p.

18. Shils E. Tradition. Chicago: The University of Chicago Press, 1983. 334 p.

References

1. Almond G., Verba S. Grazhdanskaja kul'tura: podhod k izucheniju politicheskoj kul'tury [Civil culture: an approach to the study of political culture]. *Politija*. 2010; 3-4(58-59): 122–144. (In Russ.).

2. Almond G., Verba S. Grazhdanskaja kul'tura. Politicheskie ustanovki i demokratii pjati nacij [Civil culture. Political attitudes and democracies of the five nations]. Moscow: Mysl', 2014. 500 p. (In Russ.).

3. Berdjaev N. A. Sud'ba Rossii. Opyty psihologii vojny i nacional'nosti [The fate of Russia. Experiments in the psychology of war and nationality]. Moscow: Izd-vo MGU, 1990. 240 p. (In Russ.).

4. Voejkov M. I., Anisimova G. V. Social'no-jekonomicheskoe neravenstvo: rossijskie tendencii [Socio-economic inequality: Russian trends]. *Rossija i sovremennij mir [Russia and the Modern World]*. 2017; 1(94): 46–61. (In Russ.).

5. Gobbs T. Leviathan ili materija, forma i vlast' gosudarstva cerkovnogo i grazhdanskogo [Leviathan or matter, form and power of the church and civil state] [Elektronnyj resurs]. *Elektronnaja biblioteka. Grazhdanskoe obshhestvo Rossii [Electronic library. Russian civil Society]*. 182 p. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs_Leviafan.pdf (data obrashhenija: 27.01.2022). (In Russ.).

6. Gobbs T. O grazhdanine [About the citizen]. Gobbs T. Sobranie sochinenij v 2-h t. [Hobbes T. Collected works in 2 vols.]. Vol. 1. Moscow: Mysl', 1989. 622 p. (In Russ.).
7. Il'in I.A. Nashi zadachi. Istoricheskaja sud'ba i budushhee Rossii [Our tasks. The historical fate and future of Russia] [Jelektronnyj resurs]. Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. Filosofija, jetika, religiovedenie [Actual problems of humanities and natural sciences. Philosophy, ethics, religious studies]. URL: <http://gpb22.narod.ru/html/ilin.html> (data obrashhenija: 15.12.2021). (In Russ.).
8. Il'in I.A. Put' k ochevidnosti [The Path to Evidence]. Moscow: Respublika, 1993. 432 p. (In Russ.).
9. Inghart R., Vel'cel' K. Modernizacija, kul'turnye izmenenija i demokratija: posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitija [Modernization, cultural change and democracy: the sequence of human development]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2011. 464 p. (In Russ.).
10. Lokk D. Sochinenija: v 3-h t. [Essays: in 3 vols.]. Vol. 2. Moscow: Mysl', 1988. 560 p. (In Russ.).
11. Montesk'e Sh. L. Izbrannye proizvedenija [Selected works]. Moscow: Gospolitizdat, 1955. 803 p. (In Russ.).
12. Radishhev A.N. Izbrannye filosofskie sochinenija [Selected philosophical works]. Moscow: Izdatel'stvo Jurajt, 2018. 559 p. (In Russ.).
13. Russkaja ideja: antologija [Russian idea: anthology]. Moscow: Respublika, 1992. 496 p. (In Russ.).
14. Solov'ev V.S. Nacional'nyj vopros v Rossii [The national question in Russia]. Moscow: Jurajt, 2016. 904 p. (In Russ.).
15. Hejvud Je. Politologija [Political Science]. Moscow: JuNITI-DANA, 2005. 544 p. (In Russ.).
16. Shkaratan O.I. Social'noe rassloenie v sovremennoj Rossii: drama raskolotogo obshhestva [Social stratification in modern Russia: the drama of a divided society]. *Mir Rossii* [The world of Russia]. 2004; (1): 3–48. (In Russ.).
17. Bridges Th. The culture of citizenship: inventing postmodern civic culture. Albany: State University of New York Press, 1994. 267 p.
18. Shils E. Tradition. Chicago: The University of Chicago Press, 1983. 334 p.

Статья поступила в редакцию 16.03.2022; одобрена после рецензирования 28.03.2022; принята к публикации 12.04.2022.
The article was submitted on 16.03.2022; approved after reviewing on 28.03.2022; accepted for publication on 12.04.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шевченко Лариса Владимировна — аспирант кафедры «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Larisa V. Shevchenko — Postgraduate Student of the Department of Social and Human Sciences, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya st., Novocherkassk, Russia

16+

Свободная цена

Издатель и учредитель: Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова

Адрес: 346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Телефон: (8635) 25-51-54

Сайт: www.vestnik.npi-tu.ru/index.php/vestnikSRSTU

E-mail: vestnik-npi@yandex.ru

Отпечатано в типографии ИД «Политехник» Южно-Российского государственного
политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова

Адрес: 346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная

Усл. печ. л. 38,0. Уч.-изд. л. 21,09

Тираж 500 экз. Заказ №46-0495

© Составительство. Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, 2022